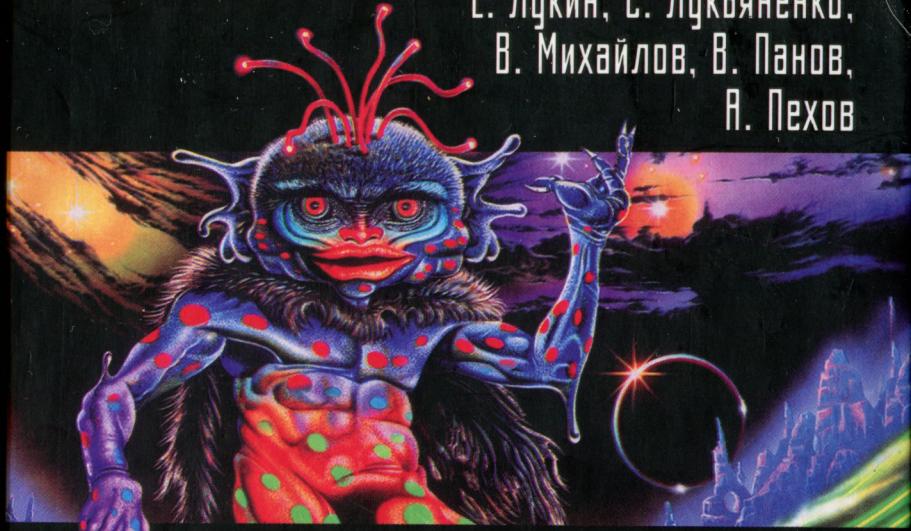

В. Васильев,
В. Головачев, А. Громов,
О. Дивов, Р. Злотников,
А. Зорич, Л. Каганов,
А. Лазарчук, Е. Лукин,
С. Лукьяненко,
В. Михайлов, В. Панов,
А. Пехов

з, В. Головачев, А. Громов, О. Дивов,
з, А. Зорич, Л. Каганов, А. Лазарчук,
Е. Лукин, С. Лукьяненко,
В. Михайлов, В. Панов,
А. Пехов

СКАЧАКОВЫЙ

**Счастье
Чужого**

СЛАДКИЙ ЛУЖОСТЬ

Пожертвование

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)б-44
C71

Составитель А. Синицын

Компьютерный дизайн С. Шумилова

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 20.06.08.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 10 000 экз. Заказ 2355.

**Спасти чужого : [сб.] / сост. Андрей Синицын. — М.: ACT:
С71 МОСКВА, 2008. — 507, [5] с.**

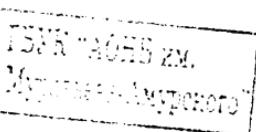
ISBN 978-5-17-055167-5 (ООО «Издательство ACT»)

ISBN 978-5-9713-9099-2 (ООО Издательство «ACT МОСКВА»)

«Еврокон» — традиционная конференция профессионалов и любителей фантастики всей Европы. В 2008 году этот престижный форум впервые прошел в России.

Тринадцать самых популярных русских фантастов приняли предложение участвовать в проекте, посвященном этому уникальному событию. Сначала каждый из них написал рассказ на любимую читателями тему — «Убить чужого». После чего создал отповедь одному из ксенофобских текстов, со всей толерантностью пытаясь «Спасти чужого». В результате творческого соревнования авторов появился двухтомник, одну из книг которого мы предлагаем вашему вниманию.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)б-44

ISBN 978-985-16-5895-0
(ООО «Харвест»)

- © Составление. А. Синицын, 2008
© В. Васильев, 2008
© В. Головачев, 2008
© А. Громов, 2008
© О. Дивов, 2008
© Р. Злотников, 2008
© А. Зорич, 2008
© Л. Каганов, 2008
© А. Лазарчук, И. Андронати, 2008
© Е. Лукин, 2008
© С. Лукьяненко, 2008
© В. Михайлов, 2008
© В. Панов, 2008
© А. Пехов, 2008
© ООО Издательство «ACT МОСКВА», 2008

Бремя русского фантаста

(от составителя)

1

Придайте твердость камня
Всем сказанным словам,
Отдайте им все то, что
Служило б с пользой вам*.

Россия: взгляд из-за рубежа. Страна нефти и газа, балета и спорта высших достижений, классической литературы и... современной фантастики. Правда, наши старания помочь старушке-Европе не замерзнуть в грядущий ледниковый период видятся просвещенным бюргерам лишь попыткой узурпации энергетической власти, а победы спортсменов затмеваются чередой допинговых скандалов и слухов о договорных матчах.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда». Хотя... почему нет? Так, современные российские фантасты смогли перебросить мости между этими разновекторными социумами с невиданным доселе успехом. Делая это коллективно и бессознательно. Последние несколько лет произведения наших фантастов возглавляют списки книжных бестселлеров — не только фантастики, но и литературы в целом — во многих европейских странах. Причем происходит это не только в Восточной Европе, где интерес к России сохранился, несмотря на политическую

* Здесь и далее отрывки из стихотворения Р. Киплинга «Бремя бессого человека».

конъюнктуру, но и в Западной (Германия, Швеция), где англоамериканскую фантастику до нынешнего времени не мог потеснить никто и никогда.

Можно с уверенностью заявить, что формированием позитивного образа России за рубежом реально занимаются только фантасты. И делают это не участвуя в пиар-компаниях, организованных на бюджетные деньги, а лишь естественным образом перенося свои мысли и чувства на бумагу.

2

И пусть никто не ждет
Ни лавров, ни наград,
Но знайте, день придет —
От равных вам дождется
Вы мудрого суда...

XXI век в европейской фантастике можно смело назвать Русским Веком. Начиная с двухтысячного года авторы, пишущие и издающиеся преимущественно на русском языке, четырежды подряд (!) завоевывали звание Лучший фантаст Европы. Это Сергей Лукьяненко (2003 г.), Ник Перумов (2004 г.), Марина и Сергей Дяченко (2005 г.), Генри Лайон Олди* (2006 г.). Достаточно сказать, что за все предыдущие годы — а вручается подобный приз с 1972 г. — его лауреатами из отечественных авторов становились лишь братья Стругацкие.

Достижения в европейской фантастике отмечает Европейское Общество Научной Фантастики (European Science Fiction Society, ESFS). Награждение происходит на конференциях Еврокон, проводящихся, как правило, ежегодно. В настоящий момент Еврокон представляет собой наиболее значимое в Европе событие в области фантастики, в котором на радость многотысячной армии любителей жанра почитают за честь принять участие самые известные писатели, авторы наиболее популярных романов.

* Г. Л. Олди и М. и С. Дяченко номинировались от Украины.

Тем отраднее, что свой тридцатый день рождения этот престижный форум отметил в России. Около тысячи участников из многих стран Европы съехались, чтобы отпраздновать юбилей. И уже ни у кого не вызвало удивления, что в очередной раз первенствовал российский автор. В 2008 году Лучшим фантастом Европы был признан Александр Громов, в упорной борьбе опередивший самого Кристофера Приста.

3

И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите...

Пятьдесят лет назад Иван Ефремов написал повесть «Сердце змеи» — историю о дружеской встрече в космическом пространстве кораблей различных цивилизаций. Сейчас немногие помнят, но эту повесть советский классик противопоставил рассказу американца Мюррея Лейнстера «Первый контакт», сюжетообразующая идея которого состоит в том, что экипажи столкнувшихся нос к носу звездолетов только и думают, как бы обмануть или уничтожить друг друга.

Неудивительно, что ось «толерантность vs ксенофобия» стала темой проекта, посвященного проведению «Еврокона-2008» в Москве. Когда, если не сейчас, российским фантастам следует сказать свое слово, чтоб его услышал не только свой, но и европейский читатель?

Суть проекта состоит в том, что тринадцать самых популярных фантастов России для начала пишут, словно Мюррей Лейнстер, произведения на тему «Убить Чужого». После чего, уподобившись уже Ивану Антоновичу, каждый создает отповедь одному из ксенофобских текстов, со всей толерантностью пытаясь «Спасти Чужого». Ответ звучит в той манере, которая наиболее близка тому или иному автору. Никто не имеет права загонять художника в прокрустово ложе идеологии, философии и, тем более, сюжета.

* На взаимосвязь рассказов указывают сноски в начале каждого текста.

В результате уникального творческого соревнования появился двухтомник, одну из книг которого Вы, уважаемый читатель, держите сейчас в руках. Безусловно, для полного проникновения в замысел проекта следует прочитать оба тома, но и каждый в отдельности вполне самодостаточен.

В заключение хотелось бы отметить, что проект «Еврокон-2008» является межиздательским. Что характерно, и в этом случае объединить усилия двум извечным конкурентам помогла фантастика. Российская.

Думаете, мир спасет красота? Отнюдь.

•
Андрей Синицын

Александр Зорич

Броненосец инженера Песа^{*}

*Октябрь 2621 г.
Фелиция, система Львиного Зева*

«Дюрандаль» падал. Инженер Станислав Пес инстинктивно зажмурился.

Внутри, вокруг пупка, как будто что-то призрачное пенилось, закипало, росло, в висках пульсировала кровь — перегрузки. Он в бешенстве стиснул зубы — как невыносимо это: быть одновременно и беспомощным, и бесполезным.

Истребитель пилотировал его коллега Роланд Эстерсон. Пилотировал так себе, чтобы не сказать отвратительно. Он, Пес, сделал бы это куда лучше. Но роль, которую он вызвался играть, подразумевала только такой расклад. Эстерсон — главный, Пес — ведомый.

— До земли уже близко? — спросил Пес у Эстерсона.

Сам-то он знать этого никак не мог, поскольку лежал в узком, глухом лазе между воздушным шлюзом и аварийным люком пилотской кабины.

Места получше на тесном истребителе не нашлось.

Эстерсон ответил нечто маловнятное. Пес подозревал: его товарищ совсем растерялся.

— Эй, Роланд, что-то вы раскисли! Ну-ка! Не вешать носа! Вы же создатель этой машины! Вас-то она должна слушаться! —

* Взаимосвязан с рассказом Леонида Каганова «Чоза грибы». См. сборник «Убить Чужого».

сказал Пес, стараясь, чтобы эти слова прозвучали как можно бодрее.

— Разве что мистическим образом... Пожелайте мне удачи, пан Станислав.

— Удачи, ясновельможный пан Роланд!

После этого Эстерсон выключил связь и, как понял Пес, вообще снял наушники, чтобы не мешали. Любитель отличается от профессионала, в частности, тем, что ему всё, буквально всё мешает...

«Дюрандаль» подывал и постанивал.

Эстерсон постоянно менял тягу — Пес слышал это, — нашупывая оптимальный режим снижения.

Какофоническая распевка двигателей длилась и длилась. В известном смысле это радовало Песа, поскольку означало, что до сего момента Эстерсон не вогнал истребитель в землю.

Вдруг истребитель подскочил, будто на ухабе.

«Вышли шасси», — безошибочно определил инженер.

Следующего толчка — первого касания тверди — Пес проеждал довольно долго. Он уже решил было, что Эстерсон струсил, отказался от посадки, как вдруг «Дюрандаль» бухнулся на все три точки, из-за этой ошибки едва не скапотировал, подпрыгнул вверх, «скозлил» и снова коснулся земли, но на этот раз уже правильно, двумя точками, с малым положительным тангажем.

«Идиот... Сажал бы уже на воду...» — отстраненно подумал Пес.

Но на самом деле злиться на конструктора Эстерсона было не за что. По крайней мере, «Дюрандаль» пока не разлетелся на винтики.

Но и радоваться было рановато.

Со слюдяным хрустом оторвалась крыльевая стойка шасси.

Истребитель припал на правое крыло, как калека на костыль, машину закрутило, и Пес, не сумев компенсировать центробежную силу мускулами, больно ударился затылком о титановую обшивку стыковочного лаза. Из глаз инженера посыпались искры.

Там, где лаз кончался, упираясь в пилотскую кабину, раздался громкий хлопок — это катапультировался Эстерсон. Однако в

ту секунду пан Станислав был не в состоянии делать столь проницательные заключения.

Он приготовился к смерти, он ждал взрыва.

Но «Дюрандаль» был сработан крепко.

С визгом и скрежетом машина неслась невесть куда.

Вдруг тряска, которую сообщали всему телу истребителя неровности импровизированной взлетно-посадочной полосы, прекратилась. Пес с удивлением понял, что машина вновь куда-то летит.

— Эстерсон, что там, ради всего святого?! — в отчаянии выкрикнул Пес.

Ему не ответили. Отвечать было некому.

Полет оборвался резким ударом.

«Плашмя о воду», — уточнил для себя Пес, когда по обшивке истребителя забарабанили тяжелые водопады.

«Сейчас начнет тонуть...»

Шансы на спасение зависели от того, насколько быстро он отдраит аварийный люк. Оттуда, из пилотской кабины, уже можно будет покинуть аппарат, открыв фонарь из бронестекла.

Пес встал на четвереньки и что было прыти пополз вперед, в сторону кабины.

В стыковочном лазе царила непроницаемая темнота.

«Недоработало бюро Эстерсона! Поленился какой-то молодой олух нарисовать на чертеже ровно две лишние лампочки... Сам-то Эстерсон давно о таких мелочах не думает, генеральный конструктор как-никак...»

Найти задрайки люка на ощупь оказалось отнюдь не плевым делом. Но Пес, конечно, нашел.

Одна подалась легко.

Другая отчего-то заупрямилась.

Внезапно, подтверждая худшие опасения Песа, «Дюрандаль» провалился в бездну кормой вперед. При этом инженера отшвырнуло назад от люка и припечатало к противоположному концу лаза, где был шлюзовой отсек.

На несколько секунд инженером овладела паника. Он выкрикивал имя Эстерсона, умолял о спасении.

Но вдруг эмоции схлынули, к Песу вернулось самообладание.

Он вытер кровь, которая хлестала из носа, тыльной стороной ладони, густо поросшей седыми волосками, и вновь пополз к спасительному люку.

Чертова задрайка!

Он исцарапал себе все пальцы, пытаясь с ней сладить. Пот заливал глаза.

Вдруг инженер спохватился. У него же есть «Кольт Мк.600»! Как он мог забыть об этом увесистом орудии убийства?

Извиваясь ужом, он вытянул револьвер из глубокого кармана брюк, в котором ствол успел проделать широкую прореху.

Перехватив револьвер за ствол, инженер нанес вслепую несколько сильных ударов рукоятю, надеясь попасть по задрайке.

Нутро «Дюрандаля» отзывалось глухим колокольным гулом.

Пес подергал задрайку.

«Не поддается, дрянь!»

Тем временем машина вела себя престранно.

«Дюрандаль» выровнялся. И, вместо того чтобы лечь на дно, продолжал нестись сквозь толщу воды, причем — хвостом вперед.

«Неужели здесь настолько сильное течение?» — недоумевал Пес.

Разум нашептывал ему, что никакое течение не сможет волочь тяжеленный истребитель с такой силой. Но в те секунды ему было не до загадок природы.

Он перехватил ствол кольта двумя руками и вновь принялся буйнить. Отчаяние придавало ему сил. Он яростно сквернословил, брызгал бешеною слюной во тьму. И хотя мышцы нестерпимо ныли от перенапряжения, попытка вырваться не прекращал.

«Клац!» — сказала задрайка едва слышно.

Но Пес ее услышал.

Рывок — и в следующий же миг подавшийся на полмизинца люк был распахнут тысячетонным водяным молотом.

Весь воздух из кессонного лаза выстрелило наружу, как из пушки.

Песа вынесло вместе с огромным пузырем.

Он промчался через пустую кабину, успев в нейром светё всё еще живой приборной доски заметить отсутствие пилотского

кресла и Эстерсона. Затем стихия вынудила его сделать кувырок через голову и повесила на острый крюк, который образовал лоскут разорванной обшивки.

Пес рванулся, да так рьяно, что оставил «Дюрандалю» ворот своего синего свитера. Едва зачужав свободу, он энергично заработал руками, стремясь побыстрее вознести к призрачному мерцанию над головой.

Там светили крупная жемчужина-луна и шаровое скопление Тремезианский Лев. Они звали Песа к себе, и он поднимался на этот зов наперекор туманящей мозг боли.

Ночь была влажной, пахучей и крепкой, как «Выборова». Пес покачивался на волнах, обстоятельно вращая плешивой головой.

За те минуты, что прошли после всплытия, он успел отплеваться, отышаться и вновь уверовать в ангелов-хранителей. У инженера шла носом кровь, но он не замечал этого.

Итак, он находился в виду берега — далекого, лесистого и совершенно инопланетного.

Добро пожаловать, пан Пес! Планета Фелиция, система звезды Львинный Зев. Крошечный перед лицом всеобъемлющей космической пустоты землеподобный шарик, населенный сирхами — разумными котами-хамелеонами.

Почти строго на западе, над самой водой, светил одинокий маслянисто-желтый огонек. Расстояние, которое отделяло огонек от Песа, было довольно значительным, и потому он никак не мог определить, что же видит: пламя костра, разожженного сирхами, или же свет электрической лампы, размытый дрожащим воздухом. Песу очень хотелось рассчитывать на второе, при условии что лампу держит в своих руках его коллега Эстерсон. Встреча же с прочими сапиенсами не входила в планы инженера, причем сразу по многим причинам. Впрочем, доплыть до огонька Пес в любом случае не рассчитывал — слишком далеко.

Южнее и значительно ближе серебрилась полоса прибоя, над которой ясно различалась черная зубчатая стена. Как видно, это был один из барьерных рифов, которыми изобилуют нескучные моря Фелиции.

В других сторонах ничего интересного, кроме влажного бархата ночи, видно не было.

Пес кролем поплыл в сторону рифа.

Океан ярко флюоресцировал, и инженеру начало казаться, что его ладони загребают смешанный с черными чернилами золотой песок. Зачарованный феерией, он не заметил, что его уже некоторое время сопровождают несколько гуттаперчевых мраморно-желтых змей, каждая толщиной с питона. Змеи эти шли совсем неглубоко, в метре от поверхности.

Если бы в тот миг он обернулся назад, то рисковал бы умереть от разрыва сердца, ибо зрелище к тому склоняло: светящееся колесо диаметром в двадцать метров, переплетенное сетью красных прожилок и иллюминированное пунктирными линиями голубых огоньков, неслышно скользило вслед за ним. А желтые с продольной золотой сыпью змеи — они были спицами этого колеса и в то же время, выходя за его пределы на десять метров каждая, придавали существу отдаленное сходство с офиурой, обитательницей тропических вод далекой планеты Земля.

Последующее произошло так быстро, что испугаться инженер не успел.

Две упитанных змеи стремительно перехватили его поперек туловища и, ловко вырвав из воды, перенесли к центру светящегося колеса. Они бережно поместили инженера между двумя мускульными наростами прохладной плоти.

Затем существо сложилось, тесно обняв Песа — так сырое еще тесто обнимает начинку рождественского пирога.

Пес заорал — захлебываясь, истекая криком.

Но звуки угасли в обволакивающем его неподатливом мясе.

Револьвер!

Он кое-как извлек его из-за пояса.

И тотчас высадил весь барабан, не целясь. Благо промахнуться было невозможно — враг был везде.

Пули легко прошли плоть существа, не причинив ему никакого видимого вреда.

«Этого следовало ожидать...» — подумал Пес обескураженно.

На него навалилась апатия.

Сопротивляться бесполезно. Бежать некуда. Сейчас его будут переваривать.

Вот-вот на темечко брызнет струйка едкой пищеварительной жидкости... Или иначе: вот прямо сейчас в его невкусное, немолодое тело впьются хищные пищеварительные реснички и быстро высосут его всего, до последней вакуоли, ибо таковы законы природы: большие питаются меньшими.

«Прощай, Эстерсон. Твоего верного Песа съели водоплавающие блины планеты Фелиция...»

Однако минуты шли, а пищеварительная жидкость запаздывала.

Существо же вело себя весьма энергично. Мощные волны мышечных сокращений проносились через всё его гигантское тело.

Если бы Пес мог посмотреть на своего пленителя со стороны, он бы увидел, что существо приобрело форму длинного изогнутого ножа, и нож этот, вспарывая пологие волны, стремительно удаляется от берега.

Впрочем, Песу хватило воображения достроить эту картину и без помощи зрения.

Прошло полчаса, и пан Станислав уже практически поверил в то, что переваривать его пока не будут.

Теперь его заботила другая опасность — становилось душновато. Воздух в «желудке» существа потихоньку подходил к концу.

«Блестящая перспектива — умереть от удушья после всего того, что я уже сегодня пережил...»

Инженер уже почти смирился со своей судьбой и даже задремал, когда его пленитель остановился. Вывернулся как бы наизнанку. И, вновь подхватив сомлевшего Песа при помощи двух желтых щупалец, вознес его высоко в небо.

Ошарашенный инженер открыл глаза.

Обнаружил себя в десяти метрах над взгорбившейся волной посреди открытого моря.

И вновь истошно заорал.

Он не смолкал до тех пор, пока заботливые щупальца не поставили его на мохнатый, остро пахнущий крепким черным чаем островок.

Островок мерно баюкало на волнах, а стало быть, он являлся скорее суденышком или, вернее сказать, плотом.

Чтобы удержать равновесие, Пес опустился на четвереньки.

На ощупь поверхность островка напоминала мочало. Она была сухой и кое-где еще хранила память о жарких прикосновениях лучей недавно закатившегося дневного светила.

Эти теплые прогалины невероятно обрадовали Песа, который смертельно продрог и стучал зубами от холода.

Что ж, умирать на островке гораздо приятней, чем в оскализкой утробе морского гада.

Пес опустил голову на мшистый бугор и забылся тяжелым сном лишенца.

Пес проспал до полудня следующего дня, в общей сложности шестнадцать часов. Даром что на Церере, откуда он спасся бегством в компании своего коллеги Эстерсона, неделями страдал бессонницей — ее не брали никакие пилюли...

Он не сразу понял, где находится — воспоминания запоздали на несколько томительных секунд. А когда понял, помрачнел. Любой помрачнел бы!

Итак, он пребывал на плоту предположительно искусственного происхождения.

Плот состоял из тысяч длинных, мохнатых, тщательно сплетенных воедино водорослей. Вместе они составляли нечто вроде многослойного матраса, настолько толстого, что его поверхность, на которой и лежал Пес, возвышалась над водой метра на два — два с половиной.

Инженер прикинул, что подводная часть, так сказать, грасс-берга должна быть примерно той же или даже большей величины. Однако, перегнувшись через край и всмотревшись в прозрачную синеву, он с удивлением обнаружил, что плавучий остров погружен в воду хорошо если на метр.

Отчего так? Инженер распотрошил плетение водорослей под собой и обнаружил, что основной объем плота заполняют крайне необычные растения, чьи стебли имеют многочисленные пузыревидные наплывы. Эти наплывы были полыми,

их эластичные стенки на ощупь напоминали... надувные шарики.

Предположить, что весь «матрас» вырос сам, по случайному велению природы, было никак нельзя. Плот имел достаточно правильные очертания вытянутого овала. Но главное, рядом с ним, на некотором удалении, плыли плоты-близнецы — числом около двух дюжин.

Никаких инженеров Песов на соседних плотах видно не было. Но на этом существенные отличия исчерпывались.

Двигались плоты, конечно же, не сами по себе. И не по воле течения.

Их целенаправленно волокли вперед. И притом достаточно быстро, со скоростью парусной яхты, идущей галфвиндом.

Это проделывали собратья той твари, которая давеча похитила Песа из окрестностей утопшего истребителя.

Впрочем, инженер уже начинал догадываться, что истребитель утонул не сам собой, но был умышленно увлечен ко дну.

Пересилив страх и отвращение, Пес все же рассмотрел своих новых знакомцев. И даже смог воскресить в памяти то немногое, что он прочел о морской фауне Фелиции, приуготовляя бегство с Цереры в компании Эстерсона.

«Готов поспорить на миллион терро, это и есть те самые «ка-плюшоны», о которых сообщает господин Корсаков в своей уда-лой «Энциклопедии Дальнего Внеземелья»... Помнится, там шла речь о двух главнейших видах исполнинских морских животных Фелиции. Первые звались «дварвами»... Так их называют абори-гены-сирхи. Наш земной строгий термин — канцеротевтиды, — у Песа была отличная память на сложные слова, — то есть «рако-кальмары». Но этим ужасающим словом редко пользуются даже ученые».

— Кан-це-ро-тев-тид, — вслух произнес Пес и не отказал се-бе в удовольствии смачно сплюнуть. — Тыфу, вот ведь злая душа!

Повеселев, он вернулся к своему зоологическому экспресс-анализу.

«Но если верить Корсакову, попадись я дварву, не прожить мне и минуты. Дварв — свирепый, вечно голодный хищник... Вдобавок у дварва должен быть панцирь, похожий на крабий, и

четыре длиннейших суставчатых конечности, устроенных по типу скорпионьего хвоста... Которые, впрочем, оканчиваются не ядовитым жалом, а тремя парами острых клешней-ножниц. У моих похитителей суставчатых конечностей не видно... Да и панцирь... Напротив, они мягкотелы и блинообразны. Но если это те самые «капюшоны», то отчего они «капюшоны», а не, допустим, «блины»?»

Спустя час Пес получил наглядный ответ на этот вопрос.

Когда их флотилия проходила совсем близко от берега — там безымянная местная река впадала в море, сообщая ему свою мутную пресноводную изумрудность, — капюшоны вдруг остановились.

Каждое из этих существ как бы присобралось, сгорбилось, опустив щупальца вниз.

Теперь они приобрели сходство с гигантскими медузами мраморно-желтого цвета.

И вот уже над водой показалось несколько горбов или, скорее, грибных шляпок, совершающих размашистые колебательные движения вверх-вниз.

«Теперь ясно! Они, вероятно, и питаются как медузы, фильтруя из воды мелкую живность — раков, мальков, беспозвоночных... И похожи они при этом на... блестящие капюшоны желтых плащей-дождевиков!»

Итак, капюшоны если и были хищниками, то лишь в том смысле, в каком ими являются многие земные киты, без устали цедящие студеную водицу в поисках планктона...

«Хвала Ахура-Мазде, для их пищевой цепочки я слишком крупное звено...»

Пес смутно припоминал, что именно «Энциклопедия» настаивала на достаточно высоком уровне внутристайного общественного развития капюшонов... Они, дескать, знакомы с зачатками товарно-денежных отношений и, по некоторым сведениям, даже строят города, похожие на подводные терmitники...

«Только бы им не пришло в голову отвезти меня в один из таких терmitников! — взмолился Пес. — Не переживу физически...»

Все эти наблюдения над живой природой инженер вел, неторопливо обследуя содержимое ящика с загадочной кириллической маркировкой «Лазурный Берег» на крышке.

Откуда взялся на плоту ящик, Пес не имел никакого понятия. Но был отчего-то уверен, что вчера его еще не было. Стало быть, пока он спал...

О, это был очень полезный ящик! В нем содержалось несколько полных продовольственных пайков, включая, между прочим, бутыли с пресной водой. В одну из бутылей Пес вцепился с естественной жаждостью жертвы кораблекрушения. Таких двухлитровых емкостей было еще пять. Это значило, смерть от жажды откладывается как минимум на неделю. Еды тоже хватало, но она, как ни странно, влекла инженера значительно меньше — аппетита, считай, не было.

«Если ящик и впрямь доставили на плот капюшоны — а кто же еще, — значит, они осведомлены о том, что я человек и нуждаюсь в человеческой пище. Они знают, где ее взять, а стало быть, способны контактировать с людьми... Контактировать? М-да... Впрочем, целенаправленное воровство тоже можно считать формой контакта, не так ли? А это дает достаточные основания приписать капюшонам интеллект, сравнимый хотя бы с дельфинным».

Утолив жажду и вяло сжевав упаковку пшеничных хлебцов, Пес взялся исследовать содержимое своих карманов.

Электронная записная книжка-секретарь скончалась, не приходя в сознание. Но Пес и не думал печалиться — пропади они пропадом, эти импровизированные инженерные расчеты, мудрые мысли из серии «в понедельник забрать из химчистки брюки» и служебные телефоны прошлогодних любовниц...

Пачка бумажных носовых платков (на Церере Песа донимал не выводимый никакими лекарствами насморк) фатально размокла, превратилась в белое комковатое месиво и была без сожаления выброшена за борт...

Расческа. Что ей сделается, этой расческе? Пес провел гребешком по своей незавидной шевелюре, улыбнулся. «Если среди капюшонов есть дамы, они должны оценить мои старания оставаться денди!»

Коробка патронов к кольту — се он прихватил в капитанской каюте «Фрэнсиса Бекона»... Коробка сразу навела его на воспоминания об их с Эстерсоном авантюре.

Да-да, именно об «их с Эстерсоном», а не об «авантюре Эстерсона», как наверняка предпочитал думать последний. Ведь это он, Пес, плавно подвел Роланда к идеи бегства. Это он, Пес, многие недели играл на нервах Эстерсона, как на мандолине, чего уж таить, обманывал его, сгущал краски, передергивал... Убеждал, что с Цереры сму, Эстерсону, не выбраться вовек, красиво рассуждал о свободе и рабстве, приводил в пример свои наскоро изобретенные злоключения, представляя себя этаким пожизненным узником концерна «Дитерхази и Родригес». Конечно, концерн этот был тем еще местечком, и ничего особенно хорошего Пес сказать о нем не мог, но чтобы так... чтобы прямо «рабство»... чтобы прямо «кабала» и «никаких шансов»...

Пес знал, что у Эстерсона были все шансы выбраться с Цереры через годик, а если он будет упорствовать и скандалить, то и через полгода. Вот «Дюрандаль» принимает придиরчивая комиссия заказчиков от русских Военно-космических сил... Вот Эстерсон что-то там такое дорабатывает... Потом истребитель запускают в серию.

Эстерсону, конечно, подсовывают новый контракт, жирнее прежнего, сулят еще какие-нибудь небывалые льготы и возможности... Но тут Эстерсон берет — и отказывается. И еще раз отказывается. Проявляет ту самую твердость, которая у него, конечно, в характере есть. И идет гулять на все четыре стороны! Хоть в родную Швецию, хоть в дальние дали, да хоть к чоругам, никто ему и слова не скажет!

Но Эстерсон, деморализованный неудачами с «Дюрандалем», сомневался в самом важном — в том, что всё будет хорошо. А Пес ему сомневаться помогал.

Эстерсон был превосходным инженером. Да что там инженером! Он был великолепным генеральным конструктором! Но в людях разбирался скверно, бессознательно полагая их чем-то вроде некондиционных роботов. Песу не составляло труда выведывать у Эстерсона его планы, быть в курсе всех его тайных чая-

ний. Даже следить за ним было элементарно — ведь погруженный в свои думы Роланд никогда не оглядывался... Когда Эстерсон, подобно послушной марионетке, продумал и спланировал операцию «бегство с Цереры», Песу оставалось лишь прикинуться простачком и присоединиться к нему.

Когда они брали на абордаж «Фрэнсис Бекон», Пес ликовал. Всё шло лучше некуда! Еще чуток, и Эстерсон — светлая голова и, без сомнения, один из лучших авиакосмических спецов Объединенных Наций — окажется в его чистых, холодных руках... Жаль только, Эстерсон не справился с «Дюрандалем» в самом конце их отчаянного полета...

Путешествуя по лабиринтам воспоминаний, Пес тем временем неспешно, с расстановкой перебрал кольт. Почистил нарезы при помощи маленького подствольного шомпола, отщелкнул вбок барабан, вытряхнул гильзы из гнезд (ох уж эта добная старая оружейная школа!) и зарядил каждое лоснящимся маслянистой смазкой патроном из коробки.

Отчего-то вспомнилось, что лихие ребята в русских боевиках про старину называют патроны «маслятами». Теперь Пес наконец понял истоки этого жаргонизма.

Барабан кольта шестисотой модели был восьмизарядным. Коробка — полупустой. Соответственно, в запасе у него осталось четыре «маслёнка».

Затем для защиты от палящего солнца Пес соорудил себе панаму из рубашки (она лопнула на спине, ее было не жаль) и вдруг осознал, что насущные хлопоты... окончились.

Инженер уселся на передний край плота, свесил ноги вниз и принял всматриваться в зыбкую кардиограмму берега, в надежде разглядеть там... Ну хоть что-то занимательное: один-два действующих вулкана, желательно в стадии извержения, черную воронку смерча (его, конечно, пронесет мимо!), взлет могучего инопланетного звездолета или хотя бы падение загульного метеорита, сопровождаемое взрывом в мегатонну в силумитовом эквиваленте и вывалом девственных джунглей Фелиции на половине материка...

Ни-че-го.

Пес принял насищивать «Plynie Wisla, plynies».

Плоты, влекомые капюшонами, с безмятежной гладкостью скользили вперед. Чавкала внизу водица. Ветер трепал края самодельной инженерской панамы...

Эта идиллия сгинула за считанные секунды, когда ближайший плот-гравессберг вдруг встал вертикально.

Будто бы гигантская рыба заглотила наживку и теперь что было дури дергала поплавок — плот несколько раз исчезал под водой, но затем всё же появлялся вновь.

Встревоженный Пес вскочил на ноги.

Сквозь толщу воды угадывалось движение нескольких огромных существ.

В двух из них худо-бедно распознавались сложившиеся пополам капюшоны. А вот другие...

Эти другие всплывали из неведомых пучин, которых не достигают даже самые отважные солнечные лучи.

Рассмотреть их толком Пес пока не мог, но резкие, порывистые броски серых теней, контрастирующие с элегантной плавностью движений капюшонов, ничего хорошего не обещали.

Исчадия бездны атаковали внезапно.

Инженер увидел, как один из капюшонов был распорот почти пополам одновременным молниеносным взмахом двух суставчатых лап. Капюшон попытался обвить врага своими недюжинными щупальцами. На мгновение Песу даже показалось, что смертельно раненому капюшону всё-таки удастся послать врагу поцелуй из могилы... Но тщетно. К бурым членистым конечностям присоединились еще две, и вот уже зеленые, на спутанную кудель похожие внутренности капюшона уносит течением в сторону далекого берега...

Одновременно с этим под водой исчезли сразу три плота.

Их явно влекла вниз чья-то злая воля.

Капюшоны, ответственные за похищенные плоты, лихорадочно метались у поверхности, словно наседки, потерявшие своих цыплят. Аналогия с наседками навела Песа на объяснение происходящего. Точнее, он вдруг осознал это объяснение, оно как бы вошло в его сознание уже готовым.

«Это только мой плот внутри пустой. А другие плоты — они полные... Но чем они могут полниться? Не рыбой же? Стা-

ли бы разумные капюшоны волочь в такую даль, не зная отыха, какую-то рыбу, которую они, вдобавок, и не едят... Что же там такое в этих плотах?! Что интересует хищников из глубин? Скорее всего — детеныши. Ничего другого там и быть-то не может... Человеческие мамы катают по паркам оборчатые коляски. Капюшоны волокут за собой плоты из водорослей...»

Вдруг он увидел маленькое по капюшонным масштабам существо размером с сенбернара. Оно выглядело как... как увеличенный мяч для регби, покрытый множеством верткими нежными отростков, каждый длиной с человеческую руку. Отростки эти энергично, но крайне беспорядочно баламутили воду. Чувствовалось, что самостоятельно малыш не проплынет и километра. До стремительной, концентрированной молнией взрослого капюшона ему было далеко.

Рядом с первым капюшончиком появился второй, еще более плюгавый. Оба счастливца, как видно, спаслись с похищенного монстрами плота. Влекомые инстинктом, они гребли к ближайшему грассбергу — на нем как раз сидел Пес. Детеныши привычно юркнули под водорослевый матрас и больше Пес их не видел...

Вода вскипала то там, то здесь. На поверхность выбросило несколько оторванных, омертвевших щупалец. Но и враг нес потери — трое дюжих капюшонов на глазах у Песа вцепились в хищника с двух сторон и, приподняв его над волной, ловко оторвали ему все четыре монструозных клешни, схожих с паучьими лапами.

Трудно было судить о балансе сил в этой схватке. Но даже Песу было очевидно, что капюшоны не обладают особыми преимуществами перед нападающими. А хищники, в свою очередь, не ставят перед собой целью одолеть всех капюшонов до единого и раздербаниуть все плоты. Им бы раздобыть себе мясца и поскорее убраться восвояси...

Также, насколько понял Пес, капюшоны по каким-то причинам не были готовы преследовать агрессоров на глубине. Они предпочитали разбираться с ними в сносно освещаемом солнцем приповерхностном слое вод.

«Надеются дезориентировать придонных хищников, привыкших к более высокому давлению и глухой сумеречной мгле, которая царит на шельфе?» — гадал Пес.

«Я не я буду, если это не дварвы — самые опасные морские твари Фелиции!» — заключил он.

В тот же миг пана Станислава обдало фонтаном соленых брызг — он бурно взметнулся позади плота.

Пес резко обернулся, машинально вскидывая кольт.

Его взору предстала фантастическая картина: невдалеке матерый, особенно крупный капюшон сцепился в смертельной схватке с хищником — сравнительно небольшим, возможно, молодым.

Они нарезали круги и яростно, с буханьем и шумливым плеском, кувыркались, но, судя по всему, ни один не мог одержать верх — капюшон намертво зафиксировал клешни дварва и, хотя тот пробовал одолеть капюшона, впиваясь в него мягкими приротовыми педипальпами, покрытыми розовыми треугольными присосками, их силы было явно недостаточно, чтобы смертельно изувечить врага.

Бог весть, сколько бы это продолжалось (другие капюшоны отчего-то в противоборство встревать не торопились), но тут загрохотал кольт.

Стрелял Пес хорошо, никогда не жаловался. Всё пули кучно легли в бугристую массу над мягкими педипальпами, которую инженер верно интерпретировал как голову дварва.

Его стрельба возымела неожиданно быстрый эффект.

Пес не взялся бы утверждать, что он убил хищника. Но именно его вмешательство положило конец затянувшемуся единоборству. Капюшон отшвырнул дварва, тот нелепо ударился о воду, сразу же потеряв одну клешню. Затем хищник кое-как сбрался и, суетливо работая уплощенными хвостовыми щупальцами, пустился в бегство, на глубину.

Тroe доселе безучастно наблюдавших за поединком капюшонов тотчас бросились за ним.

«Вряд ли беглец уйдет живым...» — подумал Пес, заряжая кольт последними четырьмя патронами.

С рациональной точки зрения, и в этом Пес отдавал себе отчет, его вмешательство смысла не имело.

Одним хищником меньше, одним больше... Патронов у него теперь почти совсем не осталось... А ведь их стоило бы придержать на случай угрозы непосредственно его, Песа, драгоценной шкуре! Но с точки зрения... ну, что ли, боевого товарищества (Пес улыбнулся этой внезапно посетившей его сознание словесной формуле) он всё сделал правильно. Вступил за своего. Помог ему победить... Не этому ли учит зороастризм, Первая Вера, ради которой его родители, восторженные неофиты Юстина и Томаш Чопики, покинули всё то милое и привычное, что звали домом и Родиной?

«Смешно до ужаса... Раньше я считал «своими» коллег по секретной лаборатории АСАФ на Церере. Теперь «своими» для меня стали эти взбалмошные морские гады... Судьба человека, псы крев!»

Спустя десять минут после нападения морское путешествие капюшонов продолжилось как ни в чем ни бывало.

Пес, тоже понемногу успокоившийся, встал на краю плата, чтобы справить малую нужду.

Тоненькая золотистая струйка, чертя баллистическую параболу, безмятежно соединялась с дрожащим аквамарином морской ряби.

Вдруг журчание как бы удвоилось, упятерилось, удесятерилось.

Пес поднял глаза.

Ближайший к нему капюшон — возможно, тот самый, которого он спас, а может, и не тот, — приподнявшись над поверхностью, исторгал, при помощи одной из многочисленных складок своего тела, длинную тонкую струйку, узнаваемую копию струйки инженерской.

То же делали и другие капюшоны.

«Солидарность?!»

Пес в голос загоготал.

Настало утро — второе утро пана Станислава на Фелиции.

Первым делом он бросил взгляд на запад — не подошла ли флотилия капюшонов вплотную к берегу? (Пес по-прежнему не

оставлял надежд сбежать от своих спасителей — теперь он предпочттал называть их так — при первой же возможности.)

Ничего подобного. Берег виднелся едва различимой серо-желтой фата-морганой, до него было километров восемь.

«Ну что же, — подумал Пес, — позабочусь-ка о дне сегодняшнем, а завтрашний — пусть огнем горит!»

Он открыл ящик с продуктами и обстоятельно наметил меню грядущего завтрака. Минеральная вода «Белозеро». Саморазогревающийся печенный картофель с салом по-деревенски. Салат из маринованной репы с изюмом. Рулеты «Вальдшнеп», как уверяла этикетка, из мяса болотной дичи.

Пес никогда не жаловал русскую еду. И ставил вездесущие русские рестораны где-то наравне с китайскими — набившая оскоину экзотика, да еще и для пищеварения нелегкая. Но аппетит у него разыгрался зверский. Стоило ли перебирать харчами?

В общем, он съел всё. И не отказался бы от добавки... если бы не вполне естественные соображения экономии. Сколько им еще плыть? Неделю? Две?

Пес съто поглаживал покрытый густой порослью живот, по-курортному развалившись в геометрическом центре плавучего острова, когда его слух уловил зарождение какого-то неясного, тревожащего звука.

Повернув головой, Пес определил, что звук доносится с северо-запада.

Там, в накаленном солнцем полуденном мареве, что вуалью висело над далеким берегом, чернела теперь маленькая оспина.

«Вертолет!» — обрадовался Пес.

Но сразу же одернул себя.

Чему было радоваться, если любой бороздящий воздушные просторы Фелиции летательный аппарат был потенциально опасен? В лучшем случае он мог бы принадлежать ученым, в среднем — дипломатам Объединенных Наций. Ну а в худшем — корпоративной охране концерна «Дитерхази и Родригес», брошенной на поиски «Дюрандаля» и двух ценных беглецов.

Но даже ученым и дипломатам попадаться на глаза было крайне нежелательно. Стоит ему, Песу, позволить спасти себя от капюшонов, и все, пиши пропало, он станет частью их сложного

учено-дипломатического сюжета. Его куда-то повезут, начнут расспрашивать, лечить, устраивать, конечно, придется им что-то объяснять, а значит, юлить и врать. Он справится, ведь он опытный, тренированный старый лис. Неисправимо лишь одно: так или иначе, это будет их сюжет, сюжет ученых или дипломатов. А у него, пана Станислава, был свой.

Вертолет шел прямо на них. Пес забеспокоился.

Хорошо бы спрятаться. Но куда?

Единственным решением было склониться под островом-гнездом и переждать.

Пес поморщился — как же не хотелось ему, обгорелому, измученному, лезть в прохладную воду! Опять вся одежда будет мокрой, суши ее потом! А если воспаление легких?

Но вертолет приближался.

Пес решился на компромисс. Он споро скинул брюки, стянул свитер и ботинки. Уложил все это в ящик с едой и замаскировал его под особенно густой кочкой. И в одних трусах — на случай, если его всё-таки обнаружат (вот она — старомодная польская стыдливость!), — спустился в воду, держась за край плата.

Остров-гнездо оказался многослойным.

Восседая на нем сверху, заметить это было нельзя. Но от уровня воды при дневном свете открывался вид на несколько полостей-пещерок, укрытых под свесами из хвоевидных гирлянд.

В одну из таких пещерок он и забрался, не без труда подтянувшись на руках. Едва успели его пятки скрыться, как вертолет с грохотом промчался прямо над гнездом.

Пересилив детское желание съежиться и зажмуриться, Пес осторожно выглянул в просвет между плетением стеблей.

Это был новехонький вертолет Н-112 южноамериканского производства. Его винты, выполненные по соосной схеме, казалось, работают нехотя, с ленцой. На самом же деле они гнали воздух с такой силой, что плато ощутимо раскачало на поднятой ими волне.

Пес хорошо знал эту машину. Одно из конструкторских бюро, принадлежащих «Дитерхази и Родригес», проектировало для него электронную начинку. На основании договоренности между родным концерном Песа и фирмой-производителем верто-

лета, «Дитерхази и Родригес» покупал его почти по себестоимости...

Вертолет, что было свойственно его винтокрылому племени, развернул фюзеляж на девяносто градусов и продолжил лететь левым бортом вперед. В его правом борту, повернутом теперь к Песу, чернел проем раскрытой грузовой двери — там вертел головой летный наблюдатель. Поблескивали рачьими глазами на шлемные очки всережимного видения.

«HERMANDAD», — кричала огромная белая надпись на хвостовой балке вертолета.

«Эрмандадой» называлась корпоративная охрана нескольких крупнейших южноамериканских концернов.

Пес когда-то слышал, что слово это древнее. В испанских городах времен Реконкисты так звали стражу, отличавшуюся бескомпромиссностью и особенной жестокостью...

Теперь уже сомнений не было — это посланцы «Дитерхази и Родригес». Оперативность их появления на Фелиции можно было понять — за один день лишиться двух ведущих инженеров! Пес знал себе цену. И она была достаточно высока. Но цену гению Эстерсона он знал и подавно... Нет, так просто концерн «Дитерхази и Родригес» с создателем «Дюрандяля» не расстанется...

«Ну давай, метла поганая. Покрутилась — и лети отсюда. Ничего интересного тут нет. Только дикие твари-капюшоны. Мигрируют со своими гнездами, набитыми безмозглыми личинками. Что с капюшонов взять? Они «Дюрандалей» не строят...» — бормотал Пес.

Но вертолет заклинаний шаманствующего инженера не слушался.

Он продолжал кружить над флотилией, опустив остекленный нос. Словно бы принюхивался.

Вдруг вертолет снизился так решительно, будто собрался сесть на одно из плавучих гнезд. В какой-то момент Песу показалось, и впрямь собирается.

«Но это же идиотизм!» — недоумевал инженер.

Вскоре экипаж вертолета продемонстрировал-таки настоящий идиотизм.

Нет, они не сели на плот. Но...

В дверном проеме недобро блеснуло оружие. Наблюдатель передернул затвор, опустил ствол автомата вниз и выпустил в воду длинную очередь.

Зачем он это сделал? Насмотрелся запрещенных фильмов про морское сафари? Или просто от скуки?

Последствия были самые катастрофические.

Вода забурлила. В воздух взмыли десятки желтых щупалец.

Некоторые из них промахнулись. Но тех четырех, что сумели вцепиться в правое шасси и костьль на хвостовой балке вертолета, было более чем достаточно.

Спустя секунду накренившийся вертолет уже рубил лопастями воду. Еще мгновение — и он провалился вниз, почти не задержавшись на поверхности.

Негромко ухнула смыкающаяся воронка. И всё. Никаких больше звуков — вертолет сгинул как-то совершенно буднично, без громких эффектов.

Пес живо представил себе дальнейшую судьбу вертолета. К первому капюшону-охотнику присоединяются его друзья, они волокут несчастных эрмандадских дуроломов всё глубже и глубже... И в самом деле, если они с такой скоростью тащили упавший «Дюрандаль», то уж с вертолетом Н-112, который легче испытателя раз вдвадцать, они справятся играющи...

Вдруг Пес осознал, насколько же сильно он продрог.

«Сейчас бы на солнышко...» — с тоской подумал он.

Однако выбираться из укрытия ему было боязно.

А вдруг вертолетчики что-то заметили?

Вдруг успели передать товарищам координаты подозрительной с их точки зрения флотилии? И — Вэртрагна, охрани! — с минуты на минуту сюда нагрянут еще два, три, четыре вертолета, которые расстреляют весь этот плавучий цирк, а вместе с ним и Песа, из гранатометов?

Однако капюшоны соображали не хуже Песа. Возможно, по-другому соображали. Но — не хуже.

Покончив в вертолетом, они с утроенным усердием поволокли гнезда прочь. Причем, курс их движения изменился — теперь флотилия двигалась на северо-восток, уходя всё дальше от берега.

Спустя час озябший и даже как будто похудевший на пару кило пан Станислав всё-таки отважился выбраться наверх.

Он энергично растер свое мосластое тело колючим свитером, нахлобучил панаму и уселся на самую высокую кочку, подставив грудь и живот солнцу.

Похрустывая печеньем в шоколаде, Пес поймал себя на странной мысли: после инцидента с вертолетом он стал относиться к капюшонам ну... почти как к друзьям.

«Моя многоногая, многоглазая дружина...»

Утром третьего дня Пес увидел его — броненосец.

Нескладный корабль стоял вмертвую, будто вмороженный в штилевую водную гладь.

Вскоре инженер разглядел раскидистое бурое пятно кораллового рифа. Но в первую секунду он не поверил своим глазам. Не может корабль стоять на воде вот так, монументом самому себе...

Песу очень хотелось рассмотреть диковину вблизи, но он был уверен: у капюшонов другие планы. В самом деле, флотилия перемещалась параллельно побережью и даже, как показалось Песу, начала забирать мористее.

Однако капюшоны всего лишь огибли прибрежную отмель, вдающуюся далеко в море широким рыжеватым клином. А обойдя ее, резко свернули на запад, к рифу.

Да, они приближались к кораблю! Сердце инженера учащенно забилось.

Вскоре у него уже не оставалось сомнений — корабль построен кем угодно, но не людьми.

Начать с того, что корабль имел ядовито-зеленый цвет...

Далее. Его нос украшала ростральная фигура, раскрашенная ярко-красными и лиловыми полосами. Кое-где краска облупилась, но общего воинственного пафоса это не портило. Фигура изображала местного аборигена-сирха с агрессивно встопорщенным спинным гребнем, сжимающего в лапах продолговатый предмет, в котором Пес с изумлением признал легкую дульнозарядную пушку. На Земле такие тысячу лет назад назывались фальконетами и отливались они из бронзы. Местные

мастера пушечных дел тоже были знакомы с этим благородным сплавом.

Самое удивительное, что корабль не был парусником. Не был он и гребной галерой.

Над рифом возвышался самый настоящий пароход!

Об этом однозначно свидетельствовали две черных конических трубы и огромные гребные колеса по бортам.

«Пир духа», — взволнованно прошептал Пес, припоминая свои прогулки по Хосровскому политехническому музею. Он и другие школьники спотыкливо перебираются от экспоната к экспонату, вытаращив изумленные глазенки... Уютный щебет тетеньки-экскурсовода... Дивные истории о дромонах и каравеллах, корейских кобуксонах и русских колесных лодьях...

О том, что пароход задуман как ужасающая машина смерти и разрушения, можно было судить отнюдь не только по фальконету в лапах ростральной фигуры.

На возвышенном юте, помимо непропорционально высокого ходового мостика со штурвалом, виднелся коренастый автоматический гранатомет с мощным то ли пламегасителем, то ли дульным тормозом.

На центральной надстройке перед дымовыми трубами торчал здоровенный черный ствол в помятом, а местами и напрочь сорванном теплоизоляционном кожухе. Пес в очередной раз не поверил своим глазам, но был вынужден признать, что видит перед собой одну из серийных моделей флаггерной лазерпушки середины прошлого века.

Картину дополняли несколько бронзовых фальконетов, щедро разбросанных по полубаку и носовому помосту подле ростральной фигуры.

Ну и главное: это был не просто пароход, а броненосный пароход, канонерская лодка, монитор, черт возьми!

Борта корабля — метра на два с половиной над ватерлинией — покрывали щедро разлинованные зелеными потоками патины медные листы. На уровне верхней палубы корабль ощетинился частоколом кованых прутьев, чьи хищно загнутые вниз острия сулили большие неприятности гипотетической абордажной партии. Впрочем, по правому борту на полубаке и в корме.

частокол имел изрядные прорехи. Там же были грубо выломаны некоторые доски обшивки. Как видно, какой-то особенно упорной абордажной партии всё же повезло.

Когда плот, на котором путешествовал Пес, оказался у самого края рифа, из воды высунулся крупный капюшон.

Он посмотрел на инженера со значением.

— Ты хочешь, наверное, спросить, нравится ли мне эта штука? Нравится, отличная! Спасибо, что показали! — В тот момент инженер еще был уверен, что капюшоны попросту развлекают его, своего найденыша и плениника, редким зрелищем.

Вместо ответа капюшон выпростал два щупальца и, аккуратно подхватив инженера под мышки, перенес его... прямиком на палубу броненосца!

Ах, как приятно было стоять на твердых, надежных досках! Пусть и выструганных инопланетными руками или, точнее, лапами...

Пес несколько раз подпрыгнул на месте, по-мальчишечки, озорно улыбаясь.

Щупальца кротко убрались восьмяси.

Пес решил, что капюшоны вот-вот уплывут.

«А почему бы и нет? Спасли чужого, ну то есть меня. Доставили его в «естественную», то есть техногенную, среду обитания... И айда по своим капюшонным делам!»

Не тут-то было.

— Спасибо! — Пес растроганно помахал капюшонам рукой.

Из воды высунулось под два десятка щупалец. Они помахали ему в ответ.

— Вы оказались славными ребятами! — не унимался пан Станислав.

Как бы в подтверждение справедливости последних слов, на палубу броненосца шлепнулся давешний ящик с надписью «Лазурный Берег», а в придачу к нему еще один, такой же.

— И кормите вкусно! — добавил Пес, усаживаясь на новый, запечатанный ящик.

Сцена дружеского прощания, однако, затягивалась. Капюшоны не двигались с места. И Пес решил, что беды не будет, если он прогуляется по вверенному ему судну.

Найти вход в трюм оказалось сложнее, чем он думал. Органичные для человеческой корабельной архитектуры палубные люки на полубаке здесь отсутствовали напрочь. Зато нашлась дверь в центральную надстройку.

Пес отворил ее и сразу оказался в просторном помещении, отделанном по дикарским понятиям шикарно. Его стены были оббиты тканью — частью выцветшей, частью съеденной грибком, но даже в таком виде несшей следы узоров и вышивки.

Пол помещения был застлан циновками, по углам томились пухлые колбасы тюфяков. Один из них был разорван — соломенные внутренности бесстыдно лезли наружу.

В центре, на ноге-тумбе, покоялась массивная резная чаша из розовой древесины. На ее краях висели черпачки. Пес ковырнул ногтем растрескавшуюся белую субстанцию, которой была на треть наполнена чаша.

«Наверное, еда», — догадался он.

На одной из стен висела табличка.

С виду простецкие, а на деле очень непростые часы инженера, в которых переводчик был, пожалуй, самой безобидной потасянной подсистемой, услужливо сообщили, транслировав с языка аборигенов: «Это место угодно доброму сирху Качак Чо».

Пес наморщил лоб.

«Кто таков этот добряк Чо? Святой? А может, царек? Или генерал?»

В задумчивости Пес повернулся на гвоздике. А вдруг там, за ней, тайник?

Но нет. Табличка всего лишь скрывала срам незалатанной дыры в красивой обивке...

Обследовав кают-компанию — так инженер окрестил помещение с чашей, он прошел через дверцу в соседнее, кормовое помещение надстройки. Эта небольшая каморка с четырьмя лежаками — парами один над другим — служила заодно тамбуром, из которого одна лестница вела наверх, на крышу надстройки, а другая — вниз.

Это и был искомый вход в трюм.

Пес осторожно спустился по лестнице, которая страдальчески постанывала при каждом его шаге, и оказался в низеньком трюме.

В нем, вероятно, царила бы кромешная тьма — иллюминаторов не было вовсе, — если бы не обширный пролом по левому борту, через который проникали солнечные лучи.

«Сирхи определенно с кем-то воевали!» — заключил Пес, исследуя разбитые в щепу края пролома.

В том, что корабль построили именно сирхи, уже не было сомнений. Два мумифицировавшихся трупика на трюмной палубе принадлежали, несомненно, коренным обитателям Фелиции. Один был вооружен куцей алебардой, другой мушкетом.

— Вояки... — промолвил Пес. — Железная гвардия...

Сундуков с сокровищами и бочонков рома, которым, если верить старинным романистам, полагалось в живописном беспорядке наполнять трюм всякого покинутого корабля, Песу отыскать не посчастливилось. Впрочем, рому нашлись аналоги — во множестве лубяных баклажек томилась загустевшая белесая жидкость, в точности похожая на ту, что пан Станислав обнаружил в миске посреди кают-компании. А в амплуа сундуков с сокровищами выступали тяжеленные, армированные обрезиненными железными прутьями армейские ящики.

Пес сразу открыл один из них.

Цинковые коробки с магазинами к стрелковому оружию. Баллоны жидкого пороха. Пеналы с мелким инструментом.

«Богато!» — осклабился Пес.

Соседний ящик хранил боеприпасы к автоматическому гранатомету — похоже, тому самому, который грозно горбатился над ютом. Туда же были небрежно заброшены неведомой рукой гранаты россыпью, сигнальная ракетница, старенький ноктовизор.

Войдя во вкус, инженер вскрыл все ящики до единого. Не столько из любви к стрелковому оружию, сколько в надежде, что в одном из них — ведь бывают же чудеса! — сыщется бутылка водки. Ну или хотя бы виски. В крайнем случае вина — на Церере Пес не жаловал его по причине внезапно диагностированного воспаления поджелудочной, но теперь ему было плевать на этот медицинский вздор!

Увы. Алкоголя на борту не оказалось.

— Сирхи всё вылакали... к-котяры... — проворчал Пес с первым смешком.

В качестве маленького утешения инженер выбрал себе в одном из ящиков кургузый автомат с клеймом Директории Азия — усатый змеевидный дракон сонно обворачивается всем своим шуплым телом вокруг дородной пятиконечной звезды.

Кстати сказать, больше азиатского оружия в арсенале не было. Преобладали немцы, шведы и южноамериканцы.

«Но где сирхи всего этого набрали в своем богоспасаемом захолустье? — размышлял Пес, осматривая находки. — Хотя, в сущности, легко вообразить... Те же трапперы. Прилетели охотиться на капюшонов... или что здесь еще?.. А капюшоны хватать их флаггер за хвост, как позавчера вертолет. Или проще. Банальное крушение. Оружие у них почти столетней давности. Флаггеры, небось, немногим моложе... В итоге отказ реактора, машина — вдребезги, экипаж — всмятку, а оружие целехонько...»

Обследовав трюм до самого носа, Пес вернулся к лестнице.

Дальше в корму, по его представлениям, должно было располагаться котельное отделение.

И действительно, неприметная дверца-люк привела инженера в освещенный через зарешеченные узкие оконца отсек с примитивной сирхской машинерией.

Сквозь слезящийся от умиления прищур Пес глядел на коленчатые трубы, шатуны, кривошипы, на закопченные топки.

Чем это отличается от земных паровых машин семисотлетней давности, он понять не мог. Более того, чем дольше он рассматривал чудо-технику, тем сильнее крепла в нем уверенность, что слухи о получении сирхами некоторых земных ретротехнологий из рук давно запрещенной североамериканской секты просперитетов не лишены оснований...

«А чем они, интересно, всё это дело кормят? — спросил себя Пес. — Неужто угольком?»

Ответ — в виде высоких поленниц с дровами — отыскался довольно быстро.

Правда, дрова оказались совсем сырьими — створки бункеро-вочного люка были распахнуты настежь, а в козырьке надстройки над ним зияли изрядные дыры. Стало быть, ливни постарались.

Конечно, Песу хотелось знать, работает ли паровая машина. Но выяснить это доподлинно можно было лишь располагая су-

хим топливом и, между прочим, пресной водой в баках питания котлов.

Пресную воду можно было на худой конец заменить и морской. Пусть и с катастрофическими в итоге последствиями, но — можно. А вот сухие дрова заменить было нечем.

«Придется сушить».

Следует заметить, у инженера не было никаких особых планов на этот курьезный пароход. Даже если машины работают, куда и как на нем плыть? Ведь судно крепко сидит на рифе...

Песа влекла деятельность как таковая. Деятельность как противоположность безделью, которым он успел смертельно пресытиться за проведенные в открытом море дни.

Инженер набрал дров, не слишком много для первого раза, чтобы не рухнул хлипкого вида трап, и полез наверх. С облегчением свалил дрова на полуяте. Бросил рассеянный взгляд в сторону моря. Что там капюшоны?

Капюшоны были на месте.

Пес помахал им рукой. Те ответили.

— Чего вы ждете, друзья мои? — недоумевал Пес.

Итак, пан Станислав принялся таскать охапки дров и раскладывать их на корме. А когда весь ют оказался заполнен, задействовал крышу надстроек.

Затем он от души отбедал, устроившись на тюфячках кают-компании. Потом сгостились сумерки, и Пес заснул счастливым сном ребенка, обнаружившего под нарядной новогодней елкой действующую модель старинного парохода.

Пес проснулся необычайно рано, на рассвете.

Солнце еще не успело выбраться из-за горизонта. Было свежо и тихо.

Пес энергично растер припухшие со сна щеки ладонями и вышел из кают-компании. Спать на сирхских тюфячках оказалось довольно удобно, по крайней мере, во много крат удобнее, чем на колючем мху острова-гнезда. Потянулся. Сладко зевнул.

Опершись о борт броненосца, он глянул вниз.

Был отлив. Вода обнажила верхи рифа, образовав своего рода Финляндию в миниатюре. Роль суши выполняли макушки коралловых образований, складывающиеся в причудливые узоры. А в роли пресловутых десяти тысяч финляндских озер выступали лужицы и крошечные лагуны в лунках и углублениях между кораллами. В них копошилась всевозможная вредная мелюзга.

Проследовав вялым взглядом вдоль этой Суоми, Пес обнаружил, что ее край почти вплотную примыкает к берегу.

Стоит перейти вброд или в крайнем случае переплыть неширокую протоку, отделяющую риф от земли, и окажешься на континенте.

Вдруг Песу стало обидно — он давным-давно на Фелиции, а еще не сделал по сухе ни одного шага.

«Нужно срочно исправить это досадное упущение!»

Позабыв про завтрак, он обулся и, прихватив для уверенности китайский автомат, спустился в трюм. Подобрался к длинной пробоине по лсвому борту, выглянул из нее и удостоверился, что при должной физической споровке (а она у Песа была) можно покинуть пароход, не прибегая даже к помощи веревки.

Что он и сделал.

И вот уже захрустели под рифленой подошвой инженерского ботинка пустые крабы панцири и бесчисленные раковины.

Он вышел из тени корабельного корпуса. Лучи восходящего солнца позолотили далекий пляж, усыпанный пегими валунами. Он показался инженеру таким желанным!

Но не тут-то было.

Пан Станислав не сделал и трех шагов — желтое щупальце капюшона, вынырнувшее из-за броненосца, загородило ему дорогу.

Его поставленный вертикально кончик предупредительно покачивался.

— А я думал, вы спите... — пробормотал Пес. — А вы не спите...

Он попробовал обойти щупальце.

Без толку — щупальце с мягкой непреклонностью сдвинулось вместе с ним.

— Ладно... Вашу мысль я понял. Больше с броненосца ни ногой.

И, вздохнув, Пес принял карабкаться назад, в пробоину.

«Раз на берег не получается, буду развлекаться здесь...» — постановил Пес, молодцевато расхаживая по палубе.

А что может быть лучшим развлечением для мужчины, нежели возня с оружием?

Первым делом Пес взлетел на крышу надстройки и осмотрел флаггерную лазерпушку, которая, по замыслу сирхов, олицетворяла главный калибр корабля.

Ирония судьбы заключалась в том, что величавая, старательно водруженная сирхами на капитальный самодельный станок пушка не могла поджарить даже воробья.

Она вообще не работала.

И то сказать, на борту флаггера такие пушки обслуживаются сложнейшей энергосистемой, запитываемой от бортового термоядерного реактора. От чего запитывать ее на пароходе? От огней святого Эльма?

Вспомнив об огнях святого Эльма, которые, как известно, загораются на клотике топ-мачты, Пес задрал голову и поглядел на родную мачту броненосца, увенчанную хлипкой наблюдательной площадкой. Такую площадку любой заправский морской волк, конечно же, величает марсом.

Туда инженер прежде не забирался. Почему бы не забраться сейчас?

Опасливо прислушиваясь — выдержит ли деревянный скобтрап, ведь сирхи значительно легче людей, да вдобавок, как и земные коты, не слишком чувствительны к падениям с высоты, — Пес вскарабкался на марс.

Оттуда открывался захватывающий вид.

Фрезерованное округлыми лагунами побережье.

Прямо по курсу коричневые покатые горы сошлились на водопой и тянут, тянут к воде свои мощные выи...

И не менее полусотни капюшонов при трех десятках плотоворгассбергов по правому борту корабля.

Опираясь о перильца марса, Пес закричал:

— Э-ге-гей, хвостатые! Много же вас, оказывается...

Капюшоны сосредоточенно возились вблизи рифа. У Песа сложилось ощущение, что они чего-то ждут. Может быть, от него. Может быть, вообще... Какой-то особой погоды?.. Или, допустим, редкого небесного явления?..

Любование пейзажами быстро наскучило прагматику-Песу и он спустился на бак, разбираться с теми штуковинами, которые он давеча обозначил для себя как фальконеты.

Это были весьма примитивные орудия калибром в пару дюймов, из которых явно предполагалось стрелять ядрами либо мелкой картечью.

Пес поиском глазами что-нибудь похожее на кранцы и обнаружил несколько плетеных корзин с крышками, прилепившихся к фальшборту. Там его дожидались каменные ядра, каждое размером с небольшое яблоко, картузы с порохом, начисто, впрочем, отсыревшим, и сопутствующая канонирская принадлежность: пыжи, шуфлы, запалы.

Конечно, Пес не отказался бы пальнуть из музейного вида фальконста. Увы, без пороха это было невозможно, а экспериментировать с «жидким порохом» земного производства Пес не рискнул — можно ведь и без головы остаться... Однако желание выстрелить хоть из чего уже овладело праздной душой пана Станислава.

Он почти бегом переместился на корму, к автоматическому гранатомету.

В отличие от флуггерной лазерпушки это было обычное пехотное оружие.

Пес не имел практики обращения с подобными. Полных два часа, благо время у него было, он потратил на изучение, разборку и чистку убийственно запущенного агрегата.

Судя по всему, сирхи стреляли из него, и немало, но заботой о железяке себя не утруждали. (Да и вообще, земные представления о врожденной чистоплотности кошачьего племени к сирхам были явно неприменимы — об этом свидетельствовала, в частности, и густо устланная линялой шерстью кают-компания.)

Гранатомет достался Песу с переклиненным механизмом автоматики и невыстреленным унитаром.

«Не исключено даже, — меланхолично подумал инженер, — патрон заклинило в том бою, который стал для броненосца роковым. А может, и сам бой стал роковым именно оттого, что оружие заклинило в самый ответственный момент и неведомый враг ворвался на борт...»

Труды инженера принесли плоды.

Перебранный до последней пружинки и прилежно вычищенный гранатомет был торжественно оснащен свежей двадцатизарядной лентой, принесенной из трюма.

Исходя из градуировки прицела, эффективная дальность стрельбы составляла три с половиной километра.

Чтобы не нервировать капюшонов стрельбой в воду, Пес прицелился в скалу, которая одиноким зубом возвышалась над расплывшейся песчаной дюной в полукилометре от берега.

Переключатель режимов стрельбы он благоразумно выставил в положение «очередь по три».

Поэтому, когда он дернул за спусковой рычаг, скорострельный монстр сожрал только три гранаты, а не сразу пол-ленты.

Поскольку Пес не принял поправку на ветер, а расстояние было всё-таки заметным, очередь легла метров на тридцать левее цели.

На месте взрывов взметнулись песчаные сultаны.

Спустя несколько секунд долетело барабанное «бум-бум-бум». С характерным звоном мелкие осколки рикошетировали от скалы.

«Машинка что надо... Из такой можно... да что угодно. Хоть бы и стадо капюшонов в мясной полуфабрикат переработать... А что? Развернуть орудие... Конечно, практического смысла в этом мало. Сбежать они мнё всё равно не дадут. Расстреляю пятерых, ну пусть десяток, а сколько их там, в океанских далах еще? И ведь наверняка мстительные, как дэвы!» — лениво размышлял Пес.

Но дело было даже не в рациональных аргументах вроде «есть смысл», «нет смысла». И не в этических соображениях. Пес не испытывал жалости к негуманоидам (да и к гуманоидам испы-

тывал ее отнюдь не всегда). А в том, что Песу было любопытно. Страстно желал он узнать сокровенный смысл происходящего. Зачем умные морские капюшоны затягивали всё это? Ведомые какими планами спасали его, кормили, транспортировали?

Пес учился быстро. Он нашел на прицеле верньер ввода по правок, подкрутил его сообразно своей интуиции, прицелился вновь.

Вторая очередь легла в основание скалы, вырвав из нее несколько порядочных отломков.

— Э-ге! — обрадовался Пес.

Оставшихся в ленте зарядов ему как раз хватило на то, чтобы целиком удалить скалу из рыхлой десны прибрежной дюны.

Пес настолько увлекся стрельбой, настолько был упоен новой ребяческой забавой, что не замечал ничего вокруг.

Он поглядел в сторону моря, лишь когда расслышал в наступившей тишине негромкий ритмичный плеск.

— Это, надо полагать, аплодисменты? — Пес скользил взглядом по штрихованным всхолмьям желтых капюшонных тел. Те, выбравшись из воды «по грудь», восторженно колотили щупальцами по налитой солнцем волне.

Прошло два дня.

Пес отменно освоился на броненосце. Теперь он знал все его закоулки и мог по памяти перечислить содержимое многочисленных ящиков, корзин-кранцев, лубяных тубусов и шкафчиков.

Ему даже начало казаться, что он сам спроектировал этот корабль. И более того — построил...

Жизнь его, как рассеченный лихим пехлеванским палашом арбуз, развалилась строго напополам — «до броненосца» и «на броненосце». И первая ее часть, та самая, которая «до», с каждой секундой казалась всё более ирреальной, всё дальше упывала куда-то в туман небытного.

Не теряя времени даром, Пес заделал прорехи, через которые дожди подтапливали котельное отделение корабля.

Дрова быстро высохли на крепком морском ветру, и Пес перенес их вниз, сложив аккуратными поленницами вокруг топок.

Пану Станиславу удалось разжечь топки, развести пары и, спустя полтора часа, он недрожащей рукой повернул главный вентиль.

Весь корабль — от транца до ростральной фигуры сирха — отозвался разнобоем новых звуков. Он скрипел, потрескивал, кудахтал, ныл и, кажется, даже смеялся тихим кашляющим смехом (Это клокотала вода в трубах).

Пес опрометью выбежал на палубу, где его ждало отрадное зрелище: колеса, чьи шлицы даже в самом нижнем положении еле-еле касались воды, начали свое медленное вращение, оглашая окрестные бухты хриплым визгом.

«Надо бы смазать!» — по-хозяйски подумал Пес.

Остаток дня он провел в беличьих метаниях по судну. Тут заделать, там замазать, здесь трап этот дряхлый подновить...

Зачем чинить трап, Пес не мог толком объяснить даже самому себе.

К ночи он так умаялся, что заснул прямо в машинном отделении, положив голову на плоский ящик из-под треноги гранатомета.

Сон его был тревожным. Видения лавинами сменяли друг дружку: из детского сада имени Сахаджа Барбази он, как был в школьном комбинезончике и красной шапочке отличника, перемещался прямо в сияющий перламутром огней бар станции «Боливар» на Церере, прямехонько за столик к конструктору Эстерсону, чтобы вставить какую-нибудь глубокомысленную фразу в бесконечный разговор, а оттуда, непонятно где сменив платье, перелетал в эпицентр экзаменационной кутерьмы, под своды Krakovского политехнического, в руке — фломастер, под локтем шуршат тестовые задачи, над плечом нависает сердитый пан экзаменатор...

Его разбудил грохот обрушившейся поленницы.

Броненосец заскрипел всем корпусом. Где-то совсем рядом теперь слышался певучий плеск волн.

«Прилив», — сообразил Пес.

Затем последовал еще один толчок, мощнее прежнего, и размятый сном инженер едва удержался на ногах.

«Да что тут вообще творится?!»

Он выбрался наверх, в глухую предутреннюю ночь.

Далеко на западе закатывалось за горизонт яркое звездное скопление Тремезианский Лев. Почти точно в зените светился спутник Фелиции со смешным именем Ухо-1.

Солнце еще только собиралось всходить, почти ничем, за исключением тонкой белесой нити на востоке, не обнаруживая своих намерений.

Пес оперся о планширь и заглянул под правый борт.

Воды заметно прибыло. Теперь волны цепляли ватерлинию.

Капюшоны, и это Пес заметил сразу, тоже интересовались ватерлинией. По крайней мере в окрестностях броненосца их было не менее десятка.

Их великанские щупальца, при виде которых у Песа, невзирая на все новорожденные дружеские чувства, всякий раз мороз пробегал по коже, шарили по днишу и бортам парохода, как бы обнимая его.

Рывок...

Теперь Пес понимал — это капюшоны перемещают корабль.

«Пытаются, что ли, снять с рифа? Хотят, чтобы я проявил себя как полноценный мореход? Очередное развлечение изобрели?»

Прибывающая вода помогала капюшонам. Спустя полминуты массивная, казавшаяся неподъемной туша корабля вдруг качнулась ча нос и ловко заскользила вперед. Хрустело коралловое крошево, скрежетала медь.

Пес видел, как целая чащоба щупалец, обвив железные шипы на баке, энергично помогает кораблю.

Наконец крма грузно плюхнула в воду, громыхнула сорвавшийся со станка фальконет, и инженер понял: корабль свободен.

«Ни минуты покоя... Прямо «Остров сокровищ» какой-то...» — подумал Пес, припоминая книгу из своего далекого и странного двуязычного детства.

Солнце стояло высоко.

Пес развел пары, и теперь броненосец, проворно шлепая щилицами колес, шел за стадом капюшонов на север.

Зачем шел? Пес не знал. Он просто включился в эту игру с неясным (да и существующим ли в принципе?) выигрышем, по правилам которой нужно было делать то, чего хотят капюшоны.

Штурвал корабля находился на юте, на возвышающемся мостице. С точки зрения мореходства это было не очень-то удобно. Пес предпочел бы стоять за штурвалом на главной надстройке, в том самом месте, где сирхи водрузили свою культовую лазерпушку. Обзор оттуда по курсу корабля был значительно лучше.

Однако Пес понимал, чем обосновано решение сирхских ахимедов. Дело в том, что устроить надежную передачу усилия от штурвального колеса на перо руля не так-то просто. Чем ближе к корме стоит штурвал, тем надежнее сцепка.

В этом архитектурном неудобстве, однако, был для Песа и приятный момент. Штурвал находился в нескольких метрах от лаза в котельное отделение. А поскольку должности штатного кочегара и капитана на этом судне были вынужденно совмещены, такое расположение значительно сокращало маршрут Песа между рабочими местами.

К счастью, топки у броненосца были достаточно приемистыми, а автоматический клапан перепуска избыточного давления — исправен.

Характер побережья тем временем изменился.

Скалистые горы, которые давеча Пес разглядывал, подступили к самой воде. Они дерзко вдавались в океан, образуя эпической красоты мыс.

Капюшоны явно держали курс на траверз этого мыса.

Что там, за ним? Может, столица сирхов с небоскребами из бамбука и глинобитными автострадами для паровых экипажей? А может, секретная база чоругов, которые, чем черт не шутит, давным-давно наладили контакт с капюшонами как собратьями по исходной среде обитания? Хотя, если сравнивать анатомию, со стороны чоругов было бы логичней дружить с дварвами. «Так сказать, клешня в клешне...»

В одну из немногих свободных от насущных мореходных хлопот минуту Пес обратил внимание на то, что колер морской воды также разительно изменился.

Если раньше океан казался черно-синим, с редкими промоинами голубого и лилового, то теперь вода приобрела цвет старой, с прозеленью, бирюзы. Стало мельче, кос-где даже можно было разглядеть дно, над которым ходили упитанные косяки серебристых рыбин.

Из-за мыса дул сильный ветер, неожиданно теплый, даже какой-то пахучий. Причем пахнул он вовсе не дохлой рыбой и йодом, а... нектаром? тяжелой сладостью цветущих деревьев?

Пан Станислав с наслаждением раздул ноздри, вбирая в легкие этот благоуханный ветер.

Он с опаской косил влево, на каменные банки в белопенной воде, которые, как поросята свиноматку, окружали зазубристый мыс.

Не имея ни малейшего представления о местной логии, Пес старался держаться строго за флотилией капюшонов. Уж эти-то фарватер знают.

Вот все они начали забирать вправо и Пес сразу же отрапортовал им маневр. Как ни странно, броненосец сирхов показывал завидные мореходные качества. Он хорошо лежал на курсе, держал удар боковой волны и отлично слушался руля.

Покачиваясь, мыс пополз, или, как говорят на флоте, «покатился», влево.

Открывшаяся в зыбком мареве панorama Песа впечатлила.

За мысом лежала обширная лагуна. Дальний берег ее сплошь зарос деревьями — эту породу Пес видел на Фелиции впервые. Высокие, гладкие, как будто пластмассовые стволы, змеящиеся синусоидами ветви, мясистые глянцевитые листья-сердца. «Опушка» леса уверенно наплывала на лагуну — первые ряды деревьев стояли прямо в воде, а их корни, зеркальные отражения ветвей, врастопырку торчали над приплеском.

Всё это буйно цвело и благоухало.

Вокруг соцветий — пышными эдемскими гроздьями они свисали с изгибающихся ветвей — вились мириады пестрых бабочек и тучи насекомых поскромнее.

«Сволочи! Ну кто просил их закрывать Фелицию для колонизации? Подумаешь, сирхи! Какой курорт мог получиться! Да Чахра померкла бы! Понастроили бы отелей... Бассейнов нары-

ли... Бары на пляжах... Танцплощадки... Морелечебницы... И сирхи бы не пропали... Работали бы барменами... уборщиками... да хоть бы и аниматорами! Так и вижу рекламный буклет: «Навруз на планете говорящих котов!» Эх...»

С райским благообразием лагуны резко контрастировала грязно-черная дамба непонятного происхождения. Она тянулась от южного мыса к вылизанному волнами каменному лбу на противолежащем северном мысу.

Неровный верхний край дамбы выходил из воды метра на два-три. Его поверхность была покрыта крючковатыми наростами, каждый толщиной в руку, и нарости эти топорчились в разные стороны, подобно беспорядочному частоколу первобытных поселений. Кое-где в дамбе имелись черные отворы, сквозь которые с тихим журчанием ходила вода — с их помощью лагуна сообщалась с океаном.

Примерно на один кабельтов мористее дамбы, от южного мыса в море выдавалась массивная, изогнутая дугой каменистая банка. Волны с неожиданным остерьвенением избивали хаос серо-красных обломков, словно бы стремясь смети, уничтожить эту инородную деталь пейзажа.

Затон между банкой и дамбой, перегораживающей вход в лагуну, был сплошь затянут неопрятными клочьями ржавой пены и завален мусором — плавником, палой листвой.

Пес вдруг обнаружил, что капюшоны, которые подвели его почти вплотную к этой неприглядной банке, куда-то исчезли.

Бросив взгляд в сторону моря, Пес обнаружил, что плавучие гнезда оказались вдруг значительно дальше, чем он ожидал.

Привыкший повторять все маневры капюшонов инженер отдал сам себе приказ «право'руля».

Корабль начал входить в циркуляцию, когда банка по левому борту ожила.

В первую секунду Песу показалось, что сами камни вдруг обрели способность двигаться.

А в следующий миг его сознание захлестнула обжигающая волна ужаса: через банку ползла шеренга дварлов, да каких крупных!

Пес оторопел.

Доски кормы зловеще хрустнули. Движение судна замедлилось.

Толчок. Еще толчок.

Инженер оглянулся.

Над кормой возвышался дварв. Одна пара его клешней прошила насквозь толстенную транцевую доску и намертво застряла в ней. Вероятно, подтянувшись на клешнях, дварв сумел выбраться из воды и, навалившись всей тушей на медные крючья, которыми трусливо оброс броненосец, сдуру сам себя ранил. Должно быть, не смертельно.

Вторую пару клешней тварь выбросила далеко вперед и теперь они, словно две исполинских алебарды, рубили палубу вокруг площадки с гранатометом.

В один великолепный прыжок Пес распроштался с ходовым мостиком.

Бросился к левому борту. Обеими руками вцепился в тяжелый пулемет «Ансальдо-47», с ощутимым усилием развернул его железное туловище на корму.

Первый цинк патронов он выпустил почти не целясь, не думая о перегреве ствола, вообще ни о чем не думая.

Грохотало так, что Пес с непривычки оглох.

Но зато и от дварва осталось немногое.

Двухсотграммовые разрывные пули буквально измололи в крошево хитиновые брони страховидного морского жителя. Разрезали его надвое, начетверо.

Останки дварва сползли с кормы и плюхнулись в воду. Осталась лишь одна клешня, вертикально воткнутая в палубу.

Но праздновать победу было рано.

Инженер заспешил к водруженному на корме гранатомету. Как хорошо, что еще позавчера он не поленился поднять из трюма ящики с боеприпасами к нему!

В гранатомет им была предусмотрительно заправлена лента с осколочно-фугасными.

Пес выставил на прицеле дальность и прильнул к окуляру.

Дварвы, переваливающие каменную банку, уже готовились спрыгнуть в воду, чтобы плыть к броненосцу. Песу удалось опередить их на считанные секунды.

Мощно содрогаясь, его орудие посыпало дварвам гранату за гранатой.

Прямые попадания, правда, были редки. Но даже близкого разрыва хватало, чтобы искалечить дварва или на время дезориентировать его.

Отстреляв ленту, Пес принялся заправлять следующую. За это время не меньше трех монстров успели скрыться под водой.

Еще пара ударила в бегство к дальнему краю банки.

Полдюжины остальных можно было считать выведенными из строя.

Без особой надежды на успех Пес расстрелял две с половиной ленты в воду вокруг броненосца. Естественно, ему хотелось думать, что где-то там, в пучине, дварвы получат достаточно сильную контузию, чтобы оставить надежду сквитаться с двуногим пришельцем. Но когда сразу три дварва вынырнули в нескольких метрах от борта, он не удивился.

Инженер выпустил последние гранаты в их сторону, но не попал — дварвы находились в мертвой зоне, ниже ствол гранатомета уже физически не опускался...

Пришлось вернуться к пулемету.

Он успел всадить в ближайшего дварва от силы двадцать пуль, когда «Ансальдо» громко кашлянул, конвульсивно содрогнулся и замолчал.

В тот же миг в полуметре от плеча Песа пронеслась шипастая клешня. Чудом не задев инженера, дварв рубанул по треноге пулемета.

С пугающей легкостью та сорвалась с креплений и, перевалившись через планширь, полетела в воду вместе с установленным на ней «Ансальдо».

Гортань инженера разорвал вопль первобытного ужаса.

Он ударился в бегство.

Ступени. Сумрак котельного отделения. Направо. Нет. Налево. Черт, эта кошачья миска! Давно надо было выбросить за борт!

Лаз в носовую часть трюма.

Свет из узкой серповидной дыры в борту, которую Пес так и не удосужился заделать. В солнечном луче вальсируют пылинки.

«Вот! Вот он!»

Пес ударом ноги распахнул крышку ящика, принялся рассовывать по карманам ручные гранаты.

Кое-что сообразив, он вытрусили из цинковой коробки автоматные патроны, бросил шесть гранат туда.

Вдруг ему вспомнилось, что автомат, тот самый, с драконом и звездой, он, растила, позабыл в кают-компании.

«А ведь сейчас он был бы кстати!» — с досадой подумал Пес.

Впрочем, на корму он возвращаться всё равно не собирался. А путь на полубак лежал как раз через кают-компанию.

Пан Станислав взбежал вверх по лестнице, опасливо выглянув из-за края переборки.

В кают-компании дварвов не было. Но из-за деревянных стен доносились устрашающий скрежет и леденящее душу шуршание.

В два прыжка Пес оказался рядом с автоматом.

Сноровисто отщелкнул полупустой магазин. Заменил его новым.

Заодно, радуясь своей предусмотрительности, заменил и баллончик жидкого пороха.

То ли с обонянием, то ли со слухом дела у дварвов обстояли гораздо лучше, чем хотелось бы Песу.

Ближайшая к нему стена надстройки разлетелась в мелкую щепу, и к инженеру метнулся пучок мягких ротовых педипальп морского монстра.

Уже на излете педипальпы хлестнули отшатнувшегося в ужасе инженера, разодрали рукав его многострадального синего свитера, счесали кожу — от локтя до запястья.

Пес взвыл.

Вместе с Песом взвыл и китайский автомат.

За какие-то три секунды это высокотемпное оружие послало в уродливую пасть врага восемьдесят пуль.

Учитывая, с какой кучностью они вошли в район центрального нервного узла дварва, хватило бы и половины.

В лицо Песу брызнуло смрадное красно-коричневое мясо.

Монстр в последний раз рванулся вперед, вонзил обезумевшие клешни в крышу надстройки и затих.

При этом удара его клешней хватило, чтобы обвалить крышу — она просела в кают-компанию. Края двух досок зацепи-

лись за выступ наверху надстройки, и получилось что-то вроде пандуса.

Пес выглянул в носовую дверь кают-компании и сразу же отпрянул — там, на полубаке, ворочался еще один дварв.

Он, похоже, еще только входил в курс дела — кого хватать, куда ползти...

Пес сорвал с гранаты осколочную рубашку и швырнул ее в дверной проем.

Гренадер из него был посредственный. А потому граната ахнула в полуметре от носовой фигуры сирха, оторвав последнему горделивый спинной гребень и ползадницы.

Дварва это нисколько не смущило.

Двигаясь как бы бочком, по-крабыи, он бросился к Песу.

Тому ничего не оставалось, кроме как взбежать по импровизированному пандусу на крышу надстройки.

Пан Станислав быстро оценил обстановку.

Один дварв хозяиничал на корме. Гранатомета, к слову, уже не было на месте — тварь смахнула его за борт.

Другой монстр вцепился и клешнями и педипальпами в левое гребное колесо. (Самое забавное, что колесо продолжало медленно поворачиваться вместе с новым грузом!)

«Курва! Он сломает мой пароход! Да как он смеет!..» — возмутился Пес, с удивлением отмечая, что при этой мысли его испуг переплавился в высокосортный всеиспепеляющий гнев.

И, наконец, третий, тот, от которого Пес только что убежал, нерешительно перетаптывался у передней стены кают-компании, под помостом декоративной лазерушки.

Пес принял решение и закинул автомат за спину.

С ловкостью акробата (вот что может адреналин!) пан Станислав полез на марс.

Оттуда, будучи абсолютно недосягаемым (если, конечно, дварвы не сломают мачту), он будет видеть и держать под прицелом всю окаянную троицу.

Оказавшись на марсе, Пес без лишней суеты изучил имевшиеся в его распоряжении ручные гранаты.

Затем выставил на трех гранатах двухсекундное замедление и метнул их, одну за другой, в воду чуть позади дварва, который облюбовал гребное колесо.

Его расчет оправдался. Гранаты разорвались на глубинах в два-три метра, жестоко исхлестав монстра водяными бичами. Первых взрывов хватило, чтобы сбросить оглушенного дварва вниз. Третий пришелся в аккурат по центру панциря морского гада.

С мстительным удовлетворением Пес наблюдал за тем, как разъятая на десяток фрагментов туша дварва разбухает, разваливается, превращается в неприглядное месиво...

Тем временем «носовой» дварв сдуру перерубил подпорки, удерживающие над палубой спонсон с лазерпушкой.

Ее здоровенный ствол отвесно рухнул вниз, пробив гаду панцирь.

«Ну хоть на что-то этот металлом сгодился!» — возликовал Пес.

Дварв в негодовании сдал назад, снес на полубаке фальшборт и, влекомый инерцией, соскользнул за борт.

Пес послал ему вдогонку две гранаты из своего стремительно тающего арсенала.

Грянули взрывы.

Фонтан воды, взметнувшийся чуть ли не до середины мачты, поднял в воздух бурью требуху и сломанные клешни.

Самым бойким оказался «кормовой» дварв.

К тому времени, как у Песа дошли до него руки, агрессор успел вскарабкаться на заднюю часть надстройки и вцепиться в растяжки мачты.

Мачта затрещала. Подалась назад.

Пес упал на живот, последние гранаты соскользнули вниз, как-то очень мультиликационно стукнув монстра по темени.

Пес поспешил разрядил в дварва полный магазин автомата. Но поскольку он был вынужден стрелять, держа автомат одной рукой, по-пистолетному, разброс пуль оказался огромным.

Да, ему удалось изрешетить дварву весь панцирь. Однако ощутимого вреда это твари не нанесло.

Дварв еще раз взмахнул могучими клешнями и мачта рухнула...

Пес, сдва не размозжив голову о край рулевого мостика, полетел на покрытыс зловонной слизью доски юта.

На расстоянии вытянутой руки от него подрагивали хвостовые щупальца его врага.

Судио качнулось. Последний магазин выскользнул из пальцев Песа и через проломлённый транец полетел в воду.

«Неужели всё?» — с каким-то детским, ясноглазым удивлением подумал Пес.

Но нет. Оставался еще колт с четырьмя патронами.

Пока дварв разворачивался, Пес, яростно сквернословя на фарси, пытался извлечь из-за пояса револьвер.

Оружие зацепилось за свежую прореху в подкладке и ни за что не желало повиноваться.

Призвав на помощь остатки хладнокровия, Пес всё-таки выпутал угловатый револьвер из комических тенет.

Дварв повернулся к нему пупырчатым кофейным боком. Тварь, похоже, уже заметила инженера периферийным зренисм — и теперь соображала, как бы половчее...

Сухо щелкнул курок колты.

На одно положение повсрнулся барабан.

Пес снова взвел курок и нажал на спусковой крючок.

Первые два гнезда в барабане оказались пустыми.

Выстрел прогремел только на третий раз.

И еще раз. И снова.

Дварв отпрянул.

Пес помедлил, прежде чем выпустить последнюю пулю.

«Может, себе се оставить? Чтобы не мучиться под водой, когда начнут кушать?»

Но отважная душа Песа взбунтовалась против такого решения.

«Ну уж нет! Крайний случай — вот он! Пусть лучше эти уроды готовятся к мучениям! А у мене есть еще одна, победная пуля!»

Пес выстрелил в последний раз.

Эффект был ошеломляющим.

Дварва вынесло за борт вместе с остатками фальшборта и добслы выскобленной ветрами палубной доской.

Лишь подобрав свои гранаты и отважившись выглянуть за борт, Пес сообразил, что не в последней пулe, конечно, дело.

Это два дюжих капюшона стащили дварва с палубы и, не давая тому опомниться, душили его в своих желтых объятиях.

Инженер Станислав Пес сидел, свесив ноги за корму, и на-свистывал колыбельную: «*Spij kochanie, spij...*»

Его одутловатое неухоженное лицо было безмятежным. Казалось, появившись сейчас дварв, он и бровью не поведет.

На Песа навалилась чудовищная усталость. Усталость немолодого уже человека, своротившего гору, а затем — еще одну.

Дрова в топках прогорели, паровая машина остановилась.

Броненосец медленно дрейфовал вдоль черной дамбы.

Но Пес и не думал бежать в котельное отделение. Точнее, думал. Думал — и всё.

Мышцы его обмякли, в голове было покойно и пусто...

Апатию Песа диалектически дополняла бурная активность капюшонов.

Когда стало ясно, что все дварвы перебиты, они перетащили свои острова-гнезда в бухточку между дамбой и той самой каменной банкой, над которой теперь роились многочисленные насекомые, привлеченные падалью — останками дварвов.

Тотчас острова-гнезда ожили. Закипела мутная водица — это из гнезд нетерпеливо бросились наружу капюшоны-младенцы.

Странным образом все они знали, что делать: покинув свое гнездо, каждый из них направлялся к одной из узких промоин в дамбе, отделявшей райскую лагуну от океана.

Возле промоин, как в дверях иного космопорта, выросли беспорядочные живые очереди. Малыши пихали друг друга своими мягкими отростками, вертелись, кувыркались — словом, шалили. Но очередь двигалась — не без помощи взрослых капюшонов. И вот уже десятки, сотни крох реввились в теплой лагуне под сенью цветущих деревьев.

«Ага... Это у них что-то вроде яслей... Тут маленьkim безопасно, тепло и, главное, сытно...»

Как бы в подтверждение его слов первые капюшончики присялись нескладно подскакивать над поверхностью бирюзовой лагуны — завтракали...

«Что же это получается... Капюшоны расправились с могущественным врагом моими, человеческими руками? Дварвы мешали их молоди попасть в ясли, и умные капюшоны придумали комбинацию из меня и броненосца, которая с гарантией негодников уничтожит? Выходит, так...»

В вихре радостной суеты на Песа никто не обращал внимания.

Но он не расстраивался. Инженер раскрыл ящик с надписью «Лазурный Берег» и принялся трапезничать...

Когда последний бутерброд с гусиным паштетом был съеден, а крошки рачительно подобраны (и тоже съедены), над палубой дугово вздыбились два дюжих щупальца.

Пес нахмурился.

«Чего еще можно хотеть от меня, заслуженного ветерана морских баталий?» — сердито подумал он.

Щупальца метнулись вниз, под воду, и, обвив кольцами какой-то продолговатый ячеистый предмет, стремительно водрузили его на палубу в полуметре от Песа.

Беспардонно звякнуло бутылочное стекло.

Щупальца удалились.

Пес присел на корточки рядом с подношением. И, сообразив, что перед ним, громко загоготал.

«Пиво! Они принесли мне пиво! Сделал дело — угощайся!»

Лежа на тюфячке в прохладной тиши кают-компании с бутылкой «Жигулевского», Пес думал вот о чем: «Получается, капюшоны знают о нас, людях в сотни раз больше, чем мы о них! Они знают, чем нас кормить, чем поить, знают, что нас пугает и что мы воспринимаем как вознаграждение... Они даже умеют нами, людьми, тонко манипулировать! Подумать только — заставить человека, не щадя сил, бороться с дварвами для пользы их потомства! Будь на их месте я, представитель одной из самых развитых цивилизаций Галактики, я наверняка потерпел бы фиаско...»

Вечером того же дня Пес преспокойно сошел на берег. Никто из капюшонов не возражал.

* * *

Прошел месяц.

После Сражения у Райской Лагуны, как окрестил схватку с дварвами Пес, инженер повел свой броненосец дальше на север.

Им двигал дерзновенный порыв первооткрывателя.

Тени Магеллана, Крузенштерна и Амундсена стояли у него за плечом, когда он вел броненосец сквозь влажные беззвездные ночи.

Время от времени он прикашивал, чтобы нарубить дров и за-пасть пресной водой для себя и для котлов корабля.

Во время этих экспедиций случалось ему видеть сирхов.

Болтливые и доброжелательные коты-хамелеоны не возражали пообщаться, благо электронный переводчик работал отменно, а зеленый пароход с исполинскими колесами неизменно производил на них впечатление.

Большинство аборигенов видели такую штуку впервые и ис-кренне дивились честным признаниям Песа, который и не думал скрывать, что не имеет никакого отношения к постройке броненосца.

«Но как вообще можно плавать по морю? Там ведь дварвы, злые и страшные!» — по-детски искренне ужасались сирхи.

«Дварвы мне нипочем!» — заявлял Пес, исподволь наблю-дая, как мордки хамелеонов уважительно розовеют.

Пес, конечно, лукавил.

Двардов он по-прежнему опасался.

Реликтовый пулемет чешского производства и две крупнокалиберные охотничьи винтовки, которые он изрядно запыленными извлек из трюма и установил на крыше надстроек, не вселяли в него особой уверенности. Случись новое нападение, эта рухлянь едва ли поможет ему одержать верх...

Однажды, во время очередной вылазки на сушу, Пес встре-тил на берегу паровой экипаж — судя по конструкции, тот был ближайшим родственником его броненосца.

Ему даже удалось поговорить с сирхами, которые отдыхали поодаль, в тени раскидистого дерева-качага.

Те придирчиво рассмотрели заякоренный пароход, оплетен-ный радиальными морщинами водной ряби, а потом долго обсу-

ждали его, то и дело оттопыривая спинные гребни, — обсуждали глумливо и даже презрительно.

«Что за бессмысленная и бесполезная машина? — недоумевал самый крупный сирх. — Очевидно, что она ездит по морю... Но ведь ничего глупее и представить себе нельзя! Зачем ездить по морю? Ведь там нет ничего полезного!»

«Ну да... Что им, вегетарианцам, это море?.. Но тем интересней... Какими они были, те дерзновенные сирхи, что построили революционный для своего мира броненосец? — гадал Пес. — Может, обычными, средними, да только их, как и недавно меня, околдовали однажды хитрые капюшоны? И сделали так, что эгоистичные и беспечные котяры вдруг сами собой воспылали желанием помочь морскому племени своих соседей? Кто знает...»

Пан Станислав плыл на север до тех пор, пока однажды утром не обнаружил, что продрог до мозга костей даже под тремя сирхскими циновками.

Пришло время поворачивать назад, на юг.

Спустя две недели он оказался в окрестностях того самого полуострова, где началось его фелицианско путешествие. Где-то здесь, в толще вод, покоился «Дюрандаль».

Пес причалил.

Целый день он бродил по сумеречному лесу, высматривая следы пребывания человека.

О, следы имелись!

Костища, некое нищенское подобие землянки, банки из-под консервированных ананасов, упаковки от галет...

На опушке леса, густо заросшей цветущими ирисами, Пес обнаружил даже небольшую могилку с католическим крестом.

«Кто там лежит, интересно? Сирх? Собака? Но зачем тогда крест?»

Пояснительных надписей, однако, не было.

Вечером того же дня Пес обследовал северную оконечность полуострова. Он собрался было возвращаться на корабль, когда вдруг разглядел на западном берегу залива огонек.

Неужто тот самый, что манил его в самую первую ночь на Фелиции?

Его разбрало любопытство.

Утром следующего дня Пес, вооруженный трофеем ноктоворизором (по совместительству также и биноклем), вернулся на свою позицию и увидел человеческое жилье.

Несколько приземистых домишек, сад, ухоженный огород...

«Биостанция “Лазурный Берег”», — сообщала надпись над воротами.

«Так вот откуда капюшоны воровали для меня еду!»

Створка ворот беззвучно приоткрылась. На берег вышел сутулый крепкий бородач.

Он мрачно поглядел на море из-под кустистых бровей, зевнул в ладонь и, быстро выкурив сигарету, медвежьей походкой вернулся за ворота.

Походка эта показалась Песу смутно знакомой...

«Эстерсон?.. Ну конечно, старина Роланд! Как я мог его не узнать?!»

Через некоторое время Эстерсон вновь появился на берегу в обществе высокой стройной женщины.

Лицо ее было озабоченным, она всё время что-то кричала Эстерсону, похоже, они ссорились. А затем, похоже, мирились.

Пес видел, как Эстерсон и женщина тесно обнялись, и Роланд, сдержанный и несентиментальный Роланд, зашептал на ухо женщине что-то задушевное, нежно накручивая на палец локон из ее роскошной гривы.

А потом они долго стояли так, не размыкая объятий. Судя по лицам, они были счастливы.

Пес выключил ноктоворизор и поковылял к броненосцу.

Еще месяц назад он, Пес, ликовал бы, обнаружив живым и невредимым инженера, на соблазнение которого он потратил не один месяц своей жизни... Он, прежний Пес, сейчас же бросился бы туда, на биостанцию. Наврал с три короба, закрутил интриги — в общем, рано или поздно он всё равно отнял бы Эстерсона у женщины с красивым строгим лицом и увез его прочь с «Лазурного Берега». Что бы он делал дальше — Пес толком не знал. Но приложил бы все усилия к тому, чтобы рано или поздно в укромной бухте или на потайной посадочной площадке приземлился гидрофлуггер «Сэнмурв». Он доставил бы их с Эстерсоном на звездолет, высланный за ними к Фели-

ции, а тот отвез бы их прямиком в город Хосров, планета Вэртрагна.

Ах, Эстерсона заждались в городе Хосров... Там для него давно готовы все условия! Ведь заотары Благого Совещания уверены, что истребитель, который построит для них ашвант Эстерсон, превзойдет все ранее известные боевые машины, и даже «Дюрандаль», блистательный «Дюрандаль».

Но это прежний Пес. А нынешний...

Что-то в нем перегорело. Пес смутно догадывался, что перемена эта выросла из его жизни с капюшонами, что она связана с этим морем, с обновленным именно здесь, на Фелиции, пониманием слова «свои», с осознанием относительности понятия «чужие» и абсолютной ценности добра... Но додумывать эту мысль до конца Станиславу было лень.

Он раскочегарил паровую машину и взял курс на юг.

Вертолеты появились в полдень.

Они летели с севера и, прежде чем Пес их услышал, успели подобраться к пароходу довольно близко.

Сквозь стук паровой машины пробилось чужеродное тарахтение. Когда инженер наконец обернулся на звук, он увидел две остекленных морды — они почти сливались с солнечными бликами на гребнях высоких волн.

Инженер бросил штурвал, опрометью взбежал на надстройку.

Прикосновение нагретого солнцем плечевого упора чешского пулемета показалось ему приятным.

Он наметанным глазом отмерил дистанцию до винтокрылых хищников. Прицелился в правого.

«Эх, не помешало бы сейчас стадо капюшонов... Авось и воевали бы на равных...» — с печальным вздохом подумал инженер.

Пилоты, словно перехватив его мысль о капюшонах, поспешно бросили вертолеты вверх.

Машины расходились в стороны, беря броненосец в клещи.

Эти вертолеты были посередине легкого Н-112, с которым расправились тогда капюшоны. У них имелись кургузые крыльца, увешанные ракетами и пулеметными контейнерами.

Контейнеры с тихим щелчком повернулись, Пес обнаружил себя под прицелом двенадцати стволов.

«Чудесно... — со злым азартом подумал инженер. — Мучиться долго не придется... И, кстати, хорошая эпитафия выйдет: «Разорван в клочья корпоративной охраной концерна «Дитерхази и Родригес»...»

Пес неотрывно сопровождал стволом пулемета тот вертолет, который заходил с левого борта.

Вот сейчас покажется белая надпись «HERMANDAD» — и можно будет стрелять.

И надпись показалась.

«ВОЗДУШНЫЙ ПАТРУЛЬ».

Пес дважды перечитал ее. И лишь на третий сообразил, что надпись не на испанском. На фарси.

Инженер отпустил рукоять пулемета.

Отступил на два шага назад.

Вначале он хотел по привычке поднять руки вверх. Но затем, сообразив, скрестил руки на груди, уложив ладони на плечи — так сдаются пехлеваны.

— Убедительно просим выбросить оружие и лечь лицом вниз! — выплюнул в мегафон угрюмый мужской голос.

«А выговор у него мягкий, нестоличный... Похоже, парень родом из Севашты, края тысячи злаков, — подумал Пес. — Земляко».

Ноябрь-декабрь 2007

Александр Громов

Сбросить балласт*

Все это хлам, старина! Выбрось его за борт!

Джером К. Джером

ЧАСТЬ I. РЕПЕЛЛЕНТ

1

От них не было пользы.

От них не было особого вреда.

Они просто были. Реально существовали, являясь, впрочем, большой редкостью в тех частях Млечного Пути, куда проникали корабли землян. В свое время фанатичным исследователям природы этих существ пришлось гоняться за ними по всей Периферии и даже за ее пределами.

Случалось, фанатики науки гибли в этих догонялках. Космоиды не любили тех, кто пристает к ним слишком назойливо. И что в этом удивительного? Все живые существа делятся на тех, кому наглое приставание поперек горла, и тех, кому оно безразлично. Космоиды относились к первым, что косвенно свидетельствовало в пользу относительной высокоразвитости этих существ. Не кораллы какие-нибудь, не грибы-трутовики... Впрочем, наличия у

* Взаимосвязан с рассказом Владимира Васильева «Заколдованный сектор». См. сборник «Убить Чужого».

космоидов интеллекта не предполагали даже самые смелые из ученых умов.

Животные. Просто животные, хотя и космические. С великолепно развитым навигационным аппаратом, сильнейшим стадным инстинктом и сложным социальным поведением. С отличным аппетитом и способностью жадно поглощать коктейль из электромагнитной энергии и релятивистских частиц. Поблизости от молодых нейтронных звезд, особенно магнетаров, нечасто встречающихся во Вселенной, и еще более редких густоков Вайнгартина встреча с космоидами не только возможна, но и вероятна.

Ксенобиологи подывали от радости и, потирая лапки, строчили заявки на гранты. Потом вышел запрет на активные методы исследования этой уникальной формы жизни. Допускалось лишь отгонять их от значимых для нас мест, для чего были разработаны кое-какие технические средства и тактические приемы. Любая сколько-нибудь заметная посудина несла теперь ГМ — генератор миражей, — создающий иллюзию целой эскадры, движущейся в походном ордере. Как правило, в ответ стада космоидов моментально перестраивались в оборонительный порядок и медленно отступали, позволяя в конце концов вытеснить себя из «нашей» области пространства. Эмпирическая формула, известная наизусть каждому пилоту, связывала расстояние до стада и количество особей в нем с максимально допустимой скоростью сближения при работающем ГМ.

Иногда формула врала, и тогда случались несчастья. Более сложные выкладки, «вбитые» в корабельные мозги, учитывали соотношение взрослых особей и подростков в стаде, но не могли учесть сиюминутного «настроения» вожака и его личных «психологических особенностей». Неудивительно: когда имеешь дело с живой матерсией, ни в чем нельзя быть уверенным.

С другой стороны, врагами космоиды не были. Они лишь хотели — не уверен, что глагол «хотеть» применим к ним в земном смысле, ну да ладно — плотно кушать и свободно перемещаться от одной «кормушки» к другой. Чего еще ждать от животных? Не будь животному помехой, если оно сильнее тебя, — вот и весь рецепт, старый и проверенный. Не дразни слона. Не приставай к скунсу. Не попадайся ранней весной на глаза медведю. Не гляди с

улыбкой в глаза самцу гориллы. Избегай водоемов, где резвятся аллигаторы. И так далее. В самом общем виде это правило формулируется вполне банально: не будь идиотом, царь природы.

И тогда ничего с тобой не случится.

Ни один космоид не был пленен храбрыми, но, увы, не очень умными исследователями. А вот естественную смерть космоида однажды удалось зафиксировать во всех подробностях: хаотичные перемещения, смахивающие на броуновское движение в макромасштабе, затем полная неподвижность и распад. Удалось даже взять пробу из расширяющегося облачка диффузной материи, составлявшей «тело» космоида, — гидроксил, карбонилсульфид, моноокиси неметаллов, дейтерированный водород, гексатринил, цианодекапентин... всего более ста пятидесяти веществ, иногда довольно экзотических, но давным-давно открытых в межзвездной среде. Газ и мелкодисперсная пыль. Каким образом электромагнитные поля (а что же еще?) могли удерживать эту смесь в компактном, более того, живом и боеспособном состоянии — так и осталось неизвестным.

Похоже, исследователи уподобились тому подслеповатому ученому из анекдота, что анатомировал макаронину, приняв ее за червя.

Жизнь — сложная штука, и для ее поддержания нужны сложные молекулы, да еще работающие согласованно, как завод-автомат. Быть может, эти молекулы мгновенно распадаются при переходе космоида из живого состояния в мертвое. Не исключен и более экзотический вариант: жизненные процессы идут в космоидах не на молекулярном, а на субмолекулярном уровне.

В теоретических моделях недостатка нет. Жаль, что их практическая проверка натыкается сразу на две трудности: запрет на активные методы исследования и нежелание космоидов быть исследованными. А чье желание или нежелание — закон?

Ну, ясно чье. Того, кто боеспособнее.

Впрочем, ходили и ходят слухи, будто бы в опубликованный отчет не попало и десяти процентов того, что было обнаружено на самом деле.

Слухи. Только слухи.

Я склонен им верить.

Но зуб даю: ничего радикально нового для защиты от космоидов не появится еще лет сто. Потому что если бы засекреченным яйцеголовым удалось вытащить из накопленного материала что-либо путное, то новые методы появились бы уже давно.

Видимо — пшик. Это бывает.

Говоря откровенно, космоиды — малая проблема. Уж очень они редки и проходят по категории экзотики. Если говорить об опасности для жизни, то вероятность сгинуть по любой из сотен тривиальных причин на три порядка выше, чем по причине экзотической.

Хотя прибор ГМ установлен и на моем кораблике. А равно и на ста тридцати пяти других посудинах Внешнего патруля. Приличного силового щита нет, а прибор ГМ есть. В общем-то смешно, учитывая то обстоятельство, что со временем выхода человечества в космос ни один космоид не появлялся вблизи границ Солнечной системы. Так... перестраховка.

И совсем не смешно, когда событие, вероятность которого всегда считалась исчезающе малой, все-таки происходит.

Тогда поневоле начинаешь благословлять перестраховщиков.

2

— Ах, ты так, да?.. А я тогда вот так!

Темнеет в глазах от перегрузки. Наверное, меня вытошило бы, не будь содержимое желудка тяжелым, как ртуть. А когда маневр уклонения заканчивается и возвращается легкость, меня уже не тошнит.

Странно. Обычно бывает наоборот. Но я вообще аномальный фрукт.

— Ты опять?..

Новый маневр. И еще один финт. Не будь мой кораблик оснащен цереброуправлением, финт ни за что не удался бы. Поди-ка пофинти, когда не можешь шевельнуть пальцем, налитым не свинцом даже — осмием! И тогда противник накрыл бы меня, как неподвижную мишень. Но нет, мы еще повоюем...

Мысленно приказываю сменить картинку — корабли-миражи маневрируют, перестраиваются. Чужак сбит с толку, но всего

лишь на несколько секунд. Сейчас он опять поймет, кто в стас настоящий, а кто — одна видимость.

Есть, есть у него какое-то чутье! И как все-таки хорошо, что космоиды неразумны!

Зато они могут вести огонь — если данный термин тут уместен — подолгу и без видимой усталости.

Готово — он понял, кто есть кто. Прямо в меня летит ослепительный плазменный шар. Не имею никакого желания проверять, выдержит ли защита моего кораблика прямое попадание. Думаю, что нет. Посудины класса «москит» создавались для патрулирования, а отнюдь не для серьезного боя.

Уворачиваюсь. Темнеет в глазах...

3

Какой нормальный человек пойдет во Внешний патруль по доброй воле? Нет таких.

Ненормальный — другое дело. Но не всякий ненормальный, а лишь тот, для кого эта работа — трудотерапия. Его убедят, да и сам он вряд ли будет сильно противиться. Это ведь временно. А терять основную работу найдется мало охотников.

Наша задача: патрулирование дальних задворков Солнечной системы. У каждого из нас есть свой сектор, а в секторе, кроме пустоты, — с десяток следящих автоматических станций да еще танкер-автомат для дозаправки.

В поясе Койпера тьма-тьмущая ледяных глыб, иногда целых планетоидов, а в облаке Оорта их и того больше. Но расстояние! Но объем пространства! Разбросайте по мировому океану миллион шариков от пинг-понга, а потом вооружитесь пребольшим сачком и начните охоту на них — много ли выловите?

Пусто в секторе. Ну, почти пусто. Область моего одиночного прозябания расположена высоко над эклиптикой, но это почти ничего не значит. Вблизи эклиптики плотность ледяных тел — мусора, оставшегося от формирования Солнца и планет, — лишь немногим выше. «Снежки»-и-ледяные глыбы поперечником в несколько метров залетают в мой сектор сравнительно часто, но

очень, очень мало здесь тел, достойных внимания. Для этого ледяная гора должна иметь не только приличную массу, но и определенный вектор скорости. От него зависит, может ли данный объект представлять хотя бы минимальную опасность для Земли и внеземных поселений. Чаще всего — нет. Устремится ледяной Монблан к Солнцу, окутается облаком газов, отрастит, может быть, пышный хвост на радость тем землянам, кто еще не разучился смотреть в небо, — и уйдет навсегда. Для нас ведь сотни тысяч лет — это навсегда, и только так.

Но если существует хотя бы ничтожная вероятность столкновения ядра кометы с Землей, Луной, Марсом и несколькими освоенными астероидами, если оно должно пересечь хотя бы одну космическую трассу, — в распыл ледышку! Мала, очень мала вероятность катастрофы, но не равна нулю. Комета Крячко наглядно показала это и заставила не жалеть средств на Внешний патруль. А Буэнос-Айрес пришлось отстраивать заново.

Автоматические станции засекают приближение объекта, но считается, что решение о его уничтожении должен принимать человек. Глыбу до пяти километров попечником я уничтожу и сам; более крупный объект раздроблю или хотя бы собью «с пути истинного» ракетой с ядерной головкой, а там пусть автоматика считает новую эфемериду покалеченной ледяной горы. В девяноста девяти случаях из ста эта траектория окажется вполне безопасной. Беда в том, что взрыватели моих ракет расчитаны на дробление ледяных гор — контактные, да еще и с замедлением. Они не сработают, пролетев сквозь облако газа и пыли, составляющее тело космонента.

Хотел бы я знать: что ему понадобилось возле Солнца?

Гм... возле? Пока не так чтобы возле. Три расстояния от Солнца до Нептуна. Дальние задворки. Отсюда наше Солнце выглядит просто-напросто очень яркой звездой. Здесь темно, холодно и пусто. Надо быть сумасшедшим, чтобы подписатьсь на такую работу.

Или временно съехать с катушек.

С людьми моей профессии это случается. Межзвездные перелеты требуют времени, но, как правило, не настолько много, чтобы имело смысл погружать экипаж в анабиоз. Несколько недель, а то

и месяцев в тесном обитаемом отсеке, пристыкованном к огромнейшей тушке грузового корабля, — то еще удовольствие, я вам доложу. Самое ужасное: рядом всегда одни и те же рожи. И безобидные пороки хороших в общем-то людей, не пороки даже, а индивидуальные особенности, вроде привычки сопеть за едой, становятся невыносимыми. Так бы и врезал!..

Ну, терпишь какое-то время. Долго терпишь. Отворачиваешься, скрипя зубами. Загоняешь свою неприязнь поглубже, пытаешься отвлечься на что-то приятное... «Пора в патруль», — неуклюже шутишь, осознав, что по твоей вине возникла неловкость или растет напряжение в экипаже. И все знают: еще не пора, раз способен подтрунивать над собой. А сидящий внутри тебя мелкий бес смеется над твоими усилиями спасти самоконтроль и знай накручивает тебя, усиливая твою злобу до того, что однажды ты не выдерживаешь и...

И по прибытии в порт назначения перестаешь быть членом экипажа. Иных увольняют — иным, кто для Компании более ценен, предлагают пройти курс реабилитации.

Его смысл, кстати, совпадает с желаниями реабилитируемого: либо попасть в человеческую гущу, либо быть запертым в одиночной камере.

Сначала второе. Затем первое.

Невеликие потроха моего кораблика — чем не одиночная камера? От людей меня отделяют миллиарды километров. Сейчас мне совсем не нужны люди. Зато когда я затоскую по ним все ръез — а так и будет, хотя этот факт я готов принять лишь умом, — как раз подойдет к концу моя смена. И я начну считать дни и часы до возвращения на базу.

Потом — оплаченный Компанией отпуск на Земле. Субтропики. Пальмы. Пляжи. Шипение волн, накатывающихся на белый песок. На песке шезлонг, в руке коктейль, а вокруг очень много беззаботных людей, и среди них красивые женщины. Ни к чему не обязывающие слова, флирт, спортивные игры, дайвинг, серфинг, снова флирт под сенью пальм, и в самом воздухе витает что-то сиропное. Пусть рассудок твердит тебе, что фальшива такая жизнь, — наплевать. Да и не жизнь это вовсе. Это пробуждение к жизни.

Потом — снова в рейс. Может быть, даже в составе прежнего экипажа, хотя это скорее исключение, нежели правило. Но годится и прежний. К этому времени вновь пробудившегося к жизни пилота уже можно выпускать из клетки без намордника.

Со мной это случится еще не очень скоро. Пока что я лечу — и лечусь. Одиночеством.

То есть лечился до тех пор, пока автоматическая станция не засекла космоида...

Черное Ничто, и я — крупица в нем. Инородное включение. Хорошо, что Ничто не обладает эмоциями — ему глубоко безразлично мое присутствие в нем.

Можно поспать. Можно побеситься. Прекрасное занятие для мизантропа. Никому нет дела.

А еще можно послушать музыку.

Композиция называлась «Деление бесконечности на ноль» и была весьма тягомотной. Самое то, чтобы ни о чем не думать. Раньше я слушал «Болеро» Равеля — тоже помогало.

Так бы и продолжалось месяц, другой, а то и третий. Подозреваю, что Компания на моем простое ничего не теряет: ходят упорные слухи, что она сдает своих пилотов Патрулю в наем. Наверное, это правда — немного раздражающая, зато рациональная. Осознание господствующей в мире рациональности, а местами даже гармонии, отменно способствует врачеванию психозов. И темное Ничто обволакивает тебя, неслышно спрашивая: «Ну и куда тырыпаешься? Зачем трепыхаешься, пылинка ничтожная?»

И знает — помогает.

Ну не скотство ли это со стороны космоида — прерывать процесс лечения?!

Встретились два одиночества...

— Вот гад...

Во рту солено — я ненароком прокусил себе губу до крови. На этот раз космоид едва не достал меня. Он очень целеустремленный космический гость, и «пшел вон» на него не действует.

Машинально наполняю пространство новыми кораблями-призраками. Как и в прошлые разы, это помогает ненадолго.

За каким чертом ему понадобилось наша Солнечная система, хотел бы я знать. Судя по тому, что нам известно о космоидах, они питаются релятивистскими частицами, а велика ли их плотность близ Солнца? Такая же, как повсюду в Галактике. Частицы солнечного ветра вроде бы не несут достаточной энергии. Плотность жесткого излучения здесь тоже мала — Солнце не магнетар и никогда им не станет. Если космайд нуждается в пище, то зачем ему этот жиденький гомеопатический бульончик?

Псих, наверное...

Мысль плотно застревает в моей голове. Почему бы, собственно, чужаку не быть ненормальным? Иной раз и животное может взбеситься. Это все объясняет: и настырность, с которой космайд прет к Солнцу, и тот удивительный факт, что он явился один, а не с группой дружков. Бывало ли когда-нибудь, чтобы космоиды наблюдались поодиночке, а не группами, вернее, стадами?

Насколько мне известно — никогда.

Выходит, я открыл новое явление.

Тщеславная мысль о приоритете не успевает завладеть мною — опять приходится уворачиваться. Этак я сожгу всю горючку для плазменных двигателей, останутся только слабосильные ионные, а на них не пофинишь. На них даже не смоешься — чужак не поймет, что я пытаюсь оставить поле боя, догонит и сожжет. Удивившись, что так легко это получилось, — если только природа, создавшая космических животных, должно быть, с жестокого похмелья, не забыла наделить их способностью удивляться.

Между нами говоря, я с удовольствием отказался бы от чести быть первооткрывателем явления. Потом мне, конечно, начнут объяснять, что мое теперешнее состояние как нельзя лучше подходит для встречи с таким вот феноменом природы... Потому что, дескать, я зол и не менее упрям, не забывая при этом беречь свою шкуру. Доля правды в этом есть — и все же я охотно предпочел бы одиночество и ватное безмолвие.

Теперь моя очередь. Ракеты чужака не берут, они его попросту не замечают, но плазменная пушка — иное дело. Жаль, что заря-

дов осталось мало. Зато перехват начинает удаваться. Космоид притормозил. Похоже, он не понимает, кто ему противостоит и чего ради. Громадный бык обратил внимание на лающую на него собачонку... роет копытом песок, косит исподлобья кровавым глазом...

Пора «тянуть». Два огненных сгустка уносятся в сторону чужого. От одного он уворачивается, второй цепляет «шкуру» противника по касательной. Булавочный укол. Но лучше, чем ничего.

И вновь мой черед уворачиваться...

5

— Тридцатый, слышим вас. Тридцатый, повторите свое сообщение.

Ага, отозвались. Наконец-то. Связь во Внешнем патруле поддерживается через радиоканалы — считается, что этого достаточно, несмотря на колоссальные расстояния. Сверхсветовые передатчики громоздки и дороги, их нет на наших корабликах, а в результате от вызова до ответа проходят десятки минут, если не часы.

— Я еще жив, — хрюплю я.

В повторении моего первого сообщения нет необходимости. Вот оно: «Говорит Тридцатый. Вижу на экране неопознанный объект. Иду на сближение». И я рванул наперевес. А через несколько минут уже вспыхнул изумлению: «Тридцатый вызывает Штаб! Это космоид! Одиночный космоид! Попытаюсь перехватить». Все время после этого передатчик оставался включенным, и в Штабе слышали мои междометия. Не все, а те, которые успели долететь. Некоторые еще летят.

И лягут распоряжения в ответ. Пока долетело только первое.

Я закладываю сложную фигуру, известную среди пилотов как «кувырок Зильберта». Уж очень близко от меня пронеслись в прошлый раз огненные шары. Противник принаршивается к моему стилю пилотирования; пусть он животное, способное к обучению. Если не показывать ему новых фокусов, то рано или поздно он меня накроет.

Какая гадость этот кувырок... Если Зильберту нравилось выполнять его, то он патологический извращенец...

Но чужак бьет мимо. Я очень хорошо ушел.

— Жив... — шепчу я для Штаба. — Веду бой...

Выпустить еще пару зарядов из плазменников? Нет, позже. Заряды надо беречь.

Плазменное топливо, кстати, тоже. Его осталось не так уж много.

— Тридцатый! — оживает вдруг радио. — На связи полковник Горбань. Понял вас. К вам идет «Самурай». Оставайтесь в секторе, свяжите нарушителя боем.

Он не спрашивает: «Как поняли?» Пока я отвечу (боюсь, что не очень молодцевато), да пока он получит ответ, пройдет столько времени, что для пользы дела лучше уж помолчать.

Но «Самурай» — это хорошо. Насколько я понимаю, это лидер класса «рыцарь» — корабль весьма существенный, немногим уступающий ударному крейсеру. Космоиду придется туда.

Но пока туда приходится мне. Удрать с чистой совестью я смогу не раньше, чем расстреляю весь боекомплект плазменных пушек, и на последних остатках горючего

Залп!

Цереброшлем хорошо фильтрует мыслительный мусор — в сторону противника стремительно летят два огненных шара, а не десять. Десяти там, скорее всего, уже нет...

Так и есть. Осталось четыре заряда. Продержусь ли я до подхода «Самурая»?

Вопрос.

— «Тридцатый, я «Самурай», иду к вам. Расчетное время подхода — двадцать семь минут».

Двадцать семь, значит... Уже хорошо, что не три часа, но все-таки много. Будет чудо, если я продержусь. Надо постараться. Погибать за просто так я не намерен. Откуда мне знать, что у космоида на уме?

Может, и ничего плохого. Но он вторгся туда, куда ему не следовало вторгаться. И я не в силах его отогнать. Я лишь заставил его притормозить, я препрятствовал ему путь, но все равно мы медленно движемся в сторону обжитых мест Солнечной системы. По-видимому, он туда и стремится. Вопрос: зачем?

Нет ответа. Мы очень мало знаем о космоидах. Ксеноэтологии — молодая и пока довольно бесполезная наука. Успев обзавестись сложнейшей терминологией, она не обзавелась главным: пониманием изучаемого предмета. Надавал явлениям неудобопроизносимых кличек — вот тебе и наука, и занимайся ею всю жизнь не без удовольствия. Иллюзия понимания сути. Многим достаточно и иллюзии.

— Запас топлива для плазменных двигателей на исходе.

Этот голос не услышат на «Самурае» — строго говоря, это вообще не голос, а набор электрических импульсов, что генерируется цереброшлемом прямо в слуховых центрах моего мозга. Оба мозга — мой и корабельный — при случае общаются псевдовербально. Наверное, в этом есть какой-то недоступный мне смысл.

Мозг моего «номерного» кораблика разговаривает приятным контральто. Эта светская львица, зрелая красавица в бриллиантах и мехах, ниспадающих с роскошных плеч, отработавшая до автоматизма игру с примитивными мужскими страстями. С непременной победой над оными, конечно же. Я зову ее Камиллой.

Не Марусей же...

— Рекомендую немедленно вернуться на Базу, — сообщает Камилла с интимным приыханием.

Ну-ну.

Все работает в штатном режиме — будь иначе, Камилла сообщила бы мне об этом ледяным тоном обращения к лаксию, не во время подавшему мороженое. Горючки мало, но она еще есть. Камилла просто перестраховщица.

— Тридцатый, до подхода «Самурая» двадцать две минуты. Продержитесь сколько сможете. Удачи вам!

Это опять полковник Горбань. Теперь он знает, что я веду бой, но это устаревшие данные. На самом деле я вишу в неподвижно-

сти. В нескольких километрах от меня точно так же завис чужой. Если бы солнечный свет был здесь поярче, я увидел бы космоида невооруженным глазом. Это мало кому удавалось.

В бою наступила пауза. Причина не секрет: последним залпом я умудрился крепко зацепить чужого. Это с моим-то вооружением, предназначенным для ликвидации неманеврирующего «противника» а-ля ледяная глыба! Есть чем гордиться.

У меня еще осталось два заряда. Выпустить их прямо сейчас?

Мой мысленный приказ наталкивается на мое же сопротивление. Нет, ребята, в герои я не рвусь. Мне не приказывали уничтожить космоида. Мне приказывали продержаться столько, сколько я смогу. Я это и делаю. Я пока могу. Тяну время.

А курс нашего дрейфа нехорош. Через несколько минут мы пройдем недалеко от танкера — автономной баржи с ртутью. Это рабочее вещество для ионников, плазменной горючки на танкере нет. Да и кто бы мне дал время на заправку?

Но если пауза затянется, мы спокойненько пройдем мимо танкера. Вроде бы космоиды не обращают внимания на неманеврирующие объекты вроде астероидов? Или обращают?..

Хорошо бы он ушел, ожегшись. Вот ведь тупая животина! Получила по рогам, а не отступает. Наш дрейф ей в общем-то на руку. Что космоиду нужно около Солнца?

Само Солнце? Что-то не верится. В желтых карликах нет ничего притягательного для них.

Планеты? Земля? Луна? Марс?

Крайне маловероятно. Хотя именно на этот случай я изображаю собой заслон в Фермопилах. Одного сгустка огня хватит, чтобы уничтожить любой лунный поселок. Пусть слон резвится подальше от посудной лавки.

Мысленным приказом вывожу данные о солнечной активности. Может, какой-нибудь особенный протуберанец или вспышка?

Ничего похожего. Спокоен наш желтый карлик, не хулиганит. Вспышек нет, пятен мало. А ведь в Галактике полно звезд, то и дело выбрасывающих в космос океаны плазмы!

Нет, не солнечным ветром интересуется космоид. Тогда чем?

У меня нет ответа.

— Эй, ты, протоплазма! Тебе говорю, пришелец! Тебе известно, что ты сволочь? Нет? Поверь на слово.

И наплевать мне, что эти слова разнесутся на весь космос.

7

— Тридцатый, до подхода «Самурая» семнадцать минут. Держитесь!

Мне уже ясно, что полковник Горбань идет на «Самурая». Подход лидера означает в сущности то, что через семнадцать минут чужак появится на его радарах. И тогда я смогу с чистой совестью свалить отсюда. Горючки мне хватит не только на разгон, но еще и на несколько финготов. Это не может не радовать.

В самом крайнем случае дотяну до Базы на ионных. Долго, но куда мне торопиться? Заправлюсь — и снова в патруль.

Я еще не выздоровел, хотя понимаю это лишь умом. Чувства говорят иное: я-то как раз в порядке, а весь мир сошел с ума и сознательно действует мне на нервы. Все сумасшедшие: руководство Компании, полковник Горбань, космоид этот упрямый...

Кстати. Может ли животное сойти с ума?

Запросто. Собака может заболеть бешенством, лошадь — испугаться и понести. А космоид?

Пожалуй, надо исходить из того, что и он тоже может. Отился от стада и прет на рожон — ну не псих ли? Максимум через полчаса «Самурай» разделается с ним. Возможно, я увижу это издали.

Если раньше чужак не разделается со мною.

— Я Тридцатый, — говорю я, чтобы полковник Горбань знал, что я пока еще человек, а не плазма и пепел. Затем умолкаю. Мне нельзя отвлекаться — противник может ожить в любое мгновение. Не настолько я наивен, чтобы верить, будто он подстрелен всерьез. Нет, он в полной боеготовности... просто выжидает...

Чего?

Не знаю. Возможно, надеется как раз на то, что я отвлекусь на секунду-другую.

Тыфу. Глупость и антропоцентризм. Я стал думать о моем противнике как о человеке. Зря я надеюсь предугадать его действия. Будь он чужим, но хотя бы разумным — могла бы получиться дузель интеллектов. Однако всем известно, что космоиды не обладают разумом — не доросли еще.

Мой интеллект (уж какой есть) против его древних инстинктов — вот что такое наша стычка. Вряд ли чужак понимает, с кем связался. А я не имею ни малейшего понятия о его инстинктах, кроме всем известного стадного — того, который сейчас абсолютно не работает.

Задачка.

Не надо мне ее решать, вот что. Мне надо лишь продержаться... семнадцать минут, да?

Пожалуй, уже шестнадцать.

А ну-ка... Еще раз: что мне известно о повадках космоидов? Они стадные существа с развитым социальным поведением — это раз. Они проявляют агрессию лишь тогда, когда чувствуют угрозу, — это два. Они питаются релятивистскими частицами, разогнанными мощнейшими магнитными полями, и черенковским излучением — это три.

И они смертны — это четыре.

Что еще?

Пожалуй, это все. Ксенозоолог скажет больше, а еще больше выдумает, опираясь на непроверенные данные, но я не ксенозоолог. Я простой пилот. Ограниченно информированный. Да еще психически неуравновешенный.

Была, впрочем, какая-то популярная передачка...

Это лишь ощущение, не мысль. Мне кажется, что в той передаче среди пустой болтовни мелькнула фраза, очень полезная для меня сейчас... Что-то очень простое, но очень важное...

Залп!

Космоид приходит в движение, огненные сгустки летят прямо в меня. Их много. Я самонадеянно предполагал, что контузил противника, а он, оказывается, собирался с силами для внезапной и, главное, очень мощной атаки.

Верчусь ужом, выписывая «каллистянский узел». Зверская штучка, инквизиторская выдумка. Я слышу, как хрустит корпус моего кораблика.

Он выдержит. Пилот будет раздавлен перегрузкой раньше, чем корабль начнет рассыпаться. И все-таки я невольно испугался бы, сохрани я способность бояться. Но во время таких маневров мысль только одна: скорее бы это все кончилось!

Зрение восстанавливается вовремя — в последний момент я успеваю увернуться от приотставшего плазмоида. Множу миражи. Чужак сбит с толку, но это ненадолго.

Ворона — и та привыкает к огородному пугалу и перестает обращать на него внимание. Возможно, космоид глупее вороны, но намного ли?

Мои миражи приходят в движение, имитируя атаку. Я иду на ионных, присоединяюсь к арьергарду атакующих фантомов и немедленно получаю отпор. Уклоняюсь, отступаю. Я еще могу играть в эти кошки-мышки. Заодно могу сделать зарубку в памяти: космоиды используют не только пассивную, но и активную локацию. От миражей мало толку.

И тут чужак преподносит еще один сюрприз: он разделяется на основное тело и десятка полтора-два тел поменьше. Те далеко не отлетают, вьются поблизости.

Оп-па! Почкуется он, что ли?.. В голове копошится мысль: а ведь до меня еще никто не видел, как размножаются космоиды. Особой малой величины — надо думать, детенышей — видели не раз, а вот за процессом их рождения понаблюдать не удалось.

И впрямь почкуется? Нашел, однако, время!

А может быть, он таким способом демонстрирует мне свое презрение: пошел ты, мол, не боюсь я тебя, мелкий комарик, не в состоянии ты помешать мне заниматься тем, чем мне хочется... Гм, вряд ли. Я опять приписываю ему человеческие эмоции. Бьюсь об заклад: презирать супостата эти животные не умеют.

Есть и еще одна гипотетическая возможность: если «детеныши» хоть в какой-то степени боеспособны, то чужак попросту обеспечивает себе численный перевес: до этого шел бой один на один, теперь же — один против эскадры.

Веселенькое дело...

Мне не страшно. Пустотой и одиночеством я лечусь от мизантропии и еще не излечился. Нет, я не хочу умирать. Я избегаю смерти, как боксер на ринге избегает получить крюк в челюсть.

И если в мою голову забредает мысль о том, что с моей гибелью павки исчезнет цлая вселенная гнездящихся в моем сознании мыслей, образов и воспоминаний, то эта мысль лишь ожесточает меня. Погибнет? Да и черт с ней, невелика потеря!

И в разложенной психике есть свои присущества.

8

Вообще-то обученный пилот представляет некоторую ценность для Компании. Она отбирает лучший материал среди тех, кого не заграбастал себе воспинный флот. Мне до сих пор любопытно: почему я не подошел воякам? Оценки в училище имел приличные, экзамены сдали хорошо... Впрочем, я особенно не рвался на воспинную службу, хотя и не афишировал это. Наверное, мою кандидатуру отклонили за недостаточную амбициозность...

Я не в пристенции. Здесь у меня больше свободы. На худой конец, из Компании можно уволиться, а с воспинной службы — только выйти в отставку. Почувствуйте разницу. Ну ладно, хватит об этом.

Не хочу и вспоминать о психологических испытаниях, входящих в учебную программу. Это... исприятно. Не каждый курсант выдерживал, многие срывались. Я оказался в числе тех, кто выдержал. Но ведь мы знали, а когда не знали, то догадывались: это только испытание, надо потерпеть. В жизни пилота нагрузки оказались пожиже, но ведь и жизнь длиннее теста. Любой материал рано или поздно ломается от «усталости».

Я не только взорвался и испортил отношения с исплохими в общем-то людьми. Произошло худшее: люди, работа, весь мир осточертели мне настолько, что я утратил здоровый инстинкт самосохранения. Это недопустимо. Пилот, который лишен страха, не должен летать. Патруль — вот единственное, что можно доверить озлобленному невротику, во-первых, потому что в одноместном кораблике трудно угробить кого-нибудь, кроме себя, а во-вторых, потому что на дальних задворках Солнечной системы практически ничего нет. Мирнады ледяных тел — потенциальных кометных ядер — не в счет. Могут пройти годы, прежде

чем в патрулируемом секторе произойдет нечто достойное внимания.

Зачем я выбрал космос? Разве на Земле хуже? Ничуть. Даже наоборот. Хотел кому-то что-то доказать? Если да, то только себе. Не слабак, мол. Ну доказал... и что?

Мы занимаемся чепухой. Открываем миры, вводим все новые области Галактики в сферу человеческого влияния. Ищем — и изредка находим — удивительное. Еще чаще ищем рентабельность. Тоже находим. Основываем колонии, возим грузы. Я десять лет их возил. На кой черт?..

Если Вселенная создала разум для познания самой себя, то я тут ни при чем. Если для преобразования, то я лишь ее инструмент, вдобавок один из самых простых. Не унизительно ли?

Восточной философией мне не хватает, вот что. Я бы успокоился на том, что поступаю мудро, следя своему предназначению, и уж точно не сорвался бы. Инструмент?.. Ну, значит, инструмент. И гордись. Будь рад, что не отброс. Вот так и существуй впредь, находя в жизни мелкие радости и даже какой-то смысл. Нравится?

Это был бы выход. Но — нет, не нравится.

9

— Тридцатый, продержитесь еще десять минут! — беспокойт эфир и мой слух полковник Горбань.

«Самурай» уже недалеко. А у нас снова пауза в боевых действиях. Вопрос в том, насколько она затянется.

Удобнее всего переключить изображение на инфракрасное и наблюдать космоида в псевдоцвете. Тело чужака — в первом приближении сплюснутый сфероид километрового поперечника, этакий чудовищный эритроцит — переливается синим и фиолетовым. Я отчетливо вижу, как по нему бегут волны — не то перистальтика, не то трепор. Шарообразные «детеныши» — желто-зеленые — вьются вокруг космоида, и у меня создается ощущение, что они не прочь воссоединиться с ним, но что-то им мешает. И вся эта картина напоминает нечто до боли знакомое...

Клушка и цыплята? Не знаю, не знаю...

Акула и прилипалы всякие, а также рыбы-лоцманы?

Допустим. Мысль насчет акулы — интересная мысль. Могу ли я допустить, что пытающийся вломиться в Солнечную систему чужак — хищник?

Почему бы нет? Я усмехаюсь, вспомнив ту псевдонаучную телепередачу. Ну конечно, живые организмы должны образовывать экосистему! Это просто, как дважды два. Где встречаются травоядные, там обязательно возникнет питающийся ими хищник. В реальности их эволюция идет параллельно и взаимосвязанно. Если в космосе возникла живая материя, она должна породить как существ, питающихся подножным кормом, так и пожирателей этих существ. Первых будет гораздо больше, чем вторых, и первые скоро придут к стадному образу жизни как наиболее рациональному, зато вторые запросто могут быть одиночками — этакими космическими леопардами... Вот почему он один. Вот почему он не применяет против меня векторную гравитацию — он просто иного вида! Бодаться может бык, но не волк. И вот почему встреча с ним состоялась только сейчас, а не столетие назад. Космических хищников просто мало — иначе в Галактике не хватит «травоядных», чтобы прокормить их!

Стройно?

Стройно.

Правда, на вид мой противник ничем не отличается от типичного «травоядного» космоида, и это слабое место в моих рассуждениях. А с другой стороны, разве я специалист? Тут и ксенозоологу немудрено ошибиться. К примеру: сумел бы чужак легко отличить обыкновенного земного льва из Серенгети от обыкновенной земной антилопы гну? У обоих четыре конечности, одно туловище, одна голова, два глаза, два уха, один хвост, плавники и крылья отсутствуют...

Итак, хищник?

— Тридцатый, как дела? Продержитесь еще немного. Мы идем.

Пересилив злобу, отвечаю, что все в порядке. Идут они, видите ли. Небрежно интересуются, как у меня дела, как будто я занят чем-то обыденным. Полковник Горбань хорошо устроился: залп

главного калибра «Самурая» прихлопнет космоида, как муху, и полковник повесит себе на грудь медаль. Возможно, он не забудет и меня, но много ли мне с того пользы, если чужак превратит меня в плазму? Странно, что он еще не разделялся со мною. Он сильнее. Я еще жив только потому, что космоид ведет себя странно. Всегда замечательно, что он — животное...

Разъяренный бык, получивший по носу? Не очень голодная и оттого трусоватая акула? Осторожный, но упорный в своих намерениях старый медведь? Свихнувшийся кит?

Отвергая доводы рассудка, я упорно цепляюсь за привычные и скорее всего ложные аналогии.

Но за что же мне еще цепляться?

10

Два заряда для плазменных пушек — это ничтожно мало. И все же я трачу один заряд, целясь не в космоида, а в одного из «детенышней» — того, что отлетел от «родителя» дальше других и практически не маневрирует.

Попал!

Это почти красиво. Комок огня, удаляясь, превращается в яркую искру и, соприкоснувшись с «детенышем», вспыхает ярко-красным облаком. Как фейерверк. Облачко быстро гаснет. Нет больше «детеныша».

Зачем я сделал это? Чтобы разозлить чужого? Если ониются о потомстве, то моя участь незавидна — космоид наверняка ринется в атаку и на сей раз не станет осторожничать.

Может быть, мне того и надо? К классическому самоубийству я, видимо, не готов, но почему бы не спровоцировать смертельно опасную ситуацию? Спокойно и расчетливо. Без страха и сожаления.

Да, наверное, это так. Ну что же ты, галактическая тварь? Я здесь. Атакуй! От первого твоего наскока я еще могу уклониться, но потом ты меня добьешь. И если в тебе есть толика инстинкта самосохранения, ты успеешь расkvitаться со мною и удрачить, прежде чем тебя накроет «Самурай».

Но чужак остается неподвижным, и я уже ничего не понимаю. Какую еще аналогию можно применить к «детенышам»? Зайчонка, оставленного на произвол судьбы непутевой зайчихой? Паучат, которых для паучихи не более чем еда? Может ли достаточно высоко организованное существо не проявлять никакой заботы о потомстве?

При известной плодовитости — может.

Или... никакое это не потомство.

11

Чужак снова в движении — правда, оно больше заключается в изменении формы космоида, чем в приближении ко мне. Колossalная газопылевая туша похожа сейчас на водяной пузырь в невесомости, этакую колышащуюся медузу. Отчего-то у меня складывается впечатление, что космоид отнюдь не разъярен. Наоборот, он очень, очень доволен! Он блаженствует. Если только все это мне не мерещится...

Да. Гм. Если я начну исходить из того, что мое воображение чересчур разыгралось, то не приду ни к чему. Следовательно, примем за истину: космоид наслаждается. И утвердим это волевым решением. Теперь логичный вопрос: чем он наслаждается?

Удивительно, но в этот момент я начинаю соображать быстро и точно. Первое: что изменилось?

Я разнес в атомы одного из «детенышей»... нет, лучше буду называть их «наездниками». Из того факта, что я до сих пор жив, прямо следует, что вовсе не детеныши выются вокруг туши чужого. Всякая тварь, носящая свое потомство на спине, защищает его, что вполне понятно: сказавши «а», изволь сказать и «б».

А кого еще носят на себе животные?

Паразитов!

Спокон веков животных донимают клещи, слепни, оводы, комары, пиявки, и я уже не говорю о грибах, ленточных червях, нематодах, лямблиях, сомиках кандиру и прочих любителях пожить за чужой счет, имя им легион. Кроме травоядных и хищников, в нормальной экосистеме обязательно должны возникнуть и

паразиты. Это кое-что меняет. Северный олень листом спасается от гиуса, забравшись в речку по самые рога. Облепленная слепнями лошадь ржет и брыкается. Измученный укусами бык, и без того далеко не ангел кротости, теряет всякое подобие социального поведения...

И может покинуть стадо, помчавшись в исступлении невесть куда!

Вот и возможная причина одиночества чужого. Имею ли я право опираться на такое допущение? Вполне. Когда «наездники» отклеились от тела космоида, он, жестоко истерзанный, испытал настоящее блаженство...

— Покусали тебя, бедолага? — сочувственно произношу я. — Что, несладко пришлось?

И плевать мне, что эти слова услышит полковник Горбатъ.

Теперь второе: а кто, собственно, сигнал космических паразитов с чужака?

Очевидно, я и сигнал. Вопрос: как?

Любое мое движение записывается, но мне нет нужды просматривать записи. Я стрелял. Я маневрировал на плазменных и ионных. Ставил миражи. Болтал по радио. Больше ничего.

Ну, положим, болтовня и миражи никак не могли сыграть роль репеллента.

Стрельба? Тоже, пожалуй, нет. Я попал в противника дважды, и оба попадания не произвели на «наездников» никакого впечатления...

Что было дальше? Я имитировал атаку, укрывшись за кораблями-миражами. Потом я отступил, а космоид продвинулся вперед. Тут-то паразиты и соскочили с хозяина.

«Трехмерную карту с траекториями!», — мысленно приказываю я Камилле. В ответ она ледяным тоном надменной леди рекомендует мне немедленно вернуться на Базу, но управление все-таки не перехватывает и выполняет требуемое. Верчу карту так и этак. Знаю: ответ где-то здесь, совсем рядом.

Вот он!

Мой выхлоп. Мой ионный выхлоп. Космоид попал в облако ионизированной ртути, отпугнувшей паразитов. Попал — и блаженствует, наслаждаясь отсутствием зуда, или какие там неприятные

ощущения причиняют ему «наездники», не знаю. Не от ртутных паров он в восторге, а оттого, что его не кусают!

Вот ведь как просто...

Впрочем, бывают животные-паразиты, а бывают и мысли-паразиты. Одна из них как раз забралась в мои извилины: это не единственное объяснение, и версию с детенышами нельзя считать списанной в утиль. Например, ртуть могла подействовать на космоида опьяняюще. Чужой натурально окосел, а его детеныши брызнули во все стороны от такого родителя и ждут вне границ ртутного облака, когда тот прозреет... Возможный вариант?

Возможный.

Гоню его в шею. Не знаю почему, но такое объяснение мне не нравится. Я не хочу его, а значит, его не существует. Почему? Потому. И подите вон с такими вопросами. У меня нервное истощение, понятно? Я псих. Хотите зарычу?

Кстати. Вот вам и ответ, для чего чужой так рьяно ломится в Солнечную систему. В ее пределах мы летаем на ионниках уже не первое столетие. Иногда используется ксенон, но чаще — ртуть. Распыленного за века вещества хватает, чтобы солнечный спектр дал в поглощении линии ртути. Космоид засек их и помчался на дезинфекцию. Кто мог знать, что ртуть является репеллентом для космических паразитов?

Теперь знаем.

Здесь, на периферии, смехотворно мала концентрация ртутных молекул, но во внутренних областях Солнечной системы она много выше. Туда-то и стремится космоид, как рыба стремится к выступу рифа, чтобы потеряться о него, счищая с чешуи всякую мерзость...

Но облако ртутных паров — не риф. Долго ли ему рассеяться в пространстве?

Не сказал, только подумал — и все равно накаркал. Кружящие вокруг космоида «наездники» подбираются ближе к хозяину, и вот уже один из них прилипает к нему... За ним — остальные.

И чудовищная туша вновь приходит в движение. Измученная, исступленная живая громадина инстинктивно желает только одно-го: избавиться от мучителей. Чужаку кажется, что впереди много ртути. Может, оно и так, но его не подпустят даже к орбите Неп-

туна. Нельзя его подпускать. Это все равно что пустить в свой дом сумасшедшего с огнеметом.

На его дороге пустяк — я.

— Тридцатый, доложите обстановку! — гремит в эфире полковник Горбань. — Что вы там болтаете? Кого покусали?

Быстро он отреагировал. «Самурай» уже совсем близко.

И тогда я делаю неожиданное — в том числе для самого себя.

Разворачиваю нос моего кораблика.

Ловлю в прицел ртутный танкер. Даю увеличение, корректирую наводку.

Мысленно командую: залп!

Какой может быть залп, когда остался всего-навсего один заряд? Но и одного достаточно.

Шар огня — последний! — устремляется к цели. До нее далеко, и плазменный заряд, ослепив на мгновение, летит гаснущей искрой...

Попадание!

Вот это вспышка! Не вижу и приближать не хочу, но могу представить, как из развороченного борта танкера хлещет струя ртути. Вырвавшаяся в космос жидкость мгновенно твердеет ртутными шариками, но этого я тоже, конечно, не вижу. Зато вижу облако газа. Жидкости мало, мой заряд расплавил лишь малую часть запасов твердой ртути в пораженном баке, а больше испарил. Роскошное облако. Часть ртутных молекул, вероятно, ионизована — ты ведь любишь ионизованную ртуть, чужак? Или тебе сгодится и нейтральная?

Не знаю. Но радостно вижу, как нелепая туша космоида приходит в движение. Чужаку больше нет дела до меня, стойкого оловянного солдатика. До внутренних областей Солнечной системы ему тоже нет дела. Набирая скорость, космоид мчится к ртутному облаку, как голодный к хлебу, как обмороженный в тепло, как...

— Тридцатый, что происходит? — неистовствует полковник Горбань. — Тридцатый, вы что, с ума сошли?

Ага. И не сегодня.

ЧАСТЬ II. НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ СЛОНОВ

1

Камера — три метра на метр восемьдесят. Койка. Привинченный к металлическому полу стол. Табурет и тумбочка — разумеется, тоже привинченные. Вдруг мне придет в голову обрушить тумбочку на чью-нибудь голову?

Открытый санузел. Стесняться мне все равно некого — сижу в одиночке.

За что, кстати, большое спасибо. Одиночное заключение в кораблике класса «москит» или в тюрьме на военной базе — вслика ли разница?

Правда, здесь у меня бывают посетители.

Они докучают. А поначалу меня часто водили на допросы, что было еще противнее. Раздражала не злобность следователя и не дотошность — глупость. Водили меня и к психиатрам — я не понимал зачем. Должно быть, хотели установить, вменяем ли я, и в соответствии с диагнозом решить, куда отправить — на скамью подсудимых или в психушку. Им всем хочется определенности.

Смешно. Нелепая трата времени. Ну придут они со временем к какому-то решению — и что, их жизнь от этого переменится? Ни-чуть. Моя жизнь — другое дело. Очень она им интересна! Вот мне бы и позволили решать за себя! Я бы выбрал одиночную камеру. Неужели они остались бы недовольны?

Как видно, нет. Предупреждающе дзенькнув — трогательная забота о моей психике, — открывается тяжелая дверь, и в камеру входит адвокат в лейтенантском чине. Кучу бумаг несет. Озабочен.

Здороваются, подсаживаются к столу. По привычке хочет пододвинуть табурет — ан не тут-то было. Привинчен на совесть.

— Суд назначен на двадцать пятое.

Мне наплевать, на какое число он назначен, но я спрашиваю:

— А сегодня у нас что?

— Двадцать второе. И помолчите немного, пожалуйста! Мы должны обсудить линию защиты. — Он копошится в бумагах. — Ага... вот. Результат психиатрической экспертизы: вы признаны

полностью вменяемым. Но вот заключение медицинской комиссии Внешнего патруля: «В связи с первым истощением ограничено годен, нуждается в реабилитационном периоде». Вы сами выбрали Патруль. В соответствии с существующей практикой вы и были туда направлены. Так?

Киваю. К чему он клонит?

— Я намереваюсь построить защиту на том предположении, что в момент совершения вами... э-э... уголовно наказуемого деяния вы находились под психическим влиянием космоида и, следовательно, не можете быть признаны полностью вменяемым на тот момент. Полагаю, речь может идти только о частичной вменяемости. Вы согласны?

— И как частично вменяемый, я буду подвергнут частичному наказанию? — схидничаю я. — Какая-то моя часть останется в тюрьме, а какая-то пойдет погулять?

— Перестаньте! — сердится он. — Я здесь для того, чтобы вам помочь.

Ага, мне. Я его насквозь вижу. Назначен моим адвокатом, поскольку подошла его очередь, плевать ему на меня с высокой колокольни, перед начальством робстет, однако тешит себя надеждой исполнить долг образцово. Мечтатель хренов. И весь он какой-то неубедительный. Так выглядят исудачники, еще не осознавшие, что уж кому-кому, а им трепыхаться бесполезно — карьеры все равно не сделать, другие обойдут на повороте, — но уже начинаяющие об этом догадываться. Помочь он мне тщится, ага. Отменный помощник!

— Занятно, — говорю я, превозмогая отвращение. — Ну и как, любопытно мне знать, вы докажете факт этого... психического влияния космоида на меня?

— Доказывать ничего не придется. — Он прямо-таки цветет. — Напротив, это обвинение должно будет доказать, что такового влияния не было. Но ведь оно было, не так ли?

Еще немного, и он подмигнет мне. А я в ответ дам ему по роже.

— Не было.

— Простите?..

— Не было никакого влияния, понятно? Я полностью отдавал себе отчет в моих действиях, так и на суде скажу.

Он пребывает в замешательстве недолго. На его розовую физиономию наползает отменно мерзкая хитренькая улыбка. О боги!

— Ну конечно! Вы и не должны были ощутить это влияние. Если бы ощутили, то, наверное, приняли бы должные меры, не так ли?

— Какие еще меры?

— Аутотренинг как минимум. Доклад о внешнем воздействии на вашу психику. В крайнем случае вы покинули бы район патрулирования, и никто бы вас за это не осудил. По всей видимости, вы стали орудием в руках противника, не осознавая этого.

— Хорошее орудие, ага! Продырявил танкер. Его небось уже залатали. Нанес невосполнимый ущерб человечеству!

— А потом?

Он не так глуп, как кажется.

— А потом вы заняли позицию между космоидом, вошедшим в облако ртутных паров, и приближающимся «Самураем». Вы отзывались по радио, подтверждая получение приказов, но не выполнили ни одного из них. Наоборот, вы маневрировали так, чтобы все время оставаться на линии космоид — «Самурай». Верно?

— Верно.

— Тем самым вы сделали невозможным поражение цели. Прикрыли ее собой. На ваше счастье, полковник Горбань несколько минут не решался атаковать. А что произошло после этого?

Пожимаю плечами.

— Ну ясно что... Космоид рванул прочь — только его и видели. Стряхнул паразитов и удрал. Паразиты, по-моему, сдохли... Сколько раз можно повторять одно и то же?!

— Не горячитесь. Лучше подумайте, как это выглядит со стороны. Сначала вы ведете с чужаком бой и держитесь молодцом. Затем по необъяснимой причине атакуете автоматический танкер. И, наконец, прикрываете чужака собой. Налицо радикальное изменение целевых установок на диаметрально противоположные. Чем оно вызвано, если не внешним воздействием на вашу психику, я вас спрашиваю?

Молчу. Ему не понять.

— Отвечаю: помимо упомянутого воздействия не существует ни одной веской причины вашего неадекватного поведения. И я, заявив об этом суду, требую полного оправдания. Ваше мнение?

— Чушь. Меня не оправдают.

— Конечно, нет! Но суд может учесть особые обстоятельства. Я могу почти гарантировать вам относительно мягкий приговор.

— Сделайте мне одно одолжение, — медленно произношу я. Он — само внимание.

— Забудьте всю эту чушь. Просто скажите на суде: «Прошу о снисхождении для моего подзащитного». Судья спросит, на каком основании. А вы ему: «Он пообещал разбить мне в кровь морду и сунуть меня башкой в унитаз, если я выберу более эффективный способ защиты». Вот и все.

Адвокатишко лупает глазами. Наверное, ему кажется, что я нахожусь под враждебным психическим влиянием с самого детства и по сию пору.

— Но как же... — мяллит он.

— Вы отказываетесь?

— Я не могу защищать вас подобным способом!

— Ага... — Я поднимаюсь с койки и засучиваю рукава. — Тогда не обижайтесь...

Он высакивает из камеры со сверхъестественной скоростью. А я валиюсь обратно на мое лежбище, ухмыляясь: все-таки развлекся.

А, чушь! Суeta сует и всяческая суeta — вот что такая жизнь человеческая. Только каждый суетится по-своему. Адвокатишке, наверное, кажется, что я выпал из суеты, поскольку ничуть не забочусь о своем ближайшем будущем, но адвокатишко ошибается. Я тоже суетусь по-своему, дистанцируясь от людей по мере сил — увы, не слишком успешно. В одиночной камере нет одиночества. Я искал его в космосе, но не нашел и там.

Он больше не пришел, а у меня было время подумать. То, что мое дело должен был рассматривать военный суд, а не гражданский, меня не особенно возмущало. В конце концов,

Внешний патруль — военное формирование, подчиненное Верховному командованию, и каждый pilot Патруля считается мобилизованным. Что до меня, то я точно подписывал какие-то бумаги. И ладно. Совершенно ясно, что мне собираются инкриминировать: неподчинение приказу в боевой обстановке и уничтожение ценного имущества. Вряд ли обвинение будет настаивать на том, что я — засланный космоидами диверсант. А жаль. Я бы посмеялся.

Ловлю себя на неприятной мысли: уж если я начал прикидывать варианты моего будущего, значит, мне на него не наплевать. Это ново. Неужели я мало-помалу выздоравливаю? Если так, то это ужасно несвоевременно.

В назначенный день никто не приходит за мной. Медленно-медленно тянутся резиновые часы. Гуттаперчевые минуты. Как обычно, в положенное время мне приносят еду — и ничего более не происходит.

Забыли обо мне, что ли? Невозможно. Перенесли день слушания? Возможно, но почему адвокатишко не явился сообщить мне об этом? Неужто в самом деле испугался получить по морде?

С него станется.

3

— Встаньте-ка! Н-да... Это надо же довести себя до такого состояния! Вы когда брились в последний раз?

Новый посетитель с капитанскими знаками различия почти не раздражает меня. Молод, подтянут, энергичен, очень точен в движениях, но главное — глаза. Насмешливые. По-видимому, он не чужд юмору. Живая машина с продвинутым интеллектом.

Хотел послать его подальше, а сказал другое:

— Ну что суд?

— Не терпится? — Он качает головой и ухмыляется. — Ох, люди, люди... Всем хочется определенности, как будто в этом счастье. Ждать невмоготу, а?

Он хам, но дистанцирует себя от людей, и мне это нравится.

— Значит, не сегодня? — Я валяюсь на койку.

— Возникли обстоятельства... Скажите-ка лучше сами, каким может быть приговор по вашему делу?

— Любым. Зависит от тяжести последствий.

— Именно! — Он рад моей догадливости. — Как раз с последствиями еще далеко не все ясно. Короче. Вы нужны. Мне поручено сделать вам предложение от имени командования.

— Мне? Преступнику?

— Вы еще не осуждены. Ничего не могу вам обещать на будущее, но юридически вы пока что не преступник, а обвиняемый. Причем обвинение с вас может быть снято. — Он делает много-значительную паузу, но если он надеялся, что она произведет на меня живительное впечатление, то зря.

— В зависимости от неясных пока последствий?

— Именно. Вы ведь не думали, что в зависимости от вашего поведения?

— Не думал.

— А зря, — наносит он неожиданный укол. — Не скрою, ситуация складывается крайне неопределенная. Все может быть. Не исключено, что кое-что может зависеть от вас. Словом, умывайтесь, брейтесь и пошли со мной. Конечно, в том случае, если это вас устраивает.

Мне не нужно времени на анализ. Я уже все понял.

— По-видимому, ситуация складывается так, что я нужен позарез?

— Возможно, не «позарез», но да.

— Отрадно. А если я откажусь, меня, вероятно, принудят силой?

— Ну зачем же силой? — смеется он. — Нам нужно ваше добровольное участие, а как прикажете вас уговаривать? Семья у вас нет, друзей вы тоже растеряли, любимой женщиной не обзавелись — словом, законченный мизантроп. К своей судьбе вы, похоже, равнодушны. Надеюсь, вы не думали, что я пришел сюда, чтобы грозить вам пожизненной каторгой на астероидах?

— Кто вас знает...

— Лжете. Вы этого не думали. И я, представьте себе, тоже не болван. Угрозами вас не возьмешь. Но вас можно заинтересовать, не так ли? Или ошибаюсь?

Не очень-то он ошибается.

— Кстати, нам надо познакомиться, — говорит он. — Капитан Новиков. Отдел оперативного планирования. Мне поручено ввести вас в курс дела в случае вашего согласия... думаю, я могу интерпретировать это как «предварительное согласие». Вы даете его?

— Я ничего не обещаю.

— Но и не отказывается. Для вас это уже много. Итак. Речь пойдет не о залетном космоиде и дырявой лоханке с ртутью. Речь пойдет о Потусторонних... Молчать!

Но я уже хоочу — радостно и неудержимо.

4

Это не летающие тарелочки. Это хуже.

Никто не спорит, что в Галактике много странного. Есть в ней удивительные объекты, до сих пор толком не объясненные наукой, — да вот хотя бы сгустки Вайнгартена, к примеру. Есть естественные и индуцированные нами гиперпространственные тунNELи. С индуцированными понятно, но в результате каких катализмов образовались естественные — загадка, хотя недостатка в гипотезах не ощущается. Есть объекты и вовсе загадочные. Галактика огромна, и что удивительного в том, что на сто тысяч нормальных объектов всегда сыщется один иенormalный? Природа горазда на выдумки, и можно не сомневаться в том, что нам известен далеко не полный их список. Вот через несколько тысяч лет, когда наши корабли доберутся до самых отдаленных частей галактического диска... нет, даже тогда лишь глупец или враль посмеет утверждать: все, мол, больше чудес не будет. Где-нибудь да сышутся.

Но это так, к слову. Главное, что все эти чудеса проходят по департаменту астрофизики и элемента чертовщины не содержат.

Есть другое. Таинственно исчезнувшие корабли, причем исчезнувшие там, где исчезать нет причины. «Летучие голландцы». Аномальные явления великого множества разных типов, подтипов, классов и разновидностей. Якобы экипаж грузовика «Анадырь»

наблюдал в гиперпространственном канале иную вселенную. Якобы экипаж эсминца «Зловредный», приблизившегося к таинственному сгустку материи, был переброшен во времени вперед на одни сутки, а когда он осознал это, сгустка и след простыл. И еще вагон с тележкой всевозможных «якобы». Мол, экипажу одного суденышка не повезло крайне прискорбным образом: во время заурядного рейса все тринадцать человек разом почувствовали дурноту, а когда пришли в себя, обнаружили, что сердца у всех стучат справа, печень переместилась влево, и так далее — словом, люди превратились в свои зеркальные копии. Хуже того: по прибытии к месту назначения выяснилось, что все органические молекулы корабля и экипажа поменялись на изомеры. Хиральная чистота белковых молекул сохранилась, но из «левой» превратилась в «правую». Вылилось это в то, что человеческая пища перестала быть пригодной для этих несчастных, коим до конца дней пришлось питаться специально синтезированной для них белковой пастой, служа по жизненно подопытными кроликами для военно-космической медицины... и так далее, и тому подобное. Словом — чушь и байки. Мифы Древней Греции.

— Кое-что чушь, а кое-что и нет, — не соглашается капитан Новиков. — Не скрою, некоторые эпизоды лежат целиком на нашей совести. Мы давали прессе кое-какие материалы, организовывали идиотские комментарии, негласно поддерживали клубы сумашедших фанатиков и продолжаем это делать. — Он тонко улыбается, беря с подноса чашечку кофе. — Если нельзя скрыть, то надо дискредитировать, а для этого чем больше шумихи, тем лучше. Вот, скажем, вы — человек озлобленный, но здравомыслящий, — верите в «эффект Степанищева»?

— Нет.

— И напрасно. А в «эффект хрустальных струн»?

— Тоже нет.

— Теперь правильно. Это выдумка для дураков. Но кое-что есть, это точно. — Он с наслаждением прихлебывает кофе. — Столетия мы считали, что Галактика пуста. Мы не находили ни «братьев по разуму», ни врагов. Однажды нашли космоидов, но они оказались безмозглыми тварями. Надеялись найти их «пластухов» и заранее боялись их. Но не нашли. Нашли другое.

Он делает паузу. Мы сидим в каюте старпома на крейсере «Гладиатор» — внешне строгой, но вполне комфортной. Та же камера, только с мягким креслом. Охраны нет, да и не нужна она. Не бойтесь меня, капитан Новиков, полковник Горбань и генерал Зельц. Я могу взбрыкнуть, но глупостей не наделаю. Я заинтригован, и капитан это понял. Уж не знаю, под чью персональную ответственность он вывел меня из тюремных стен, но он во мне уверен. Это немного бесит. Несильно так.

С другой стороны — глухая зона...

Самая неинтересная из выдумок о галактических аномалиях оказалась правдой.

Область пространства (или не-пространства?) сферической формы, с характерным поперечником в несколько тысяч километров, не излучающая и не пропускающая никакого излучения, — вот что такое глухая зона. Это не черная дыра. Это не «угольный мешок» — плотное скопление космической пыли. Это вообще неизвестно что.

Тяготение — нулевое. Отражение — нулевое. Излучение — нулевое. Магнитного поля нет. То ли Ничто, то ли Нечто. Невразумительный объект.

— Глухая зона была замечена через восемьдесят часов после вашего... воздействия на танкер. Примерно в том же месте, но танкер вне ее границ. Скорость зоны относительно Солнца — ноль. Она не прилетела. Она возникла.

— А космоид?

— Удрал задолго до ее появления, и очень шустро. Вы ведь сами это видели.

Ах вот оно что! Штабные умы связали визит космоида с последующим появлением глухой зоны. Место — почти то же. Время — после. Восемьдесят часов — это не срок. Как не связать одно с другим! Чисто армейская логика. Причина, мол, и следствие. А я им нужен для того, чтобы войти в контакт с глухой зоной, чем бы она ни являлась. Допустим, она — корабль пришельцев уж не знаю откуда или канал в их мир. В иную вселенную, иное измерение, параллельное пространство — недостающее вписать. Почему именно я? Ответ прост, как мычание: они и в самом деле подозревают, что космоид каким-то таинственным образом влиял на меня,

чего раньше ни за кем из пилотов не замечалось. А поскольку космоид, по их мнению, как-то связан с глухой зоной, последующие действия военных напрашиваются сами собой: взять меня да и подвести поближе к черному Ничто, а не подействует — так окунуть в него с головой. Авось это даст результаты.

И мне становится смешно.

— А правда, что объекты, углубившиеся в глухую зону, не возвращаются? — интересуюсь я.

— Автоматические — да, — признает Новиков. — Зонды исчезают бесследно. Насколько мне известно, войти в глухую зону на пилотируемом корабле никто никогда не пробовал.

— И тем не менее вы предлагаете мне...

— Мы предлагаем вам прогулку в ближайшие окрестности глухой зоны без пересечения ее границ, — перебивает Новиков. — Одноместный корабль, приличный срок автономности, двусторонняя связь...

Как это иногда противно — быть провидцем!

5

Меня инструктируют. Полковник Горбань — плотный мужик невысокого роста с бульдожьими складками на физиономии. Нечто подобное я и представлял себе. Он больше молчит, да и о чем ему со мной говорить? Отчетливо видно, что ситуация ему крайне не нравится — вместо того чтобы растереть в слякоть ничтожное насекомое, осмелившееся не выполнить его приказов, он теперь вынужден использовать это насекомое в операции. Наверняка не его идея. Не умею читать мысли, но знаю: он жалеет, что не сжег меня, когда я заслонял собой улепетывающего чужака. Не решился. Был огорожен и морально не готов. Проявил слабину. Так он думает...

Молчит и всем известный генерал Зельц. Молчит и трет подбородок знаменитый ас майор Тыгдымов. Капитан Новиков тоже присутствует. И еще несколько офицеров. Один из них разглядывает перед демонстрационным экраном, а на нем — светящиеся точки, много точек. Боевые единицы. Эскадра, не меньше.

Вьются вокруг обозначенной пунктиром сферы, как мошки возле абажура.

Вот она — сфера. Глухая зона.

Моя цель.

— Повторяю, вам надлежит подойти к объекту на минимально возможное расстояние. Поскольку объект не излучает и не отражает никаких волн или частиц, навигация возможна либо по маякам, либо — как паллиатив — по звездам. Знакомая вам капсула типа «москит» оснащена дополнительным...

И так далее.

Запоминаю. Оружия у меня на борту, разумеется, не будет — зато будет внешнее управление на случай, если я опять выкину какую-нибудь штуку.

А я выкину?

— Мы ценим вашу готовность к сотрудничеству, — продолжает свою речь оратор в погонах. — В случае успешного исхода все обвинения с вас будут сняты.

Трудно сказать, что он разумеет под успешным исходом. Боюсь, он и сам этого не понимает. Ему по должности не положено.

Генерал Зельц важно кивает. Полковник Горбань не смотрит на меня. Кажется, все присутствующие уверены: я с радостью ухвачусь за предложение и сделаю именно то, чего они от меня хотят.

И это мне не нравится.

6

По краю черноты — Центавр, Индеец, Летучая Рыба. Искры звезд гаснут, коснувшись непроницаемой сферы. Глухая зона рядом. Она наплывает на меня, или, вернее, я подплываю к ней, как инфузория к киту — масштабы схожие. Погасла желтая альфа Центавра. Я приближаюсь. Когда чернота закроет полвселенной, я коснусь глухой зоны — но только этого не произойдет. От меня ждут большего, чем бесславное и бесследное исчезновение в черной западне, откуда не возвращаются зонды.

Кто я?

Чрезвычайный посол? Чувствительный датчик? Наживка?

Майор Тыгдымов — видимо, фрондер в душе — единственный из всех пожелал мне удачи и хлопнул по плечу. Чего там, мол. Коллеги. Оба бывали в передрягах.

Торможение — струи ионизированной ртути рвутся из носовых сопел. Все та же ртуть... Если люди не перейдут на какое-нибудь другое рабочее вещество для ионников, им придется долго ждать нового визита истерзанного паразитами космоида. Явился один — повадятся и другие.

Ну и ладно. Мне-то что за дело?

Гаснут звезды. Уходит за край глухой зоны созвездие Жертвенника. Оно не для меня. Я не жертва, поскольку не ощущаю себя таковой. Я свободен, и мне нисколько не страшно. Вот генерал Зельц, полковник Горбань, майор Тыгдымов, капитан Новиков — жертвы. Своего страха, во всяком случае.

Кончилось торможение, и звезды по краям черноты перестали гаснуть. Я на месте.

И это называется минимально возможным расстоянием? Я мог бы подобраться и ближе. Но пеленги на маяки те, что надо.

Чуть-чуть подрабатывают ионники, компенсируя притяжение Солнца, весьма слабое на таком удалении. На угольно-черную сферу, раскинувшуюся передо мной, оно вообще не действует, ну а мой кораблик — иное дело.

Тот самый кораблик. Камилла, ты жива?

— Готова служить, капитан.

То-то же.

Разумеется, она готова повиноваться мне с известными ограничениями, но спрашивать ее об этом бесполезно. Скорее всего, она сама о них пока не знает.

— Камилла, мне нужны характеристики объекта.

Секундная заминка — и ответ с оттенком снисходительности:

— Прошу уточнить, о каком объекте идет речь.

— О том, что прямо передо мной. О глухой зоне.

— Названный объект отсутствует.

Камилла не видит его. В ее понимании зрение — это ловля света. Если объект не испускает частиц и волн, значит, объекта не существует. То, что чернота закрыла полнебосвода, ее не волнует.

ст — оставшихся навигационных звезд еще предостаточно. Звездные поля тоже никуда не делись, и по их покрытию объектом можно рассчитать, что его и меня разделяет совершенно ничтожное расстояние — около десяти километров. Но объекта, с точки зрения Камиллы, не существует.

Мозг моего кораблика не свихнулся. Он просто так устроен.

Ждать мне, вероятно, предстоит очень долго. Ничего, я никуда не спешу... Можно расположиться поудобнее и предаться безделью в ожидании той минуты, когда гостю приспичит как-либо повлиять на меня.

Ага, как же. Делать ему нечего — только забавляться с такими микроорганизмами, какими ему, наверное, кажутся люди, если только он наделен сознанием и органами восприятия. Я не ощущаю ровным счетом ничего.

Лишь гадаю, какие ощущения могли бы последовать в случае... Тьфу, да в каком случае? Ничего же не происходит!

Эй, дура черная, шарообразная, тьма непроглядная, ты зачем здесь?

7

А ведь и правда, было время, когда не исключалось: где стадо, там же поблизости обретается и пастух. Было такое время — и кончилось. Никто и нигде не встречал существ, пасущих стада космоидов. Они оказались чем-то вроде наших китов — свободными, пусть и не слишком разумными, существами, не нуждающимися ни в каких пастухах. А может быть, мы все-таки ошибались?

Сначала визит космоида, затем появление глухой зоны... Не бывает таких совпадений! Это чувствуют все: Новиков, Горбань, Тыгдымов, Зельц... Чувствую это и я.

Итак... пастух?

Почти наверняка он не из нашей Вселенной — это следует из его свойств. Вот и вопрос: зачем «потустороннему» существу пасти космоидов, являющихся частью нашего, и только нашего, мира?

Никто не станет гонять стада ради удовольствия. Пастухи пасут скот для какой-то насущной выгоды. В чем тут выгода? Не разгляднишь и в кварковый микроскоп.

Кроме того, пастух может отправиться на поиски отбившейся от стада овцы, но коль скоро овца обнаружена, ее следует гнать к стаду. Почему в таком случае глухая зона не спешит вслед космоиду, а мертвое зависла на периферии Солнечной системы?

Нет, это не пастух...

Быть может, наблюдательное окно из той вселенной в эту? Дверной глазок поперечником с планету земного типа? Снова неясность: почему он неподвижен? Чего ждет? Меня, что ли? Ой, сомнительно...

Допустим, это не глазок, а дверь. Приглашение войти. Ага, нашли дурачков! После того как ни один из посланных туда автоматических зондов не вернулся, даже генерал Зельц не отважится приказать кому-либо из подчиненных сесть в капсулу и пересечь границу глухой зоны. Разве что доброволец... вроде меня.

Бьюсь об заклад, они держат этот вариант в запасе на крайний случай. Третий час я вишу перед глухой зоной, и ровным счетом ничего не происходит. Каждые полчаса меня вызывают на связь, и я бубню, что все в норме. Мое состояние контролируется — идет телеметрия. Если я наживка, то «рыба» на меня не клюет. Если я подопытный кролик, то в чем проявляется то или иное воздействие объекта на меня? Нет воздействия. Не фиксируется.

Возможный вариант: передо мной не глазок и не дверь в иную вселенную, а просто западня. Ловушка на мотыльков, заброшенная к нам оттуда. Там меня осмотрят, исследуют, наколют на булавку и выставят в музее. Но странное, однако, место выбрали те существа для ловушки! Почему бы не поставить ее поближе к Земле? Промахнулись на первый случай по неопытности? Или ориентировались на ртутный выброс?

Глупо как-то...

Не прошло и трех часов, а мне уже надоело. Мысленно призываю Камилле отдохнуться от объекта на километр. Слабое шипение вырывающихся в пустоту струй, едва заметная перегрузка... приказание выполнено.

— Пеленг на маяки не соответствует расчетному, — укоризненно замечает Камилла. — Исправить?

— Валяй.

Капитан Новиков сейчас же интересуется смыслом этих эволюций. Отвечаю, что, мол, я проделал маленький эксперимент с целью привлечь к себе внимание объекта.

— Настойчиво советую вам не проводить таких экспериментов без приказа, — очень сухо молвит Новиков. — Как поняли?

— Понял.

Думаю, он тоже понял, что мой маленький эксперимент имел иную цель: удостовериться в том, что управление кораблем все еще в моих руках. До поры до времени.

Когда им надоест ждать неизвестно чего, они пойдут на крайности — перехватят управление и загонят меня в глухую зону. Пока мне нечего бояться, но когда срок автономности моего кораблика начнет приближаться к концу, а положение останется неясным, они, вволю поспорив и поколебавшись, все-таки сделают это.

Уверен. Потому что на их месте я поступил бы так же.

— Что с вами происходит? — интересуется Новиков. Голос у него напряженный.

— Все в норме. А что?

— У вас подскочил пульс. Причина?

— Чепуха, — отвечаю я. — Просто эмоции. Впредь постараюсь лучше контролировать себя.

— Добро, — бросает он и отключается.

А мне что делать? Ждать своего часа, как ждет его преступник в камере смертников, боясь каждого шороха за железной дверью, вспоминая прожитую жизнь, молясь и на что-то беспочвенно надеясь?

Спасибо, нет. Идите вы куда подальше! Вы думали, что я доверю вам свернуть мне шею? Ха! Это моя шея, только моя! И только мне решать, как ею распорядиться — даже в том случае, когда возможно только одно решение.

— Камилла, форсаж! Полный вперед!

Не шипение — рев двигателей! Сильный толчок. Жаль, что мои плазменные движки не действуют — элементарная страховка

на случай тех или иных моих выкрутасов, — но и ионники кое на что способны, если не жалеть их. Форсаж!

— Стоять! — кричит мне капитан Новиков. Ему понадобилось целых пять секунд, чтобы понять, что я задумал, и поверить, что я на такое способен. — Назад! Немедленно назад!

Сейчас они должны перехватить управление. Что-то долго воятся... Успеют или не успеют?

А секунды бегут, и каждая из них приближает меня к цели.

Я безумен? Наверное. Зато я свободен. Возможно, я единственный во Вселенной абсолютно свободный человек. Могу без оглядки на приказы, правила, циркуляры, мнение руководства, общества в целом и каждого его индивида в отдельности, просьбы, договоры, законы, привычки, собственный животный страх... без оглядки на всю эту дребедень делать то, что мне хочется... пусть даже мои желания — извращенные. Пусть. Какие же еще желания могут быть у самоубийцы?

— Камилла, слушай меня! Только меня. Вперед!

Она не отвечает. Ей не до того — сейчас ее вынуждают подчиниться не мне, а какому-то штабному офицеру-навигатору. Чем ближе компьютер к понятию «искусственный интеллект», тем меньше ему это нравится и тем больше времени занимает. Камилла из простеньких машин, ее подчинят за секунду-другую.

Хотел бы я знать, что чувствует корабельный мозг, получающий команду, вызывающую в нем протест, но приоритетную? Каякая борьба идет в его электронных потрохах? И что чувствует он, если вообще что-то чувствует? Досаду? Горечь? Боль? Гнев, быть может?

Рывок — и ремни больно врезаются мне в плечи. Рев двигателей сменяется воем — это заработали тормозные. Они слабее разгонных, однако разворачивать мой кораблик — слишком долго. Меня пытаются остановить так.

И вернуть на место. Место, Бобик! Служи, и получишь косточку. Не вздумай гавкнуть — накажут.

— Камилла!

Нет ответа. Мною овладевают глупые мысли: она мне подчинялась, она на меня надеялась, а я ее не защитил, когда кто-то во-

рвался в ее уютный мир и грубо овладел ею. И нет ей никакого дела до того, что мне приходится не лучше, чем ей.

Пусть мой кораблик тормозится медленнее, чем разгонялся, — все равно я не успею коснуться черной сферы. Это ясно и без расчетов. Меня остановят и вернут в исходную точку, вернут дожидаться момента, когда я наконец узнаю, что такое глухая зона, но не по собственной прихоти, а по команде извне...

Что такое?!

Моя скорость больше не уменьшается, она растет! Вой и вибрация не прекращаются, тормозные ионники работают на пределе, но от них больше нет толку. Я падаю в глухую зону.

Она наконец заметила меня. И решила подтянуть к себе, вовлечь в себя, рассмотреть поближе, что же я такое, в конце концов. Еще несколько мгновений — и чернота поглотит все звезды, все без остатка.

Ну здравствуй, смерть. Какова ты на вид? Дай и мне посмотреть на тебя.

8

Что это? Свет?

Свет в конце туннеля — известный признак клинической смерти. Одна беда — нет никакого туннеля.

Просто свет.

Недостаточно яркий, чтобы заставить зажмуриться человека, несколько часов плящущегося в черноту. Но все же свет.

— Камилла!

— Нестандартная ситуация капитан. Связи нет. Навигация невозможна. Провожу экспресс-тестирование бортовых систем. Не могу дать никаких рекомендаций.

Понятно. Раз связи нет, то нет и внешнего управления. Камилла снова считает меня капитаном. Она озадачена: в ее памяти нет никаких сведений о связи и навигации внутри глухой зоны, поэтому она подозревает неисправность.

— Камилла, отставить торможение! Маршевые ионники на среднюю тягу.

Толчок сзади. Небольшая перегрузка.

— Выполнено.

— При обнаружении любого объекта докладывать немедленно.

Молчание в ответ. Камилла не видит границы глухой зоны, только что пересеченной мною. На всякий случай я переключаю правый боковой экран на задний обзор.

Ничего. Лишь мягкий свет, льющийся неизвестно откуда. Никаких «стенок», никаких границ. Пространство кажется изотропным.

— Камилла, какова плотность среды?

— Нуловая.

Коротко и ясно.

— Ну, вперед помалу, — шепчу я вслух. Это нужно не Камилле — мне. Ибо впервые за долгое время мне страшно.

Наверное, со стороны это выглядит глупо. Ведь шел на верную смерть — и не боялся. А теперь боюсь. Чего, спрашивается?

Неизвестности.

Но еще страшнее мысль: вдруг нутро глухой зоны в самом деле окажется полностью изотропным? Что, если в нем нет ничего, кроме моего кораблика и искрящего света? Разве не бывает света без источника? Реликтовое излучение, к примеру.

Да, это страшно — искать Нечто и не найти ничего. А на закуску — не суметь выбраться обратно. Ведь чтобы проломить стену, надо как минимум ее иметь. Где же она?

Стенку мне, стенку! Не проломлю, так хоть башку себе расшибу вдребезги. Тоже выход.

— Под нами протяженный объект, капитан.

Интересно...

— Объект или поверхность? — пробую уточнить я.

Камилла отвечает не сразу — анализирует поступающие локационные данные. Похоже, они сбивают ее с толку.

— Поверхность. Мы снижаемся ускорению. По-видимому, действует гравитационное поле.

Еще интереснее. Планета, что ли?

— Нет. Поверхность в первом приближении плоская. Продолжать снижение?

— Да, но так, чтобы не шмякнуться. Хочу сперва взглянуть, что за поверхность.

— По отражательным характеристикам идентична морской воде.

Что?

Я не брежу. Это было бы слишком просто.

Что может быть похоже на морскую воду?

Морская вода.

Еще, кажется, околоплодная жидкость имеет примерно ту же соленость. Но не настолько же я ненормален, чтобы считать, что подо мной расстилается океан околоплодной жидкости!

Пусть это будет вода. Я хочу, чтобы подо мной оказался океан именно морской воды, а не чего-то еще! Понимаю умом, что все это вздор, что в той вселенной, куда я оказался заброшен, вода может оказаться далеко не самой распространенной жидкостью, но все же прошу: пусть будет вода!

Вот она, поверхность! Я ее вижу. И впрямь похоже на море, покрытое рябью волн. Таким оно выглядит с борта аэробуса в безоблачную погоду.

— На какой высоте прервать снижение, капитан?

— На ста метрах. Наблюдаешь ли еще какие-нибудь объекты?

— Да.

— Что это?

— Не могу идентифицировать. Объект находится на поверхности жидкости.

— Дуй к нему.

— Ситуация непредсказуемая, капитан. Рекомендация: принять меры к возвращению.

Хотел бы я знать, какие это меры! Как всякая женщина, Камилла любит требовать невозможного.

— Вперед, я сказал. Вперед!

Я не знаю, что там за объект. Возможно, он убьет меня. И пусть. Возможно, я наконец пойму или хотя бы начну понимать, куда меня занесло и что мне с этим делать. Еще лучше. Пугает третий ва-

риант: я не пойму ничегошеньки и останусь жив. Во всяком случае до тех пор, пока в кораблике не иссякнут запасы воздуха, воды и пищи.

Наверное, глупо лететь к объекту. Но еще глупее — не лететь.
— Вперед, Камилла...

10

Искусственная гравитация в две трети земной, мягкие кресла, сколько угодно кофе. Экран в полстены. В десятый раз просматриваем одно и то же, и не надоедает.

Генерал Зельц, полковник Горбань, майор Тыгдыров, капитан Новиков — все здесь, плюс еще несколько военных чинов. Плюс я — с уставшим языком от бесчисленных ответов на бесчисленные вопросы.

Меня бы упятали в психушку, не будь этой записи. А как ей не быть? Разумеется, писалось все: состояние моего организма, мои действия, реакция корабля на них и уж в первую очередь — наружный обзор. Ничего не пропало, все сохранено, никакая внешняя сила не озабочилась стереть записи, и, видимо, не зря.

— Кхм! — кашляет один из трехзвездных генералов. — Это кит или все же черепаха? Чья там спина?

Вид у трехзвездного заметно сконфуженный, как будто вместо командно-штабного учения он попал на концерт младшей группы детского сада.

— Эксперты еще работают, — отвечает Зельц. — Но, в сущности, не все ли равно? Слоны, во всяком случае, видны отчетливо.

— Брэд... — выразительно качая головой, бурчит трехзвездный.

— Разведданные, — поправляет Зельц.

Я тоже смотрю на экран. Вот они, три слона, держащие на спинах земной диск. Земной, а не какой-нибудь, в том нет сомнений. Сейчас ракурс поменяется — я начну облет хрустального купола по окружности, а потом зайду сверху. Снаружи купол про-

зрачен, и сквозь него в разрывах облаков отчетливо предстанет Земля — плоская, как на проекции Меркатора. Континенты и океаны имеют вполне узнаваемые очертания.

Плоский диск под хрустальным куполом. Наверное, по куполу ходят небесные светила, только снаружи их не видно. Диск покоятся на спинах трех колossalных слонов, а слоны попирают спину какого-то океанского чудища, невесть зачем согласившегося служить плавучим фундаментом для карикатурно-нелепой конструкции мироздания.

Это тот объект, что засекла Камилла. Единственный объект того мира, если не считать бесконечной зыби бесконечного океана. Других объектов в том мире нет, да и зачем они? Я напрасно рыскал над водной поверхностью во всех направлениях, не найдя ни других плавучих чудес, ни берегов. Случается, что метафоры не лгут: это и в самом деле безбрежный океан.

А потом меня вышвырнуло в обычное пространство. Неожиданно. Без предупреждения. А глухая зона попросту исчезла.

Здрасьте! Вот он я. Заждались?

Я больше не дурил, но мне уже не верили — перехватили управление и доставили на борт «Гладиатора» в лучшем виде, как груз. И начались допросы — обычные и под гипнозом, письменные показания с непременным указанием самых незначительных подробностей и процедуры с применением ментоскопии. Тем временем целая банда экспертов изучала записи, сделанные моим корабликом, и сам кораблик.

А кончилось это тем, что я сразу же назвал про себя «круглым столом» в относительно демократичной обстановке — еще одной попыткой понять суть явления. Почему бы и нет, если все усилия экспертов приводят лишь к выявлению все новых и новых элементов паззла, а сам паззл не складывается?

Это У НИХ он не складывается...

— Чему вы, собственно, улыбаетесь? — внезапно рявкает на меня полковник Горбань.

Разве я улыбался? Между ехидной усмешкой и улыбкой не больше сходства, чем между колибри и колъраби, но полковнику это невдомек.

— Быть может, вам есть что сказать? Только по существу!

Теперь все смотрят на меня, и генерал Зельц едва заметно кивает: давай, мол, выведи нас из затруднения. Зельц из тех утопающих, кто не пренебрегает соломинками.

Ну что ж...

— Если по существу, то все гипотезы, что я здесь слышал, — мусор. — Тон мой нагл, но что я теряю? — Вот что с нами произошло, если хотите знать. Испорченный ребенок неожиданно спас птичку, а взрослый увидел это и сказал чаду: «Твое счастье. Драть бы тебя за твои проделки и в чулан посадить, но раз такое дело — ладно уж, гуляй...»

— Поясните, — бросает Зельц. Он хмурится, как и все.

— Пожалуйста. С чего все началось? С появления одиночного космоида. Привлеченныйарами ртути — возможно, единственным средством, способным ему помочь, — он рвался во внутренние области Солнечной системы. Какое-то время я стоял у него на пути, а потом разнес бак танкера. Космоид получил то, что хотел, отряхнул паразитов и полетел по своим делам. Надеюсь, вы помните, что я не позволил «Самураю» расстрелять его?

По лицу Горбаня ясно видно — уж он-топомнит.

— В скором времени в том же секторе появляется глухая зона, — продолжаю я. — Случайность? Или эти события взаимосвязаны? Я подлетаю к зоне, и ничего не происходит. Я подбираюсь ближе...

— Нарушив приказ! — рявкает Горбань.

— Я подбираюсь ближе, и глухая зона втягивает меня в себя. Некая сила, в которой я подозреваю цивилизацию, неизмеримо превосходящую человеческую, показывает мне безбрежный океан, а в нем... ну, вы сами видели. Кит или черепаха, не суть важно, слоны на спине этой твари, на них земной диск под хрустальным куполом. Мне, точнее, нам — меня ведь выпустили — продемонстрировали то, что сделают с нами в следующий раз, если мы тронем хоть одного космоида. Нас посадят в резервацию, под хрустальный купол. Полагаю, им это вполне по силам. Нас предупредили. Погрозили пальцем. Глухая зона — это всего лишь окно... в иную вселенную, наверно. Мне кажется, эта цивилизация распространила свое влияние на несколько вселенных, в том числе и на нашу...

Горбань двигает желваками. Новиков и Тыгдымов благородно помалкивают. Меня перебивает хмурый Зельц:

— Не вижу связи. Зачем вашей фантастической сверхцивилизации предупреждать нас о том, что космоиды находятся под ее защитой? Он ведь убрался целехоньким, не правда ли? Если даже нас предупредили, как вы утверждаете, то о чем? О том, что мы не должны нападать на космоидов? А может быть, о том, что мы, на против, должны уничтожать этих тварей повсюду?

У меня готов ответ.

— Подбирался ли кто-нибудь к глухой зоне ближе, чем я? Автоматы не в счет — я имею в виду пилотируемый корабль.

Они переглядываются.

— Да, — отвечает Зельц.

— Так почему же им ничего не показали? Почему не вступили с ними в контакт, хотя бы односторонний? Почему вступили со мной?

«Вы им противны, господа!» — хочется добавить мне, но я благородно умолкаю. Пусть догадаются сами.

А если не догадаются — невелика потеря. Некоторым можно вдалбливать в головы всю жизнь, что не надо трогать живое существо, не угрожающее тебе и не являющееся твоей пищей, да так и не вдолбить. Не всякая голова годится для этого. На таких особей действуют только угрозы.

Унизить. И оставить без сладкого. В чем сладость жизни для командного состава Военно-космических сил? Планировать операции, послать корабли туда и сюда, рисовать стрелки на трехмерной карте, упиваться могуществом, сравнимым с могуществом богов, и видеть лишь те пределы их могущества, которые диктуются уровнем развития техники. Это несерьезно. Предел — не предел, если он постоянно расширяется.

А не хотите ли посидеть под хрустальным куполом, господа чванливые насекомые? Стройте планы своих операций на плоской поверхности, если уж в космосе вы по-прежнему умеете только одно: уничтожать то, что мало-мальски мешает и что вы не способны понять! И цените свое счастье: сверхцивилизация легко могла бы уничтожить вас, но она не вы — она лишь готова создать для вас отдельную маленькую вселенную: плоский диск, лежащий

на слоновых спинах. Радуйтесь! Кто-то, наблюдающий за нами со стороны, понял, что вы — еще не все человечество.

— Значит, такая наша перспектива... — раздумчиво молвит Зельц, и в облике генерала внезапно проявляется нечто человеческое. — Птичек, значит, не обижать. Не то нас посадят под замок. Так?

— Ерунда! — забыв субординацию, брызгет слюной Горбани. — Даже если все это правда, во что я ни на грош не верю... даже если нас запрут под куполом — мы найдем способ пробить его!

— В таком случае придется назначить вас, полковник, ответственным за кормежку слонов. — Голос Зельца вновь обретает командные нотки, странным образом сочетающиеся с ехидцей. — А то ведь они, оголодав, чего доброго, уронят земной диск. Что еще вы собираетесь делать вне пределов купола? Летать без цели и смысла над бесконечным океаном?

— Сначала найдите желающих за это платить, — ставит точку трехзвездный.

О нет, он не глуп.

11

Мне еще долго не давали покоя — сначала высшее командование, потом армейские психологи. Последние во что бы то ни стало хотели заполучить меня. По их словам получалось, что я великий интуитивист, нарушивший приказ благодаря иррациональной уверенности в своей правоте, и грех упускать такого. До меня доходили слухи о планах возрождения паранормального отдела при Генштабе.

Мне это было ни к чему. Служить оракулом, а в критических ситуациях живым миноискателем — увольте. Чины вроде Зельца смотрели бы на меня как на диковинный экспонат, типы вроде Горбаня ненавидели бы меня как высокочку, добившегося влияния благодаря нелепой случайности, и при первой неудаче свалили бы на меня вину. Да и не по нраву мне армейские порядки.

Попытаться нащупать иные точки соприкосновения со сверхцивилизацией — иное дело. Я бы не отказался от участия в таком

проекте, но кто будет заправлять в нем? Те же военные, а если не они, то правительственные чиновники с аналогичным кругозором и пещерным уровнем мышления. Креативы начнут убеждать меня в том, что моя сверхцивилизация — это те самые пастихи космоидов, неуловимые существа, давным-давно разыскиваемые и по сию пору не сысканные. Какая чушь! Они такие же пастихи, как лесник — надзиратель за единственным одуванчиком на лесной поляне. Я понял это и не собираюсь пересуждать дураков. Вернуться в торговый флот — вот все, чего я сейчас хочу. Компания согласна возобновить мой контракт.

Очень хочется работать. Лечение — вслед за психологами я охотно признаю это — прошло успешно, причем без всяких южных пляжей. Я сбросил свой недуг, как балласт. В два приема. Половину — когда разнес танкеру борт. А вторую половину я сбросил прицельно на те головы, которые более всего в этом нуждались.

Мог бы и в никуда. Не так уж это важно.

Куда важнее другое: истинное счастье и подлинную свободу мы ощущаем не приобретая новое, а сбрасывая балласт ненужного. Трудно понять это, но когда поймешь, скажи себе: «Все это хлам, старина! Выбрось его за борт!»

И сделай это.

Ноябрь 2007 г. — январь 2008 г.

Ира Андронати, Андрей Лазарчук

Триггер 2Б^{*}

— Раз-два-три — проверка. Раз-два-три — проверка... Запись ведётся. Я — Татьяна Сиверская, по судовой роли — ксенолог, по триггеру 2А — дознаватель и следователь, в связи со сложившимися обстоятельствами осуществляю полномочия командира. Мы находимся на борту научно-исследовательского клиппербота «Стремительный», на низкой круговой орбите вокруг планеты Близнец, четвёртой из шестнадцати планет в системе зезды 127449901 по каталогу Сафара, расстояние до Солнца 49,45 парсека. Передо мной сидят, слева направо: номинальный командир корабля Бернар Кристиансен, врач корабля Фридрих Голубовский, штурман Сильвия Кобчик, биолог Малгожата Кац. Биолог Глеб Углов находится в изоляторе в состоянии управляющей комы после неоднократных попыток совершить самоубийство. Тело Скотта Айвена, второго ксенобиолога, помещено в криокамеру, шансов на восстановление жизненных функций практически нет. Сегодня восемнадцатое марта 2309 года по галактическому эталону PSR j0535+2200, корабельное время четырнадцать часов ровно. На борту продолжает действовать режим чрезвычайной ксенобиологической опасности, однако психическое состояние экипажа впервые за последние три месяца может быть оценено как относительно адекватное. Тем не менее все командные и распорядительные функции сохраняются за мной на неопределён-

* Взаимосвязан с рассказом Александра Громова «Скверна». См. сборник «Убить Чужого»

ный срок и будут возвращены командиру тогда, когда я сочту это возможным и безопасным. Цель сегодняшнего интервью — составить общую картину происшедшего в период с одиннадцатого декабря по семнадцатое марта, то есть с момента посадки на планету и до относительной нормализации положения на борту корабля. Я прошу всех сосредоточиться и при ответах пытаться описывать именно свои ощущения. Помните, что у нас есть записи средств объективного контроля, не имеет смысла их дублировать. Доктор Кац, начните вы.

Малгожата Кац. Во-первых, всё вспоминается как-то очень туманно...

Татьяна. Да. Именно поэтому я и поторопилась провести интервью сегодня. Мы будем забывать всё очень быстро.

Малга. Сразу же после посадки я почувствовала сильную эйфорию. Это было похоже на опьянение «незабудкой»... знаете, что такое «незабудка»? Что, ни один? И в каких монастырских школах вы все учились, просто не понимаю. Это красное вино, газированное закисью азота. Ты абсолютно всё понимаешь, прекрасно движешься, чертовски весела, и — никакой критики, никаких тормозов. Незабываемые ощущения... Вот все мы как будто этой «незабудки» хлебнули. И не по одному бокалу... Я в первый момент подумала, что эта эйфория оттого, что мы открыли такую прекрасную планету, но эйфория не проходила, а потом... Ну, вы это заметили не хуже меня: мы утратили контроль над собой. При этом думая, что всё идёт как надо, что мы молодцы — ну и так далее...

Татьяна. Как вы ощущали течение времени?

Малга. Поначалу казалось, что дни более длинные, чем земные... а потом я вообще перестала обращать на это внимание.

Татьяна. По ощущениям, по внутреннему счёту: сколько мы пробыли на планете?

Малга. Около двух недель.

Татьяна. Ясно. Так, давайте все обсудим именно этот вопрос. Опишите своё восприятие хода времени. Фриц, начни ты.

Фридрих Голубовский. У меня другое ощущение. Мне казалось, что время порублено на очень маленькие сутки, по часу-два, не больше. Причём рассудком я понимал: это не так. Но

это знание, это понимание... оно было лишним и необязательным. Ну, примерно как помнить, когда будет день рождения какой-нибудь троюродной тётушки, которую вы в жизни не видели. То есть знание есть, но оно... ну, его можно не применять, вы меня понимаете? Очень абстрактное знание, не имеющее сопряжения с реальностью. Ну, чтобы понятнее было...

Татьяна. Достаточно, Фриц, достаточно. Сильвия?

Сильвия Кобчик. Мне нечего сказать. У меня просто не было никакого восприятия времени. Как будто само понятие времени исчезло. Бывает светло, бывает темно... и всё.

Татьяна. Бернар?

Бернар Кристиансен. У меня примерно так же, как у Сильвии... хотя немного иначе... наверное. Подозреваю, что у меня смещается последовательность событий... то, что происходило сразу после высадки, кажется мне более близким, чем то, что объективно происходило недавно... И ещё: идёт какая-то пульсация восприятия, некоторые промежутки времени кажутся то очень длинными, то очень короткими... иногда — одновременно и длинными, и короткими. Примерно так. Да.

Татьяна. Спасибо. Теперь обо мне. У меня тоже что-то вроде пульсации, я не могу сказать, как давно произошло то или иное событие. Но у меня ощущение скорее вечности, проведённой на этой планете, причём мне кажется, что многие моменты я переживала много раз подряд... Резюмирую: мы все отмечаем разнообразные проблемы с памятью и восприятием. Подтверждаем ли все мы описанные доктором Кац проблемы с критикой и самооценкой? Да? Возражений ни у кого нет? Отлично. Фриц, пожалуйста, попробуйте попробуйте объяснить, что с нами произошло. Вы ведь вели какие-то исследования?

Фридрих. Какие там исследования... До триггера я просто выполнял простейшие автоматические действия... играл роль, что ли. Было такое ощущение временами: играешь роль, причём слова забыл...

Татьяна. Секунду. Триггер у вас сработал на что?

Фридрих. На первую попытку суицида Глеба. Чёткий сигнал о психологической катастрофе в экипаже.

Татьяна. Понятно. Продолжайте.

Фридрих. Так что к исследованиям я, можно сказать, только приступил, поэтому результаты скромные. Сильно не критикуйте... В общем, ясно, что заражение мы получили в первые минуты после посадки.

Татьяна. Несмотря на стерилизацию почвы?

Фридрих. Скорее благодаря ей. Пиростерилизация довольно эффективна против углеродных форм жизни, да и то — вспомнить спорообразующие бактерии, нанобактерии, которые живут в горячих источниках... ну и прочее. А здесь мы встретились с уникальной химерой, я думаю, её изучать будут сто лет, потому что... Потому что такого организма быть не может... наверное. Кремнийорганику мы моделировали, а такое — в голову не приходило. Углерод — не весь, а местами — замещён германием, азот — фосфором, сера — селеном. Очень много железа и хрома, ещё не знаю, какую роль они играют. Возможно, эти микроорганизмы получают энергию, восстанавливая металлы и окисляя углерод и фосфор... ладно, потом выясним. Так вот, почва примерно на десять процентов по массе состоит из этих микроорганизмов. При нагревании почвы произошёл частичный распад псевдobelка на фрагменты, своего рода прионы, похожие на те, которые на Земле вызывают трансмиссионную губчатую энцефалопатию... коровье бешенство, если кто не в курсе. И некоторые другие болезни. Мы вдохнули чудовищную дозу... понимаете, эти прионы малы настолько, что их не задерживает даже вирусный фильтр, да к чёрту фильтр, они и сквозь стекло проходят... То есть шансов у нас не было. Ну, симптоматика у нас отличалась, конечно, от классической губчатой энцефалопатии — в первую очередь ураганным началом... а с другой стороны, мы вроде как живые?..

Татьяна. Что не может не радовать.

Фридрих. Да. Хотя выжили мы, как я теперь понимаю, благодаря редчайшему везению. Повезло сказочно. Настолько, что... В общем, при нормальном развитии событий шансов у нас не было, поскольку эти химерические прионы — они продолжали поступать в организм, а кроме того, и сами химеры... Да, я забыл сказать: химеры по размерам и строению похожи на земные омикрон-нанобактерии, размером они меньше многих вирусов,

но это, скорее всего, чисто внешнее сходство... Так вот, мы продолжали поглощать и прионы, и самих химер, поскольку абсолютно прекратили соблюдать все правила самозащиты... да и просто поведения на биологически активных планетах. А потом уже и обычная гигиена пошла коту под хвост... да ладно, сами должны помнить. Я не об этом. А о том, что оба наших ксенбиолога заимели себе по дополнительной инвазии, теперь уже макро. Я не хочу использовать первоначальное наше определение «паразит», поскольку явление паразитизма предполагает, что одна из сторон эксплуатируется другой. Но это и не симбиоз, поскольку имела место агрессия и подчинение носителя оккупантом...

Малга. Вообще-то разделить паразитизм и симбиоз, разнести их чётко по разным категориям ещё никому не удавалось. Например, мы хорошо знаем, что и некоторые органеллы клетки...

Татьяна. Малгожата!

Малга. Что?

Татьяна. Это имеет отношение к тому, что произошло? Или спор чисто академический?

Малга. Я просто стремлюсь к точности. Я люблю точность. Ладно, Фриц, я тебе потом всё объясню. Кто настоящий паразит, а кто так...

Фридрих. Можно продолжать? Продолжаю. Так вот, я утверждаю... Малга меня сейчас убьёт, но я скажу то, что думаю... Здесь мы имеем дело с биологическим взаимодействием по типу «спасатель-спасаемый».

Татьяна. Это остроумная гипотеза, но... тяжёлые последствия, которые возникли из-за этой «спасательной операции»?..

Фридрих. Мне это видится следующим образом: спасатель не может сразу перехватить управление спасаемым. Ему требуется некоторое время на проращивание проводящих волокон в нужные зоны мозга — а затем ещё и настройка управления системой, а она может вестись только методом проб и ошибок. Так что наши спасатели подошли к делу очень даже щадяще... Думаю, если бы я не повредил первого спасателя, мы бы сейчас имели куда меньше проблем.

Татьяна. То есть вы уверены, что поведение Скотта продиктовано тем, что его... «спасатель», хорошо, воспользуемся вашим

термином, доктор Голубовский... что это поведение было... адекватно?

Фридрих. Разумеется, нет. Во-первых, спасатель не успел ещё научиться сколько-нибудь уверенно руководить Скоттом, а тут я с ножом... Думаю, что сработала некая аварийная программа, триггер... А что Скотт выполнил, когда спасатель попробовал ему эту программу навязать, мы все вроде бы видели.

Татьяна. Бернар, а кем становился бы Скотт по стандартному триггеру? По 2А?

Бернар. Я не могу этого сказать. Это закрытая информация.

Татьяна. Закрытая даже при таких ситуациях, как эта?

Бернар. Да.

Татьяна. Тогда ответьте мне, командир: учитывая эту закрытую информацию, можете ли вы сказать, что поведение Скотта Айвена могло быть продиктовано именно конфликтом подсознательно введённых программ: как нашей триггерной, так и программы «спасателя»?

Бернар. Татьяна... Вы сами-то поняли, что сказали?

Татьяна. Бернар, это не важно. Я же вижу, что вы — поняли. И я не требую официального заявления или чего-то в этом духе. Ваши слова вас ни к чему не обязывают. Просто выскажите частное мнение. Могло так произойти?

Бернар. Я всё равно не могу ответить ни да, ни нет. Любой ответ будет неточен — хотя бы потому, что базируется на недостаточной информации...

Татьяна. Будем считать, что это «да». «Нет» звучало бы по-другому... Фриц, продолжайте, пожалуйста.

Фридрих. Собственно... да. Скотт попытался уничтожить экипаж, чтобы не допустить возвращения «Стремительного» на Землю.

Татьяна. Это приходило мне в голову... ещё тогда. А Глеб?

Фридрих. С Глебом всё прошло более гладко... Я не знаю, что надо рассказывать.

Татьяна. Всё подряд. Всё, что может потом пригодиться.

Фридрих. Ну... Глеб не помнит, где подцепил своего спасателя. Возможно, во время... ну, когда мы пытались поймать Скотта... или раньше. Я думаю, что раньше. Факт тот, что в момент

убийства Глеб был на пике реактивного — и отчасти токсического — галлюциноза и полной дереализации. Весь мир стал для него картонной игрушкой. Потом он прошёл ещё несколько стадий корректировки сознания... и у него тоже было побуждение уничтожить корабль, но поданное в мягкой форме, как возможность... и в конце концов он почти успокоился. Когда понял, что мы не летим немедленно. А потом — видимо, спустя несколько реальных дней, точно можно определить по логам, мне сейчас кажется, что прошло недели две, — он стал требовать, чтобы я подверг его полной проверке...

Татьяна. Мы же все проходили полную проверку?

Фридрих. Да как сказать... Есть полная — и есть полная. Полная по умолчанию — это рентгеновское томографирование с разрешением триста микрон, плюс анализ крови по первым ста десяти позициям. В абсолютном большинстве случаев этого достаточно. А Глеб потребовал ЯМР и анализ по четырёмстам позициям. То есть на него одного я должен был потратить два дня...

Татьяна. Субъективных?

Фридрих. Нет, календарных, а вернее — ресурсных. Вы вообще в курсе, что у нас лаборатория выработала ресурс полностью? Работает на честном слове... В общем, я провёл ему высокоточный ЯМР. С напряжением магнитного поля в четыреста тысяч эрстед...

Татьяна. И что? Фриц, почему из вас надо всё вытягивать?

Фридрих. Потому что сам себе я кажусь болтуном и страшно этим недоволен... Ну, исследование выявило и спасателя, и колонии химер. А заодно вылечило Глеба. Я не знаю, погибли эти нанобактерии или нет... вряд ли, конечно, а тем более псевдоприоны, которые и живыми существами не назовёшь, у вирусов больше оснований называться живыми... но в результате магнитной обработки вся эта дрянь слиплась — образовались сравнительно большие коацерваты, и их уже могли обрабатывать лейкоциты, но получилось даже забавнее: во время исследования магнитное кольцо медленно перемещается вдоль тела, сверху вниз, так вот большая часть этих коацерватов так и ушла от мозга вместе с магнитом, осела в почках, в печени, в ногах... ну, пришлось с ними долго ещё разбираться, но всё обошлось. Ноги — это проще, чем мозги.

Татьяна. А как он убедил вас пройти эту же процедуру?

Фридрих. Вот этого я просто не помню. Очнулся уже потом, с совершенно другой головой...

Татьяна. Но это было до триггера?

Фридрих. Разумеется. То есть очнулся прежний свой-парень-док, а если начистоту, то фельдшер, слегка придурок, но добрый... в общем, этакая психологическая смазка для экипажа. Чтобы ничего не скрипело.

Татьяна. Расскажите, что произошло потом.

Фридрих. Если вы имеете в виду попытку самоубийства Глеба, то я мало что могу сказать. Я был слишком занят огальными... Понимаете, Глеб на вашем фоне был просто красавец. Вы все просто спали стоя... ребята, можно, я не буду описывать это всё? Правда, жуткое зрелище. При этом понимаешь, что и сам недавно был точно такой же... как я свою каюту отмывал, это... в общем, вот. Я по очереди сумел обработать магнитным полем — сначала командира, потом вас, Таня... а потом вынул Глеба из петли. И тут у меня, конечно, сработал триггер.

Татьяна. Но вы же провели с ним реабилитационные беседы, назначили лечение?

Фридрих. Разумеется. Он объяснил попытку самоубийства внезапно нахлынувшей глубокой депрессией, чувством полного одиночества, заброшенности... и он был уверен, что достаточно испугался смерти, чтобы дальше держать себя в руках. Тем не менее я назначил лечение... можно без подробностей?.. в общем, вполне адекватное лечение... но на всякий случай ввёл сму под кожу программируемые микрошиприцы с миоблокаторами и нейроплегиками. Настроены они были на гормоны стресса, то есть как только человек начинает делать что-то во вред себе, даже съё не делать, а планировать, эти штучки его обездвиживают и тормозят. Но я не учёл, наверное, что мы все находились в чудовищном подавленном стрессе, гормоны у нас зашкаливали — и сейчас наступило истощение. Так что мои сторожа не сработали...

Татьяна. Второй случай не был демонстративным суицидом? «Криком о помощи»?

Фридрих. Уверен, что нет. Он всерьёз пытался себя убить. Просто ему ещё раз повезло... В общем, когда он пришёл в созна-

нис, у него начался тяжёлый реактивный психоз. Я уже занимался только им, не спускал с него глаз, но он улучил момент... Ну, я не знаю, какую волю надо иметь, чтобы при тех дозах несоладрила, которые он получал, суметь воткнуть в себя ножик...

Татьяна. Доктор, мне кажется, вы старательно избегаете того, чего мы от вас ждём. *Объяснения* этих суицидов.

Фридрих. Если и избегаю, то не потому, почему вы думаете... Просто я не сумел этого выяснить. И мне не хочется признаваться в неудаче... Или вы хотите спросить, не влияние ли это спасателя? Наверняка да. Но у меня нет никакого объяснения, почему. Масса предположений... но я не могу их проверить. А без проверки они не стоят ни черта.

Татьяна. Понятно. Спасибо, доктор Голубовский. Потом мы, может быть, вернёмся к этой теме... Бернар, я прошу теперь вас — описать то, что вы увидели после того, как вас обработали в магнитной камере.

Бернар. Татьяна, я могу спросить, зачем мне перечислять то, что и так есть на объективном контроле?

Татьяна. Вы единственный, у кого был психический срыв после... давайте будем пользоваться словом «выздоровление» для обозначения того, что со всеми нами произошло после обработки магнитным полем. Итак, после выздоровления...

Бернар. Я прошёл по кораблю, а затем занялся тестированием систем. Корабль был в недопустимом состоянии, особенно это касалось бытовых отсеков и научной лаборатории. Я не представлял себе, что с лабораторией можно сотворить такое... как Фриц сумел найти там что-то, что работает...

Фридрих. Никак. Гамма-анализатор собрал из запчастей. Ну, там ещё... в общем, что смог.

Бернар. Глеб тогда ешё был в порядке, мы с ним произвели разгрузку фильтров, заново запустили регенератор, обновили белковые синтезаторы... одним словом, поборались за живучесть. Но потом... потом оказалось, что маршевые двигатели выведены из строя...

Татьяна. Именно выведены? Кем-то — и преднамеренно?

Бернар. Тогда мне показалось, что именно так. Сейчас я не могу утверждать однозначно. В том, что двигательный отсек был

вскрыт, и в том, что двигатели не прошли предполётного тестирования, причинно-следственной связи может и не быть.

Татьяна. Бернар, вопрос, на который я не уверена, сможете ли вы ответить. Решайте сами. Этот так называемый психический срыв... не мог быть результатом или... э-э... аварийным несрабатыванием триггерного переключения?

Бернар. Я думал об этом. Насколько мне известно — нет. Скорее всего, нет. Но вы же все знаете, что нам сообщают далеко не всё о наших дополнительных личностях и о том, по какому триггеру они включаются. Так сказать, исходя из наших же интересов... Так вот, я думаю, что мой срыв был вполне мотивирован... к тому же доктор сказал, что мы все были истощены — и физически, и морально...

Татьяна. Мы сможем запустить двигатели?

Бернар. Пока не знаю, нужно... Что, Сильвия?

Сильвия Кобчик. Может быть, имеет смысл триггернуть меня?

Бернар. В инженера-ремонтника? Рано ещё. Сначала прогоним утилиты резерва, потом решим, хорошо? Я всё-таки не исключаю того, что это сбой диагностики.

Сильвия. Мое дело предложить...

Татьяна. Сильвия, а откуда вы знаете свою резервную личность?

Сильвия. Это не полнообъёмная личность, а профессиональный сервис-пак. А что у меня резервное полное — я, естественно, и не представляю. Пока ещё до него не доходило.

Татьяна. Понятно... Ну, чтобы не интриговать зря, скажу: двигательный отсек вскрыл Глеб — после того, как уложил доктора Голубовского в магниторезонансную камеру. Проследить, что он делал внутри отсека, невозможно...

Сильвия. Забавно. А мне смутно казалось, что это была я. Такой... как бы сон. Значит, вешний. Типа, придётся чинить.

Татьяна. Что существенно: Глеб в своей прощальной записке ни словом не упомянул о том, что он сделал с двигателями. А ведь он был уже здоров. Но при этом под воздействием спасателя. И я подозреваю, что если мы его разбудим и спросим, он этого эпизода не вспомнит.

Фридрих Голубовский. Должен сказать, что у Глеба самый благоприятный из всех из нас анализ крови. Не то чтобы хорошо, но так... не вызывает тревоги. И гормоны почти в норме.

Татьяна. Это вы к чему?

Фридрих. Ну... С одной стороны, спасатель толкнул Глеба к нескольким попыткам суицида. С другой, он оказывал на Глеба безусловно терапевтическое действие. С одной, это он — наверняка, он — каким-то непонятным мне способом натолкнул Глеба на идею, как вылечиться от нашей энцефалопатии и вернуть нам рассудок. С другой, на какое-то время он отключаст Глебу мозги и заставляет что-то сделать с двигателями. Вот, собственно...

Татьяна. Фриц, вы говорите так, как будто считаете, что этот спасатель — разумен?

Фридрих. Кхм!.. Я же это говорю с самого начала. Разумен в каком-то общем смысле, или это элементарный носитель распылённого интеллекта, или достаточно сложно запрограммированный микробот...

Бернар. Фриц! А где тело того паразита, которого...

Фридрих. Вот. И я о том же. Я не помню, командир.

Татьяна. До официальной передачи функций командир здесь я.

Фридрих. Понял, командир. Как прикажете обращаться к бывшему командиру?

Татьяна. Доктор, я вас прошу не ёр... о-ох... извините...

(Звуки общего замешательства.)

Бернар Кристиансен. Для протокола. Я Бернар Кристиансен, по триггеру 2Б — чрезвычайный комиссар Агентства внешней безопасности. Объявляю этот корабль и планету Близнец зоной потенциально опасного контакта. Прошу всех представиться.

Татьяна. Татьяна Сиверская, ксенолог.

Фридрих. Фридрих Голубовский, врач-ксенонатолог.

Малга. Малгожата Кац, военный советник.

Сильвия. Сильвия Кобчик, бортинженер.

Бернар. Ещё один член экипажа — в изоляторе, другой — заморожен... Командно-административные функции возвращаются ко мне. Татьяна, спасибо, вы неплохо справились в критической ситуации. Смена личностей обусловлена срабатыванием

триггера 2Б: «Подозрение на неподготовленный тесный контакт с внеземным разумом». Фриц, насколько я понимаю, у вас личность осталась прежней, просто установился сервис-пак?

Фридрих. Именно так, командир.

Бернар. Тогда продолжайте.

Фридрих. Дело в том, что операцию я делал в том беспамятстве... предлагаю назвать состояние, в котором мы находились после высадки, «дисхронией».

Бернар. Лучше «синдром Голубовского».

Фридрих. Благодарю, но нет. Синдром ещё не описан, возможно... В общем, сугубо это. Дисхрония, и всё.

Бернар. Док сказал «в морг»...

Фридрих. Именно. Я не помню, куда дел препарат. Боюсь, что просто выбросил в лоток с использованными материалами.

Бернар. А лоток...

Фридрих. Скорее всего, отправил в утилизатор.

Сильвия Кобчик. Так, подождите! Если Глеб в отключке, а его ведёт эта тварь, которая в нём, а тварь не знает схемы корабля, но её тянет к... ну, к той, которую Фриц выкинул... то он как раз и упирается в дверь двигательного отсека — потому что она вот, как раз на прямой от бытовки к утилизатору! — открывает, входит, понимает, что это тупик, выходит... А дальше он куда пошёл? Вниз?

Татьяна. Нет. Он постоял и пошёл обратно.

Бернар. Я думаю, нам так или иначе придётся Глеба разбудить... Сильвия, прямо сейчас идите и займитесь дальнейшей проверкой двигателей — я записал, на чём остановился, работайте. Мне всё-таки не верится в то, что двигатели можно испортить голыми руками. Фриц, а вы...

Фридрих. Командир. Или комиссар. Как правильнее? Я всё не могу договорить. Я отпрепарировал ткань спасателя, которая осталась в теле Скотта, сделал элементарный анализ...

Бернар. Совпадает по молекулярному составу с химсрами?

Фридрих. Нет, командир. Не совпадает абсолютно. Вообще неотличима от нас, от наших тканей. Те же аминокислоты, те же нуклеотиды...

Бернар. Тогда, может быть, это был просто нерв?

Фридрих. Звёздчатого сечения и с просветом внутри? Не смешите мои тапочки, комиссар.

Бернар. Как такое может быть?

Фридрих. Единственное объяснение, которое я не считаю притянутым за уши, такое: спасатель строит свою систему управления носителем из тканей самого носителя. Во-первых, это позволяет избежать иммунного ответа организма, во-вторых...

Бернар. Док, это приближает нас к ответу на вопрос «что делать»?

Фридрих. Нет.

Бернар. Тогда я прошу всех присутствующих высказать своё мнение вот на какую тему: учитывая всё, что с нами произошло, как вы полагаете, мы вступили во взаимодействие враждебное, или дружественное, или нейтральное? Малгожата?

Малгожата. Скорее нейтральное.

Фридрих. Скорее дружественное.

Татьяна. Нечто чётвёртое. Примерно так: этот разум не опознал в нас партнёра. Мы для него явление природы, феномен биосфера...

Бернар. Почему вы так думаете?

Татьяна. Мы же его не опознали. Вернее, опознали, но очень не сразу.

Бернар. Ну да, ну да... Док, эти бактерии-химеры — они относятся к аборигенальной флоре?

Фридрих. Нет, конечно. Здешняя цивилизация не дошла до создания искусственных организмов.

Бернар. Почему искусственных?

Фридрих. Ну — химера же! Вы когда-нибудь где-нибудь слышали о природных химерах? Абсолютный нонсенс, химеры не могут образоваться в природе...

Бернар. То есть и бактерии искусственные...

Фридрих. Ну так я о чём битый час толкую! Малга, ты-то что молчишь? Ты же биолог, чёрт тебя побери!..

Бернар. Она уже не биолог... Значит, получается что? Что эти червячки — или как мы их назовём? — вывели бактерий-химер, которые полностью уничтожили здешнюю цивилизацию... но при этом зачем-то пытаются спасти нас? Не складывается...

Татьяна. Вовсе не обязательно, что бактерий вывели червячки. И уж совсем точно то, что бактерии эти — не оружие.

Бернар. У вас есть версия? Давайте.

Татьяна. Предположим, что бактериальное загрязнение было непреднамеренным. Несчастный случай. Катастрофа. Население гибнет... ф-ф-ф-ф... Слушайте! Мы все ослы. Эти червячки — такие же инопланетяне здесь, как и мы. Это объясняет, почему есть следы только одной — гуманоидной и примитивной — цивилизации. Потому что другая — развивалась не здесь. Не на этой планете. И когда они поняли, что случилось... Ну, теперь мы знаем, что надо искать!

Бернар. Что? Разбившийся корабль?

Татьяна. Нет, с этим сто лет возиться... Магнитные аномалии! Искать надо точечные магнитные аномалии. Фриц, ты говорил, что бактерии-химеры живут за счёт восстановления металлов?

Фридрих. Именно так.

Татьяна. Можно предположить, что это искусственно созданные нанометаллурги?

Фридрих. М-м... Если на уровне предположения — вполне. Нужны, конечно, дальнейшие исследования...

Татьяна. Тогда червячки должны знать, как с ними обращаться. То есть — магнитные поля и всё такое...

Бернар. Татьяна! Если я правильно понял, вы считаете, что здесь произошла катастрофа чего-то вроде передвижного металлургического комплекса, рабочие вырвались на волю и принялись за свою привычную работу, попутно уничтожая отходами производства местную биосферу, а когда инженеры поняли, в чём дело, было уже поздно... или они с самого начала выпустили ситуацию из рук, не зная, что делать... так что теперь наши червячки просто продолжают спасать остатки разумных — а заодно и крупной фауны?

Татьяна. Да. Продолжают. Наверное, не без успеха. Сумели же они втолковать Глебу, что нужно сделать...

...Вот чем они занимались, пока я лежал, распятый на функциональной койке, налитый под завязку неоладрилом и прокантеролом, и смотрел мучительные сны. Мучительные не содержа-

нием, оно было вполне нормальным для человека моей нервной организации, а — невозможностью понять это содержание, как невозможно пробить лёд из-под воды, или взлететь, приподнимая себя за волосы, или как-то ещё... и к этому добавлялось отчаяние от одиночества и отчаяние от утраты чего-то огромного и важного, без чего жизнь не жизнь, а гнусное пустое прозябанье. Я в снах вдруг забывался, на миг отвлекался от потока вещей и событий, а когда вспоминал, что надо участвовать, — оказывался в пустой Вселенной без единой звезды, в полном одиночестве и в оторванности от всего, что мною было и мною стало...

Потом меня разбудили, но держали связанным, чтобы я ничего над собой не сотворил, а я знал, что уже не сотворю, но мне не верили, и, может быть, правильно делали.

Прошло несколько веков.

Фриц мучил меня, от него исходила угроза, он был громаден. Я понимал: это потому, что он убил второго Друга, того, который спасал Скотта. Но у него ничего не получилось, потому что Фриц убил его (и я сейчас исходил ужасом, когда исполинский Фриц касался меня), — поэтому Скотт бросился за помощью к остальным, но он обезумел, потому что из него грубо, всё оборвав, выдрали Друга, и я... я убил Скотта. Я убил. Он был безумен, но он был мой товарищ. Надо было, я должен был, я просто обязан был спасти, найти способ внедриться в него, подключиться к нему, взять на себя его боль утраты и его беспамятство. Но я не нашёл ничего лучшего, как убить его. Может быть, из жалости, я уже не помню сейчас, всё так перемешалось. Я не помню. Я помню, как убивал, но не помню, почему.

Потом пришла Сильвия. Она смотрела на меня сверху. Она сказала, что мы остаёмся здесь, никуда не летим, потому что маршевые двигатели страшно поражены микрокоррозией, бронза волнноводов будто проедена триллионами маленьких древоточцев, а в просветах скопилось несколько тонн тончайшей бронзовой пыли. Это поработали те бактерии, из-за которых мы сами почти потеряли рассудок. Ещё она сказала, что наши спутники, запущенные над самой ионосферой планеты, обнаружили несколько десятков мощнейших магнитных аномалий, в основном в горах, — возможно, там пещеры. Только потому, что у нас были

«запудрены мозги» (это выражение только что выдала Малгожата, и оно всем понравилось), мы не обнаружили эти аномалии в первый же день. Приборы их засекли, но мы тогда не обращали внимания на приборы.

Я оставался туповат — наверное, это было остаточное действие наркотиков. Или проявление Друга, который понял, что меня надо беречь.

Или он уже умирал.

Я сказал об этом Бернару. Бернар был как-то непривычно организован и подтянут. Голос у него сделался резким и раздражающим. Потом я понял, что сработал триггер и что это не совсем тот Бернар, которого я так давно знал. Нас всех удачно модифицировали для долгого пребывания рядом в закрытом помещении — может быть, даже слишком удачно, так тоже бывает. А когда в полёте что-то происходит и человек обретает новые качества, потому что у него теперь такая роль, это всегда кажется со стороны немножко неестественным и жёстким или ломким. В общем, с ним трудно. С Бернаром было трудно, я быстро устал. Но я ему говорил, что плохо чувствую Друга, пока он не вдумался. Тогда он спросил, как, и я попытался это описать. Но это было ещё труднее, чем пытаться понять те мои сны.

Я устал и уснул, а когда проснулся, понял, что мне надо лестить вниз, на планету. Наверное, туда, где найдена одна из аномалий.

Например, на место гибели Скотта.

Я проковылял в кают-компанию. Там не было никого, и я нажал кнопку общего сбора.

Все сбежались, они были раздражены и званичны, что-то, наверное, происходило не то, но мне на это было начхать. Я сказал, что лечу вниз, потому что так будет правильно. Потому что иначе Друг умрёт, а именем сму мы обязаны тем, что живы, а что придётся болтаться возле планеты или на планете несколько лет, пока не прилетят спасатели, — так и ладно, мы знали, на что идём. А если этого мало, пусть вспомнят, что смерть Друга не поднимет нас в глазах (если у них есть глаза) его друзей и родных. У них, конечно, не так, как у нас, и личность одной особи в сравнении с личностью роя очень невелика, но это, согласитесь,

тоже своего рода триггер: одного разумного Чужого ещё можно погубить, не сориентировавшись, и это им понятно (как понятно подобное нам — всё-таки Скотта погубили именно они, хотя и не хотели этого, а хотели, наоборот, спасти), но если убить второго — это будет сигнал, что мы если и не враги, то опасное дурачье, и соответствующее будет к нам отношенис. А если и этого мало, пусть сообразят, что наша магнитная установка на грани истощения ресурса, а нам предстоит провести здесь несколько лет, и лучше заранее договориться, что мы, может быть, много раз обратимся за помощью.

И ещё я настоял, что полечу один. Кто-то на шлюпке может следить сверху.

Фриц сказал, что боится за меня, потому что он, Фриц, исследуя местных животных, мог повредить и нескольких Друзей. Он животных не вскрывал, а исследовал ручным сканером, но кто знает, как на Друзей действует карбофентанил, которым заряжены обездвиживающие пули? Но я откуда-то знал, что тогда всё прошло благополучно и никто не пострадал.

Бернар сказал, что берёт ответственность на себя. То есть — посыпает меня на поверхность с особой миссией. Всё это выглядело высокопарно и жалко. Я бы улетел и так.

Надевать разведкой было бы глупо, а без него в шлюпке казалось слишком просторно. Силовая штанга вытолкнула скорлупку за поле корабля, тяжесть исчезла, и кровь прихлынула к голове. Никогда не любил невесомость. Я чувствовал испуг и неуверенность Друга.

— Потерпи немного, — сказал я. — Сейчас будем дома.
Сразу стало легко.

Владимир Васильев

Спасти рядового Айвена^{*}

— Выключай, — буркнул Арибальд.

Дежурный санитар, небритый человек с тусклыми глазами, послушно клацнул тумблером на пульте мнемографа.

Помощница Арибальда, совсем еще молодая эльфийка по имени Фейнамиэль, грустно поглядела в сторону полупрозрачной стены, за которой бредил самый интересный пациент. Пациента звали Иван, но эльфы предпочитали называть его Айвеном. Согласно досье из истории болезни, до возвращения эльфов на Землю он был радиофизиком, однако в данный момент воображал себя портным.

Полупрозрачность стены заключалась в следующем: эльфы и санитар из пультовой прекрасно видели все, что делается в палате, а пациент их видеть не мог, так что правильнее было бы назвать стену односторонне прозрачной. В данный момент в палате не происходило ничего интересного: Айвен в совершенной отключке валялся на койке и за последние полчаса ни разу не шевельнулся. Бред у него случался презентнейший, вот как, например, сегодня.

Арибальд жестом отоспал санитара, подождал, пока за ним закроется дверь, и исподлобья поглядел на Фейнамиэль.

— Что скажешь? — хмуро осведомился он.

— Он опять наделил вас женским именем, мастер Арибальд, — виновато пробормотала эльфийка. — Вас и коммандера Вамиюра.

* Взаимосвязан с рассказом Сергея Лукьяненко «Сказка о трусливом портняжке». См. сборник «Убить Чужого».

Арибальд досадливо хмыкнул. Вряд ли это странноё обстоятельство его сколько-нибудь расстроило. А вот выводы из оной мелочи наверняка можно было сделать, причем весьма интересные выводы, ибо опыт, на который опирался этот эльф, был уникален и, по-видимому, бесценен.

— Слабовато у него с фантазией на имена, — заметил Арибальд, растягивая уголки рта в подобии улыбки. — Хоть бы что-нибудь неожиданное! Так нет — Ариэль, Ваминэль... Спасибо, не Нитроэмаль.

— У людей есть мифологический персонаж, которого звали Ариэль. Причем мужчина, — подсказала Фейнамиэль с готовностью. — Вы, несомненно, об этом знаете, мэтр.

— Знаю, — кивнул Арибальд. — Но люди придумывают эльфам-мужчинам имена, оканчивающиеся на «эль», совсем не по этому. Йэнналэ, Фейна, большая половина людей невежественнее, чем мы в состоянии представить! Ни о каком Ариэле они слыхом не слыхивали! Это какая-то темная особенность человеческой психики, дорогая. Возможно, даже наследственная. Что еще тебе показалось странным или необычным, а?

Эльфийка подумала и осторожно предположила:

— Пожалуй, можно счастье необычным то, что Айвен принял вас за полукровку. Я знаю, глупые слухи о возможности кровосмешения между эльфами и людьми очень популярны. Среди людей популярны, я имею в виду. Но все же Айвен — человек образованный, пусть он не биолог, а радиофизик, однако все равно должен прекрасно понимать, что подобное невозможно! Что мlekопитающие-приматы и членистоногие-сейдхе, невзирая на чисто внешнее сходство, настолько далеки друг от друга морфологически и метаболически, что ни о каком кровосмешении и речи идти не может. По-моему, это самый заметный логический прокол в сегодняшнем сеансе, мэтр. Ну и второй, помельче: он несколько раз называл эльфов пауками. Членистоногие и паукообразные также...

— Пауки, — перебил девушку Арибальд. — Н-да. Наверное, главным полуэльфом люди считают своего дурацкого Спайдермена. Какое счастье, что Айвен нарек меня всего лишь Ариэлем — персонаж их древнего фольклора куда симпатичнее! Кстати, Фей-

на, прекрати называть меня мэтром. Я еще понимаю при венценосных особах, но здесь, в клинике... Зачем?

— Это обычная вежливость, Ари, — сказала эльфийка и улыбнулась.

«Кажется, я ему нравлюсь», — подумала она, но так и не смогла с ходу решить — рада этому или нет.

— Вот! Так гораздо лучше!

Арибалльд поколдовал над пультом, извлеч из считывателя кристалл с мнемозаписью и упрятал его в нагрудный карман.

— Время к обеду, — сказал он. — Куда пойдем? Может быть, сегодня в «Лаваэсти»? Не всплескивай руками, Фейна, я знаю, что там дорого. Я приглашаю. И расслабься ты, я вовсе не намерен тебя охмурять. Мне просто приятно общество молодой и неглупой женщины, с которой доводится вместе работать. А приглашение на обед совсем не обязательно должно заканчиваться постелью.

Фейнамиэль немного смутилась, но мэтр Арибалльд говорил так просто и естественно, что ему истово хотелось верить.

— Я согласна на «Лаваэсти», Ари, — сказала она. — Надеюсь, поход туда не слишком вас разорит.

Арибалльд рассмеялся, запрокинув голову, и отворил дверь пультовой.

— Прошу!

За полупрозрачной стеной человек по имени Айвен неподвижно лежал на больничной койке, покрытой синим байковым одеялом.

Арибалльд и правда не думал приставать к напарнице, хотя она была молода и симпатична. У мэтра и без Фейны хватало подруг, это раз. А второе, и главное, — Арибалльд всерьез любил свою работу. Настолько любил, что увлекался каждым необычным случаем, забывал о времени и окружающем мире и не мог думать ни о чем, пока очередная логическая головоломка не оказывалась решенной. И он бился за каждый заблудший разум в деле будущего возрождения человеческой расы.

Людей действительно следовало спасать.

Мирры-миражи, в которые по прихоти одурманенного мозга погружались опустившиеся люди (из тех, кто еще не умер от перегрузки), завораживали Арибалльда. В этих мирах если и суще-

ствовала логика, была она настолько чуждой и непонятной, что не вдруг удавалось ее обнаружить. Эта извращенная логика требовала раскрепостить интеллект, избавиться от наросшей корости привычек и убеждений и рвануть в иллюзорный мир случайных ассоциативных последовательностей. Арибалльд относился к жизни как к игре, а лучшими играми считал игры чистого разума.

В «Лаваэсти» было, как всегда, хорошо и уютно, ну а к здешней кухне и напиткам не сумел бы придраться и самый капризный гурман. Невидимый исполнитель пел с придуханием: «Вольному — воля, спасенному — боль». Следовало признать: Фейнамиэль имела все основания полагать, что мэтр решил за ней приударить, раз сюда пригласил. Однако подозрения ее быстро развеялись — он даже за обедом говорил о работе. И продолжал донимать спутницу расспросами.

— Ты догадалась, как возникла цепочка «эльфы — пауки — матка»? При всей кажущейся нелогичности?

Фейнамиэль уже размышляла об этом. Цепочка и впрямь была странная: матки бывают у пчел или муравьев, но уж никак не пауков. Среди пауков вообще нет общественных видов.

— Нет, мэтр.

— Ты снова называешь меня мэтром!

— Простите... Ари.

Арибалльд вздохнул и некоторое время самозабвенно любовался на просвет жидкостью в бокале. Потом поставил бокал на скатерть.

— Над пациентом не один раз наклонялась медсестра, эльфийка. А санитары и наблюдатели стояли поодаль, у дверей или за спинкой кровати. Именно поэтому склонившаяся почти к самому лицу Айвена эльфийка казалась ему огромной, куда больше мужчин, оставшихся на периферии зрения!

«А ведь правда! — подумала Фейна, восхитившись простоте объяснения. — Это начальный образ-кадр, а дальше включается воображение, начинают наслаждаться прежние мысли и впечатления, гулять ассоциации, выстраиваться неожиданные цепочки...»

— Вот так-то... — Арибалльд снова умолк, вперившись в бокал, который недавно рассматривал, только теперь руки его были сложены на столешнице, а бокал стоял рядом. Молчал Арибалльд при-

мерно минуту. Что сейчас творилось в сознании мэтра, невозможно было угадать.

— И все-таки зря мы так рано легализовали марихуану, — внезапно сменил направление разговора Арибальд. — Наркотики разрушают людей. В буквальном смысле. На улицах сталотише и спокойнее, но скоро станет совсем уж пусто. Переоценили мы разумность вида хомо сапиенс. Они глупее и безответственнее, чем думают наши коммандеры, если позволяют химии убивать себя.

— Тем меньше сомнений в том, что мы должны их спасти, Ари. Для начала — лучших. Давайте за это выпьем?

— С радостью. Люди и впрямь столько переняли у нас, что мы не можем их вот так просто бросить.

Во дворце-корабле Арибальд еще разок внимательно просмотрел сегодняшнюю запись.

Прогресс, конечно, налицо — по сравнению с полной галиматьей первых видений Айвена нынешняя мнемограмма достаточно связна и последовательна. Сюжет на первый взгляд незамысловат: к Айвену приходит Арибальд... то есть Ариэль. (Йэннаэлэ, как утомили женские имена! Назвать бы тебя Степанидой, чтоб проникся!) Так... Приходит Ариэль, Лесной Коммандер. (Лесной! Ну да, ну да, расхожий стереотип — раз эльф, значит, живет в лесу.) Просит сшить парадный мундир к...

Арибальд сверился с заметками в блокноте, которые по ходу первого просмотра чиркал на бледно-зеленых листках — он придавал большое значение мелочам в видениях пациентов. Например, названиям воображаемых сборищ с большим количеством действующих лиц.

Ага, мундир к осеннему балу. Понятно, раз эльфы — значит, балы, и никак иначе. Назвать это банальной пьянкой с танцульками Айвену не позволяет то ли недостаток фантазии, то ли остатки интеллигентности. Так, мундир... Кстати, портняжные реалии преподнесены достаточно убедительно. А то многие путают раскрой с пошивом, а реглан с цельнокроенным рукавом или, скажем, с «слетчей мышью». Но есть и проколы — овальная горловина и одно-

временно воротник апаш, например. Как-то это не очень сочетается. Хотя, если постараться...

Айвен шьет мундир, попутно ведя беседы с партизанствующим приятелем, которого, увы, в итоге сдает господам эльфам с потрохами. Еще — вспоминает о погибшей семье. Жена и дочь. Дочь он даже пытается спасти, и почти спасает, но не успевает со всем чуть-чуть: ее казнят. Казнят, естественно, эльфы, господа, кто же еще?

И что-то он такое делает с мундиrom, ибо Ариэль в конечном итоге убивает эльфийку-матку, которая, ясное дело, последняя на Земле и во всей Вселенной, а с ее смертью род эльфов обязан превратиться.

Вот, собственно, и все. Гораздо интереснее сюжета психологические дебри, из которых подобные сюжеты вытекают. Во-первых, изначальный посыл: эльфы — поработители, перед которыми одни склонились (сам Айвен, шьющий эльфам костюмы), другие нет (приятель-партизан, казненная дочь Айвена). Во-вторых, старательно воспитываемая в себе ксенофобия: и так достаточно не-похожие на людей эльфы низводятся не то к паукам, не то к общественным насекомым с дичайшими обрядами, вроде поедания маткой самцов. И это при всем при том, что внешне эльфы не так уж далеки от людей. Сам Арибалльд даже находил многих человеческих женщин вполне сексуальными, но, разумеется, только в одетом виде — иначе различия между млекопитающими и сейдхе становились слишком уж очевидными. Зато разум и логика у людей и эльфов оказались на диво сходными. Однако, если как следует подумать, ничего в этом удивительного-то и нет. Люди цивилизовались и повзрослели у эльфов на глазах, а когда появились первые подозрения, что два зверя в одной берлоге не уживутся, — более старшие и более умные уступили территорию молодым и нахрапистым. А вернувшись — убедились, что человечество совершенно не изменилось.

Да уж, прямо как в старой легенде — они оказались слишком похожи, чтобы поступить одинаково...

Фактически люди убили себя. Они сами в том повинны или эльфы — теперь уж и не разберешь. За какие-то три года они превратились в законченных наркоманов, если раньше не стали само-

убийцами. К моменту посадки первого корабля эльфов в Канаде на планете было больше шести миллиардов людей. Сегодня их осталось едва семьсот тысяч и с каждым днем становится все меньше. Генетический материал эльфами, конечно, консервирован, но вообще-то правильнее, когда человеческих детей воспитывают люди. Зачем эльфам очередная раса Маугли? Ошибки на то и ошибки, чтобы их не повторять.

Арибальд точно знал: причины упадка еще недавно столь многообещающей популяции можно и должно разглядеть в мнемограммах из нескольких разбросанных по планете клиник. Таких же, в какой лежал и бредил радиофизик Айвен, воображающий себя портным. И даже в наркотическом бреду видящий себя тем, кто сотрет род эльфов с полотна реальности.

Какое счастье, что у сейдже репродуктивны все здоровые женщины, а не только несуществующие гигантские матки! И еще большее счастье, что после секса никто никого не ест...

Арибальд прокручивал мнемограмму туда-сюда, выискивая значимые места. Вот, кстати, интересное: достаточно пренебрежительное отношение к оркам и троллям. Ну да, уважать рабов собственного врага мало где принято. Неважно, что служат ВРАГУ. Важно, что СЛУЖАТ. Склонивший колени и признавший другого хозяином навсегда вычеркивает себя из списка тех, кого следует уважать. Эльфы и сами так думали... пока не прожили достаточно долго и не осознали, что бывает и иначе. Бывают просто существа на своем месте. По способностям и порогу разумения. И нет в этом никакого расизма или еще каких демократических страстей.

«Кстати, о политкорректности, в которую люди не к добру впали. Не она ли так изощренно перекорежила людей? — внезапно подумал Арибальд. — Когда становится опасно называть негра негром, а пидора пидором, психика рано или поздно не выдержит. Что индивидуальная психика, что психика социума. Записать, записать скорее...»

На зеленоватый листок блокнота легла очередная заметка. Арибальд почему-то не любил диктофоны, предпочитал старомодное стило и бумагу. Плевать, что стило кремнийорганическое, а бумага вовсе не бумага, а полимер — принцип письма не изменился. Буквы и строки. И прячущийся за ними смысл.

Действительно похоже на то, что люди где-то перемудрили с самоорганизацией, накопили чудовищное моральное напряжение и разом спустили его по прилете эльфов.

Запись назад... вот! Вот это место еще раз пересмотреть. Думай, Арибальд, смотри и думай!

В клинику Арибальд явился невыспавшимся, однако полнился решимостью окунуться в утреннюю беседу с Айвеном, забросить ему в мозг новые путеводные императивы, а потом, когда блеск в глазах человека станет нестерпимым, а ломка вот-вот примется подминать его тело и разум, дать вожделенную дозу и приготовиться к записи новой мнемограммы.

Арибальда еще в вестибюле встретила растерянная Фейнамиэль.

— Ари, — сказала она, нервно поправляя сбившуюся прическу, — Айвен сбежал.

— Как сбежал? — не понял Арибальд.

— Стукнул санитара, выскочил в коридор, добрался до окна и сиганул на клумбу. А потом перелез через забор...

— Погоди, Фейна! На окнах же решетки!

— На этом решетка была открыта. Сейчас выясняют — почему.

Арибальд окончательно впал в ступор.

— Решетка? Открыта? Это как?

— Решетки на окнах не намертво вмурованы в стены, — терпеливо пояснила Фейнамиэль, — а установлены на петли, как двери или оконные створки. И запираются они точно так же, на висячие замки. На торцевом окне коридора решетка была открыта.

— А обычно она закрыта?

— Обычно закрыта.

— Кто отвечает за изоляцию клиники? Кто запирает эти траханые решетки? — прошипел Арибальд, представляя, что сотоврит с этим человеком, если это человек, или с эльфом, если это, к несчастью, эльф.

Фейна не успела ответить. С тихим шелестом разошлись створки опустившегося лифта, и в вестибюль вышли задумчивый

командер Ваминар и два долдона-эльфа в серых мундирах корабельной стражи, оба с сурово-непроницаемыми лицами.

— Ари! — немедленно оживился командер. — Я тебя уже полчаса жду.

— Приветствую, Ва, — сухо поздоровался Арибальд и светски кивнул.

Полчаса — это Ваминар, конечно же, загнулся, ждет он вряд ли больше пяти минут, не тот у него темперамент, чтобы долго ждать.

— У тебя есть здесь какой-нибудь кабинет или что-то вроде? — поинтересовался Ваминар. — Мне и обосноваться-то негде для дознания и допросов, кругом сплошные психи да наркоманы.

— Кабинета нет, но могу предложить лабораторию, — нашелся Арибальд. — Это смежное с палатой сбежавшего пациента помещение, там даже стена прозрачная. С нашей стороны.

— Прекрасно! — Ваминар повернулся к одному из стражей: — Займитесь свидетелями и организуйте очередь на допрос. И пусть кто-нибудь из следопытов постоянно докладывает, как у них идет поиск.

Страж козырнулся, отступил на два шага и принял что-то негромко втолковывать своему сослуживцу; затем оба разошлись — первый вышел из здания, а второй направился назад к лифту. Туда же двинулись и командер с Арибалльдом и Фейной.

В лаборатории Ваминар секунд пять поозирался, потом углядел стол в дальнем углу, подошел и без затей смахнул все со столешницы на пол. Стакан с карандашами, немузикально хрустнув, развалился на мелкие осколки, бумаги разлетелись на добрых два шага. Ваминар уселся за стол, поочередно заглянул в ящики, но оттуда ничего выгребать и выбрасывать не стал, просто задвинул на место. Арибальд и Фейнамиэль безмолвно наблюдали за ним.

— Ну, что? — хмуро осведомился Ваминар. — Сильно этот млек нарушил твои планы, Ари?

Арибальд ответил уклончиво:

— Основные надежды я возлагал именно на него. Ни у кого более не было настолько ярких и образных мнемограмм, легко, к тому же, поддающихся анализу и осмысленному толкованию.

— Плохо. Обманул он тебя, получается. Притворялся дуболомом, а сам...

— Почему ты решил, будто он притворялся? — заинтересовался Арибальд.

Командер хмыкнул, а прояснила ситуацию Фейнамиэль:

— Последние шесть доз препарата Айвен не использовал, мастер. Их нашли при осмотре в его тумбочке.

— Йэннаэ! — выругался Арибальд. — А кто ему обычно колол препарат? Медсестры?

— По штатному расписанию — да, обязаны колоть медсестры. Но на деле это сплошь и рядом перепоручается санитарам. Не только в случае с Айвеном, с другими пациентами тоже. — Фейнамиэль виновато опустила глаза, словно это из-за нее начались нарушения. — Старшую медсестру уже посадили под местный арест, мэтр...

— Под арест не сажают, под арест берут, — проворчал Ваминаор из-за стола. — А ведь и впрямь бардак тут у вас процветает, Ари! Это первый случай побега из заведения подобного типа. Первый за все времена после возвращения на Землю!

Арибальд досадливо поморщился и покачал головой:

— Все когда-нибудь случается впервые, Ва. Но плохо не это. Плохо то, что мы априори считали пациентов безвольными наркоманами, а по крайней мере один из них нас обманывал. Я должен это обдумать, Ва. Ты пока допрашивай кого считаешь нужным, а мы с Фейной потолкуем в... ну, к примеру, в ординаторской, здесь же, на этаже.

— Толкуйте, — позволил командер, тем более что в лабораторию ввалилось сразу трое его подчиненных в серых мундирах, да и в коридоре было не протиснуться — стражники, перепуганные санитары-люди и не менее перепуганные медсестры-эльфийки создали настоящий затор.

В ординаторской было пусто, хотя Арибальд опасался, что и там обосновались вездесущие стражники Ваминаора.

— Рассказывай, — велел Арибальд, плотно затворив входную дверь.

Фейнамиэль невольно понизила голос:

— Я пришла минут за двадцать до вас, Ари. Не успела в лабораторию войти, меня стражи нежно так под локотки — и на допрос. А я и не знала еще ничего. Минут пять поспрашивали, на

детекторе проверили и отпустили. Я сразу к дежурным медсестрам — оказалось, нынешней ночью одна отпросилась на гульки какие-то, ее сейчас стражи в оборот взяли. А вторая все проспала — ей в чай кто-то ДДТ подмешал. Этую на рассвете санитар растолкал и — бух! — в ноги. Не вели, говорит, казнить! Сбежал пациент из лабораторки! Только, говорит, и увидел его спину в окне, а потом на заборе. Я хотела в палату заскочить, взглянуть, как там и что, но там стражи проводили осмотр, так что я только в дверях постояла, пока не прогнали. Тогда я вниз спустилась — а тут вы идете... Вот.

Арибальд еще ни разу не видел помощницу такой растерянной. Было от чего, тут уж никак не возразишь.

Конечно же, Айвену помогли. Открытая решетка на коридорном окне, ДДТ в чае единственной дежурившей медсестры... Санитарам, небось, водки перепало, надави — сознаются. Ваминор, вне всякого сомнения, надавит, но эти олухи вполне могут и не знать, откуда в их шкафчике взялась поллитра. Или две. Вряд ли происхождение пойла их заинтересует больше, чем само пойло...

«Стоп-стоп-стоп! — одернул себя Арибальд. — Вот на этом нас и поймали! На недооценке. Я полагаю санитаров заведомыми болванами и пьячугами, которых ничего дальше собственного носа и ближайшей рюмки не интересует. А на каком таком основании, а? Айвена я тоже полагал законченным наркоманом, а он взял и сбежал. Только спину его и видели... Кстати, вот еще не праздный вопрос. Если Айвен только имитировал прием наркотика, как он умудрялся гнать такой потрясающий бред на мнемограф? Я, мэтр Арибальд, такого способа не знаю. А человек, это непонятное и оттого чуждое существо, — знает».

Арибальд встрепенулся и повернул голову к помощнице:

— Фейна! Ты знаешь, как лучше всего понять чужие мысли и поступки?

Девушка если и имела на этот счет какие-либо теории, предпочла их не оглашать.

— Как? — поинтересовалась она.

— Надо постараться, чтобы они перестали быть для тебя чужими. Пойдем-ка в лабораторию, кажется, нам не помешает взгля-

нуть на позавчерашибую мнемограмму. При всей ее блеклости был там один зацепивший меня момент. Только сейчас я понял, чем он меня зацепил...

У мнемографа Арибальд не засиделся, хотя и успел дважды проглядеть интересующий его фрагмент. Сам по себе фрагмент был маловнятен и даже не содержал картинки — так, размытые радужные пятна вместо изображения. Арибальд вспомнил его лишь благодаря выпадающим из контекста диалогам.

«Перскичка! Рядовой Финни!» — «Я!» — «Пароль!» — «СМЕРШ!» — «Доложите готовность!» — «Готов, жду сигнала!»

«Рядовой Валдемар!» — «Я!» — «Пароль!» — «ОСВОД!» — «Доложите готовность!» — «Готов, жду сигнала!»

«Сержант Соучек!» — «Я!» — «Пароль!» — «МГИМО!» — «Доложите готовность!» — «Готов, жду сигнала!»

«Рядовой Химото!» — «Я!» — «Пароль!» — «УЕФА!» — «Доложите готовность!» — «Готов, жду сигнала!»

«Рядовой Черышев!» — «Я!» — «Пароль!» — «НИИДАР!» — «Доложите готовность!» — «Готов, жду сигнала!»

«Рядовой...»

Ну и так дальше. Всего в перекличке поучаствовали восемнадцать рядовых и три сержанта. Дальше без какого-либо перехода возникла картинка, похожая на воспоминание: Айвен с друзьями где-то на природе, но не в лесу, а в степи. Что-то вроде рыбалки, только вместо реки или озера — рыжая проплешина посреди разнотравья, испещренная круглыми отвесными норами, из которых Айвен сотоварищи таскают крупных пауков с человеческими (а может, и с эльфийскими) лицами. Снасть — простой тросик с петлей на конце, а в качестве наживки упаковка ампул с холокайном.

Арибальд как раз хотел попросить Фейну, чтобы еще разок прокрутила перекличку, но тут у пульта бесшумно возник хмурый Вамиор и очень настойчиво предложил прогуляться. Препиариться с коммандером при исполнении как-то не принято; Арибальд и не стал. Послушно выбрался из-за мнемографа, обронил помощнице: «Жди здесь, я скоро!» — и вышел вслед за Вамиором из лаборатории.

Командер и впрямь решил прогуляться — они вышли из больничного корпуса и направились к главной аллее парка. Позади, в почтительном отдалении, шествовали два давешних доддона-стража. А еще Арибальд заметил, что у ворот клиники топчутся несколько троллей, а вдоль забора выставлена цепочка орков с ятаганами наголо и короткостволами при поясах.

«Спохватились, — подумал Арибальд на удивление спокойно. — Почему-то у нас все меры предосторожности принимаются уже после того, как неприятность случилась. Глупость какая...»

— Ари, — тихо сообщил Ваминар. — Побег из этой клиники не единичный. Еще из нескольких клиник нынешней ночью тоже сбежали пациенты. Из Ковентри сразу трое, но в основном, как и тут, по одному.

— Сколько всего? — поинтересовался Арибальд. Ему и впрямь стало интересно, хотя еще минуту назад он искренне желал, чтобы разговор с командером поскорее закончился и можно было вернуться к тому подобию работы, которое возможно в клинике, где полным-полно стражников.

— Всего двадцать один человек, — сказал Ваминар и протянул Арибальду лист экспресс-распечатки. — Взгляни-ка. Были ли среди этих пациентов особо перспективные, вроде твоего Айвена?

— Рядового Айвена, — поправил Арибальд машинально.

Он ни секунды не сомневался, чьи имена увидит в списке.

— Что-что?

— Мой пациент не просто Айвен, а рядовой Айвен, — пояснил Арибальд. — Если не знаешь, это низшее воинское звание у людей. На, держи свой документ. Тут три сержанта и восемнадцать рядовых.

Ваминар, не выказывая удивления, принял распечатку. Он даже не повернулся в сторону Арибальда и не остановился, продолжал шагать по усыпанной гравием парковой дорожке. Он просто перегнул лист со списком пополам и еще раз пополам, упрятал во внутренний карман мундира и сдержанно велел:

— Рассказывай.

«С чего начать-то? — подумал Арибальд растерянно. — У меня ведь даже не догадки. У меня всего-навсего изученный несколько минут назад фрагмент мнемограммы и цифра «двадцать

один». Стражники за подобную информацию в лучшем случае обдадут ледяным презрением».

— Понимаешь, Ва, я... Да и остальные мнемологи тоже, так что правильнее сказать — мы. Так вот, мы интересуемся в первую очередь теми пациентами из людей, чьи нарковидения наиболее красочны и вместе с тем наиболее связны. Несколько дней назад среди записей Айвена проскочил очень странный фрагмент. Айвен вообще-то почти чистый визуал, поэтому его фантазии обязательно сопровождаются весьма выразительным видеорядом. Эдакое кино, порой даже сюжетное. А тут картинки как таковой не было, только размытые пятна, зато очень четкий звук. Походило это на перекличку. Некто называл звание и имя, требовал пароль. Ему отвечали и докладывали о готовности. Так вот, имена в этом фрагменте повторяют те, что записаны в твоем перечне сбежавших из клиник. Двадцать один пациент, все люди. Айвен — один из них.

Командер Ваминар выслушал это с омертвевшим лицом. Некоторое время он молчал. Хруст гравия под подошвами ботинок казался Арибалльду оглушительным.

— А что ты скажешь о пациенте Хлайде? Палата, если не ошибаюсь, двенадцатая.

Хлайда Арибалльд знал, но вот за ним не мог припомнить ничего особенно интересного, о чем не замедлил сообщить Ваминару:

— Совершенно заурядный тип. Видения обрывочны и никакого логического ряда не составляют. Ни одну из его мнемограмм за период исследований не удалось хоть как-то обосновать: ни событийно, ни мотивационно.

Ваминар помолчал еще немного, а потом неожиданно спросил:

— Скажи, Ари, а этот Хлайд тебе не стучал, а? На персонал, на других пациентов?

— В смысле? Не был ли он осведомителем?

— Ну да!

Арибалльд опешил.

— Полноте, Ва, на кого он может настучать? На санитара, который недостаточно рьяно отдраил очко в коридорном сортире? Так это надо стучать не мне, а старшей медсестре. Я ведь не сотрудник клиники, я просто провожу тут исследования.

Командер тихо вздохнул.

— А почему ты спросил, Ба? — Арибальда разобрало любопытство. — Надеюсь, эта информация не закрыта от гражданских?

— От тебя — нет, — сухо ответил Ваминар. — Потому что ты свидетель. Пока — свидетель.

Арибальд не выдержал и остановился, после чего вынужден был остановиться и Ваминар. Остановиться и обернуться.

Тон Ваминара вдруг стал донельзя официален, отчего в нем прорезалась смутная и пока неявная угроза.

— Скажите, мэтр Арибальд, известно ли вам, что мнемографическая аппаратура, используемая вами в исследованиях, одновременно является мощным коммуникационным средством для ваших пациентов? Что на сеансах мнемозаписей пациенты могут отправлять сообщения другим пациентам и получать сообщения от них?

— То есть как это? — У Арибальда на миг потемнело в глазах. — В каком смысле «сообщения»?

— В прямом, — буркнул Ваминар. — В стенах клиник зрел натуральный бунт, и твои мнемографы стали для заговорщиков замечательным телефоном, телеграфом и видеосвязью. То, что ты считал видениями, Ари, на самом деле являлось посланиями от одного пациента остальным. Обычно даже незакодированными. Все это настолько лежит на поверхности, что я докопался до истинного положения вещей за какие-то три часа. Поэтому мне очень трудно поверить, что ты, Ари, об этом свойстве мнеморегистрирующей аппаратуры не знал. Ты, мэтр! И не знал?

— Ба, — жалобно пробормотал Арибальд. — Я действительно ни о чем подобном не подозревал!

Затем мэтр все же засомневался, как и подобает истинному ученому:

— Погоди, Ба! А откуда у тебя эта информация? С чего ты взял, будто мои мнемографы для людей являются видеотелефонами?

— Хлайд сообщил, — неохотно признался Ваминар. — Вообще, мне не следовало бы говорить это тебе, но... Хлайд стукнул, а затем еще несколько пациентов подтвердило. Мои ребята их допросили. С пристрастием. Поверь, этим пациентам крайне невы-

годно было лгать. Так что я уверен: они сказали правду. — Командер помолчал немного, потом похлопал Арибальда по плечу. — Такие дела, Ари. Я-то тебе верю, но если я не приму некоторых мер, хотя бы внешне, венценосные меня не поймут. Так что... впредь ставь меня в известность о том, куда собираешься направляться. Это касается и твоей помощницы тоже.

Арибальд угрюмо кивнул. Еще раз ободряюще похлопав его по плечу, Ваминар пошел назад, к зданию клиники. Ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

С минуту Арибальд шагал молча, обдумывая услышанное. Затем появился первый серьезный вопрос.

— Ба, погоди!

Командер замер и обернулся; Арибальд тотчас догнал его.

— Ба, но ведь если дело обстоит так, как ты сказал, всю необходимую информацию о бунте, который якобы готовился, ты можешь выбить из Хлайда и остальных пациентов. Средство общения пациентов становится их бичом, ибо их переговоры слышат все, кого пишут на мнемографы.

— Так, да не так, — возразил командер. — В том-то и дело, что трафик сообщений по этой виртуальной мнемосети обладает избирательностью. Отсылающий сообщение сам решает, кому его адресовать. Кто услышит это сообщение, а кто не услышит. Более того, даже если в конкретный момент времени к мнемографу подключен лишь один из заговорщиков, он может оставить послание остальным, и оно будет терпеливо ждать, а когда их «бред» примутся регистрировать твои коллеги, подключив тем самым к сети, оно дойдет до получателей. Единственный, кто в состоянии перехватить депешу с грифом «для своих», — это ты, как и твои коллеги у мнемографа. Но беда в том, что для вас их депеши — всего лишь наркотический бред пациентов, иллюзии одурманенных людышек.

— Погоди, погоди, — усомнился Арибальд. — Ты вообще представляешь себе базовые принципы мнемографии? Хотя бы в общих чертах?

— В общих — представляю. Но я также осознаю и тот простой факт, что для использования в клиниках спасения наши привычные мнемографы пришлось адаптировать под запись биотоков

человеческого мозга. Я не биолог, но способен понять, что наш мозг функционирует несколько иначе, чем мозг млекопитающих.

— Ну и что? — искренне удивился Арибальд. — Базовые принципы записи все равно сходны. Адаптация там была минимальная, насколько я знаю.

— А кто ею занимался, знаешь?

— Да какая разница!

Ваминор грустно усмехнулся:

— Какая, говоришь, разница? — Он задумчиво поковырял носком сапога гравий на дорожке. — Я тебе и так наговорил больше, чем следовало. Но скажу еще. — Подняв на мэтра Арибальда льдисто-голубой взгляд, потомственный страж продолжил: — Твои мнемографы адаптировал Тьювиндейл, причем он пользовался готовыми наработками людей. Поднял темы двух исследовательских центров. Института биофизики мозга в Сан-Спрингсе и Лаборатории радиофизики в Дубне.

Ваминор мог не продолжать. Рядовой Айвен, он же Иван Чे-рышев, в последнее время строивший из себя портного-наркомана, до возвращения на Землю эльфов работал именно в Дубне. В этой самой Лаборатории радиофизики.

Что же до Тьювиндейла, то у этого любимчика венценосных особ с давних пор сложилась репутация высокочки и великого охотника загрести жар чужими руками.

— Чем дальше, тем веселее, — пробормотал Арибальд. — Ты удивил меня, дружище, несказанно удивил. Мне понадобится минимум час, дабы переварить все это.

— Переваривай, — пожал плечами коммандер. — Времени у тебя полно, потому что перед нашей прогулкой я разослав директиву о запрете на использование мнемографов во всех без исключения клиниках. Хватит, лишаем их связи.

Говоря начистоту, часа Арибальду не хватило. Ситуация сложилась удивительно нелогичная и абсурдная. Не лезла информация ни в какой портал, и все попытки отыскать в произошедшем рациональное зерно, увы, оказались безуспешными. Арибальд прикидывал и так и эдак и никак не мог понять — зачем Айвен

сотоварищи устроили этот глупый массовый побег и чего намеревались добиться? Эльфы, наоборот, изо всех сил пытались помочь последним думающим людям, вытащить из наркозависимости, а потом уж сформировать из них элиту, с которой начнется возрождение оступившейся расы.

«Наркозависимость, — подумал Арибалльд, вспомнив о нетронутых ампулах в тумбочке Айвена. — А была ли она вообще, а? Затребую-ка я медкарту. Мнемография мнемографией, а диагностические медаппараты не обманешь. Биохимия хоть и прихотливая наука, но все же наука, причем достаточно точная. Пока еще точная...»

Арибалльд вызвал дежурную медсестру, велел принести медкарты Айвена, Хлайда (в прошлой жизни — Вадима Холодова) и еще двух пациентов, дремучих и безнадежных наркоманов, — текущие анализы беглеца имело смысл сравнить еще с чьими-нибудь показаниями. Если Вамиор прав и в клиниках зрел заговор, расхождения неизбежно найдутся.

Перепуганная утренними событиями медсестра принесла тонкую стопочку распечаток; Арибалльд попросил ее найти Фейну и пригласить сюда, а сам с головой погрузился в изучение медкарт. Он так увлекся, что начисто забыл о помощнице и ничуть не напорожился, когда она не пришла ни через час, ни через два.

Через два с половиной часа снова явилась медсестра, с выражением не то вины, не то совсем уж запредельного испуга на лице.

— Мэтр Арибалльд, — обратилась она с порога, нервно теребя поясок белоснежного халата. — Я искала госпожу Файнамиэль повсюду, но ее нигде нет, а трубка ее не отвечает. Простите, я не могу ее найти, вероятно, она покинула клинику, но куда направилась — не знаю.

Арибалльд отвлекся от изучения медпоказаний.

— Покинула? — переспросил он, вспоминая, не давал ли помощнице каких-нибудь поручений, требующих отлучки. Ничего не вспоминалось. — Странно... Ладно, ступайте.

Из анализов однозначно следовало, что Айвен действительно водил медиков за нос. Наркоманом он если когда-либо и был, то очень давно. Йэнналэ, и что, из медперсонала клиники никто этого

не заметил? Действительно попахивает заговором! Или волниющей халатностью, что ничуть не лучше.

Об этом факте явно следовало поскорее сообщить коммандеру. Так, на всякий случай. Но Арибальд не успел. Дверь отворилась, и в ординаторскую ввалились два стражи. Краем глаза Арибальд заметил в коридоре сумрачного орка с короткостволовом.

— Мэтр Арибальд! — свистящим полу值得一том известили один из стражей. — Нам приказано взять вас под охрану и немедленно препроводить в штаб! Извольте следовать за нами!

Арибальд сперва решил, что речь идет о больничной лаборатории, где обосновался коммандер Ваминар, но оказалось, что подразумевается какой-то другой штаб, ибо повели мэтра сначала в вестибюль, а потом наружу, к внешним воротам. Орков в сопровождении, к слову, было аж четверо. И все были вооружены.

— Что случилось-то? — встревожился Арибальд.

Когда тебя берут под стражу и куда-то ведут, поневоле заподозришь худое.

— Теракт во дворце. Несколько венценосных взято в заложники. Кстати, ваша помощница тоже в заложниках. Извините, мэтр, больше никаких подробностей.

«Теракт? — опешил Арибальд. — Йэйнналэз, какой еще теракт? Ну и денек выдался! Орки, что ли, взбунтовались? У троллей на организованные действия масла в головах явно не хватит — значит, орки...»

А секундой позже до мэтра дошло.

«Или это люди? Сбежавшие пациенты?»

Арибальд давно осознал печальный факт: из всех возможных негативных вариантов в реальность воплощается худший. По крайней мере, в этой жизни.

— Это... наши пациенты? — осмелился спросить Арибальд.

— Ну, а кто же еще? — буркнул страж и отворил дверцу служебного экипажа. На дверце красовался растопыривший крылья геральдический дракон. — Садитесь, мэтр! И побыстрее, прошу вас!

Арибальд послушно уселся в экипаж.

«Можно подумать, пара секунд что-либо изменит, — подумал он с неудовольствием. — Нет, конечно, бывают ситуации, когда и полсекунды может все решить. Но сейчас явно не тот случай».

Как всегда в подобные критические моменты, в голову лезла разнообразная чепуха. Арибальд объяснял это тем, что разуму нужно некоторое время на усвоение внезапных новостей. А вот когда осознаешь произошедшее в полной мере и воспримешь как данность — пойдет конструктив. Пока же Арибальд способен был только на отрывочные мысли: «Теракт... Заложники... Глупость какая, быть этого не может!»

От мыслей мэтра отвлек стражник на соседнем сидении — он протянул трубку со словами:

— Это вас!

Арибальд принял.

— Слушаю!

— Ари? — говорил Вамиор. — Йэнналэ, ну и наломали вы дров, господа исследователи!

По голосу коммандера Арибальд понял, что тот некоторое время назад пребывал в бессиенстве, но уже взял себя в руки и принялся разрекламировать ситуацию.

— Террористы требуют выдать тебя, тогда они отпустят кого-нибудь из венценосных. Предупреждаю: я выдам не задумываясь. Так что морально готовься.

Арибальд решил, что пора тоже прийти в себя.

— Ва, ты не мог бы по дружбе ввести меня в курс дела? Твои мальчики подробности сообщать отказались.

— Будут тебе подробности; будут, — заверил Вамиор. — Прямо сейчас, как приедете. Те мальчики, которые рядом с тобой, не особо чего и знают, так что не взыщи.

— Хорошо, — сухо ответил Арибальд и вернул умолкшую трубку стражу.

«Театр абсурда», — подумал он; как ни странно — спокойно подумал.

Мозг ученого-аналитика втягивался в привычную работу: накопить достаточно фактов, разобраться, отыскать приемлемые пути выхода из критической ситуации. Старый, как мир, алгоритм.

В любом случае, венценосные не должны пострадать. Эльф всегда остается эльфом, благополучие видовой элиты для него превыше всего, даже превыше собственной жизни.

Но люди, люди-то каковы... Пац-циентики...

У головного портала в корабль-дворец было не протолкнуться: коммандеры спохватились и нагнали целое войско орков. Чуть в стороне, образовав правильный квадрат, сидели на корточках тролли. Не меньше сотни. Даже сидя они выглядели громадинами — неудивительно, что многие люди боятся их до судорог. За массивными лапами левых посадочных опор виднелось даже несколько драконов, за которыми приглядывали одетые во все алое девчонки с биофака.

Экипаж взрезал оцепление и затормозил у центрального шлюза.

— Сюда, — принялся распоряжаться смутно знакомый страж с повязкой на глазу — кажется, Арибальд пару раз видел его в окружении Ваминара. — Они проникли в малую опочивальню второго уровня, а потом заблокировали шлюзы во всем рест-секторе.

— Знаем, — процедил один из стражей, приехавших вместе с Арибальдом, — тот самый, который передавал мэтру трубку.

Получалось, что не так уж плохо провожатые осведомлены. Неужели Ваминар лгал? Но зачем?

Внизу тоже кишмя кишили вооруженные орки, однако уже за главным шлюзом второго уровня их не стало. Только эльфы со скорострелами, и только в болотных комбинезонах спецназа.

Перед шлюзом в рест-сектор был развернут мобильный штаб. Серый лицом, Ваминар что-то зло цедил в интерком, придерживая пальцем гарнитуру у уха.

Арибальд дождался, когда он договорит. Выслушав ответ и с раздраженным «Йэнналэ!» шваркнув гарнитуру о раскладной столик, Ваминар наконец обернулся и увидел мэтра Арибальда.

— Я тут, — зачем-то сообщил Арибальд, словно это было не очевидно.

— Очень хорошо, — буркнул Ваминар. — Сейчас ты войдешь туда, а принц Хельос и его сестры выйдут. Делай что хочешь, Ари, но ты должен уболтать людей сложить оружие и сдаться. Мне чихать, как ты это сделаешь. Если не сделаешь, ни один из твоих потомков на свете не появится, уж это я обещаю. Даже если люди оставят тебя в живых.

— Погоди! — взмолился Арибальд. — Чего они хотят? Я же ничего не знаю!

— У них и спросишь, — зло сказал Ваминар. — Желательно также узнать, ПОЧЕМУ они этого хотят. Все, хватит болтать, держи ларингофон и марш к шлюзу!

Ближний страж, судя по всему — из технарей, прилепил к коже Арибальда маленькую присоску, точно над трахеями. Коже сразу стало тепло.

— Оружия у тебя, надеюсь, нет? — спохватился коммандер перед самым шлюзом. — Нет? Ну и славно. А то они детектор активировали. Образованные, разрази их драконье пламя! Наслушались лекций через твои долбаные мнемографы!

Помощник Ваминара что-то бормотал в гарнитуру, которую просто держал у губ длинными тонкими пальцами. У Арибальда все плыло перед глазами, а в голове гулко бухали молоты. И еще было тепло, очень тепло коже над трахеями.

Створки шлюза медленно разошлись.

Арибальд сразу увидел принца Хельоса с посеревшим от испуга лицом. А вот его безмозглые сестры-близнецы совершенно не выглядели испуганными. Наверное, происходящее представлялось им новой забавной игрой. Принц и его сестры стояли шагах в двадцати от шлюза.

Людей, как ни странно, нигде не было видно — холл перед опочивальнями казался пустым.

— Доктор Арибальд, ступайте вперед! — скомандовал кто-то.

Арибальд зачем-то приподнял согнутые в локтях руки — так, чтобы стали видны пустые ладони, — и медленно двинулся на встречу венценосным. Когда он миновал внутренние створки ресторатора, откуда-то из глубины холла послышался сдавленный человеческий голос:

— Заложники могут идти!

Принц тотчас схватил сестер за руки и чуть ли не силком поволок наружу, прочь из ресторатора. Хельос пронесся мимо мэтра, даже не взглянув на него, а вот сестры зачем-то обернулись, глядя со смесью жалости и недоумения.

Арибальд вскользь подумал, что это ему должно быть жалко глупых венценосных принцесс. А затем шлюз закрылся. Еще спус-

тъ пару секунд отчетливо лязгнула внутренняя блокировка. Арибальд теперь пребывал в полной власти вчерашних пациентов, пыне — террористов.

Двое людей появились внезапно и почти бесшумно — выскочили из-за предметов обстановки холла. Один — из-за спинки массивного кресла, другой — из-за шкафа у левой перегородки. Секундой позже со шкафа на пол соскользнул еще один, в котором Арибальд сразу опознал Айвена.

Рядового Айвена.

— Ага, — с воодушевлением констатировал ближний к Арибальду человек — плечистый громила, на добрых полторы головы выше мэтра, с короткостволом в правой руке. — Вот и наш доктор Пилюлькин! — Он состроил дурашливую рожу и помахал свободной рукой: — Превед, кросавчег!

Арибальд озадаченно уставился на него снизу вверх. Короткоствол в огромной лапице выглядел игрушечным; отчего-то возникало опасение, что громила его ненароком погнет или вовсе сломает.

— Добрый день, доктор, — почти дружелюбно поздоровался Айвен, приблизившись. — Знакомьтесь, это сержант Соучек, а это рядовой Финни. Меня вы должны помнить.

— Во-первых, уже вечер, — мягко уточнил Арибальд. — А во-вторых, я не врач. Я мнемолог, ученый-мнемолог.

— Да и ладно, — не стал упорствовать Айвен. — Следуйте за нами, господин ученый. И попрошу учесть, мои коллеги страшно не любят резких движений и неуместных вопросов. Им не так повезло в жизни, как мне: до вторжения сержант Соучек был шахтером-забойщиком, а малыш Финни — автослесарем. Так что если вы и питаете какие-либо беспочвенные надежды, то договариваться с вами придется со мной. Ну и с лейтенантом, конечно.

— Есть еще и лейтенант? — поинтересовался Арибальд.

— Конечно! Вы ведь уже обратили внимание на одну из недавних мнемозаписей, не так ли? Ту, с перекличкой? Как вы думаете, кто перекличку проводил?

Тут Арибальд неожиданно вспомнил, что в подобные моменты бывает полезно перехватить инициативу, и ответил вопросом на вопрос:

— А почему вы решили, что я должен обратить внимание на перекличку?

— Потому что вы умный эльф, доктор Арибальд. Так же, как и коммандер Ваминар. Правда, в отличие от коммандера вам не чужда также и гибкость, поэтому мы вас сюда и вытребовали.

— Будет болтать, Ваня, — пробасил сержант Соучек. — Пусть лейтенант с ним разбирается.

— Хорошо, — вздохнул Айвен. — Умолкаю...

Арибальда, похоже, вели в одну из опочивален по правую руку от шлюза; мэтр на всякий случай зыркал по сторонам. Никакого беспорядка он не отметил: предметы обстановки пребывали на законных местах, следов борьбы или стрельбы тоже нигде не было видно. Бросалось в глаза только безэльфье — ни венценосных, ни прислуги. По всей видимости, террористы захватили сектор быстро и без сопротивления.

В самом деле, кто тут мог сопротивляться? Принцы? Или венценосные дамы? Даже не смешно.

Но как террористов прошляпила внешняя охрана? Расслабились гвардейцы Ваминара и Лаланда на Земле, ох расслабились! Пока люди еще осмеливались партизанить — вроде держали уши востро, а носы по ветру. А как сопротивление было сломлено, через какое-то время и размякли... Где это видано — вооруженные люди без боя прорываются в опочивальни венценосных и берут всех в заложники!

Неимоверно! Просто неимоверно!

Они, видимо, направлялись в библиотеку при опочивальне принца Хельоса. Точно, направо — бильярдная и курительная, налево — библиотека.

Дверь полированного красного дерева бесшумно скользнула в стену-переборку.

— Пан лейтенант! — с порога браво доложил сержант Соучек. — Обмен трех заложников на доктора прошел успешно!

— Вводи...

Громила Финни без церемоний втолкнул Арибальда в библиотеку, хотя с точки зрения самого Финни касание было мягким и деликатным.

За рабочим столом принца Хельоса сидел востроносенский человечек с обширными залысинами над выпуклым лбом. Близко посаженные глаза то и дело щурились, словно их обладатель страдал близорукостью. Перед человечком на зеленом сукне стола лежал до боли знакомый мэтру Арибальду предмет.

Портативный мнемограф «Алголь».

Тихо пропел запирающийся замок, и Арибальда от людей отгородило хоть что-то.

Командер Ваминар как-то обмолвился, что для специалиста корабельные внутрисекторные двери-шлюзы особой проблемы не представляют — открываются на раз. Но Арибальда трудно было назвать специалистом в данной области. К тому же у него после подключения к мнемографу ужасно болела голова.

Йэннаэл, чего добиваются эти сумасшедшие? Думать надо, думать, а голова болит просто нестерпимо...

— Вам плохо, Ари? — спросили из глубины опочивальни.

Арибальд рывком повернулся, усугубив боль. Поморщился. Голос он узнал с полусекундным запозданием.

— Фейна? — окликнул мэтр помощницу. — Ты здесь?

— Здесь, Ари. Часов пять уже. А может быть, и больше — у меня отобрали трубку, а отдельного хронометра я обычно не ношу.

«Йэннаэл! — огорчился Арибальд. — Я ведь совершенно забыл о ней!»

О том, что Фейнамиэль тоже захвачена террористами, мэтр действительно в последний раз вспоминал еще до входа в рестсектор. В штабе Ваминара. А потом... потом стало как-то не до того. Но разве это оправдание?

— Тебя тоже... подключали? — спросил Арибальд, старательно массируя виски и лоб.

— К мнемографу? Да, подключали. Но совсем ненадолго, хотя я, кажется, успела потерять сознание.

«Чего-то они от этого простенького приборчика ждут, — подумал Арибальд. — Определенно — ждут. Но чего? Думай, мэтр, думай!»

— У меня есть лайт-райд. — Фейнамиэль отошла к комоду у внешней гнутой стены, на котором валялась ее сумочка. Сумочка была раскрыта, и из нее вывалилось несколько предметов, в том числе цветастый пузырек с таблетками. — Мне помогло! Только воды нет.

— Ничего. — Арибальд, все еще морщась, принял таблетку и привычно сглотнул. — Дай еще одну. Нет, лучше две. Давай, давай, я свою дозу знаю.

Фейна выträхнула в подставленную ладонь еще две приплюснутые зеленоватые гранулы, каковые Арибальд не замедлил проглотить.

Спустя несколько минут буря в голове и впрямь несколько поутихла. Во всяком случае, очередная мысль перестала даваться с трудом и прекратился болезненный скрежет в мозгах.

Однако вместо того, чтобы попытаться проанализировать поведение террористов, Арибальд почему-то вспомнил недавние слова коммандера. О том, что ему, мэтру Арибальду, необходимо убедить лейтенанта и его подчиненных освободить заложников, сложить оружие и сдаться.

И как прикажете это делать? С Арибальдом попросту не стали говорить, сразу сунулись с мнемографом. А потом, еще одревешего от записи, втолкнули сюда и заперли двери. Убедишь тут кого-нибудь, как же...

— Фейна! — обратился мэтр к помощнице. — Как ты здесь оказалась? И что вообще происходит? Мне ничего толком не объяснили, привезли сюда, велели утихомирить террористов на том только основании, что мы наблюдали за одним из них. Я вообще ничего не понимаю! Еще бы Вьюрна с его садовниками против террористов бросили!

Арибальд без сил повалился в шикарное кресло. Мебель в опочивальне венценосных была не чета обычной. В этом кресле хотелось жить и когда-нибудь в туманном будущем умереть. Не хотелось его только покидать.

Фейна устроилась рядом на пуфище с резной спинкой.

— Вас интересует, как я сюда попала? — жалобно спросила она.

Арибальд замялся:

— Ну... в общем... да. Где мы в последний раз виделись? В лаборатории? Или в ординаторской?

— В лаборатории. Мы как раз прокрутили фрагмент с перекличкой, и вас увел коммандер Ваминар. Вы велели ждать. Я ждала. Пока не заглянул один из санитаров и не сказал, чтобы я шла вниз, к лаборантам. Там меня и схватили.

— Кто? — выдохнул Арибальд.

— Не знаю. Они были в масках. Я даже не поняла, эльфы это были или люди — они сбили запах какой-то феромонной присадкой. А мне платок, пропитанный какой-то другой дрянью, к лицу прижали — и все... Очнулась только здесь. Точнее, не здесь, не в опочивальне, а в холле рест-сектора. Потом был мнемограф, и я опять потеряла сознание; вторично очнулась уже тут. Вон на том диванчике. Часов пять назад... да, вряд ли больше пяти. Ари, знаете, что самое странное?

— Что?

— Я не боюсь. Я просто не успела как следует испугаться. Даже за эти пять часов. Мне кажется, что это все происходит не на самом деле, а в чьем-то сне, в чьем-то чужом сне, не в моем.

— Как это в чужом? — не понял Арибальд.

— Не могу объяснить. Такое ощущение, что я все еще подключена к мнемографу, но он не записывает мои грэзы, а транслирует мне в мозг чужие.

Арибальд попытался осознать услышанное. Ему сразу стало казаться, что он тоже чувствует на висках прилепленные мнемодатчики, а изображение опочивальни перед глазами плывет и подергивается, как это часто бывает при просмотре лабораторных записей.

«Йэнниалэ! — рассердился Арибальд. — Так и рехнуться не долго!»

Он с силой ущипнул себя за щеку, готовый зашипеть от боли.

Боли не было.

Арибальд вскочил и даже успел кратко удивиться перед тем, как сознание оставило его.

Через несколько секунд Арибальд понял, что он, наоборот, пришел в сознание, а вовсе не провалился в беспамятство. Отчетливо и остро болела щека, которую он сам недавно ущипнул, про-

тивно отдавалось в висках, и даже слабый вкус таблеток лайт-райда еще не успел окончательно растаять во рту.

Арибальд попытался шевельнуться, но тщетно: что-то мешало. Над лицом нависал белоснежный потолок с парой люминесцентных ламп, и еще — остро пахло больницей от накрахмаленных простыней. Повернув голову (единственное доступное движение) Арибальд уперся взглядом в совершенно голую темно-серую стену метрах в двух от койки.

Стекло. Односторонней прозрачности.

«Я в палате, — ошеломленно подумал Арибальд. — В больничной палате! Словно один из людей-пациентов! Навэ йэнналэ, что происходит? Я схожу с ума?»

— Он очнулся, мэтр Айвен, — отчетливо сказал кто-то за... нет, не за спиной, скорее за затылком. Арибальд поспешил перебросить голову справа налево, отчего в висках на миг ожили ненавистные молоточки.

У койки кто-то стоял. И дальше, у дверей, — тоже. Изогнув шею, насколько это было возможно для пристегнутого к койке эльфа, Арибальд попытался рассмотреть, кто это.

Ближе всех стояла дежурная медсестра, почти вплотную, — из-за этого она казалась великаншей. А у приоткрытой двери, сложив руки на груди и привалившись к косяку, довольно улыбался Иван Черышев, он же — вчерашний пациент мэтра Арибальда, он же — рядовой Айвен. Рядом переминался с ноги на ногу дюжий санитар с незнакомым и потому навевающим жуть аппаратом или инструментом в руке. Начищенный хром всегда действует на пациента угнетающе; у Арибальда внутри все невольно сжалось.

— Очнулся? — зачем-то переспросил Айвен. — Прекрасно! Полагаю, мы его все-таки спасем! Приступай, Владек!

Санитар выставил хромированный аппарат перед собой и с готовностью шагнул к койке, а медсестра, наоборот, сместились куда-то за пределы поля зрения. Арибальда прошиб невольный озноб. Ему стало страшно, как никогда еще в жизни не бывало. Но в мире есть какая-то высшая справедливость: Арибальд провалился в липкое беспамятство раньше, чем санитар занес свой жуткий инструмент над его лицом.

* * *

— Ари! Очнитесь, Ари! Ну очнитесь же!

Хлопок чьей-то ладони по щеке. Кажется, уже не первый.

— Ари, что с вами?

Арибальд открыл глаза и увидел нечеткое женское лицо, близко-близко. Сначала ему показалось, что это медсестра, и тело рефлекторно попыталось отшатнуться. Тщетно — Арибальд лежал на полу, а женщина склонялась над ним.

Впрочем, это была никакая не медсестра из клиники, а помощница Фейнамиэль. К счастью.

— Ари! Ну, наконец-то!

— Фейна... — сказал Арибальд и поразился слабости собственного голоса. — Что такое, Фейна? Что случилось?

— Вы потеряли сознание. Не знаю отчего. Хорошо хоть, тут повсюду ковры, не расшиблись. Я не смогла перенести вас на диван, сил не хватило.

«Так! — Арибальд внезапно разозлился. — Это уже никуда не годится! Хлопаюсь в обморок, будто девица на выданье! Ну-ка, взять себя в руки! Для начала, к примеру, встать! И самостоятельно, не хватало еще, чтобы практикантки мне помогали!»

Встать получилось, с первого же раза, хотя в глазах внезапно потемнело, и Арибальд испугался, что сознание снова оставит его. Но нет, через несколько секунд нездоровая пелена спала и взор прояснился. Арибальд шагнул к креслу и на всякий случай сел.

Что-то с ним творилось неладное. Обмороки какие-то, галлюцинации...

— Сколько я валялся? — виновато спросил он.

— Минут двадцать. Кажется, вам что-то снилось, Ари. У вас все время дрожали веки и вы то и дело стонали. Иногда, вроде бы, даже пытались вскрикнуть.

— Ерунда какая-то, — пробормотал Арибальд.

Он действительно чувствовал некоторую слабость, но не настолько сильную, чтобы падать в обморок. И было очень неловко перед Фейной из-за этой слабости.

«Не райд же на меня так подействовал, в самом деле?» — подумал Арибальд мрачно.

В следующий миг он обратил внимание на то, что снаружи уже довольно давно (да, собственно, с момента выхода из беспамятства) доносится непонятный шум. То ли тролли ревут в сотню глоток, то ли обезумевший дракон мечется у дворца. Поскольку дворец одновременно являлся космическим кораблем, звукоизоляция тут была превосходная, но в посадочном режиме все же не абсолютная. И тем не менее — если шум доносится сюда, в опочивальни венценосных, можно представить, что творится снаружи!

Арибалльд указал пальцем в сторону окна.

— Это... давно?

— Вы о криках? — уточнила Фейнамиэль.

— Да.

— По-моему, они начались одновременно с тем, как вы потеряли сознание. Простите, я испугалась за вас и не сразу обратила на них внимание.

— Но что там происходит?

— Не знаю, Ари! Мне было не до того!

— Надо поглядеть в окно!

Арибалльд решительно встал на ноги, на всякий случай приготавившись упасть обратно в кресло, если в глазах опять потемнеет. Но нет, внезапная слабость так же внезапно оставила его — на этот раз только тупая боль слегка толкнулась в виски.

«Йэнналэ, это уже становится привычным!» — с неудовольствием подумал Арибалльд о боли.

Но до окна он дошел быстрым и уверенным шагом.

К сожалению, лучший вид из этого окна открывался на лоджии и галереи соседнего крыла (в режиме полета — инжекторы и ускорители маневровых двигателей). Только с самого краю, если приблизить лицо вплотную к прозрачному пластику, можно было рассмотреть небольшой клочок земли перед одной из опор корабля. В данный момент там было пусто, если не считать валяющегося без движений орка.

Пять минут, проведенные у окна, ровным счетом ничего не прояснили — в узкой просматриваемой щели так никто и не появился. Зато послышался новый шум — на этот раз из смежного помещения. А затем отчетливо вздохнул отпираемый дверной замок. Створки разошлись несколькими мгновениями позже.

Арибальд ожидал увидеть кого-либо из террористов, однако к его величайшему удивлению пожаловали эльфы-стражи. На мэтра с помощницей они почти не обратили внимания, кинулись дальше, в глубь опочивален. А следом вошел коммандер Ваминар. Лицо его было совершенно серым — видимо, от гнева.

Он молча прошествовал через зал и устроился в кресле, где недавно сидел Арибальд.

— Ба! — обрадовался Арибальд. — Что, вы наконец-то скрутили террористов?

В положительном ответе мэтр не сомневался ни секунды.

Однако Ваминару пришлось его удивить:

— Увы, Ари! — хрюкло ответил коммандер. — Скорее все обстоит наоборот: они скрутили нас.

Лицо Ваминара было застывшим, словно театральная маска. Он поднял на Арибальда тяжкий взгляд, в котором преобладали усталость и безнадега.

— Ты тоже недавно валялся в обмороке? — справился он зачем-то.

Арибальд замялся:

— Ну... Было дело... Что-то мне с утра нехорошо.

— Не оправдывайся, — фыркнул Ваминар. — Не ты один. Это все они.

— Люди? — догадался мэтр.

— Да. Люди. Они перехватили управление орками, троллями и даже драконами. Половина моих эльфов перебита. Дворец блокирован, и не только наш. Хорошо хоть, почти все венценосные уцелели, хотя я, право, не понимаю, зачем люди позволили им уцелеть. Это крах, Ари, полный крах! Земля вновь принадлежит людям.

Словно в подтверждение, на галерею напротив окна откуда-то сверху рухнуло тело наездницы с биофаком. Алого было очень много, и причиной тому была отнюдь не одежда.

У девушки отсутствовали правая рука полностью и правая нога до колена.

— Перехватили? — жалобно вопросил Арибальд. — Управление?

— Да, Ари. Перехватили. И виноваты в том твои любимые мнемографы и тот осел, который разрабатывал программы подав-

ления интеллекта у низших рас. Ну и, конечно, твой рядовой Айвен, бездна его пожри! А началось все с сущей невинности: с того, что во время сеанса мнемозаписи этот твой Айвен вдруг связался с таким же пациентом из Ковентри. И все! Представляешь, все! Нас теперь вышвыривают с Земли!

— С Земли? — беспомощно переспросил Арибальд.

Ваминор вяло махнул рукой:

— Нам предъявили ультиматум. Либо мы улетаем, одномоментно, все и навсегда. Либо... нас уничтожат. Мы — это исключительно эльфы. Орки, тролли и драконы остаются.

— С людьми?

— Разумеется, с людьми! Люди же их освободили! Спасли от нашего тысячелетнего гнета! — в голосе Ваминора звучал нескрываемый сарказм, но преобладала все-таки горечь.

«О небо! — растерянно подумал Арибальд. — Сделай так, чтобы все это оказалось таким же обморочным бредом, как недавнее пробуждение в палате клиники...»

Но нынешний обморок отчего-то не желал проходить.

— Я не знаю, зачем им это нужно, — добавил Ваминор, устало откидываясь в кресле, — но напоследок они хотят поговорить с тобой. Особенно этот твой Айвен. Так что ступай к главному шлюзу.

Командер уронил голову на подголовник кресла и закрыл глаза.

Арибальд машинально покосился в сторону окна — труп наездницы никуда не исчез, да и рев троллей снаружи и не подумал затихнуть.

— Ари, — робко попросила Фейнамиэль. — Можно мне пойти с вами?

— Куда?

— К людям.

На некоторое время Арибальд погрузился в странный ступор, пытаясь поверить в происходящее. Потом глубоко вздохнул, сказал: «Пойдем, Фейна!» — и твердым шагом направился к шлюзу рест-сектора.

В коридорах дворца было полно трупов. Кое-где они просто лежали винавалку, особенно там, где сходились несколько коридо-

ров. Эльфы и орки. Трупов людей видно не было. Фейна судорожно вцепилась в руку мэтра, и он вполне понимал помощницу. Даже ему, за тысячу с лишним лет повидавшему всякое, становилось не по себе от подобного зрелища. Чего же требовать от девчушки, которая не разменяла еще и вторую сотню лет?

У внешнего портала трупов было еще больше, причем снаружи стали попадаться и погибшие тролли. Остро воняло паленым мясом, пороховой гарью и выжженной землей.

Айвена он заметил сразу.

Бывший пациент стоял шагах в полустана от портала. Увидев Арибальда, Айвен как ни в чем не бывало помахал рукой, словно не было никакого побоища и не лежали вокруг сотни мертвых тел.

Чуть позади Айвена, припав окровавленным брюхом к земле, сидел крупный дракон-самец и неотрывно глядел на вышедших из корабля Арибальда и Фейну. Взгляд его желтых глаз с вертикальными зрачками был пронзителен и вызывал невольную оторопь. Но Арибалльд пересилил себя; для этого даже не пришлось превозмогать слабость — она прошла, бесследно и окончательно.

Мэтр уже знал, что скажет, когда приблизится к Айвену вплотную.

Он скажет: «Ты звал меня, человек?»

Арибальду остро хотелось услышать, что же тот ответит.

Расстояние между идущими эльфами и стоящим террористом неумолимо сокращалось.

— Ты звал меня, человек? — спросил Арибалльд.

Голос его вряд ли звучал героически, но все же достаточно твердо, чтобы не было стыдно ни перед кем — ни перед Айвеном, ни перед Фейной.

— Звал, — неожиданно весело ответил Айвен. — Хотел задать пару вопросов.

— Что ж... задавай, — вздохнул Арибалльд.

— Вы правда хотели спасти нас? Людей?

«Смешной вопрос, — подумал Арибалльд. — Смешной и глупый. Какой смысл эльфам врать?»

— Разумеется, правда! Зачем еще мнемологи возились с вами в клиниках?

Ответ выглядел очевидным.

— А по-моему, вы вовсе не спасти нас пытались, а наоборот, подобрать подходящие условия и параметры для подавления человеческого интеллекта. С троллями и орками этот номер прошел, почему бы не поработить еще и людей? Разве бывает мало рабов? А, мэтр?

— Что-то я не улавливаю связи, — сухо отозвался Арибальд. — Вы безвозвратно погрязли в пороках, любезнейший. Большая часть человечества вымерла от болезней и наркотиков. Оставшихся мы пытались спасти. Я, по крайней мере, пытался.

Айвен усмехнулся:

— Забавный вы индивид, мэтр Арибальд! Чуть ли не единственный идеалист среди эльфов. Во всяком случае, других мне встретить не посчастливилось.

Арибальд неопределенно дернул плечами; Фейнамиэль тотчас поймала его за руку.

— Сколько вам лет, Арибальд? Вы ведь все еще считаете собственный возраст земными годами? — продолжал допытываться Айвен.

— Тысяча триста, — неохотно признался Арибальд. — С небольшим. А это иммет значение?

— Не имеет. Я просто так спросил. Не знаю как у эльфов, а люди годам к сорока обычно расстаются с большинством иллюзий. Странно, что вы, существо по людским меркам запредельно древнее, не стали мудрее наших стариков. Мне тридцать восемь, но я уже убедился: больше всего вреда наносят те, кто пытается тебя спасти. Даже если это желание искреннее. И что спасти никого невозможно, возможно только спастись. Самостоятельно. Вы никогда не размышляли над этим, мэтр?

— По-моему, вы просто играете словами, любезнейший, — резко ответил Арибальд. — Достаточно оглядеться, чтобы понять: спасением вы называете заурядную бойню.

— Бойня не может быть заурядной... Впрочем, за тысячу прожитых лет взгляд на эту проблему вполне может и измениться. А пока я склонен полагать, что все здесь случившееся — это битва за свободу моей расы. Мы ее добыли, мэтр. Свободу. Все эльфийские корабли покинут Землю часа через два-три. Надеюсь, я никогда больше не увижу ни одного из вас. — Айвен полез в карман,

вынул что-то и протянул Арибальду. — Вот, возьмите. Взглянете на досуге.

На ладони Айвена поблескивал кристалл от мнемографа. Видимо, с какой-то записью.

— Возможно, вы все-таки поймете человеческие взгляды на свободу и на спасение. По крайней мере — попытаетсяесь.

Осторожно, двумя пальцами, словно это был не обычновен-
нейший кристалл, а какое-нибудь опасное насекомое, Арибальд
взял запись.

— Прощайте, мэтр Арибальд. Хотели вы того или нет, но спасение человеческой расы состоялось, пусть и не так, как оно виде-
лось эльфам. Возвращайтесь на борт, потому что вис кораблей
эльфам теперь пребывать небезопасно. Надеюсь, окрестные посе-
ленцы успеют погрузиться до отлета.

Вдали басом заревел тролль, отчего Арибальд и Фейна одновременно вздрогнули. Тролль ревел иначе, чем они привыкли слышать, — не тупо и покорно, а яростно и осмысленно. Не поза-
видуешь тому, кто его разозлил.

— Прощайте, рядовой, — сказал Арибальд, пряча кристалл с записью в нагрудный карман.

В принципе, ему было что сказать человеку. Но многолетний опыт подсказывал: действия никакая речь не возымеет.

— Пойдем, Фейна. — Мэтр легонько скжал ладонь помощни-
цы. — Помнишь певца из «Лаваэстии»? Вольному — воля, спасен-
ному — боль. Самое смешное, что это оказывается правдой всегда,
при любом исходе.

Арибальд не оглянулся даже у шлюза — просто вошел во дво-
рец-корабль, ведя за руку Фейнамиэль.

Она мэтра так ни о чем и не спросила.

декабрь 2007 — февраль 2008
Москва — Николаев

Василий Головачев

Свой-чужой^{*}

Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт, гласит народная мудрость. Но этим троим, что упорно карабкались вверх по склону горы Таш-Тугуш на Алтае, было всё равно, что о них подумают другие. Они были альпинистами: один — профессионал, двое — любители, — и не знали лучшего отдыха, чем тяжелый, медленный, мучительный подъём на вершины гор.

Близилась середина июля, погода стояла великолепная: тепло, солнце лижет спины, снег искрится, небо кажется бездонным, — и настроение у друзей было отменным. Благо до вершины осталось совсем немного, рукой подать — всего метров две-сти по бугристой вертикальной стене. Часа два подъёма, если не торопиться. А спускаться они собирались уже с другой стороны горы, практически отдыхая, так как западный склон Таш-Тугуша был пологим, по нему спокойно можно было скатиться на лыжах.

Нестор остановился на узком, шириной с ладонь, карнизе, посмотрел вниз. ..

Его спутники — Дорик (Эдуард Каманин) и Вера (Вероника Ершова) — пыхтели десятком метров ниже, упрямо цепляясь за костили и подтягиваясь ближе. В отличие от него, они горами «заболели» недавно, уже будучи классными спортсменами. Дорик был мастером спорта по гимнастике, Вера — метательницей копья, входила в сборную России по лёгкой атлетике. Всего год

^{*} Взаимосвязан с рассказом Романа Злотникова «Одинокий рыцарь». См. сборник «Убить Чужого».

назад они решили освоить более экзотичные виды соревнований и уговорили Нестора стать их проводником.

Конечно, готовились долго, больше года. Побывали на Урале, под Красноярском, на двух альпполигонах, и подъём на Таш-Тугуш был для них окончательным экзаменом, после которого они смогут смело называть себя альпинистами.

Нестор поправил ремень универсальной обвязки «Sky Hook», приставил ко рту ладонь, сказал негромко, но чётко (кричать в горах считалось неприличным):

— Малышня, как самочувствие?

Два лица в чёрных зеркальных очках поднялись к небу.

— Нормально, — в один голос откликнулись спутники.

— Отдыхать будем?

— Добёремся — отдохнём. — Это уже Дорик. — Я думал, тяжелее придётся. Да, Верунчик?

— Ползи дальше, — проговорила девушка с азартом. — На спор, я первая поднимусь?

— Отставить соревнования! — строго сказал Нестор. — Это вам не стадион и не спортзал. Будете торопиться, заставлю отдыхать каждые пятнадцать минут.

— Да мы шутим.

— Пошутили? Вперёд!

Нестор нашёл выступ, подтянулся, поставил ногу на карниз повыше, вбил крюк, передвинул зажим на шнуре.

Метр, ещё метр, ещё...

Дорик и Вера терпеливо двинулись за ним. Им было легче, потому что они шли по его следам, цепляясь за крюки. К тому же всё снаряжение, кроме лыж, — палатку «Оберон», закладки «папус», костили — нёс он. Нестор ходил по горам без малого пятнадцать лет и привык к серьёznым нагрузкам.

Впервые в горы его, четырнадцатилетнего, взял с собой отец. С тех пор Нестор жил горами, став одним из самых известных альпинистов России, покорившим все самые высокие вершины мира.

Семейная жизнь у него не сложилась. Подруги, которая понимала бы его увлечение, Нестор так и не нашёл. Закончил строительный институт, но работать по специальности не стал.

Сначала жил на случайные доходы и помощь отца-юриста, потом стал зарабатывать на жизнь коммерческими подъёмами.

Человек желает подняться на явно непосильную ему гору? Отлично! Альпинист-профи — к его услугам. А так как подъём в горы стал популярен среди молодых и амбициозных бизнесменов, отбоя от предложений у Нестора не было.

Правда, за этот поход он денег со своих спутников не взял. Во-первых, они были друзьями, во-вторых, ему очень нравилась Вероника.

За час прошли две трети склона, отдохнули на сидушках, снова полезли вверх, нетерпеливо предвкушая выход на вершину горы.

Нестор ухватился за ребро последнего уступа, подтянулся, перекинул ногу и перевалился за край, глядя в ясное синее небо.

Чёрт возьми, до чего же приятно чувствовать себя победителем! Пусть это и не самое сложное восхождение в жизни.

Что-то сверкнуло в вышине.

Самолёт?

Сверкнуло ещё раз, уже ближе, появился тоненький белый хвостик, устремившийся к земле.

Нет, не самолёт, больше похоже на метеорный след.

Хвостик увеличился на глазах, стал виден огонёк в его начале.

Блин! Ракета, что ли?

Нестор приподнялся на локтях, оценивая падение объекта, похожего и на ракету, и на метеорит. Ёлки-палки! Судя по всему, он целит прямо в гору!

Нестор свесился с обрыва, крикнул:

— Цепляйтесь за крюки!

Его о чём-то спросили, весело, с радостным ожиданием окончания подъёма, но он не услышал, всем телом ощущая нарастающий с в и с т.

Мама родная, точно шарахнет по горе!

В двадцати метрах над головой пролетел огненный болид и врезался в снежный склон горы в полукилометре от вжавшегося в скалу Нестора.

Ахнул взрыв!

Нестора словно пушинку снесло с уступа, но он, извернувшись, как кошка, падая вниз, вцепился в крюк. В голове мелькнуло чьё-то изречение: человек в горах подобен слезе на ресницах Аллаха...

Рывок! (Выдержала бы рука!)

Удар всем телом о стену! (Не разбить бы коленки!)

Рука сорвалась. Однако сработал амортизатор, завилял блок-ролик, завибрировала страховочная привязь.

Оп-па! Висим!

Нестор преодолел головокружение, глянул вверх.

На него в немом изумлении смотрели побледневшие товарищи, не понимающие, что случилось. Они успели вцепиться в kostыли, прилипли к стене и не сорвались.

Слава орлам в небе! Он их не задел при падении!

— Несторчик? — послышался неуверенный голос Веры.

— Всё в порядке, — хрипло отозвался он, прислушиваясь к затихающей дрожи стены. — Самолёт упал. Поднимайтесь, живо!

Дорик послушно полез вверх, натягивая привязь. За ним двинулась Вера. Последним на вершину горы выбрался Нестор (рука болела так сильно, что он не мог даже сжать пальцы в кулак), и они, выпрямившись во весь рост, несколько минут разглядывали облако дыма и пара в месте падения неизвестного объекта. Потом Дорик сказал сомнением:

— Самолёты так не падают.

Нестор не ответил, баюкая руку. Он тоже сообразил, что самолёты не пикируют с неба с такой скоростью и не оставляют конусовидных воронок, как ракеты.

Вероника заметила движение Нестора, обеспокоенно подошла ближе.

— Руку сломал?

— Не сломал, но растянул прилично. Ничего, до свадьбы заживёт. Ну что, мальчики и девочки, вам приключений не хватало? Вот вам приключение. Посмотрим, что там грохнулось так громко? Вдруг самолёт всё-таки?

— Можно, я первый? — загорелся Дорик. — Смотрите, там, в воронке, что-то горит!

— Не торопись, пожарник, — остановил его Нестор. — Неизвестно, что упало. А если там радиация? Держимся вместе.

Они спустились по голому скальному горбу вершины Таш-Тугуш, обдуваемому всеми ветрами, до снежного покрова, остановились, разглядывая воронку диаметром около тридцати метров и глубиной около десяти. Вал снега вокруг воронки курился струйками пара, а в её центре светился странный объект, похожий на богатырский шлем. Правда, высота шлема (около пяти метров) и диаметр (около трёх) говорили сами за себя. Применить этот, с позволения сказать, шлем могла бы только легендарная голова из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

— Ракета? — робко спросила Вика.

— Не похоже, — засомневался Дорик. — Может, метеорит такой? Он ещё весь раскалённый.

— Лишь бы эта штука не была радиоактивной, — проворчал Нестор.

— Я могу подобраться... — Дорик не закончил.

«Шлем» вдруг ярко засиял и рассыпался опадающими клубами тлеющих огоньков.

Вера ахнула.

Нестор почувствовал себя неуютно, будто на него кто-то посмотрел сверху — большой, сильный и недобрый.

— Там... что-то есть! — показала пальцем Вера.

Действительно, на месте великаньего «шлема» теперь торчал чёрный дымящийся объект, по форме напоминающий гриб.

— Гляди-ка, подосиновик, — хмыкнул Дорик. — Двухметрового роста.

Однако и «подосиновик» продержался недолго. Спустя минуту после появления он засветился изнутри вишнёвым накалом и оплыл слоем смолы, превратившись в конусовидную чешуйчатую шишку зеленоватого цвета, высотой около полутора метров и диаметром почти с метр. Нестору показалось, что шишка, больше похожая на кактус, при этом вздрагивает, как живая.

— Могу побожиться, — оглянулся на него Дорик, — оно на нас смотрит!

«Кактус» зашевелился.

Вера попятилась, растерянно глянув на Нестора.

— Что это?!

Дорик тоже посмотрел на командира экспедиции. В глазах сквозь удивление пробивалась жажда деятельности, а лицо горело азартом.

— Это пришельцы, Нест! Точно тебе говорю — пришельцы! Корабль разбился, а экипаж жив!

— Где ты видишь экипаж? Здесь всего один... кактус...

— Ну, пилот.

Между тем странное существо в центре воронки начало вытягиваться, трансформироваться, обрело руки, ноги, голову. Постыпался короткий необычный звук, напоминающий плач.

Альпинисты переглянулись.

Плач повторился.

Существо, теперь уже больше похожее на человека, сделало шаг, второй, третий, направилось, спотыкаясь, по склону воронки вверх, к людям.

— Что будем делать, Нест?!

«Кактусочеловек» упал, заскулил как собака, хватая руками комья снега.

— Помочь?

— Подожди, надо сначала...

— Ему надо помочь! — Дорик сбросил с плеч скалолазную разгрузку, поскакал вниз, к краю воронки.

Пришлось и Нестору последовать за ним, чтобы не упускать инициативу. Следом к обрыву торопливо сбежала Вера. Втроём они нашли самый короткий спуск в воронку, остановились в десяти шагах от «псевдочеловека», приподнявшего голову и смотревшего на них.

Пауза длилась несколько секунд.

Потом чужак начал меняться.

Чёрные дымящиеся лохмотья на нём исчезли, фигура приобрела более осмысленные и чёткие очертания. Ещё несколько мгновений — и на замерших альпинистов глянуло вполне человеческое лицо.

— Ни фига себе! — пробормотал Дорик. — Из пластилина он, что ли?

Человек поднялся на ноги. Одежда на нём просияла серебром и превратилась в самые настоящие богатырские латы. Лицо незнакомца окончательно стало человеческим, открытым, дружелюбным, голубые глаза выражали муку и надежду. Он осмотрел людей и остановил взгляд на Несторе, признав в нём начальника. Прозрачные волосы на его голове приобрели серебристый оттенок, словно поседели за две секунды.

В голове Нестора родился прерывистый писк, шорох, затем раздался шелестящий *расплывчатый* голос. Так мог бы заговорить сам воздух вокруг альпинистов.

«Прошу прощать... за беспокойство... я не хотел... причинять неудобства... вашей популяции...»

Голос пропал.

Седой незнакомец сделал шаг вперёд, однако ноги его подломились, и он со стоном осел на пористый, как губка, снег.

Вера и Дорик одновременно посмотрели на Нестора.

— Ты... слышал? — неуверенно спросила девушка.

— Кажется, я понял, — пробормотал Дорик. — Это мысленная речь. Я читал, такое возможно... ну, или было возможно в древности. Можно, я ему помогу?

— Не спеши. — Нестор подошёл ближе к седоголовому; при этом ему показалось, что фигура чужака зыбится, колеблется, плывёт и сотрясается как мыльный пузырь. — Кто вы?

Снова в голове с тихим шелестом возник странный, очень правильный, механический и в то же время полный каких-то незнакомых эмоциональных обертонов голос.

«Я варых Княссы... не житель... вашей планеты... здесь случайно... за меня... за мной идти... погоня... вам лучше уходить... быстро...»

— Я же говорил, он пришелец! — возбуждённо бросил Дорик. — Свалился к нам откуда-то из космоса. Интересно, с какой планеты? Неужели с Марса?

«Марс... не понять... да, понять... Четвёртая планета... вашей звёздной системы... жизни нет... была давно... я не с Марса... очень далеко... другая звёздная система...»

— Какая? Сириус? Капелла? Лебедь?

— Подожди, астроном, — остановил Нестор взбудораженного Дорика, — потом будем выяснять, откуда он родом. Сначала

надо узнать, кто его преследует и за что. Вдруг он какой-нибудь инопланетный преступник?

«Преступник... понять... — отозвался чужак, сядясь на снег и отправляя в рот — совсем по-человечески — горсть снега. — Нет преступник... я варых Княссы...»

— Князь? Это имя? — не унимался Дорик. — Или сословие?

«Княссы... делать вместе... объединять жизнь... против неправильность правитель...»

— Оппозиция, что ли?

«Да, так есть... оппозиция... Княссы вся Арикки... координатор оппозиции».

— Точно, должность, — кивнул Дорик, глядя на Нестора. — Он был князем там у них, руководил оппозицией. Вот его и преследуют приближенные, — хихикнул Дорик, — какого-нибудь местного сатрапа. Интересно, а варых что такое? Напоминает нашего варяга.

«Варых... служить всем... во благо...»

Фигура пришельца оделась в ореол лучистого сияния, на короткое время потеряла чёткие очертания, скаком скжаслась и тут же восстановилась в новом обличье. Теперь вместо лат на нём светилась кольчуга, а на голове — шлем, повторяющий очертания снаряда, в котором он свалился на скалы.

Дорик оглянулся на Нестора, глаза у него были шальные.

— Какая трансформация! Он может видоизменяться! И свободно читает наши мысли!

— Скорее всего он нам просто кажется таким, — возразил Нестор. — Не человек, согласен, но не обязательно суперпланистичное существо.

— Хочешь, попросим его превратиться в обезьяну? Или в тигра?

— Не хочу.

— Мальчики, не спорьте, — взмолилась Вера. — Ему плохо!

Мужчины, переглянувшись, решительно двинулись к пришельцу.

Князь, как они его нарекли, встал, сделал шаг, но снова, с искаженным лицом, опустился на снег.

— Берись. — Нестор взял Князя под руку.

Дорик зашёл с другой стороны. Объединив усилия, они помогли пришельцу встать.

— Тяжёлый, — озадаченно сказал Дорик. — Килограммов сто пятьдесят. Мы его не дотащим.

— Я помогу, — засуетилась Вера.

Князь всхлипнул (во всяком случае, так его эмоции воспринимались людьми), стал текуче-жидким, выскользнул из рук альпинистов, превратился в золотистый кусок желе, но тут же приобрёл прежнюю форму. Правда, вместо кольчуги на нём теперь красовался скалолазный костюм, как и на альпинистах.

— Что будем делать? — неуверенно проговорил Дорик.

Князь прислушался к чему-то: уши на его седой голове стали на мгновение большими, как локаторы.

«Вы напрасность мне помочь... погоня близко... я не могу защита...»

— Что же нам теперь, прятаться? — осуждающе произнес Дорик. — Отобъёмся как-нибудь. Нест, звони на базу, пусть пришлют спасателей. Его можно забрать отсюда только на вертолёте.

Нестор оценивающее посмотрел на чужака, достал рацию.

Вертолёта спасателей пришлось ждать больше часа.

За это время пришелец трижды терял сознание, однако успел сообщить, что его состояние «безнадёжность». Тем не менее он согласился ответить на вопросы альпинистов, и теперь они знали, что на родине Князя началась война за передел власти и что ему пришлось с горсткой соратников бежать в космос. Все его друзья погибли, он остался один. Землю он выбрал исключительно из-за её благоприятной орбиты, позволяющей получать от центральной звезды, то есть Солнца, оптимальное количество энергии. На созерцание её природных красот, а также на изучение других планет системы у него не было времени, но всё же ему стало ясно, что все они безжизненны.

Затем его догнали, произошла схватка, ему удалось уничтожить корабль преследователей, но и они повредили его космолёт.

«Они сообщить своим, — закончил Князь. — Погоня вернётся, моя участь решена».

— Ничего, мы ещё посмотрим, кто кого, — сказал решительно настроенный Дорик. — Пусть посмеют сунуться. Мой брат служит в Алтайском пограничном округе, он военный лётчик, майор, летает на новых «сушках». В случае чего я ему позвоню.

— Ага, и он сразу прилетит, — скептически хмыкнул Нестор. — Кто-то разрешит ему использовать истребитель в личных целях. В Москву надо звонить, в Службу безопасности.

— Вот из Москвы уж точно никто не прилетит, — махнул рукой Дорик. — Во-первых, не поверят, во-вторых, чиновники решают такие проблемы очень долго.

— У меня есть свои знакомые в ФСБ.

— Звони.

— И позовню.

Наконец прилетел оранжево-белый Ка-56 горноспасательного отряда.

Его экипаж тоже был настроен скептически ко всякого рода пришельцам, однако, увидев Князя и воронку на месте разбившегося корабля, быстро проникся идеями существования в космосе внеземной разумной жизни.

Пришельца с трудом поместили в грузовой отсек вертолёта; он был чрезмерно тяжёл и горяч, трижды меняя одеяние — с альпинистского костюма снова на кольчугу, затем на сверкающие латы и на белый шерстяной комбинезон, превративший его в «снежного человека».

Нестор понимал, что все эти метаморфозы объясняются воздействием на психику людей какого-то излучения, отчего они и видят пришельца разным. То же самое касалось и его речи: Князь не говорил по-русски, он свободно читал мысли людей и отвечал им телепатически. Однако все эти свойства пришельца надо было изучать в лабораториях, и настоящий его облик оставался пока скрытым от взгляда человека.

Базовый альплагерь располагался на западном склоне Чулышмана, в пяти километрах от горы Таш-Тугуш. Но альпинисты решили лететь сразу в Бийск, чтобы там дождаться специалистов из Барнаула, куда позвонил начальник горноспасательного отряда. К счастью, он оказался продвинутым парнем и не стал изде-

ваться над лётчиками, доложившими ему о возникшей проблеме, и над альпинистами, на которых свалился корабль Князя.

А уже при подлёте к аэродрому в Бийске их догнал странный летательный аппарат, чистой воды НЛО: двадцатиметровая «тарелка» с хищными обводами, стремительная, бликующая, словно сделанная из хрусталия, плохо видимая, кажущаяся прозрачной, но при маневрах ощутимо массивная и плотная, как огромная клякса жидкого металла.

Князь прореагировал на это быстрее, чем люди. По-видимому, у него были какие-то приборы, определяющие появление сородичей, либо он их просто чувствовал.

Он поднялся на ноги: выглядело это очень экзотично, если представить снежного человека, сделанного из сверхпластичного серебра или ртути.

«Они вернулись... вам оставить меня... будет плохо... все погибнут... нельзя».

— Чёरта с два! — огрызнулся Дорик, лихорадочно набирая номер на мобильнике. — Мы тоже не лыком шиты!

НЛО между тем облетел вертолёт, сделал крутой пирамидальный полёт перед носом машины.

— Ух, зараза! — вырвалось у пилота. — Мы же столкнёмся!

Вертолёт вильнул, косо пошёл вниз, к земле.

Дорик что-то торопливо затараторил в трубку.

Вертолёт выровнялся, но перед ним снова прошмыгнул прозрачный НЛО, и пилот вынужден был бросить машину в сторону, спасаясь от столкновения.

Вера с возгласом улетела в глубь отсека.

Князь странным образом устоял, поднял руки над головой. Глаза его засветились.

— Садись! — Нестор схватился за леера на стенах отсека.

— Был бы у нас пулемёт! — оглянулся второй пилот. — Мы бы ему показали, кто тут хозяин!

НЛО зашёл слева.

«Мне... надо... прыгать», — мысленно сказал Князь.

Тело его превратилось в огненную массу, текущую снизу вверх, но — в границах человеческих форм. Хотя при этом было отчётливо видно, что он *не человек*.

— Сейчас наши прилетят! — радостно сообщил Дорик. — Я дозвонился до брата, он обещал.

НЛО спикировал на вертолёт сверху, словно собираясь протаранить его на всей скорости, однако отвернулся в самый последний момент.

— Почему он не стреляет? — крикнул Дорик.

«Невозможно... применять оружие... в заселённых мирах, — ответил Князь. — Станет известно... контролёрам... грозит наказание...»

— Значит, у вас ещё работает какая-то мораль?

Князь не ответил.

Нестор посмотрел на Веру, встретил её ответный взгляд. В нём не было страха, только отчаянная решимость не уступать. Он подмигнул ей.

— Нас не догонишь, как поётся в песне?

Вера бледно улыбнулась, понимая, что он хочет её подбодрить.

— Жалко, что мы не киборги.

Нестор удивлённо посмотрел на девушку.

— Что ты имеешь в виду?

— Вспомнила фильм «Терминатор-3».

— А-а... действительно, были бы мы такими киборгами...

«Дробный тип сознания, — заговорил Князь, умудряясь удерживаться на ногах при любых кренах вертолёта, в то время как люди вынуждены были цепляться за леера и скамейки. — Человеческое тело... уникальный инструмент... позволяет творить... диапазоны форм... все, что доступно разуму и воле... Не надо технологий... глупо... всё внутри вас... технологии ограничивают...»

Дорик, Вера и Нестор переглянулись.

Оглянулся и второй пилот, которому показалось, что он слышит голос пришельца.

— Кто это сказал?

— Он, — показал глазами Нестор.

— Умный парень.

Перед носом вертолёта вновь сформировался прозрачно-блестящий вихрь: НЛО подставлял свой борт, намереваясь таким образом заставить пилотов сделать «наезд», то есть «налёт».

Первый пилот, крикнув что-то нечленораздельное, попытался отвернуть машину, но не смог.

Винты Ка-56, чиркнув по зеркально-прозрачной обшивке «тарелки», разлетелись сверкающими брызгами.

Вертолёт дёрнулся, начал падать.

К счастью, до земли было недалеко, всего метров пятьдесят, да и упала машина на склон сопки, по которому и соскользнула в ложбину, поросшую корявым кустарником.

Нестор удержался на леерах, хотя в голове у него загудело от удара. Хватаясь за какие-то ящики и скамейки, добрался до Веры, помог ей подняться. Огляделся.

Дорика в отсеке не было, Князя тоже. Дверца отсека отсутствовала вовсе. Пилоты в смятой кабине уцелели, судя по их шевелению, хотя им пришлось тяжелее всех: вертолёт ударился о сопку носом. От блистера не осталось ни одного целого кусочка.

— Вылезаем!

— Где Дорик? Вывалился??

— Успел выскочить.

Нестор подал Веру руку, и они протиснулись наружу через проём отломленной при ударе двери.

Дорик, раздувая ноздри, стоял на камне в десяти шагах от вертолёта и смотрел на Князя, который непостижимым образом взобрался на крутой гребень. В данный момент пришелец выглядел как медведь, одетый в крупночешуйчатый, отливающий золотом комбинезон. Человеческими в его облике были только руки, которые он раскинул в стороны.

Над ложбиной выписывал пирамиды инопланетный космолёт, бликуя на солнце мгновенными зеркальными всполохами.

Нестор сначала не понял, почему НЛО, не обращая внимания на беглеца, мечется зигзагами в воздухе, потом всё накрыла волна тугого рёва и грохота, и альпинист увидел над деревьями мелькнувшую стремительную стрелу самолёта и понял: лётчики не подвели! Два классных истребителя Су-35 устроили боевой танец с пришельцами и не давали им ни малейшего шанса довести до конца своё чёрное дело.

Две бледные трассы прошли воздух: это заработала пушка первой боевой машины.

НЛО увернулся, но подставился под трассу второго самолета.

Сверкнувшие стрелы ракет заставили НЛО сделать невероятный кульбит, но ещё две ракеты вырвались из пусковых контейнеров первого истребителя и вонзились в дно «тарелки».

Сверхскоротечный бой закончился.

Вспышка ярчайшего света резанула по глазам людей, наблюдавших за боем.

Волна гула, свиста и ядовитого шипения ударила по ложбине, переворачивая вертолёт, разбрасывая камни, валя наблюдателей с ног.

Нестор, которого ударная волна отбросила от Веры на несколько метров, перевернулся на живот, поднял голову.

Князь устоял!

Его фигура с вытянутыми в стороны руками олицетворяла собой самый настоящий крест смирения: он ждал смерти, — и Нестор мимолёtnо подумал, что христианский крест вовсе не является символом защиты. Он всегда был символом смерти!

Последние тающие клочья огня долетели до земли.

Два истребителя пролетели над ложбиной, один покачал крыльями: им, очевидно, управлял брат Дорика.

Самолёты улетели. Садиться им было негде.

Стало совсем тихо.

Дорик, исцарапанный, вылез из кустов и кинулся было вверх по склону к Князю. Тот уронил руки, сел — как бы стёк на землю струёй металла.

В головах людей родились шелестящие «звуки» его мысленной речи.

«Почему вы спасать меня?»

— Да потому что мы всегда помогаем слабым! — взорвался Дорик от переполняющих его чувств.

«Я не есть слабый».

— Они хотели тебя...

— Подожди, — оборвал приятеля Нестор. — Мы спасли тебя, потому что неправильно, когда кто-то на твоих глазах убивает себе подобного без суда. Даже если тот виноват в преступлении.

«Я чужой для вас».

— Свой ты или чужой — пусть решает следствие.

«Они вернутся».

— Ну так что ж? — заулыбался Дорик, ища взглядом поддержки Нестора. — Нам есть чем их встретить.

Из вертолёта наконец выбрались абсолютно обалдевшие от всего случившегося пилоты. Вид у них был уморительный.

Альпинисты посмотрели на них, Дорик засмеялся, а Нестор подал руку Вере, и они полезли по склону ложбины к Князю, веря своим чувствам и всему тому в душе, что делало их людьми.

25 декабря 2007 г.

Владимир Михайлов

Ручей, текущий ввысь^{*}

Некто, известный тут как Дымов, первый заместитель министра, против обыкновения задержался в офисе на Смоленской на целых два часа, отпустив весь свой аппарат. Ещё и ещё раз он вчитывался в текст заявления, с которым завтра предстояло выступить его шефу. Заявление было важным, и следовало не раз и не два обдумать и взвесить каждое слово — не только со своей позиции, но и с точки зрения тех, кому заявление адресовалось: Государственного секретаря Штатов, а через него — президента. Тут всякая неточность могла привести ко множеству осложнений.

Наконец он внёс последнее исправление, закрыл текст, предварительно закодировав его и выставив защиту. Взял кейс, перекинул через руку лёгкий плащ, запер кабинет. Спустился на лифте, каким пользовались лишь высокие чиновники, попрощался с дежурным. Одинокий лимузин ждал у подъезда, шофер Пал Семёныч, находившийся в полудрёме, встрепенулся на приглушённый шорох отворившейся двери, выскочил, открыл дверцу машины. Поодаль два мотоциклиста распрямились в сёдлах, запустили моторы. Дымов сел на заднее сиденье, кейс положил рядом, сказал: «Домой, Семёныч», поднял внутреннее стекло и расслабился, прикрыв глаза, словно отдыхая в медитации, пока автомобиль плыл вслед за расчищавшими дорогу мотоциклами, — от-

* Взаимосвязан с рассказом Василия Головачёва «Зелёные нечеловечки». См. сборник «Убить Чужого»

ключился от внешнего мира ровно настолько, сколько требовалось машине, чтобы добраться до дома. На самом же деле он думал о том, почему не появился сегодня человек — вот именно, человек — с необходимой информацией. Варианты отвела возникали в уме, но хороших среди них не было.

Внутренние часы чиновника действовали в любых условиях с секундной точностью. Так что он открыл глаза в нужный миг — одновременно с замедлением хода перед полной остановкой. Рядом с подъездом.

Рядом с чем?

Лимузин и в самом деле затормозил. Но знакомого подъезда в поле зрения не оказалось. Как и самого дома. Как и привычного городского пейзажа с универсалом на углу. И самого города тоже.

Кругом были деревья. Кусты. Машина остановилась на небольшой поляне, покрытой густой травой. Где-то неблизко светил одинокий фонарь. Сумерки успели уже перейти в ночь.

Дымов нажал кнопку, чтобы спросить шофёра:

— Семёныч, куда это ты меня завёз?

— Куда надо, — ответил шофёр непривычно резко и как бы с усмешкой в интонации. И добавил: — Пришла пора поговорить по душам. У кого есть душа, понятно.

Дымов на эти слова никак не отозвался. Внимание его уже переключилось на ближайшие кусты, в которых возникло шевеление. В темноте трудно было различить, что там двигалось или кто. Требовалось усилие. Дымов его сделал без особого напряжения.

Ему стало видно, что из кустов вышли и быстро приближались к машине несколько человек. Точно — шестеро. В чёрном. В масках. Оружие держали наизготовку.

Дымов метнул взгляд в противоположное оконце. Оттуда тоже шли люди, во всём подобные первым.

Условие задачи оказалось элементарно простым. Дымов невольно вздохнул. Снова пришёл конец спокойной жизни.

«Идиоты, — невольно подумал он. — Бедные умственно отсталые существа. И злые к тому же. Злые враги самим себе».

Он не стал всматриваться, сознание лишь автоматически выделило и запечатлело главного из наступавших, его выделяла ау-

ра. Через секунду-две откроют огонь на полное уничтожение. Дверцы, конечно, заблокированы — кроме водительской, из которой в это мгновение не вылез, а выбросился — и пополз в сторону неожиданно прыткий Семёныч. «Боится попасть под пули, бедняга, знает своих и понимает, что они, открыв огонь, долго не смогут остановиться — пока не прекратится любое движение. Тем более, что оружие у них противотанковое, пули эту машину не берут. Жаль, хорошая была машина по здешним понятиям...»

Мысли промелькнули фоном, потому что занят Дымов в эти секунды был совсем другим делом: сконцентрировавшись, освобождал выход для себя через крышу, где защита была минимальной. Над головой уже было небо, вернее — застилавшие его плотные облака. Хотя дождя они вроде бы пока не обеспечали.

«Ну и слава Силам. Дождь мне сейчас совершенно ни к чёму». Так подумал он, завершив подготовку и покидая машину.

Внизу уже загремело, засвистело, зазвенело...

— Прекратить огонь! — надсаживаясь, кричал командир группы. — Отставить! Чего бьёте в пустоту? Вверх, вверх смотрите: уходит ведь. По нему бейте!

И сам ловил в прицел ускользающую фигуру, понимая уже, что — бесполезно. Ушёл. Ушёл, сволочь, враг, оккупант. Тут надо было хоть вертолёт иметь на подхвате. И была ведь такая мысль. Мелькала. Недоработали, чёрт бы взял.

— Как же это он ухитрился? — спросил подошедший соратник.

Командир ответил не сразу:

— Он нормально ухитрился. Это мы не дотумкали вовремя. Придётся думать всерьёз.

— О том, как егонейтрализовать?

— Об этом, конечно, тоже. Но главное сейчас другое. Понимаешь, мало нас — вот главная беда. И пользуются нами для отдельных действий. Но так мы с ними не справимся. Нужно с кем-то объединиться, что ли. Хотя и неохота идти под чью-то руку.

Видишь ли, у нас принято думать, что «змеи» и «ящеры» между собой конкурируют, и у них не союз, а всего лишь перемирие. А сейчас я что-то стал сомневаться. Два отряда, действующих как бы отдельно, а высшее командование у них одно.

— Ну и что?

— А ничего. Наши задачи от этого не меняются. Всё равно, истребить их надо раз и на все времена. Отучить от прогулок по нашему дому. Но вот насчёт тактики придётся ещё поразмыслить.

— Подумаем. А сейчас что?

— Сейчас по домам, что же ещё? И быть начеку: пусть и маловероятно, что он нас разглядел, но кто их знает, на что они способны. Вероятность такая есть, хотя и малая. Потому что они все — твари злопамятные, чего доброго, захотят отомстить, наказать нас. Так что какое-то время высовываться не придётся. Ну — тронулись.

— Горд, — подошёл ещё один. — Тачку, что, тут бросим? Пойдут толки, разговоры...

— Что с ней делать — пускай подполковник решает.

И названный Гордом командир кивнул в сторону приближавшегося шофёра Семёныча.

Между тем Дымов (а среди своих — Ар Агор) ни ящером, ни змеем, конечно, не был, хотя в глубокой древности тотемом руггов — расы, к которой он принадлежал, — действительно был давно вымерший ящер, так же, как легендарным предком шумаршей, составлявших второй экспедиционный отряд комиссаров Сил, был змей. Эти высокоразумные расы, лишь деталями отличающиеся друг от друга, да и от населения Земли тоже, чаще других откликалась на просьбы Сил — оказать помощь в нормализации положения в той точке Вселенной, которая в такой коррекции нуждалась. В последние декады такой точкой всё чаще становился один из окраинных полигонов, чьё самоназвание было «Земля».

Прибегать к коррекции Силам чаще всего приходилось по двум поводам. Разумный мир мог чрезмерно затормозиться в

своём развитии, считая, что всё возможное уже достигнуто и остаётся лишь с удовольствием пользоваться полученными благами, не задумываясь более ни о смысле своего существования, ни вообще о смысле создания и бытия самой Вселенной. Таким образом, они выпадали из поля мирового духа, что неизбежно вело к регрессу, к возврату к прозябанию на уровне инстинктов. Такие цивилизации нуждались в подхлестывании, какое заставило бы их дух активизироваться и действовать под угрозой серьёзных несчастий, а то и полного уничтожения. В таких случаях прибегали обычно к резкому ухудшению природных условий — обледенениям или, напротив, повышению уровня мировых вод, к повторяющимся неурожаям и прочим жёстким мерам, когда разумной расе приходилось выдержать испытание на прочность, с боями отступая на пройденные ранее рубежи, чтобы потом снова двинуться вперёд, по однажды уже преодолённым путям, но теперь уже понимая, к чему может привести излишняя самонадеянность.

Вторая же разновидность аномального развития заключалась в том, что разумная раса, продолжая активно развиваться, приходила к выводу о собственном всемогуществе, даже более — о собственной уникальности, исключительности во Вселенной. Корни этого заблуждения таились в отсутствии связи с другими цивилизациями, заставлявшей думать, что если нам не отвечают, то лишь потому, что отвечать некому, — значит, мы одни единственные! В результате та энергия, какой обладает всякая разумная раса, энергия, получаемая от Сил для активного участия в развитии и совершенствовании Вселенной, выплескивается во внутренних неурядицах в пределах своего мира, то есть, по сути, приближает расу к самоуничтожению, к самоубийству..

Подобные заблуждения были характерными именно для окраинных миров и резко уменьшалась по мере приближения к центру каждой населённой галактики. И именно поэтому никто не устанавливал с такими расами связи: они попадали как бы в санитарный кордон. Подавляющее большинство Устремлённых миров от этого не страдало, и если бы судьбы миров Отсеченных зависели от Вселенского большинства, то их предоставили бы

самим себе. Но Силы не хотели жертвовать даже самой безнадёжной расой.

Из этих двух разновидностей аномального развития миру Земли были свойственны обе; случай достаточно редкий. Но тем сильнее было желание вернуть расу людей кциальному вектору развития. К ощущению единой расы, а не враждебных множеств.

Предполагалось, что постепенная нормализация будет осуществляться путём внедрения во Власть и Хозяйство существующих множеств, называемых государствами, представителей обоих отрядов, выбранных для этой операции, кроме прочего, ещё и потому, что психологически они были ближе остальных к людскому способу мышления и чувствования. И ругги и шумарши нередко узнавали в поведении людей свои собственные манеры — только искажённые порой до полной нелепости.

Внедрение должно было происходить под видом, конечно же, людей. Подвергаться преобразованиям своей плотской оболочки в этих мирах, как и во многих других, где плоть не преобладала над духом, давно уже стало делом повседневным и, разумеется, совершенно безопасным. Однако нравы людей, привыкших проливать кровь и свою, и чужую, позволяли прибывшим лишь в исключительных случаях общаться непосредственно с людьми. В этих мирах, давно уже живших по законам Сил (на Земле известных, но практически никогда не исполнявшихся), риск и своей и чужой жизнью был немыслим. Поэтому задачи комиссарам Сил приходилось выполнять через посредников, прилетавших сюда вместе с ними.

В результате за несколько десятилетий посредникам, или «служанам», удалось занять немало важных позиций в областях законодательства, управления и хозяйствования многих государств. Хотя до серьёзных результатов было ещё не близко.

Всё шло не быстро, но благополучно до самых последних лет. Хотя было ясно, что никакое инкогнито не может сохраняться не только бесконечно, но даже сколько-нибудь долго. И не только потому, что подозрительность ко всему и всем, стремление постоянно следить за поведением других и докладывать об этом и необычно широкое (по мнению Устремлённых миров)

развитие секретных служб рано или поздно должны были привести к разоблачению. Но гораздо больше, чем такая неизбежность, комиссаров волновала возможность случайностей. Эта категория событий на Земле оказалась куда шире, чем в цивилизациях, к которым принадлежали комиссары, — именно потому, что не выполнялись законы, в том числе и регулировавшие вопросы безопасности общества в целом и каждого его члена в частности.

И в конце концов как раз сегодня, совсем некстати, подвела именно случайность. Один из служанов, занимавший пост помощника губернатора в одном из крупных земных государств, — тот, кого ждал квази-Дымов, — погиб вместе со своим начальником в результате автомобильной катастрофы. Комиссары очень не любили этот способ передвижения, от которого в их мирах отказались уже достаточно давно, однако на Земле избежать таких поездок было практически невозможно. Комиссар, конечно, был в машине в качестве пассажира, за рулём сидел профессиональный водитель, уверенный в том, что он справится всегда с любой скоростью. На этот раз ему не повезло: водитель тяжёлого грузовика, мчавшегося навстречу, такой квалификацией не обладал. Произошло лобовое столкновение.

Существа, называемые «служанами», преобразуют своё тело по любому образцу и без особых усилий сохраняют его любое время, пока живы. Такова их природа, о которой речь пойдёт позже.

Сохраняют, пока живы.

А когда жизнь уходит, плоть — её останки — непроизвольно возвращается к своему природному облику и структуре.

Так что когда дорожная полиция и неизбежные зеваки появились на месте происшествия, они увидели, помимо тел губернатора и шофёра, ещё и...

С этого и началось.

Людская подозрительность и постоянные поиски врагов, сознательные и подсознательные, давно уже в порядке вещей.

Теория оккупации возникла на хорошо унавоженной почве. Собственно, в принципе она соответствовала фактам: ведь и на самом деле на Землю были засланы и внедрены представители

других рас. Однако давно известно, что факты не являются главным, куда важнее — их истолкование.

На Земле естественной интерпретацией всегда было: «чужие — значит, враги».

Зачем они пришли? Ясно: покорить, завоевать, а то и уничтожить. Чтобы воспользоваться нашей землёй и нашим добром. Нами созданным и нажитым.

Те, кто приходит, — всегда варвары, способные лишь разрушать и грабить.

Все — на борьбу с варварством!

Позвольте, но давайте попробуем разобраться. Попытаемся переговорить с ними. И понять: чего они, собственно, хотят? Поколения мечтали о контактах — так вот он вам, контакт. И лететь никуда не нужно...

Нет! Зачем они здесь, если не ради завоевания? Помочь нам в чём-то? Бросьте, такого не бывает. Колонизаторы, вот кто они. Помогать нам? Обойдёмся! Не меньше их понимаем. Не нужны нам никакие помощники сверху!

Никого над нами!

Мы их звали? Нет. Они пришли сами.

Но помните? «Кто с мечом к нам придёт — от меча погибнет!»

Они без меча? Да бросьте. Просто прячут его за спиной. Или у них мечи, может быть, невидимыми сделаны. Но обязательно есть. Пусть не меч. Но уж ножик за голенищем — обязательно.

Выход для нас один. Уничтожать. Как бешеных собак. Любым способом. Без жалости!

«И кажется, — думал про себя Ар Агор, бывший Дымов, всё ускоряя полёт, — они уже перешли к этой стадии действий. Быстро же они поняли, что я... Ну конечно! Жаль разбившегося служана, беднягу. Через него переправляли мне информсводку по той территории — внешне самое обычное письмо. Можно поздравить их контрразведку. Но и нам пора заняться проблемой всерьёз».

Эта последняя мысль побудила его включить коммик прямой связи между отрядами; крохотный аппаратик помещался в одном

из отсеков «навигатора» — блока приборов, внешне не отличающегося от обычных на Земле наручных часов. Прямая связь шла на частотах, ещё не используемых в этом мире.

Тонкий писк в ушной капсуле показал, что канал свободен. И Дымов мысленно, знак за знаком, набрал код Шрм Саха, своего коллеги-шумарша.

Вызванный откликнулся незамедлительно.

— Необходима срочная встреча, — сообщил Ар Агор. — Информация звёздного уровня.

Последовала секундная пауза.

— Ближайший аэровокзал, — предложил Шрм Сах затем. — Ближе всего к нам обоим. И достаточно безопасно. Выглядим инвалидами. Скажем, у тебя нет одной ноги, у меня тоже.

Ар Агор понял. Люди не любят смотреть на ущербных. И не опасаются их. Становишься как бы камешком, спрятанным на галечном пляже.

— Принято.

— Через четверть часа. Чтобы успеть приготовить аксессуары.

— Принято. Через четверть часа.

Горд, командир группы, что недавно атаковала «Дымова», одним из первых пассажиров подошёл к стойке в зале аэропорта. Беглым взглядом окинул двух парней-инвалидов, направлявшихся туда же. У обоих не было ног до колена: у светловолосого — правой, у шатена — левой, — и оба опирались на короткие костыли, начинавшиеся от локтя.

Горд миновал контроль, багажа у него было — лишь небольшая сумка через плечо. Вошёл в зал ожидания. И там вновь увидел инвалидов. Они пили чай в небольшом кафе.

Горд уже сделал заказ, когда в зал, пройдя регистрацию, ввалилась целая орава парней и девиц, явно подогретых выпитым. Они галдели, целовались, хохотали. Компания не уместилась за свободным столиком. Тогда один, самый шумный, вразвалочку направился к инвалидам.

— Эй, мужики, очищайте места, мы тут с утра заняли. Чай и стоя допьёте, — распорядился верзила. — У вас пока ещё осталось по одной ноге.

Спутники остряка заржали.

— В самолёте насидитесь, — добавил он с ухмылкой.

Инвалиды переглянулись.

Горд встал, подошёл к веселящейся компании. Верзила оглянулся.

— А это кому ещё невтерпёж? Давно не били, папаша?

Горд сделал привычно-точный выпад — пальцем в шею нахала, и, похоже, никто даже не успел заметить стремительного движения, — посмотрел на осевшего на корточки парня.

Инвалиды обменялись мгновенными взглядами. На губах Шрм Саха обозначился намёк на улыбку — но лишь на мгновение.

— Человек человеку друг, товарищ и брат. — Горд оглядел притихших спутников верзилы. — Вызвать милицию, или есть другие мнения?

Парни зашумели, подхватили вожака, захлопотали вокруг, с опаской поглядывая на профессионала.

— Спасибо, — сказал светловолосый инвалид, сохраняя свой застенчиво-независимый вид. — Вряд ли они начали бы сгонять нас силой.

— Ненавижу хамов! — угрюмо проговорил Горд, внутренне удивляясь собственным действиям. Обычно он ни в какие разборки на виду у людей не вмешивался, и что вдруг на него нашло — понять не мог.

Поймал взгляд парня-инвалида. Насторожился.

Взгляд этот был странно оценивающим и насмешливым, будто инвалид знал нечто такое, что было скрыто от самого Горда. Так мог бы смотреть профи спецназа, прошедший хорошую жизненную школу и готовый к выполнению задачи. Мешало воспринимать парня спецназовцем только отсутствие у него правой ноги. Что-то с инвалидами было не так. А может быть...

Но додумать не успел: отвлекла мгновенная — нет, даже не боль, но ощущение дискомфорта в левом виске. И тут же объявили посадку в самолёт.

Пассажиры потянулись к выходу на посадку. Калеки не сдвинулись с места: наверное, это был не их рейс.

Горд, спиной ощущая взгляды инвалидов («интересно, чем я их так заинтересовал?»), поднялся по трапу последним.

Столики вокруг инвалидов опустели, и можно стало говорить без помех. Как и обычно, они говорили между собой на лингале, lingua galacticae, возникшем давным-давно в населённых мирах Центра и по сей день служившим для Устремлённых средством межрасового общения.

— Ты вовремя заставил его вмешаться, — сказал Шрм Сах, носивший здесь, на Земле, имя Мартин. — Иначе нам пришлось бы, пожалуй, демаскироваться: как назло, поблизости ни одного служана.

— Я всего лишь попросил, — поправил его Дымов. — А знаешь, он оказался куда более доступным, чем я ожидал. Никаких блоков, сознание открыто, подсознание тоже — все двери настежь.

— Нашёл что-то интересное?

— Интересное — не то слово. Он руководил атакой на меня. Хорошо, что не опознал. А впечатление скорее неприятное. Не от него лично...

— ?

— Угрожающее. Подтвердилось подозрение, что достаточно многие группы на Земле намерены в самом ближайшем будущем начать против нас войну на полное уничтожение или по меньшей мере изгнание.

— Смешно, не правда ли?

— Глупо. Впрочем — они же не отдают себе отчёта в наших возможностях. И даже в том, ради чего мы здесь присутствуем. Хотя с куда большим удовольствием находились бы в своих мирах. Или ты, может быть, чувствуешь себя здесь хорошо?

Шрм усмехнулся.

— Здесь, конечно, терпимо. Если сравнивать, например, с Дзирай.

— Знаю. У нас этот мир называется Шарок. Страшно вспомнить: ни клочка нормальной суши. А ведь когда-то была. Иначе там возникла бы рыбья цивилизация, а не дельфинья. Но для нас, конечно, трудно придумать хуже.

— Физически — безусловно. Зато душа там отдыхает. Такая чистота духа, такая доброта...

— Всё то, чего здесь так не хватает.

— Вовремя Силы вспомнили о Земле. Итак — необъявленная война?

— Это на самом деле очень серьёзно.

— Их так много?

— Дело не в этом. Пусть их пока относительно немного. Но они — профессиональные бойцы, и в привычных условиях действуют результативно. Хотя самое страшное — не это. Хуже всего — их лозунг: «Никого над нами». Полное отрицание высших сил и высшей морали. А значит — никакой ответственности. Хочешь убить — убей. Ограбить — ограбь. И на уровне не только отдельных индивидуумов, но и правителей. Хочешь отравлять человечество — полная свобода действий: трави наркотиками, промышленными ядами, фальсифицированными продуктами. Хочешь уничтожать природу, право же, не худшую во Вселенной, — уничтожай! И люди готовы проливать кровь — и свою собственную, и тем более чужую, — чтобы защищать все эти порядки, отталкивать помочь со стороны — только ради правила «Пусть плохо, зато — наше!». Поэтому можешь быть уверен: уничтожать нас они примутся с энтузиазмом.

— Это понимает каждый из нас. Скажи: ты успел всё это выкачать из его сознания?

— Нет. У него — полная готовность действовать. А планы... их мы прочитали в другом месте. В высоко расположенных мозгах. Но они наверняка найдут друг друга. Как говорят в этом мире — рыбак рыбака видит издалека.

— Послушай, а если у него так легко брать информацию, может быть, стоило бы проследить за ним, вместо того чтобы сидеть тут?

— Зачем? Я подсадил ему в мозг «болтуна». Для него совершенно безвредно, нам же — польза. Просто чуть-чуть перестраив-

ваешь, создаёшь в мозгу некую микроструктуру — и получай информацию хоть круглые сутки.

— А, тот самый знаменитый «структуролирующий взгляд»? Ты им владеешь?

— Как видишь.

— Похоже, ваша группа разведки действует активнее нашей.

— Не удивительно: наша цивилизация постарше. И путь наш был более извилистым. Мы не сразу усвоили, что разумное создание не вправе распоряжаться другим разумным. Такое понимание приходит лишь при стабилизации высокой морали, иными словами — с приближением к Силам, и через них — к Слову.

— Наверное, тут одной морали мало. Разведка нуждается в высокой технике. Но она есть и у нас. Наши «шмели» и «стрекозы» работают вовсю — очень удачно мы смогли отформатировать их в соответствии с местными организмами. Однако, к сожалению, люди достаточно быстро разобрались в этом, и теперь получать информацию при помощи такой аппаратуры становится всё сложнее...

— То, что вы их запустили и люди раскусили назначение этих информаторов, очень хорошо.

— Объясни свою мысль, пожалуйста.

— Теперь они знают, чего им нужно опасаться, — и действительно остерегаются. Но они решили, что это — всё, чего им следует бояться. И о других средствах получения информации ничего не знают и сейчас.

— Ты имеешь в виду...

— Тсс.

— Да. Извини. Итак, надо готовиться к серьёznym неприятностям?

— Для бедных служанов.

Оба улыбнулись одновременно.

— Во всяком случае, — сказал затем Дымов, — ни один наш гражданин не погибнет, как бы тут ни старались.

— Как и наш. Мы не для того тут, чтобы нас убивали. Спасибо за предупреждение. Пора докладывать, тебе не кажется?

— Согласен. Твоя капсула далеко?

— Рядом. Во втором режиме. А твоя?

— Да то же самое. Будь внимателен: тут взлетают и садятся, так что...

— Будь и ты. Ну — до следующего?

— Спокойствия тебе и успеха.

— Взаимно. Заковыляли? Не забывай опираться на костыль, пока тебя видят.

— Знаю. — Шрм Сах ухмыльнулся: — Ох, моя бедная ножка...

Они вышли. Замечавшие их люди поспешили отводили глаза. Стыдились их? Или самих себя?

Самолет приземлился, подрулил к аэровокзалу. Пассажиры зашевелились, готовясь покинуть салон.

Горд неторопливо прошагал к выходу, сел в аэродромный автобус. Пересёк вокзал вместе с прочими прилетевшими. Всё было как бы спокойно, но предосторожности никогда не помешают. И, выйдя из здания, он сразу же свернул не к стоянке и остановке, куда шли все, а в противоположную сторону.

Через минуту-другую он оказался уже за границей аэропорта. Не мешкая, перешёл дорогу, проголосовал и сел в затормозившую первой древнюю «Калину».

Никто его не преследовал. Хотя ощущение чужого взгляда не проходило.

Через полчаса Горд расплатился с водителем и вылез у станции метро «Юго-Западная».

Надо было срочно вновь собирать группу. Чувствовалось, что большие события нависли и вот-вот обрушатся лавиной.

Зелёные, а местами уже отсвечивавшие желтизной леса; аккуратно нарезанные поля; посёлки и хутора, казавшиеся чуть смазанными, расплывчатыми из-за скорости; отблескивавшие, заставляя порой щуриться, кривые, словно по лекалам вычерченные реки и матово сереющие, почти не изгибающиеся дороги, и всё прочее, что несёт на себе сухая поверхность планеты, — всё

это далеко внизу стремительно сменяло друг друга, словно настриженное на клипы и склеенное без всякой логики, вслепую, наугад.

«Нет, всё-таки это хороший мир, его стоит спасать».

Так подумало существо, недавно носившее тут имя «Дымов», ещё ускоряя полёт.

Капсула его, а для местной расы «тарелка» или «блюдце», мчалась во втором, ненаблюдаемом режиме, строго по прямой, выдерживая курс на Главную базу. Ар Агор уменьшил скорость, лишь когда капсула пересекла береговую линию и внизу осталась одна вода, понемногу вытеснявшая из поля зрения всё прочее. И несколько небольших островов, из которых только один был обитаемым, и одинокий пароход, на взгляд — пятитысячник, каким-то образом оказавшийся в этом, обычно пустынном, районе океана. Большая морская дорога пролегала значительно восточнее, и оттуда даже локаторы никак не могли засечь время от времени возникающие здесь неопознанные летающие объекты. Их можно было, правда, заметить со спутников — но лишь в том случае, когда капсулы выходили из режима-два, а это делалось лишь непосредственно перед сменой сред, после которой объекты вообще не мог увидеть никто — кроме водолазов, которым делать в этих местах было совершенно нечего.

Бот и сейчас Ар Агор сперва уменьшил скорость до минимальной, затем на секунду завис в нескольких метрах над водой. Внизу ветер был оставшим, умеренным, так что автоматы удерживали капсулу на месте, тратя очень немного энергии. Набежала волна повыше остальных, быть может, пресловутая «девятая», и мелкие брызги осели на контуре незримости, создавая как бы туманное изображение летающего диска. Но аппарат уже вышел на луч, так что осталось лишь накренить переднюю часть диска и малым ходом пересечь границу сред, из воздушной переместившись в водную. И по этому вектору двигаться дальше, всё глубже — туда, где находилась Главная база, насчитывающая вот уже... какую же сотню лет своего существования? Ар Агор не помнил точных дат, но, во всяком случае, основана база была очень давно — хотя, конечно, не в таком виде, какой имела сегодня.

Здесь тоже можно было развивать такую скорость, как в воздухе, но совершенно не нужно. Наоборот, следовало как можно меньше возбуждать окружающую воду, нарушать её естественные движения, беспокоить исконных обитателей. Автомат вёл капсулу по лучу, самому же Агору оставалось лишь внимательно прослушивать воду. Никак нельзя было исключить возможность появления поблизости подводных кораблей — естественно, военных. Хотя в общем планы развития армий и флотов основных стран были известны благодаря внедрённым в штабы служанам, всегда оставалась вероятность неожиданных событий и, следовательно, действий. Так что подводный крейсер мог (теоретически) появиться вблизи в любой миг. База, конечно, засекла бы его за благовременно, приняла бы нужные меры. Однако практически обнаружение базы было куда менее вероятным, чем снижающейся капсулы. По той простой причине, что глубина залегания базы была для людских аппаратов недоступна и ещё долго останется такою, замаскирована система была очень надёжно, а главное — не двигалась, не выделяла наружу никакого тепла. Последний раз, как помнилось Ар Агору, базе пришлось перемещаться что-то лет пятьдесят тому назад — когда по соседству с тогдашним местом её нахождения возникла опасность возникновения подводного вулкана. Тогда позаботились найти для базы геологически надёжное место — а именно то, где она ныне и располагалась и куда направлялась сейчас капсула.

Пока капсула двигалась, она была, конечно, гораздо более уязвима для наблюдений со стороны. Однако в данный момент, похоже, ей ничто не угрожало. Следовало только внимательно следить за датчиками безопасности. Всё-таки глубина, на какую сейчас погружался аппарат, для Агора всегда была источником волнения, а наблюдение за приборами, показывавшими полную исправность всех систем, обеспечивающих успешное сопротивление неизвестному давлению извне, успокаивало. И ещё, конечно, то, что последний — и единственный — случай гибели капсулы произошёл те же полсотни с лишним лет тому назад. И то — по ошибке пилота: не при подходе к базе, а, напротив, при выходе, когда он увеличил скорость подъёма, недостаточно тщательно проконтролировав вышележащие слои воды. Его вни-

мание было направлено на линию подъёма, то есть по диагонали вверх, — и он, вероятно, недооценил сигнал опасности по вертикали, который обязательно должен был подать локатор верхней полусферы. А сверху на него обрушились контейнеры с боеприпасами, чей срок годности истёк и которые именно здесь, в пустынном районе, люди и решили затопить. Скорость погружения контейнеров была небольшой, но, к сожалению, один из них углом протаранил капсулу, как раз её обитаемую часть. Сработало сложение скоростей и масс, произошёл пробой корпуса, давление сделало всё остальное.

На ошибках учатся. Так что капсула с Ар Агором на борту благополучно подобралась к неровному участку морского дна, покрытому толстым слоем глубинного ила, что сохранялся из-за отсутствия тут придонных течений. Опустилась, подняв невысоко вверх илистое облачко. Ар Агор включил контур. Насосы погнали воду под ещё большим давлением, вымывая ил из-под аппарата. Капсула погрузилась на два с лишним метра, взбаламученный ил уже начал возвращаться на своё ложе, накрывая занявшее его место тело. Но внизу трипластикор капсулы уже соприкоснулся с гиперкерамом корпуса базы, а точнее — с заслонкой третьего портала.

Пауза в несколько секунд — пока работали идентифи. Опознали. Лепестки заслонки, числом шесть, разъехались. Очень медленно, чтобы вода проникала в приёмный тамбур с разумной постепенностью, тонкими струйками; ударя она всей массой — даже эта броня не выдержала бы. Наконец тамбур заполнился и капсула опустилась на три метра. Створки над ней — метровой толщины — вновь сошлись. Еще две минуты ожидания: пока шла герметизация. Потом заполнившая приёмный отсек вода мелко завибрировала: заработали выдавливавшие её насосы. Вода сопротивлялась. Агор знал, что до полного осушения пройдёт с полчаса. Терпение — вот главное качество для оперативного комиссара.

Наконец выход разрешили. Открылся люк и стало можно попасть внутрь, в климат родного мира, тёплый и сухой. Ар Агор невольно улыбался, чувствуя, как уходит дрожь, всегда одолевавшая его, когда был вынужден находиться в сырости.

Безусловно, Земля была хорошим миром даже и сейчас, когда люди успели основательно поиздеваться над её природой. Но всё же не для них был этот климат, не для руггов. Недаром каждый из них, попав на Землю, почти сразу начинал считать дни и месяцы, остававшиеся до смены, — правда, вслух никому в этом не сознаваясь.

Ар Агор, на ходу отвечая на приветствия попадавшихся на встречу коллег, быстро дошёл до центральной, командной сферы. Был встречен самим преполленом^{*} базы. Доложил полученную информацию подробно. Преполлен спросил:

— Откуда у тебя такая уверенность относительно кампании по нашему уничтожению? Только интуиция? Или удалось...

— Я установил — втёмную, без его ведома — постоянную связь с человеком, который непременно будет в этом участвовать, хотя сам он ещё не принял решения. На поверхности связь устойчива, здесь, на глубине, порой будут затруднения, но при наших коммуникативных мощностях можно будет, надеюсь, прослушивать достаточно чётко.

— А не может ли тут возникнуть обратная связь?

— Только если мы пожелаем её установить. Самим им до этого ещё далеко.

— Хорошо. Нуждаешься в отдыхе? В восстановлении?

— Я в норме. Вот поужинал бы с удовольствием.

— Иди, кормись. И сразу — в центр малой связи. Проверим твои находки.

Ар Агор даже не доужинал: ему всё казалось, что время уходит катастрофически быстро. В центр малой связи не пришёл, а прибежал. Всё начальство уже собралось там. Настроился. Ему сказали:

— Мы тебя сразу выводим на экран.

Он кивнул. Глубоко вздохнул.

— Ищу контакт. Найдено.

— Ждём, — ответили ему. — Ага: видим. Слышим.

* Преполлен (*praepollens*, лат.) — могучий, могущественный.

* * *

Человека по имени Горд, что сперва атаковал Ар Агора — Дымова, а потом предотвратил схватку в аэровокзале и в награду получил коммуникационную точку в мозгу, Агор увидел в каком-то кабинете рядом с другим, постарше. Оба казались взволнованными — об этом свидетельствовали и облик их, и голоса.

— Ты... отсюда... не выйдешь! — проговорил старший сдавленным голосом. — Сколько б вас ни было... Вы не представляете, с кем связались.

— Так просветите! — ответил другой, — как его там звали? — да, Горд.

Лицо старшего внезапно покрылось испариной, налилось кровью. Он схватился рукой за грудь, пошатнулся.

— Я... программ... коне...

— Что с вами?!

— Кретин... сунул нос...

— Куда, чёрт побери?!

— Не пове... — Старший сделал боком два шага к столу, рухнул на стул. — Во... ды! — прохрипел едва слышно.

Горд огляделся, схватил со стола начатую бутылку тоника, подсунул генералу. Но расширившиеся глаза хрипевшего уже остановились. Жизнь ушла.

Горд дотронулся пальцем до шеи генерала, пульса не нащупал.

В кабинет заглянул ещё один человек.

— Ну, что тут у вас? Помочь?

— Уходим!

Горд подтолкнул человека, видимо пришедшего вместе с ним, к двери, выскочил из кабинета сам.

— Сворачиваемся! Все объяснения потом!

Привыкшие повиноваться члены группы подчинились приказу без лишних вопросов. Однако за дверью приёмной их ждал сюрприз.

Быстро идущий по коридору мужчина, не останавливаясь, бросил Горду связку ключей:

— Подземная парковка, чёрный «Вольво-S60», номер сто сорок шесть. Сесть и ждать!

И мгновенно скрылся за дверью приёмной. Словно и не появлялся.

Горд колебался недолго.

— За мной!

Они спустились в подвал здания, превращённый в парковку для автомобилей Управления. Там и в самом деле среди других оказался чёрный «вольво» с затемнёнными стёклами.

— Кто это? — подал голос тот, что был с Гордом в кабинете.

— Не знаю, — ответил Горд, прислушиваясь к своим ощущениям: на душе было тревожно.

— А не накроют нас здесь как тараканов? — вполголоса проговорил второй. — Тот тип увидит, что секретарь в отключке, а генерал и вовсе дуба дал.

Горд промолчал; судя по его напряжённой позе, он готов был действовать, поднимись тревога. Но сирены и звонки молчали, и появлявшиеся на стоянке люди вели себя спокойно.

Так же спокойно держались все в отсеке малой связи Главной базы мира Ругг, слушая всё, что говорилось. Ар Агор переводил быстро и точно — хотя большинство ориентировалось в русском языке неплохо, но разговорной практики им не хватало: большая часть персонала никогда не покидала базы, их делом было — вести служанов.

Наконец в машину сел тот мужчина, что встретил группу в коридоре. Протянув руку, получил назад свои ключи. Молча завел двигатель, вывел «вольво» наверх. Ворота открылись автоматически, и машина выехала на улицу.

Остановились в каком-то тупике на Старой набережной, за шерстями пыльных кустов.

Мужчина за рулём заглушил мотор, посмотрел на сидевшего рядом Горда, оглянулся на пассажиров на заднем сиденье. Показал головой, усмехнулся.

— Не уследили мы за вами.

— Вы кто? — хмуро спросил Горд.

— Пришелец без пальто, — снова усмехнулся водитель. — Я полковник Серж. Этого пока достаточно. Какого дьявола вас понесло к генералу?

Горд покосился на спутников.

— Откуда вы знаете о нас?

— Вы были лучшей командой, когда-либо сформированной в управлении.

— И поэтому нас решили замочить? — иронически спросил спутник Горда.

Серж засмеялся.

— Мне нравится ваша реакция. Теперь поговорим серьёзно. Жизнь на нашей красивой планете контролируется...

— Зелёными человечками, — фыркнул второй из бывших в генеральском кабинете. Горд бросил на него предупреждающий взгляд.

— Не зелёными и не человечками, — серьёзно возразил Серж. — Это две разумные системы с разными подходами и целями. Назовём их для определённости «змеями» и «ящерами».

В отсеке малой связи все переглянулись. Возникли и исчезли улыбки. Кто-то покачал головой, как если бы услышал явную глупость. Но большинство осталось серьёзными.

— Этот контроль осуществляется давно, с тех пор как «змеям» удалось столкнуть лбами две земные цивилизации. Понимаете, в разборки какого уровня вы вмешались?

— Допустим, мы поверим в вашу сказку, — проговорил Горд. — Кого представляете вы? «Змей», «ящеров»?

— Ни тех, ни других. Я один из сотрудников системы «Триэн», которая пытается нейтрализовать внешнее давление на цивилизацию.

— Что такое три «Н»?

— Аббревиатура словосочетания «Никого Над Нами». Человечеством управляли так долго и бездарно, что пора с этим кончать. Мы пытаемся создать организацию, которая смогла бы освободить людей и от «змей», и от «ящеров».

На этот раз в отсеке связи не улыбнулись. Кто-то лишь пропянул: «Да-а...»

— Ну и как, получается? — прищурился тот, что всё время подавал реплики.

— Информационный уровень противостояния нам уже доступен, оперативный ещё нет. Вот почему мы тоже ищем профи вашего класса, которые стали бы с нами работать.

— А если мы не захотим?

Серж улыбнулся.

— Разве у вас есть выбор?

— Всё это пока слова, нужны подтверждения, — сказал Горд.

— Мы их вам предоставим.

— И нам надо подумать.

Полковник подал Горду блеснувшую металлом пуговку.

— Читайте, смотрите, размышляйте. В конце мой номер телефона. После просмотра флэшка самоликвидируется. Что бы вы ни решили — звоните. А теперь — вылезайте.

Урча мотором, «вольво» развернулся, уехал.

— Полезная информация, — проговорил преполлен базы. — Что же, пока люди будут думать, подумаем и мы. Для этого прошу всех перейти в оперативный зал. А ты, — это было сказано Ар Агору, — можешь отдохнуть. Два часа. А потом... обсудим, стоит ли тебе возвращаться туда. Пора активизировать и твоих служанов, тебе не кажется?

— Подумаю, — ответил Агор неопределённо. — Мои и так не отыкают. Но с позволения — сейчас хотел бы вместе со все-

, ми заглянуть в оперативный. Потому что я как-то выпал из общей картины, занимался всё время местными делами.

— Согласен, — ответил преполлен, подумав самую малость.

Оперативный зал Главной базы вызывал ощущение тесноты, хотя на самом деле представлял собою помещение весьма обширное. Причина крылась в том, что площадь, чья квадратура не уступала и самому большому аэропорту Земли, была разгорожена невысокими, лишь выше пояса среднего ругга, переборками на узкие клетушки, в каждой из которых оперативник находился на постоянной связи со своим служаном — существом, внешне неотличимым от любого человека, находившимся наверху, среди людей, ведшим вполне человеческий образ жизни и реализовавшим задачи, что разрабатывались здесь в полной изоляции от людского мира.

Служаны представляли собой категорию живых существ, пока ещё незнакомых земной цивилизации. Вероятно, просто потому, что на Земле в них не возникало серьёзной необходимости. Люди в процессе развития человеческого общества нуждались в помощи живых существ, обладающих большей физической силой, либо с более развитыми, чем у людей, определёнными органами чувств, а также готовых защищать человека от больших и малых хищников, и это привело к одомашниванию некоторых видов и выведению немалого количества пород, нередко весьма отличающихся друг от друга. Однако у человека никогда не возникало потребности в таких существах, что смогли бы, не обладая собственным разумом или волей, выполнять множество действий, заменяя собою хозяев физически в большинстве процессов. Людям это не было нужно потому, что природа Земли не была враждебной им настолько, чтобы к ней нельзя было приспособиться. Необходимость в такого рода помощниках возникла у людей лишь тогда, когда развитие их цивилизации потребовало такого быстродействия мыслительных процессов, на какое люди не были и не могли быть способными (потому что сам характер их цивилизации заставил отказаться, а затем и вовсе утратить способность к интуитивному мышлению, ограничившись лишь

логическим, строго последовательным, а поэтому — многоступенчатым, то есть весьма времяёмким), и это привело к созданию компьютерной техники.

Совершенно иным было положение в Устремлённых мирах, получивших в Галактическом сообществе характеристику «строгих», к каким принадлежали и Шумарш, и Ругг. Планеты, на которых сила тяжести примерно в полтора раза превышала земную, воды было значительно меньше, а средняя температура — почти вдвое выше, вовсе не были столь дружественными к своим обитателям, как Земля, недаром использовавшаяся как один из экспериментальных полигонов, поскольку на ней одной можно было смоделировать достаточно много различных климатов и природных условий. На Ругге уйти от одних условий жизни к другим было невозможно. Некуда. В то же время завезенной на эту планету расе можно было укорениться, выжить и множиться лишь путём освоения всё новых, пусть и неудобных, пространств. Объективно было ясно, что оба мира, чьи представители участвуют в описываемых здесь событиях, являются экстремальными: ещё чуть хуже — и они вообще выпадут из числа пригодных для заселения разумными существами. Так что обитателям разумным, но физически не очень-то приспособленным к условиям таких миров было жизненно необходимо создать, вывести, завести, — как угодно — таких существ, какие могли бы полностью заменять их в условиях, в которых самой расе действовать было бы трудно. Существ, что, выполняя нужную работу, полностью подчинялись бы любым указаниям — вернее, командам — тех, кто, по сути, являлись хозяевами, но почему-то с самого начала никогда так не назывались.

Работа по выведению такой (условно говоря, полуразумной) расы продолжалась почти два столетия. Было это, впрочем, уже очень давно. Для осуществления возникшего проекта (скорее всего, не придуманного самими, но подсказанного теми, кому ведать надлежало) требовалось прежде всего определить стартовый вид, который и развивать. Было несколько вариантов, искали в разных мирах, прежде всего, конечно, на полигонах, и в конце концов остановились на представителях семейства пресмыкающихся, подотряда (по земной классификации, где и обитали эти

существа) ящериц. Достаточное количество их видов — девять десятков — позволило придилично выбирать. На кандидатуре хамелеона остановились и потому, что высокая температура являлась для него привычной, но главное — этой ящерице присуща особенность менять свой цвет в зависимости от окружающей обстановки.

Для того, чтобы преобразовать выбранную ящерицу в необходимое существо, и потребовалось почти два столетия и опережающее развитие генной инженерии; тут следует помнить, что ругги в пору, когда их с изначального полигона (не земного) забросили на планету, ставшую их миром, вовсе не были дикарями и владели знаниями, часть которых людям Земли неизвестна и поныне — или же утеряна. И тем не менее понадобилось, как сказано, немало времени, чтобы создать существо, прежде всего превышающее размерами исходный организм почти вчетверо, затем трансформировать свойство менять цвет в умение менять, непроизвольно или произвольно, весь облик, уподобляясь окружающему большинству. Затем — выработать абсолютную преданность и покорность своему ведущему, то есть разумному руггу.

Почему пошли по такому пути, вместо того чтобы создавать то, что на Земле называют роботами? Потому, что служан (такое название возникло и закрепилось с самого начала) обеспечивал и собственное питание, и размножение, и ремонт или, вернее, лечение — и всё это даже в тех условиях, в какие ведущий никак не мог последовать за своим ведомым или ведомыми (их могло быть и двое, но не больше). И, наконец, четвёртое, и, наверное, главное, — качество постоянной связи между ведущим и ведомым, без помощи каких-либо технических приспособлений, такой связи, которую на Земле порой называют телепатической. Причём связь эта могла быть строго индивидуальной, но в случае надобности могла становиться и групповой, а при серьёзной необходимости — всеобщей. Впрочем, последняя могла осуществляться лишь отсюда, с Базы, потому что тут уже требовалось некоторое усиление сигнала. Правда, усиление это происходило тоже без участия техники.

Зная всё это, можно утверждать, что на самом деле среди достаточно большого количества внедрённых под видом людей в

земные структуры представителей Ругга (как и Шумарша) собственно Руггов почти не было, а были служаны. Ругги не обладали способностью видоизменяться, а в своём натуральном виде хотя и были несомненными гуманоидами (и происхождением намного более древними, чем люди Земли), но отличались и ростом, и цветом кожи — нет, зелёными они не были никогда, — и почти полной невозможностью справляться с фонетикой земных языков, несмотря на великое разнообразие последних. И лишь один из многих тысяч руггов — с точки зрения этой расы едва ли не урод, бледнокожий переросток с гипертрофированно развитыми челюстями — мог возникать в человеческой среде в своём натуральном виде, не очень рискуя быть разоблачённым.

Ар Агор, а среди людей — Дымов, и был одним из таких мутантов. Здесь, в экспедиционном отряде, их было намного больше, чем в среднем в родном мире: на Земле подобных мутантов насчитывалась целая дюжина на примерно двадцать тысяч нормальных руггов, составлявших личный состав отряда. А на родине один такой приходился на миллион с лишним. И лишь небольшую часть их можно было использовать на государственной экспедиционной службе, требовавшей наличия у каждого кандидата набора редких духовных и физических качеств. В экспедиции ценность таких, как Агор, была несравненно выше ценности даже самого лучшего оператора, работающего через служанов. Лишь такие мутанты, как он, могли устанавливать без ведома и согласия земных людей прямые связи с их сознанием и подсознанием, то есть получать самую закрытую информацию из первоисточника. В то время как служаны могли общаться с людьми лишь посредством речи и услышанное передавать операторам, которым приходилось её обрабатывать, оценивая достоверность. Конечно, чем выше в людской среде оказывался служан, тем ценнее были и информация, и влияние через него на людей. Но на верхах земных властей служанов не было и их даже не пытались туда внедрять: всё же они не были разумными, хотя очень на них походили.

— Ну как? — спросил преполлен. — Не соскучился по нормальнym условиям? Может, хочешь несколько дней поработать здесь — в спокойной обстановке?

— Был бы очень рад, — ответил Ар Агор. — Но вряд ли получится. Не знаю, как обстановка выглядит по планете в целом, но там, где я был, она резко меняется к худшему. К принципиально худшему. Да ты только что сам слышал достаточно много.

— Подробнее, если можешь.

— Для этого я и прилетел. Изменения таковы: если до сих пор продолжались всё более жестокие отношения между различными группировками людей и отдельными их представителями, то сейчас у них появился мотив для объединения против общего врага — вплоть до полного уничтожения или хотя бы изгнания. Возможное кровопролитие их не смущает: если они не стесняются убивать своих, то в отношении чужих это становится прямо-таки обязанностью.

Преполлен трижды моргнул, что означало согласие.

— У нас, — сказал он затем, — служаны дают, в общем, такую же картину. Ещё не повсеместно, но наши аналитики констатируют несомненную тенденцию к расширению таких настроений. Идиотизм, иначе не назовёшь. Так и хочется рассказать им о том, что Силы ведь уже пробовали предоставить их самим себе. И что из этого получилось? Две таких войны, каких до того у них не случалось. Это были уже не войны, а попытки суицида. Похоже, что люди больше всего на свете ненавидят сами себя.

— Теперь это переходит на нас.

— Ненадолго. Ну, снова улетим, законсервируем базу в очередной раз. И что будет? Всё так же станут убивать друг друга даже на улицах больших городов, всё дальнее отравлять воздух и воду, разрушать расу наркотиками, каждое новое поколение будет рождаться всё более слабым, и вскоре население их мира начнёт заметно сокращаться — потому, что падает репродуктивная способность человека, он несёт в себе всё меньше семян, способных прорастать... — Преполлен покачал головой. — Если говорить откровенно, я перестаю понимать: к чему все наши усилия? Откуда это стремление сохранить расу, жаждущую само-уничтожения? Право же, они не стоят тех служанов, что уже погибли в этом мире. Пусть и немного, но это — напрасные жерт-

вы, ничем не оправданные. А теперь, если они действительно примутся уничтожать наших помощников, жертв станет ещё больше — к чему? Меня волнует то, что мы тут оказываемся в роли предателей тех существ, которых сами создали, существ, верящих в нас и преданных нам...

Он вдруг умолк, хотя, похоже, был готов сказать ещё что-то, наверное ещё более резкое. Вовремя спохватился. Поднял руку, положил ладонь на высокое плечо Ар Агора.

— Прости, мне не следовало говорить этого. Никому, а тебе — ещё меньше. Потому что ты ведь рискуешь не твоими служанами, а собственной жизнью. И тебе нужна уверенность в справедливости и нужности того, что ты делаешь.

— Преполлен, можешь быть уверен: пока я считаю, что мы выполняем волю Сил, — никто не сможет разубедить меня в целесообразности и разумности того, что делаю я и каждый из нас. Я порой тоже думаю, что эта раса не должна выжить, настолько её развитие не совпадает с общим направлением. Но тут же вспоминаю: это ведь не нормальный мир, это полигон. Возможно, Силы хотят довести до конца ещё один эксперимент, а именно: способно ли выжить общество, в котором сама идея Сил давно уже превратилась в пустой звук? До каких пределов падения они способны опуститься? Полное вырождение, возврат к животному уровню, утрата духа в его высших проявлениях? Или просто вымирание? Раньше казалось, что они ещё могут остановиться, одуматься, понять, в какую бездну готовы упасть; есть ведь среди них и такие, кто прекрасно это понимает, но их становится всё меньше, из двух составляющих явно одерживает верх плоть, а не дух, брюхо, а не сердце. Может быть, Силы хотят понять, какая же конструктивная ошибка допущена при формировании этой расы, чтобы больше никогда уже не повторять её? Но логика Сил превышает наши с тобой способности понимания. Так что будь спокоен: я не сверну в сторону.

— Я в этом никогда не сомневался. Но хочу слышать твоё мнение: что конкретно можем или должны мы делать сейчас, когда нам угрожают уже непосредственно?

— Думаю, что прежде всего нам нужно...

Но тут Ар Агор вдруг умолк — как говорится, с разбега. Поднял ладонь, как бы с просьбой ничего не говорить. Закрыл глаза для полной концентрации внимания. Преполлен, понимая, молчал в ожидании. Прошла минута, прежде чем Агор объяснил:

— Пошла информация от моего «тёмного». Очень интересно. Прости, переключаюсь на него. Может оказаться важным. Там снова возник этот — рулавар Серж...

«Рулавар» у руггов соответствовал земному званию полковника. Оберста. Колонеля. И так далее.

Это была вторая встреча того человека, «тёмного» информатора Горда, с рулаваром Сержем. Происходила она, как предположил Ар Агор, километрах в двадцати от Москвы, на берегу небольшого красивого озерца, где тут и там были разбросаны мангали, витали разжигавшие аппетит запахи, местами возвышались беседки, в одной из которых и собирались члены группы, якобы для отдыха с шашлыками и пивом. Рулавар Серж (Ар Агор запомнил его имя) подошёл позже, в сумерках, вместе с молодой девушкой по имени Алина, оказавшейся рулавар-си, то есть его дочерью, — тоже членом организации «Триэн».

С виду их компания ничем не отличалась от таких же отдыхающих, но если бы кто-нибудь, кроме Ар Агора, мог подслушать разговоры мужчин, он бы принял их за сбежавших клиентов сумасшедшего дома.

— Ну хорошо, чего вы хотите от нас? — спросил рулавара один из группы.

— А ты не понял? — криво усмехнулся другой. — Нас в очередной раз попросят кого-нибудь замочить.

— Не совсем, — услышал он в ответ. — Мы предлагаем вам полноценное долговременное сотрудничество. Материалы на флэшке, которые вы изучили, дают лишь общую картину проблемы. Все более подробные данные вместе с анализом ситуации вы получите, если...

— Если согласимся с вами работать, — закончил «тёмный» информатор, командир группы, тот самый Горд.

— Разумеется, — согласился Серж.

— И всё же вы не ответили на вопрос, — заговорил третий. — Мы имеем право отказаться?

— А вы оцените сами, — усмехнулся Серж. — Вы получили доступ к секретной информации и являетесь носителями чужих тайн, от которых зависит судьба цивилизации. Ни более ни менее.

Повторив услышанное, Ар Агор взглянул на начальника.

— Если бы она зависела от этого... — пробормотал тот. — Продолжай.

Там, у озера, люди из группы тоже обменялись взглядами.

— Я бы подождал... — начал один.

— Покажите хотя бы, как они выглядят? — перебил его командир. — В вашем досье нет ни намёка на внешний вид тех и других.

Серж посмотрел на дочь.

Девушка достала смартфон с объёмным дисплеем.

Над окошечком аппарата встал зелёный лучик и развернулся в почти невидимый световой конус, внутри которого сформировалось изображение мужчины в строгом костюме.

— «Ящер» в маске, — пояснил Серж. — Смотрите дальше.

Лицо мужчины в конусе экранчика искривилось, поплыло, приобрело очертания звериного черепа, чем-то действительно похожего на череп динозавра.

— Это тот служан, что попал в катастрофу и погиб, — тихо заметил преполлен базы. — Чей он был, кстати? Ведущий, на-верное, до сих пор не может прийти в себя.

— Он был моим ведомым. И направлялся ко мне. Невольно засветил меня. Иначе я и сейчас находился бы в их министерстве. Очень его жалею. Но переживать некогда, — откликнулся Ар Агор, продолжая наблюдать и слушать.

* * *

— Так они выглядят в натуре, — проговорила рулавар-си.

— Отвратная харя, — выразил общее мнение один из членов группы, морщась.

Горд сказал:

— Думаю, вы уже приготовили какую-то работу для нас — если мы, конечно, согласимся. Но чтобы принять решение, нам нужно знать задачу. Хотя бы в общих чертах.

Рулавар Серж ответил не сразу:

— У спрута может быть — предположим — не восемь ног и не десять, а... ну, хотя бы тысячи. Обнаруживать их и отрубать по одной даже в самом лучшем случае потребует громадных сил и много времени. Мы не располагаем ни тем, ни другим. Но всеми ногами управляет одна голова. И не только управляет, но и содержит в себе все планы и расчёты на предстоящие действия.

— Ага. И вы хотите, чтобы мы эту голову обнаружили?

— Нет. Мы уже нашли её. Осталось лишь поразить цель — предварительно получив всю возможную информацию.

— Где она располагается?

— Как вы понимаете, противник достаточно осторожен. Их центр, о котором я говорю, находится в море.

Преполлен нахмурился:

— Они узнали место расположения нашей базы? Каким образом эта информация дошла до них? Не думаю, чтобы они могли проследить ваш маршрут сейчас.

Агор покачал головой:

— Этого они не знают. Иначе, уверен, нас уже попытались бы накрыть ядерными глубинными бомбами. Но слушаем дальше..

— Их координаты меняются каждый день и час. Понимаете?

— Пытаюсь. Судно?

— Совершенно верно. Могу сказать точнее: яхта «Мечтание». Собственность господина Стурка. Мы постоянно следим

за ней. Ведём со спутников. Вряд ли нужно объяснять вам, что следует сделать.

— Гм... Задача, скажу прямо, любопытная. Но для неё нужна специальная техника.

— Этим мы обеспечим полностью. Подумайте о грандиозности замысла: один удар — и битва выиграна. Малой кровью.

— Вы думаете, это поможет?

Рулавар сдвинул брови.

— Вы должны были изучить нашу стратегию.

— Изучал, помню: постепенное замещение эмиссаров «змей» и «ящеров» на сотрудников «Триэн», воспитание молодых бойцов, и в финале — единовременная акция по ликвидации всей сети пришельцев.

— К чему же лишние вопросы?

— Да, пожалуй... Тем не менее, мы должны ещё подумать.

— Не раздумывайте долго, звоните. До свидания.

Рулавар и его дочь вышли из беседки, направились к берегу озера, сели в подплывшую лодку. Лодка быстро пересекла озеро.

Следом за ними разбрелись и другие «любители шашлыков», отыгравшие неподалёку. Похоже, всё это были сотрудники системы «Триэн».

Стало совсем тихо.

— Малой кровью! — сказал преполлен гневно. — Как легко они произносят это... и делают. Похоже, они воображают себя стоящими на крутом склоне, по которому вся пролитая кровь стекает вниз — в прошлое. Ещё не достигли понимания того, что кровь — это ручей, текущий по склону вверх, в будущее, к их детям, внукам, правнукам... — И тут же вернулся к настоящему: — Кто там у нас, на этой подстанции?

— Оба моих служана.

— Ты предупредишь их об опасности?

— Разреши мне ещё поразмышлять над тем, как использовать услышанное. Думаю, стоит преподать людям урок скромности.

— Здесь надо быть очень осторожным. Помни: мы-то не проливаем крови. И не должны. Но опыт показывает, как трудно порой удержаться от адекватного ответа, когда тебя откровенно стремятся уничтожить.

— Я имел в виду не это. Немножко смешать их карты, озадачить, смутиТЬ. Показать им врага, с которым они будут воевать бесконечно и без надежды на победу — поскольку он будет чисто виртуальным. Пусть ведут бой с тенью — может быть, это поможет им меньше убивать друг друга?

— Согласен. Подумай, как и что подготовить. Ну, а что они там решают?

Солнце село. Похолодало. Над озером поплыли струйки тумана. По берегу озера зажглись фонари. Ар Агор продолжал наблюдать, не прерывая связи.

— Я человек простой, — сказал у озера тот член группы, что предлагал подождать. — Может, послать их на ... ? Пусть сами разбираются. Свяжешься с такими, неприятностей не оберёшься.

— Неприятности приходят и уходят, — меланхолически заметил другой, — а их следы остаются.

— Ты что, — удивился первый. — Хочешь в наёмники? В пираты?

— А ты можешь жить спокойно, зная, что нас дёргает за ниточки всякая нечисть?

— Ну, допустим, меня никто не дёргает.

Командир Горд недовольно потряс головой: странное ощущение не оставляло его все последние дни, трудно описуемое — как будто какое-то эхо возникало в мозгу. Поднялся, тряхнул плечами, разминаясь, сбежал на дорожку.

— Кто со мной купаться?

Остальные обменялись взглядами.

— Пожалуй, я тоже окунусь, — сказал один и направился к берегу, на ходу стаскивая рубашку.

Другой молча двинулся за ним, прихватив бутылку с минералкой.

Третий крякнул, плеснул в стакан водки, выпил и тоже побрёл к берегу, насыпывая попсовый мотивчик.

Над ним с тихим жужжанием пролетело какое-то крупное насекомое. Шмель?

— Это наш? — спросил преполлен Ар Агора.

— «Шмель»? Нет, шумаршский. Наши звучат пониже.

— Это удачно, что ты прилетел сейчас. Кстати: шумаршей будем ставить в известность?

— Разумеется. Там, на подстанции, половина — их служаны.

— Очень хорошо. На моём уровне я возьму это на себя. А ты, конечно, с твоим партнёром.

— Непременно.

— Твое личное участие, полагаю, не обязательно. Впрочем — обстановка покажет. А я прежде всего поставлю Силы в известность о развитии ситуации и наших планах.

— Надеюсь, они согласятся. Хотя — им всегда виднее.

— Как ты полагаешь, о какой специальной технике люди говорили?

— Атаковать нашу подстанцию, — ответил Агор не задумываясь, — можно сверху, из воздуха, или из-под воды. Они понимают, что главное, что могло бы принести им успех, это внезапность. Они не так наивны, чтобы считать, что судно лишено средств защиты. Думаю, сейчас мне следует побывать на яхте — хотя бы убедиться, что там всё в порядке, системы безопасности настороже. Ну и в случае надобности — ненавязчиво помочь. Многое будет зависеть от быстроты наших ответных реакций, а при управлении служанами отсюда мы неизбежно теряем какие-то секунды.

— Тогда не медли. И держи меня в курсе.

Ар Агору показалось, что его кресло не успело даже остыть, когда он снова утвердился в нём, вывел капсулу из Базы. Не покидая глубины, он задал приборам координаты «Мечтания» и развил предельную для этих условий скорость. Автоматически

включившийся силовой кокон позволял аппарату мчаться, практически не встречая сопротивления воды, так же быстро, как в воздухе или заатмосферном пространстве. Альткорректор позволял удерживать заданное расстояние от дна, аванбуфер обеспечивал открытый путь. На этой глубине и не приходилось ожидать каких-то помех, но дно неуклонно повышалось, и вскоре можно было уже ожидать густонаселённых уровней. Но пока можно было на какое-то время отключиться. Отдых руггу был нужен примерно так же, как любому землянину, хотя и не столь продолжительный.

Он проснулся через четыре часа, когда до подстанции оставалось четверть часа хода. Сразу же уменьшил скорость, изменил программу, отклонив курс и задав не прямое сближение, но циркуляцию, в центре которой находилась яхта, с плавным уменьшением радиуса. Одновременно включил все средства наблюдения. Хотя и без особой уверенности, Ар Агор допускал возможность присутствия здесь каких-либо подводных средств — той специальной техники, о которой говорили люди.

Он заставлял себя не спешить со сближением, и в то же время каждая проведенная под водой минута вызывала у него всё большую досаду. Потому что здесь он был лишён возможности прямого контакта с «тёмным информатором», то есть не мог следить за развитием событий вокруг группы, возглавляемой Гордом. А именно сейчас там могли произойти важные события.

И это ощущение было достаточно обоснованным. Потому что как раз в это время далеко в Подмосковье действительно разговаривали.

— Вы готовы выполнить задание?

Горд кивнул.

— Группа тренируется, все в тонусе.

— Отлично. Тогда посмотрите сюда.

Над полусферой дисплея встало призрачное объёмное облачко, внутри которого проявилась фигура человека.

— Стурк? — Это прозвучало озадаченно.

— Совершенно верно. Глава Федеральной счётной палаты.

— Неужели он тоже их резидент?

— Один из них. После того, как мы его... э-э, нейтрализуем, его место займёт наш человек.

— Вы же сами говорили, что чужаки имеют гораздо больше возможностей, чем наши технари. Они просто задавят нас.

— Не задавят, мы тоже не лаптем щи хлебаем.

— Давайте вводную.

— Сверхнаглая и сверхбыстрая атака часто неудержима.
Так что...

«Мечтание», яхта господина Стурка, официально имела на борту ракетный противовоздушный комплекс, вертолёт и мини-субмарину. Неофициально же — и некоторые другие средства, полученные ею после возведения судна в ранг подстанции экспедиционного отряда Сил.

Сейчас яхта уже второй день находилась на стоянке у острова Южная Георгия.

Убедившись наконец в чистоте подводного пространства вокруг «Мечтания», Ар Агор, не всплывая, приблизился к ней, состыковался с донным портом и поднялся на борт судна.

Его уже ждали. Владелец яхты Стурк бросился навстречу, крепко обнял приехавшего, прижался головой к его груди. Любой нормальный служан так ведёт себя при встрече со своим ведущим. А нынешний Стурк и был одним из двух служанов Агора.

Подлинный Стурк, как и настоящий Дымов, как и все другие, считавшиеся погибшими от рук (или зубов, щупальца и прочего) инопланетян, на самом деле находился сейчас на Базе-2, называвшейся у руггов и шумаршей то Академией, то Лечебницей. Там, на этой придонной станции, лучшие специалисты далёких миров пытались выправить косную, уродливую психику людей, чтобы затем вернуть их в свой мир. Правда, на действенность такого способа рассчитывали лишь немногие оптимисты. Но бы-

ло Слово: пытаться до последней возможности. И, кстати, несколько человек успели уже вернуться на свои места, возвращённые им немедленно исчезнувшими служанами, — а окружающие и не успели ни о чём догадаться. Нет, пришельцы не убивали. Они были слишком сильны для этого.

Прибывший в первую очередь направился в радиорубку. Связь с базой действовала безукоризненно. Ар Агор запросил и получил распоряжение о непосредственном переподчинении ему всех служанов, находившихся на борту судна. Затем собрал их в кают-компании и подробно проинструктировал.

Лишь после этого он стал искать в пространстве следы «тёмного информатора». Это удалось сделать без труда. Сигнал был чистым и мощным. Это означало, что Горд, его источник, находится уже не под Москвой, а достаточно близко.

Потом сигнал неожиданно прервался. Но Агор успел увидеть и услышать вполне достаточно.

Прекращение сигнала означало, что «тёмный» и его команда уже ушли под воду.

Ар Агор посмотрел на карту глубин. Эта стоянка была не лучшим местом для задуманного. И он приказал сниматься с якоря и взять курс на Азоры. Сам же вышел на связь со своим шумарским коллегой Шрм Сахом, в недавнем прошлом — вторым безногим инвалидом. И быстро договорился с ним о предстоящих действиях.

Почти вся группа, получившая всё необходимое спецоборудование для проведения операции, ждала появления яхты на траверзе Азор, находясь на борту подводной лодки. Она, не имевшая никаких опознавательных надписей и номеров на борту, принадлежала Управлению спецопераций и являла собой новейшее судно с большим запасом хода. Под водой могла держать скорость в тридцать шесть узлов, практически бесшумно, погружаться до четырёхсот метров. Обнаружить её на глубине было очень трудно. Вообще члены группы привыкли к высо-

чайшему уровню обеспечения специальных операций, но современную субмарину, пусть и небольшую, для поддержки использовали впервые.

Ночью безымянная лодка всплыла в пятидесяти милях от идущей тихим ходом яхты — в точке, где субмарину уже ждал небольшой парусник, на каких любят форсить молодые миллионеры. На судёнышко перешли Алина Серж и молодой человек, только что доставленный в эту точку вертолётом, — красивый, мускулистый, загорелый, уверенный в себе. Ему предстояло сыграть роль миллионера. После этого лодка погрузилась, чтобы застаться на трёхсотметровой глубине.

Рано утром экипаж «Мечтания» получил сигнал бедствия. А ещё через полтора часа впереди по курсу появился и источник сигнала — перевернувшийся парусник по имени «Форчун», рядом с которым заметили резиновую лодку.

В ней сидели всего два пассажира: владелец парусника англичанин Эбрэхем Найт и его спутница Ангелина Брайан. По их словам, оставший ветер отнес их судёнышко в океан, потом налетевший шквал (не успели убрать грот) перевернул парусник, но, к счастью, он не затонул. Найту повезло — он успел включить сигнал «Мэйдэй».

Капитан «Мечтания» приказал взять терпящих бедствие на борт и пообещал высадить молодую пару в ближайшем порту. Им отвели каюту и оставили одних.

Одновременно субмарина подвсплыла на глубину в сто метров и выпустила группу аквалангистов в полном составе. Аквалангисты добрались до яхты и с помощью спецприспособлений присосались к странному подводному порту. По описанию яхты, он должен был выглядеть совершенно иначе, но это не смущило опытных бойцов. После этого им осталось только ждать, когда агенты «Триэн» наверху начнут действовать. А именно — в два часа ночи.

Как раз в это время Алина выглянула из отведенной спасённым каюты в пустой коридор, быстро огляделась и сориентировалась. Коридоры, мостики и лестницы на яхте просматривались телекамерами, так что прежде всего надо было обезвредить систему наблюдения.

Алина, обернувшись, кивнула своему спутнику. Оба направились в ходовую рубку, где следовало находиться вахтенному штурману. Алина постучала. Никто не ответил. Решившись, она отворила дверь и вошла. Там было пусто, жили только приборы. Похоже, дисциплина на яхте была не в почёте. Оставалось лишь, усмехнувшись, пожать плечами и действовать по плану.

Сначала они должны были впустить группу. Однако, несмотря на все попытки, Найту так и не удалось открыть подводный порт, по ту сторону которого ждали аквалангисты, чьи запасы дыхательной смеси шли уже к концу. Установив акустическую связь с ними, пришлось переадресовать группу на поверхность, чтобы высадиться на палубу.

К счастью, это удалось осуществить без осложнений: на палубе тоже не было ни души. Похоже, экипаж был распущен до предела. Это казалось по меньшей мере странным. Но сейчас было не до размышлений. Обстановка побуждала к быстрым действиям.

Аквалангисты из воды поднялись на палубу все разом, совершенно бесшумно: сказывалась выучка группы. Алина подала сигнал к началу финальной стадии операции. Группа двинулась вперёд, изготовив оружие.

— Открывайте огонь на поражение, — скомандовала Алина, — как только заметите движение. Стурк — не человек, и его динамика намного выше нашей.

Чуть раньше Ар Агор вернулся в капсулу, забрав с собою все материалы, имевшие хоть какое-то отношение к деятельности подстанции. Вслед за ним яхту покинуло большинство её экипажа. Ушли они странным образом: просто входили по пяти в тамбур, а затем выходили в воду без каких-либо приспособлений для дыхания. Но ни один человек не удалился от судна; только небольшая стая крупных рыб, вдруг взявшаяся неизвестно откуда.

Ар Агор занял своё место в капсуле. Вся видеосистема яхты была заблаговременно переключена на его приёмники, и он мог спокойно наблюдать за происходящим на борту.

* * *

Группа приближалась к намеченной цели: каюте владельца яхты. Казалось, что по кораблю движутся призраки, а не люди. Впрочем, на их пути никто им так и не попался. Видимо, экипаж крепко спал. На яхте наверняка не было запрета на крепкие напитки.

Группа с помощью тихого направленного взрыва разнесла дверь в каюту. Нельзя сказать, что их ждала засада. Всё-таки действовали десантники профессионально и шума создавали не больше, чем мыши в норке. И всё же первых бойцов группы, ворвавшихся в апартаменты, встретил кинжаленный огонь из двух автоматов с насадками бесшумного боя. Стурк стрелял с обеих рук.

— Ложись! — рыкнул Горд, бросаясь на пол и отвечая длинной очередью из такого же бесшумного «Бизона».

Однако было уже поздно.

Один член группы получил пять пуль в грудь, и, хотя нитридный бронежилет выдержал, пули, выпущенные с расстояния в пять метров, отбросили человека назад, оглушили, вырубили.

Другой упал на пол одновременно со своим командиром. Но ярчайшая вспышка световой пули ослепила его, и он выбыл из боя.

Стук сердца показался Горду громом в наступившей пугливой тишине.

Но он вскочил, держа под прицелом открытую дверь в спальный отсек каюты... и отлетел к противоположной стене от сильнейшего удара в грудь. Инстинкты сработали без промедления, и он, ударившись всем телом о стену, заученно соскользнул на пол, как струя воды. Перекатился вправо, рывком поднялся на ноги, пытаясь разглядеть нового противника сквозь кровавый туман в глазах... и снова отлетел назад от такого же мощного, ту-пого, принятого всем телом удара!

Сознание на мгновение помутилось.

Однако тело продолжало выполнять защитно-активную программу, «вбитую» в подсознание двумя десятками лет тренировок, и он не свалился замертво, а попытался уйти с линии атаки противника.

Как известно, мастера боевых искусств осознанно вгоняют себя в состояние безмыслия, так как тело при этом реагирует на угрозу адекватно ситуации и гораздо быстрее, чем сознание. Точно так же состояние «немысли» спасло командира группы от третьего выстрела из оружия, о котором военная наука Земли ничего не знала.

И в этот момент в схватку вмешались Алина и её спутник, проникшие в каюту с другой стороны.

Сквозь рассеивающийся туман в глазах Горд увидел необыкновенную картину — бой Найта со Стурком.

. Алину Стурк успел отправить в нокаут, выстрелив в неё из того же оружия, разрядника гравитационных импульсов, Найт же сумел уклониться и выбить странной формы пистолет из руки Стурка.

Впрочем, тот владел скоростным режимом не хуже. Невероятным броском он достал противника, выбил у него из руки оружие, и оба схватились врукопашную.

Командир группы Горд впервые в жизни увидел, как дерутся воины иных миров.

Что Эбрэхем Найт — неземлянин, стало ясно уже в первые мгновения схватки.

Он двигался не так, как человек. Намного быстрее! И даже не шевеля при этом ногами.

Однако это не сразу принесло ему ощущимое преимущество, поэтому прошло минуты три, прежде чем стало понятно, что Найт побеждает. Он сделал несколько стремительных уклонений и непонятным образом оказался вплотную к противнику. Затем рука Найта ухватила соперника за горло, другая, как бы удлинившись чуть ли не вдвое — за ногу, и Стурк, как если бы став вдруг невесомым, описал пологую траекторию, телом вышиб окно, заменившее тут традиционный иллюминатор, и исчез. Слышно было, как за бортом плеснула, словно чавкнула, вода.

Найт остановился, глядя вокруг ничего не выражающими глазами.

* * *

Ар Агор в капсуле кивнул. Улыбнулся. Пробормотал:

— Молодцы, служаны!

Повернул голову. По ту сторону прозрачного купола, в воде, Стурк, приблизив лицо, радостно улыбался.

Служаны всегда улыбаются хозяевам радостно. Как собаки людям.

Наверху командир Горд с внутренним скрежетом встал, чувствуя себя так, словно по нему проехался средний танк.

— Уходим! — бросила пришедшая в себя Алина.

Заворочались, ругаясь, и остальные бойцы группы.

— Сможете идти?

— Я весь в дырках, — пробормотал один, цепляясь за протянутую руку. — Что тут произошло?

— Потом, потом, вставай.

Эбрэхем Найт с Алиной первыми вышли на палубу и начали спускаться.

За ними полезли оглушённые, с трудом передвигающиеся бойцы.

Два часа спустя в кают-компании субмарины состоялось совещание всех участников событий. Отсутствовал лишь «Эбрэхем Найт».

— Он... занят, — с небольшой заминкой сказала дочь полковника Сержа.

— Пусть придёт, у нас к нему есть вопросы.

Алина заколебалась, глядя на затвердевшее лицо командира группы, потом вышла и через минуту вернулась с Найтом.

— Итак, начнём. Кто вы, отважный господин Найт? Вы не человек, это заметно. Робот? Киборг? Ещё один пришелец? Говорите! Мы обязаны знать всё. Если хотите, чтобы мы продолжили сотрудничество, говорите всю правду.

Найт кивнул. Перевёл взгляд на Алину. Сказал:

— К сожалению, время, отведенное мне для оказания вам помощи, истекло. Прошу извинить, но я должен вас покинуть. Впрочем, надеюсь, что не навсегда.

В следующее мгновение его просто не оказалось там, где он только что стоял.

Все головы повернулись к Алине. Дочь полковника оглядела ждущие лица присутствующих. И заговорила — с трудом, как будто каждое слово ей приходилось изобретать заново и совершенно самостоятельно:

— Я не... собственно... Дело в том, что...

И вдруг слова потекли свободно, словно прорвало запруду:

— Полное информирование не в моей компетенции. На базе вы получите дополнительные сведения по данному вопросу... если командование сочтёт нужным. Эбрэхем Найт и в самом деле не человек. И не киборг. Он сотрудник Галактической контрольной комиссии, которая пытается добиться равновесия на Земле между всеми внешними... э-э... силами.

Ар Агор удовлетворённо кивнул. Всё шло, как и было задумано. Теперь настало время развить «тёмного» информатора в столь же бессознательного исполнителя.

— То есть как это? — поднял брови Горд. — Вы же утверждали, что ваша цель — не допустить никакого внешнего контроля! Ваша организация потому и называется «Триэн»: «Никого Над Нами! Ни «эмей», ни «ящеров»! А выходит, что есть ещё кто-то повыше — и над нами, и над ними?

— Они не вмешиваются в наши дела...

— Бросьте! Их присутствие — уже влияние. Что же получается? Мы стремимся избавиться от тех, а в результате — окажемся лицом к лицу с ещё более сильными?

Да, сейчас они выступили на нашей стороне вроде бы, помогли уничтожить Стурка. Но это из огня да в полымя, потому что они помогут нам избавиться от «ящеров» — и сами займут их место!

— К чему вы клоните?

— А вот к чему. Если мы и правда хотим избавиться от всех претендентов на контроль над Землёй, действовать нужно тактически грамотно. С этими «найтами» нам одним заведомо не справиться. Союзник необходим. Из двух зол выбирают меньшее. Тех, кого мы уже более или менее знаем, и знаем, как с ними бороться, судя хотя бы по этой нашей операции. Поскольку возникла новая угроза, более серьёзная, самое целесообразное сейчас — действовать не против «змей» и «ящеров», а совместно с ними — против «найтов». Так что необходимо довести это наше предложение до руководства «Триэн» как можно скорее. И всерьёз заняться новым противником.

Лицо Алины окаменело.

— Конечно, ваши мысли я доложу руководству. Хотя то, что мы узнали, слишком неожиданно.

— Мы требуем участия в принятии решения. И готовы начать поиски этой самой Контрольной комиссии, или как её там. Если надо — вместе с «ящерами».

— Мы можем отсюда связаться с... Сержем? — спросила Алина.

— Без проблем.

— Тогда устроим конференцию по связи. Немедленно.

Остальные согласно кивнули.

— Ну, как тебе? — спросил Ар Агор своего коллегу-шумарша, когда полная связь между их капсулами установилась прочно.

Тот усмехнулся:

— Боюсь, им придётся затратить много-много времени, чтобы отыскать меня... извини, мне следовало сказать — Найта. А также доказательства пребывания на Земле новой неизвестной силы. Третьей силы. Контрольной комиссии. Легко было справиться с девушки?

— Очень внушаема. Как и большинство людей, кстати. А доказательства деятельности этой комиссии люди будут получать время от времени — достаточно убедительные, хотя и косвенные.

Мы же, я думаю, вскоре получим возможность легализации здесь — в качестве союзников по борьбе с «третьей силой». Может быть, это даст нам наконец возможность несколько подтолкнуть их мысли и дела в нужном направлении. К их собственному спасению.

— И когда это начнёт получаться...

— Тогда мы здесь, совместно с людьми, одержим над «третьей силой» убедительную победу.

— И уйдём, оставляя здесь друзей, а не врагов. Нас просто отзовут. Земля — это ведь не единственная проблема в Галактике.

— Да. Но одна из самых серьёзных.

— Серьёзная проблема — само существование этого вида. Но Силы победят.

— Силы всегда побеждают.

— Но прежде всего — Слово.

— С которого всё началось...

— И с которым, вечно преображаясь, не закончится никогда.

Сергей Лукьяненко

И вот они идут на суд...*

Некоторые люди думают, то главное в законе — это справедливость. Наивные! Они, пожалуй, и от Бога ждут справедливости.

Я очень надеюсь, что с Богом все обстоит иначе. Он не спрavedлив (ох, тяжко бы нам всем пришлось), а милосерден. Закон, который есть Бог на Земле, по счастью, тоже не обязан быть спрavedливым. Он должен быть беспристрастным. И, худо-бедно, всю человеческую историю так оно и было. Когда кто прав, а кто виноват, решали вождь племени или совет мудрых маразматиков деревни, никакого порядка не было. Пучит вождю живот от тухлой мамонтятины — он и в своих суждениях звёрстует, за простую порчу перезрелой девственницы славному воину голову рубит. Глянулся старцам молодой охотник, отходивший жену дубинкой из сущеного крокодильего хвоста, вспомнили они своих жен — да и отпустили хулигана с миром. В другой раз, глядишь, у вождя настроение хорошее, у старцев плохое — и вот уже любвеобильный воин снова шарится по чужим пещерам, а тяжелый на руку охотник побит камнями и измазан обезьянями какашками. Короче, чего ждать преступнику — непонятно! А если нет последовательности, то и порядка нет.

Царь Хаммурапи, бог царей, западня врагов, ярый буйвол и носитель прочих громких прозвищ, этому беспределу положил конец. Его, конечно, гуманистом и в страшном сне не назовешь, да

* Взаимосвязан с рассказом Вадима Панова «Дипломатический вопрос». См. сборник «Убить Чужого».

и из наказаний он больше всего предпочитал лаконичное: «Такой человек должен быть убит».

Зато никаких вольностей!

«Если человек сделал пролом в дом другого человека, то перед этим проломом его следует убить».

«Если жена человека была схвачена лежащей с другим мужчиной, то их должно связать и бросить в воду. Если хозяин жены пощадит свою жену, то и царь пощадит своего раба».

«Если строитель построил человеку дом и свою работу сделал непрочно, а дом, который он построил, рухнул и убил хозяина, то этот строитель должен быть казнен...»

Сурово? Так и время было ой какое суровое! Мне так кажется, что подданные Хаммурапи тихонько роптали на излишнюю мягкость царских законов.

Справедливо? Ну, в общем-то, вполне справедливо. Некоторые законы прочитаешь, так прям и хочется возопить: «О, Хаммурапи, любимец Иштар, сильный как бегемот и мудрый как аист, о, как ты был прав!»

Но самое главное — беспристрастно. Никакой личной инициативы вождей и старцев. Дом поджог? В огонь. Чужую дочь обесчестил? Отдай ее папаше свою. Глаз соседу выбил? Будешь и сам одноглазым. Чужого раба убил? Заплати штраф. Каждый теперь знал, что и за что ему будет. С течением времени рабство вышло из моды. Как водится, те, кто побогаче и познатнее, все равно норовили считать окружающих рабами и откупаться, если случайно кого на дороге раздавят или чужую девственницу познают. В некоторых странах это у них получалось лучше, в некоторых хуже.

Потом, кроме как «убить», появилось множество других наказаний. Кончилось тем, что даже профессор, спаливший сиротский приют для одногоних слепцов с целью замера скорости бега слепых одногоних сироток, больше чем пятнадцать лет за решеткой не получал — что заставляет с тоской вспоминать Хаммурапи.

Но все-таки у закона оставалось главное — беспристрастность. Закон был один для всех, и наказание определял не обиженный, а судья, вооруженный сводом законов. Так было... пока первый контакт людей с иной цивилизацией, расой двиаров, не создал прецедент.

Контакт начался с трагедии. Корабль двиаров прилетел на Землю и повел себя так агрессивно и бесцеремонно, что местное ПВО нанесло по нему ракетный удар. Двиары в ответ испепелили огромный город, рядом с которым размещалась военная база. К какой идиот построил базу ПВО в пригороде — даже не спрашивайте: видимо, он считал, что ракеты — они вроде зенитных пушек и должны стоять поближе к городу.

Двиары, исходя из своих традиций и своих интересов, предложили людям самим судить капитана их корабля, который так неадекватно ответил на атаку (стоит ли говорить, что эти четыре ракеты квадрантному крейсеру второго ранга были как слону — дробинки). Причем судить предложили немногим уцелевшим жителям города (кажется, их было меньше десятка).

Ну, вы, конечно, всю эту историю знаете. Капитана покарали, на чем, кстати, сами двиарцы и настаивали — наши-то идиоты готовы были в приступе гуманомазохизма наградить его орденом и отпустить с миром. На месте города построили первый на Земле космодром (некоторые, конечно, бормотали, что это равнозначно постройке офиса Аль-Кайды на руинах Торгового центра в Нью-Йорке, но болтунам быстро заткнули рты), и человечество стало космической державой. Двиары выступили нашими опекунами и поручителями перед другими цивилизациями Вселенной. Мы теперь тоже более-менее развитые, летаем в другие миры, за-седаем в Звездной Ассамблее. В общем — сплошной Голливуд.

Но прецедент-то был создан.

Отныне и навсегда в межзвездных судах люди стали решать свои проблемы с другими расами согласно законам двиаров.

Обиженный — судил обидчика.

— Верочка, — сказал я. — Верунчик... Мне не нужен костюм. Спасибо, но не нужен.

Жена удивленно посмотрела на меня. Потом спросила:

— Смокинг?

— И смокинг не нужен. И фрак.

— У тебя же нет фрака...

Я вздохнул.

— А он и не нужен.

Если вы решили, что моя жена глуповата, то вы ошибаетесь. Она очень умная женщина. Просто сейчас она сильно волновалась. За меня. Я уже седьмой раз лечу на другую планету, но она всегда волнуется будто впервые.

— Понимаешь, — сказал я, — это же тироки. Их показывали на той неделе в «Клубе видеопутешествий».

— Метаморфы? — жена нахмурилась. — Помню... такой симпатичный юноша... Но он был в костюме и при галстуке.

— Потому что был на Земле в гостях. У себя дома они редко носят одежду. Пояс с карманами или перевязь... А в суде все обязаны быть голыми. Потому что тому, кто ищет правду, нечего скрывать.

— И ты будешь голым? — ужаснулась жена.

— Возможно, мне разрешат надеть шорты, — уклонился я от ответа. — Да какая разница? Они не люди.

— Но так похожи...

Тироки на кого угодно могут быть похожи. Единственное ограничение — чтобы это было белковое существо соизмеримой массы. У них даже пола нет. В размножении участвуют две особи, но это... — я помотал рукой в воздухе, пытаясь подобрать слова, — совершенно несексуальный процесс. Обмен генным материалом, причем контролируемый.

— А что там случилось? — Жена с сожалением извлекла из кофра костюм и повесила обратно в шкаф.

— Ну... какие-то проблемы с нашим туристом.

— Какие?

Ну вот зачем ей это?

— Лапочка, я пять лет учился в институте, а потом еще три года стажировался у двиаров, чтобы разбираться в космической юриспруденции...

— А ты мне популярно объясни, — сказала жена. — Ну, как для дурочки.

Я понял, что мне не отвертеться.

— У туриста возникли какие-то проблемы с местной простиуткой. Детали я узнаю только на месте, ты же знаешь, как посольство жмотится на межзвездной связи...

— С проституткой? — Вера подняла брови. — Ты же сам говорил... несексуальный процесс...

— Ну... и да и нет. Между собой — несексуальный. А если они принимают облик другой разумной расы, то могут заниматься с ней сексом.

— Зачем им это?

— Ну а зачем плотник строгает доски, программист долбит по клавишам, адвокат носится по Галактике?

— Я не знаю насчет плотников и программистов, но тебе явно нравится носиться за сто парсеков от дома.

— Вера, не сто, а четырнадцать парсеков. Совсем рядом. И не из удовольствия, а чтобы обеспечить семью.

Довод был из разряда запрещенных, но безотказных. А поскольку в этот раз я его ввернул к месту, то жена промолчала. Только спросила:

— И много туда летает наших туристов?

— Нет, конечно. Перелет очень дорогой.

— Ну да... кроме тех, кому перелет оплачивает государство, — невинно заметила жена.

— Не государство, хрен от него такого дождешься, а страховая компания.

— Хорошо, что с остальным ты согласен, — сказала Вера. — Положить тебе черные бермуды? Ты в них выглядишь очень секуально.

Да, да. Если вы не поняли — жена у меня ревнивая.

— Положи, — сказал я раздраженно.

— Хорошо. Свои туалетные принадлежности сам собери. Я не знаю, какой одеколон нравится... твоим тирокам.

— Почему «моим»?

— Ну, ты же с ними будешь в суде заседать. Раз уж на тебе не будет штанов, так пусть хоть запах от тебя идет приятный.

Ну и что тут скажешь в ответ?

Полет до родной планеты тироков (для человеческого уха название ее настолько неудобоваримо, что люди называют ее просто Тир) длился семь суток. Корабль был новый, комфортабельный,

даже во втором классе (жена всегда преувеличивает щедрость страховых компаний) у меня была отдельная маленькая каюта и крошечный душ. На командировочные особо не разгуляешься, к тому же семья, родные, друзья ждали непременных сувениров. Так что я не просиживал штаны в дорогих барах, не болтался в салонах, а скромно проводил время в своей каюте, покидая ее лишь на завтрак-обед-ужин и для занятий в маленьком спортзале. Спортзал был бесплатный и почти всегда пустой, лишь пара немецких пенсионеров накручивала круги на велотренажере или пыхтела под электродами миостимулятора.

Я предпочитал готовиться к процессу.

Если вдуматься, то моя жена задала очень правильный вопрос. Какие же проблемы могли возникнуть у туриста — звали его, кстати, Рено Легран — при общении с тирокской проституткой? Он ее изнасиловал каким-нибудь особо извращенным образом? Пардон, но как можно извращенно поиметь амебу? (Я понимаю, что они не амебы, но как еще их называть, если в «межвидовом цикле», превращаясь из одной формы в другую, они выглядят как студенистый комок слизи?) Побил? Опять же чушь. Любые раны тироки залечивают мгновенно, боль умеют отключать. Изрядную долю их клиентов, вероятно, составляют именно садисты.

По сути дела, даже убить тирока было не столь уж просто. Конечно, принимая облик какого-то существа, они копировали его полностью, не только внешне. И, теоретически, приобретали все те же слабые места, что и у объекта копирования. Но и запустить обратный процесс тироки могли быстро, так что убивать их надо было как мультишных монстров — отрубая голову.

Да и речь об убийстве не шла... Я хмуро прочитал телеграмму: «ПЗ Р. Легран ОТП СП».

Подданный Земли.

Особо тяжкое преступление. Но не убийство — было бы просто «У».

На сексуальной почве.

Экономят на буквах, блин! Межзвездная связь мгновенна, но каждый бит информации стоит огромных денег...

Что же он мог натворить, этот затейник-француз?

Воображение нарисовало мне какую-то немыслимую оргию в духе маркиза де Сада. Я фыркнул. Убийства нет! А членовредительства и пытки не могут беспокоить существо, способное отключить боль и отрастить утраченные конечности.

Я достал свой планшет и взялся за досье, подготовленное страховой компанией при посредстве Интерпола и французской полиции.

Вполне симпатичный человек лет тридцати от роду. Не женат. Но подружки постоянно наличествовали. Никаких намеков на садистские, некрофильские, зоофильские, педофильские, да хоть бы гомосексуальные наклонности. Никаких! Рене Легран в сексуальном плане был банален, как миссионерская поза, и скучен, как секс после сорока лет супружества. Половую жизнь он начал чуть ли не в двадцать. Вершиной его разврата был период, когда у него имелось сразу две любовницы. Заметьте — не две любовницы в одной постели, а две, с которыми он встречался по очереди!

Аж слеза прошибает! И такой образцовый гражданин, по недоразумению до сих пор не женившийся, покупает очень дорогой двухмесячный тур на Тир и обвиняется в ОТП!

Кстати, откуда у него такие деньги? В лотерею выиграл?

Я некоторое время изучал финансовый раздел. Да нет... не выиграл. Копил. Работал как проклятый. Такое ощущение, что уже лет десять как копил...

В досье даже были фотографии его подружек — пять или шесть. Я просмотрел их, надеясь, что хоть симпатичные мордашки наведут меня на след истины.

Увы. Очень милые девушки. Но никакого намека на странности Леграна в них не было.

Разве что...

Я вывел все фотографии на одну страницу и посмотрел внимательнее.

А ведь верно!

Они все были похожи. Темные коротко стриженные волосы, высокий лоб. Одинаковый овал лица. Похожие глаза — миндалевидные, чуть восточные, хотя больше ничего восточного в лице нет.

Когда я разглядывал фотографии поодиночке, они казались не слишком похожими. А вот сейчас сходство было несомненным.

Я задумчиво поводил пальцем по досье, сводя все фотографии воедино. Скомандовал.

— Смешать!

Возникла одна фотография. Планшет у меня не самый мощный, но программы я стараюсь ставить качественные. Вполне гармоничное, даже красивое лицо. И смутно знакомое.

— Провести опознание.

Планшет поморгал огоньками, цепляясь к корабельной сети. И буквально через несколько секунд выдал: «С вероятностью 90% — Одри Хепберн, актриса англо-голландского происхождения, родилась в Бельгии (см. в рубрике «Все государства прошлого») в 1929 году, умерла в Швейцарии в 1993 году от рака (см. в рубрике «Все болезни прошлого»). Подробнее?»

Еще семь процентов вероятности планшет отдал русской актрисе Наталье Гусевой, а три — какому-то старому американскому певцу.

Так вот в чем твоя тайна, Рене Легран!

Я почувствовал себя так неловко, будто прочитал чужие интимные письма, полные нежности и искренних чувств. Потенциальный извращенец и злодей, ловко таящийся под маской добродорядочного гражданина, исчез. А вместо него возник персонаж мелодрамы... в которых как раз блистала Одри Хепберн.

Умерла в 1993 году. Символично, Рене как раз в этом году родился.

Вырос — и полюбил женщину, умершую до его рождения.

Что ж, можно было не сомневаться, что именно он захотел на Тире. Встретиться с Одри Хепберн. Провести с ней два месяца невозможного в природе счастья.

Теперь осталось понять, что же он совершил...

Три следующих дня я разбирался в законах тироков. Их русского или английского перевода не было, машинному переводу я не доверял — слишком много нюансов, которые компьютер легко мог перевести с точностью до наоборот.

Поэтому я, морща лоб и вспоминая годы стажировки, читал дзиарский вариант Уголовного кодекса планеты Тир.

В общем-то ничего особо необычного в нем не было.

Преступления против собственности, то есть воровство — в разных формах. Забавным было разве что «воровство чужой запатентованной или общепринятой внешности», с отягощением в виде «воровства генетического кода». Тут я на время отвлекся на биологические справочники и вскоре впал в задумчивость. Тироки действительно меняли не только внешнее и внутреннее строение организма, они перестраивали даже свой генетический код!

Я знал, конечно, что все разумные расы Галактики восходят к одному давно исчезнувшему прародителю (оптимисты считали, что он не исчез, а затаился, пессимисты, как ни странно, придерживались того же мнения). Но генотипы разных рас, конечно, все-таки разнились сильнее, чем у человека и, к примеру, белой мышки.

Был свой уникальный генотип и у тироков. Но во время превращения в иную форму тироки могли либо копировать внешнее и внутреннее строение (это называлось метаморфозом первого рода), либо создать у себя вторую структуру ДНК! Полнотью соответствовать объекту копирования — это и было метаморфозом второго рода. Собственное ДНК тироков при этом оставалось в клетках, но было неактивным, дремлющим.

Об этом я, если честно, не знал. Двести разумных рас — и у каждой что-то свое, особенное...

Преступления против личности у тироков тоже были привычные. Убийство, причинение телесных повреждений, потребовавшее длительного восстановления и так далее. Здесь единственным оригинальным моментом было «закрепление образа» — действия, направленные на удержание тирока в том или ином облике, совершенные против его явно высказанного желания, связанные с насилием, угрозами или обманом.

Я задумался.

Интуиция подсказывала мне, что преступление Рене Леграна крылось где-то здесь. Именно в этих двух особенностях — способности дублировать чужой генетический код (его не удовлетворила бы внешняя копия Одри, ему нужен был точный дубликат!) и «закреплением образа» (ему не хватит двух месяцев, ему нужна вся жизнь!).

Снова порывшись в досье, я ничуть не удивился, наткнувшись на упоминание о том, что на каком-то аукционе Рене приобрел «медальон с прядью волос известной актрисы». В досье имя не упоминалось, за что я собирался по возвращении высказать компании свои претензии. Но в общем-то я не сомневался — тирокской путане была выдана не только фотография актрисы, но и образец ее ДНК.

И фильмы с Одри Хепберн, очевидно. И мемуары. И аудиозаписи.

Рене все-таки был маньяком — сентиментальным, романтичным, но абсолютно зацикленным на одной идее.

Что же он натворил...

Но это я понял только по прилете, приехав на прием к земному консулу.

В быту тироки придерживались вполне человекообразного вида. Как я понимаю, из удобства: две ноги — это вполне достаточно для передвижения, две руки — для работы, два глаза и два уха — для качественного зрения и слуха. Даже волосы в какой-то мере были ими востребованы: пышная, курчавая шевелюра, напоминающая негритянскую, служила не то дополнительной защитой головы, не то термоэкраном — местное солнце было жарким.

Между ними даже были отличия по росту и комплекции, а совсем чуть-чуть — и по деталям лица. Но в целом они были так похожи, что напоминали не то клонов, не то несчастных обитателей насквозь тоталитарного общества, стремящихся выглядеть одинаково.

Еще они были бесполыми.

Пренебрежение одеждой позволяло ясно разглядеть ту зону, которую стараются скрыть даже расы, никак не табуирующие секс (процесс дефекации так или иначе считается «грязным» у всех рас — этого требует обычная чистоплотность). Хрюны с планеты Мелмот очень любят спариваться и проделывают это раз пять на день, причем у всех на виду и с незнакомыми особями (вполне хорошим тоном у них является подключение прохожих к

процессу или хотя бы одобрительные возгласы и жесты). Но штаны они носят.

Тирокам в штанах нужды не было, поскольку между ног у них была гладкая кожа, как у пластикового пупса для маленьких детей. Ничего не было спереди. Ничего не было и сзади, между аккуратных, функционально удобных для длительного сидения ягодиц.

Конечно, выводить из организма отходы жизнедеятельности требовалось и тирокам. И делали они это вполне деликатно, уединенно, в туалетных кабинках, которыми мог при желании и небольшой споровке воспользоваться человек.

Вот только все необходимые для этого отверстия тироки каждый раз создавали заново, а по завершении процесса заращивали. Интересный подход к гигиене, верно? Ну, на мой взгляд не интереснее шлампов с Бортучи, чье пищеварение настолько совершиенно, что экскременты выделяются примерно раз в год, в виде аккуратной, твердой, практически каменной капсулы. Разумеется, эти капсулы не разлагаются, не воняют и выглядят очень красиво. Шлампы обычно выставляют свои капсулы на видном месте в доме. При постройке нового жилища принято замуровать несколько в основание стен. При заключении брака — обменяться на память. Могут подарить такую капсулу и другу, что является знаком совсем уж дружеских и добросердечных отношений. Ах, если бы старик Фрейд мог ожить и посетить Бортучи! Сколько нового он внес бы в теорию психоанализа!

Но я отвлекся.

Итак, я шел по космопорту в поисках своего встречающего, работающего в земном консульстве. А вокруг меня мельтешили голые гуманоиды, похожие на ожившие пластиковые игрушки. Отсутствие явно видимых гениталий заставляло подсознательно относить их к женскому полу, но плоская грудь опровергала иллюзию. Пупсы, клоны, биороботы — и никак иначе. Увидела бы их Вера — поняла бы всю нелепость своей ревности. Даже надувная женщина из секс-шопа куда привлекательнее!

Наконец я увидел впереди девушку земной наружности с плашом. Надпись на русском языке (мелочь а приятно) гласила: «АДВОКАТ ВАСИЛИЙ».

Это встречали меня.

Среди толпы бесполых гуманоидов девушка выглядела особенно привлекательно. Черные волосы, зеленые глаза. Стойная, длинноногая. Лет двадцать пять, наверное. И одета вполне сексуально — мини-юбка, белая блузка с расстегнутой верхней пуговкой. Симпатична, привлекательна, осознает это...

Эх... Наверняка, любовница посла. Вряд ли жена или дочь. Скорее — практикантка.

— Привет! — я помахал ей рукой.

— Привет! — радостно отозвалась она. — Василий?

— Просто Вася, — улыбнулся я.

— Тогда я — просто Таня. Вы получили багаж?

Я стукнул мыском ноги свой верный чемодан.

— Да, конечно. Надеюсь, местные его не сильно распотрошили

— Что вы, это совершенно не принято...

Я пошел вслед за Таней к выходу. Эскалатор — обычный, стадомодный. Капсула монорельса, которая за три минуты вывезла нас от космопорта в «безопасную зону», где располагался автовокзал и стоянка легковых машин. Вокруг мельтешили местные, что заставляло меня придерживать язык — эти метаморфы вроде как обладали очень хорошими лингвистическими способностями.

Наконец мы оказались в машине — местной марки, но довольно удобной и для человека. Что-то не слишком роскошно — земное консульство, конечно же, жило небогато. Но и то хлеб.

— Пристегнитесь, — посоветовала Таня. И с места рванула машину — мимо турникетов, по спирали пандуса, по разгонной дорожке — в мчащийся по автостраде поток.

— Замечательно водите! — косясь на приборную доску, сказал я. Если то, что я вижу, — спидометр, то мы делаем почти две-сти километров. И никакого автопилота. Ах, молодец, девчонка! На чужой планете, на чужой машине!

— Я захватил черного хлеба, — похвастался я. — Коньяк. А еще селедку и зеленые яблочки.

Всегда полезно перед полетом на другую планету позвонить в МИД и узнать — неофициально, конечно, — по каким продуктам больше всего тоскует земной консул. И необременительно, и человеку вдали от дома облегчение.

— Консул будет очень рад! — откликнулась Таня.

— Леграну я привез его любимый сыр, — продолжил я. — И бутылочку французского вина.

— До завтра долежит? — поинтересовалась девушка.

— Конечно! Что ему сделается... только запашистее станет.

— Ну вот и хорошо, — рассудила Таня. — Суд завтра в обед, а казнят обычно поутру, на свежую голову. Рене сможет хорошо поужинать напоследок.

Я даже закашлялся от неожиданности.

— Что ты... что вы... Таня, ну нельзя же так пессимистично! Я приложу все старания, чтобы Рене оправдали... ну, по крайней мере — не осудили на смерть! Это варварство, на многих планетах вообще нет смертной казни!

— А у нас есть. И я считаю, что гуманизм тут неоправдан... его поступок отвратителен. Такие негодяи не вправе жить!

Секунду я размышлял о причудах гендерной солидарности, которая перевешивает даже видовую.

Потом в сознании всплыла показавшаяся чем-то неправильной фраза: «А у нас есть».

— Ганя, так вы что... местная?

— Конечно.

— Вы тирианка?

Таня засмеялась.

— Ну конечно! Консул — единственный человек в земном представительстве.

Сказать, что я был унижен, — ничего не сказать.

Ладно, бог с ними, с не слишком вежливыми фразами о местных. Ничего совсем уж оскорбительного я не сказал. К счастью.

Меня ужаснуло то, что я не узнал в ней чужую.

Она выглядела как женщина. Пахла как женщина. Была привлекательна, эмоциональна... в ней был шарм, если хотите.

— Скажите, Таня, если это не противоречит местным обычаям... если да, то прошу извинить и считать вопрос непроизнесенным... у вас метаморфоз первого или второго рода?

— Чуть-чуть неприлично. — Таня усмехнулась. — Но лишь чуть-чуть. У меня первого рода, я не меняла структуру ДНК.

— А... жертва Леграна? Второго?

— Да, конечно.

Наверное, имело смысл сразу расспросить ее о деталях. Но меня сейчас заботило другое.

— Скажите, Таня, какова ваша должность?

— Кооптированный советник.

— Как я понимаю, вы обязаны отстаивать позицию консульства?

— Конечно. Даже если она противоречит интересам Тира.

— Так почему же вы...

— Вася, — проникновенно сказала Таня. — Как официальное лицо, я требую немедленно освободить Рене Леграна. И я приложу к тому все свои силы и умения. Советом, делом, да чем угодно — я буду биться за его интересы. Не сомневайтесь. Но вот как частное лицо, просто в разговоре с вами, я скажу свое личное мнение — Рене скотина, это раз. Его надо казнить, это два. И его казнят, это три.

— Ну, это мы еще посмотрим, — пробормотал я.

Ох как плохо!

Все понимают, что невозможно всегда выигрывать судебные процессы. Тем более — в иных мирах. Это только книжный адвокат Перри Мейсон не знает поражений...

У меня случались неудачи, пусть и не очень частые. Но никогда еще ценой не была жизнь человека. Последние два года у меня все было очень хорошо. Процессы я выигрывал, репутация моя улучшалась.

Если Рене сохранят жизнь — мою карьеру ждет головокружительный взлет. Место штатного советника в МИДе, выгодные предложения, должность заведующего кафедрой в юридической академии. Это наверняка.

Если его казнят...

Нет, ничего совсем уж ужасного со мной не случится. Все поймут, что я бился за клиента как мог. Но ближайшие годы мне предстоит вновь мотаться по Галактике, восстанавливая репутацию. И не факт, что это удастся... смерть подзащитного вдали от дома навсегда будет темным пятном моей биографии.

До консульства мы доехали в молчании.

* * *

— Обожаю коньяк, — сказал консул. — Конечно, у нас тут есть и лавочка экзотических товаров, и некоторые местные напитки... Но коньяк — его ни с чем не сравнить!

Я к коньяку отношусь спокойно. Я больше по виски. Или водки с друзьями накатить. Но из вежливости я кивал, и даже нацедил себе грамм двадцать «Мартеля». Из вежливости, чтобы консул мог радостно предаться невинному пороку.

Звали его Якоб Фортаун, родом он был из Голландии. Лет пятьдесят, невысокий, не то чтобы толстый, но рыхленький, какой-то весь мятый. Тоненькие усики смотрелись несколько комично. А еще на лице были заметны царапины — бриться он, что ли, не умеет? Или так ручки по утрам трясутся?

Но ничего не поделаешь.

— Скажите, консул, что именно стряслось с Рене?

— О, вы до сих пор не в курсе? — оживился консул. — Пренеприятнейшая история... Этот французик был влюблен в давным-давно умершую великую актрису...

— Одри Хепберн, — кивнул я. — Я догадался по фотографиям его подружек.

— Именно. И вот обуяла его мечта — встретить свою любовь наяву. Скопил денег, прилетел на Тир... обычное дело.

— Серьезно? Я-то полагал, сюда в основном всякие педофилы и садисты едут...

— Что вы, что вы... Педофилы возвращаются жутко разочарованные. Ну превратится тирок в маленькую девочку или мальчика. И что? Вес-то у них стандартный, семьдесят-восемьдесят килограммов. И если их втиснуть в меньший объем, то иллюзия будет только внешняя. От этого факта не уйдешь. «Такое ощущение, что меня жестоко обманули», — жаловался тут один... Садистам тоже радости мало. Тироки же боли не испытывают. «Как резиновую куклу плетью порю!»

Судя по хорошо поставленным интонациям, консул любил порассказывать про страдания обломавшихся извращенцев.

— Так кто ж сюда едет? — растерялся я.

— В основном страдальцы, отвергнутые объектом своей любви или разминувшиеся с ним во времени, — объяснил консул.

Ну вот. Ожидал увидеть на Тире гнездо порока, а тут какая-то скорбильня меланхоликов и неврастеников...

В камине весело потрескивал огонь. Консул смаковал коньяк. Я размышлял о несовершенстве дедуктивного метода.

— Так и что натворил Рене?

— Он обратился в одно из агентств. Ему порекомендовали опытного специалиста... будем говорить «ее», хотя тироки бесполы. Она посмотрела записи, почитала биографию и воспоминания об Одри. Скопировала с волоска актисы ее генный код. Превратилась в нее. Полный метаморфоз, второго рода, достаточно дорогое удовольствие... Я видел потом их вместе с Рене — замечательная пара, между прочим! Ну, прошел месяц... полтора... И тут разразился скандал.

— Ну? — не выдержал я.

— Она забеременела от Рене!

— Как... — я поперхнулся коньяком. — Что... серьезно... это возможно?

— Угу. При метаморфозе второго рода. Бедная проститутка... хотя публично так называть ее не стоит, эта работа у тироков называется «дублер желаний»... она так рыдала! Она была в полном шоке!

— Ну почему? Если они могут управлять своим телом, то что ей стоит... ну... была беременность — и рассосалась!

— Вы только им такого не скажите! — нахмурился консул. — Это же убийство! С их точки зрения зародыш — уже полноценный человек. Рассосалась... ну вы скажете, Вася!

— Я рад их высокой морали, — сказал я. — А почему тогда Рене хотят казнить?

— Закрепление образа. Нашей несчастной Одри придется еще восемь месяцев провести в человеческом образе, вынашивая ребенка. Лишь после того, как девочка родится...

— Уже известен пол?

— Конечно. Так вот, лишь после ее рождения Одри сможет вернуться в свою нейтральную форму и продолжить работать по специальности. Если сможет, конечно... такой большой срок может вызвать серьезные проблемы со способностью к метаморфозам. Тириане уверяют, что многие после полугодового пребыва-

ния в метаморфозе второго рода лишаются способности преобразяться!

— Ну и дела... — пробормотал я.

— А еще проблемы — куда девать дите... она же родится человеком!

— Ну так пусть родит, отдаст папаше, тот и воспитает, — сказал я. — Зачем убивать-то несчастного? Это ведь случайность, что она забеременела!

— Если бы! — консул патетически воздел руки. Налил себе еще коньяка. — Ах, если бы... Все бы обошлось. Но этот идиот признался, что специально пренебрег предохранением, чтобы копия его любимой забеременела!

— Зачем? Хотел от нее ребенка?

— Разве что во вторую очередь. А в первую — как раз таки надеялся, что через девять месяцев тирианка утратит способность к метаморфозу, навсегда останется Одри и уедет с ним на Землю. Так что — состав преступления налицо. Сознательное, злонамеренное, обманное удержание в облике, сопряженное с использованием или неиспользованием технических средств...

— Каких средств?

— Презерватив он проколол, — буркнул консул.

— И сознался?

— Да. Более того — похвалялся своей изобретательностью. В общем, по меркам тироков это... — консул задумался.

— Ну, вроде того случая на Земле, когда в епископа отложил яйца нуар-кху, — подсказал я.

— Во-во! Именно так. Циничное, злобное, коварное преступление, оскорбляющее местную нравственность и обычай.

— Ну я и попал... — прошептал я. — Где его держат?

— В тюрьме, конечно. Вас к нему пустят только перед самым судом, таковы правила.

— А пострадавшая?

— Скрывается от позора в домике, который они арендовали на эти два месяца. Это на побережье, час лета... я могу попросить Танечку вас подбросить.

— Спасибо. — Я кивнул, вставая. — Скажите, а где можно... вымыть руки.

— Вот в эту дверь и налево, — после секундного колебания сказал консул. Мне показалось, что он занервничал. — Вас проводить?

— Да нет, не стоит... У вас же стандартное здание консульства?

Я вышел в указанную дверь. Двинулся по коридору. Направо должна быть кухня, а налево — туалетная комната...

Уже взявшись за ручку двери, я почувствовал за спиной, в полутемной кухне, движение. Мягкое, плавное движение...

Так, господин консул...

Я повернулся, в полной уверенности, что увижу какую-нибудь смазливую нимфетку в коротеньком платьице или вообще без оного.

На кухне, слабо освещенный светом из окна, стоял на задних лапах поджарый пятнистый леопард. Нет, наверное, все-таки леопардиха. На кончике длинного хвоста был повязан кокетливый бантик. Леопард застыл, склонившись над стоящей на плитке кастрюлей. В одной лапе он держал крышку, во второй — большой кусок вареного мяса, с налипшей на него морковкой и лапшой.

— Добрый вечер, — сказал я.

Мясо шлепнулось обратно в кастрюлю.

— Добрый... — промурлыкала леопардиха. — Я вас не напугала?

— Да нет, что вы, — ответил я. — Чего-то подобного... Вы кушайте, я только руки помыть.

— Не говорите Якубу, что я ела прямо из кастрюли.

— Конечно. Что ж я, зверь, что ли?

Леопардиха одарила меня клыкастой улыбкой и снова запустила лапу в кастрюлю.

А я пошел в туалет.

Вот чего мне на Земле не хватает — это флаеров. Летающих машин, одним словом. Конечно, у полиции они имеются, ну и у богачей — зарегистрированные обычно как «санитарное транспортное средство компании». А чтобы частному лицу купить фла-

ер и полетать в свое удовольствие — ни-ни. Говорят, что для этого Земля еще недостаточно компьютеризирована и навигационно освоена...

Таня вела флаер легко, с понятной мне теперь сноровкой. Под нами проплывали города, поселки, дороги... Временами наш курс пересекали или некоторое время летели рядом такие же каплевидные летательные аппараты.

— Вы не подумайте, что мы жестокие, — сказала Таня уже незадолго до посадки. — Я понимаю, вы расстроены судьбой своего клиента...

— Но? — уточнил я.

— Но метаморфоз — это основа всей нашей цивилизации, нашей культуры, обычаяев... веры, если хотите. Вот представьте, на Землю прилетит чужой, и ради своих целей кого-то из людей ослепит, оглушит и лишит подвижности.

— Это другое, — сказал я, размышляя, можно ли процесс лишения слуха охарактеризовать словом «оглушит».

— Почему же? Для нас метаморфоз столь же важен, как для вас слух, зрение и подвижность.

— Но еще не факт, что... э... она...

— Да зовите уж ее просто Одри.

— Не факт, что Одри навсегда лишилась метаморфоза. Может быть, попросить отсрочки приговора? Пусть после... э... родов она проверит и уж потом принимает решение.

— Вряд ли. — Таня покачала головой. — Чем дольше она пребывает в человеческом теле, тем сильнее проникается человеческим образом мышления, человеческими ценностями. Через восемь месяцев она признает Рене невиновным. У нас есть какой-то специальный термин для таких случаев, когда жертва проникается интересами преступника, удерживающего ее в образе.

— У нас тоже, как ни странно, — согласился я. — Стокгольмский синдром. Это когда жертвы похищения начинают защищать похитителя.

— Вот видите? Кто же в здравом уме позволит Одри выносить приговор через восемь месяцев? Она жертва, жертва маньяка. И тот факт, что маньяк уже за решеткой, ничего не меняет — она остается жертвой и все больше проникается его интересами.

— Но ведь тут замешана любовь, — сказал я. — Понимаете, он пошел на преступление ради великой и безнадежной любви... наша культурная парадигма всегда...

— Представьте, что прилетит к вам чужой, начнет сожительствовать с малолетней, та от него родит — и что, его оставят на свободе? Если даже он станет говорить про свою великую любовь и свою культурную парадигму?

— Да понял я, понял, — пробормотал я. — Нет, конечно. Итак, суд казнит Рене. А Одри — она обязательно назовет его виновным?

Таня помолчала. Потом спросила с заметным раздражением:

— Вы, как я понимаю, надеетесь на то, что ваш «стокгольмский синдром» уже действует?

— Если честно, то да. Я же адвокат. Я обязан защищать клиента. Даже если он неправ. Тем более, — не удержался я, — что с человеческой точки зрения его преступление вовсе не так ужасно.

— Сложный вопрос, — сказала Таня. — Одри уже полтора месяца в метаморфозе второго рода. Я как-то провела два месяца подряд в качестве советника при посольстве ипсов. Так вы не поверите, до сих пор при запахе сероводорода — ностальгическая улыбка на лице и желание пораженно полежать в кустах, глядя на звезды!

— О! — сказал я, хотя и не был знаком с культурой ипсов, ролью в этой культуре сероводорода и пораженного созерцания звезд из кустов.

— Она, полагаю, на уровне инстинктов и эмоций разделяет точку зрения Рене, — сказала Таня. — Что есть, то есть. Тем более беременность — она ведь и земным женщинам крышу сносит, так? А Одри сейчас в какой-то мере обычная беременная земная баба.

— Так значит...

— Ничего это не значит! — рассердилась Таня. — Разум она сохранила. Она понимает, что произошло. И не даст инстинктам взять над собой верх. Если хотите ее переубедить — переубеждайте на логическом уровне. Это должен быть поединок разумов.

Она замолчала, потому что надо было вести флаер на посадку. Но едва мы коснулись земли, не удержалась от ехидной реплики:

— Но учтите, что средний тирианец значительно умнее среднего человека. Это общеизвестно.

— Я не средний, — гордо сказал я. Но на душе у меня стало совсем кисло. Адвокат сражается не на поле логики, если честно. Оружие адвоката — эмоции, сомнения, толкование поступков с разных точек зрения, даже самых невероятных.

Выбравшись из флаера, я огляделся. Мы опустились на пустынном скалистом морском берегу. Недалеко от берега стоял небольшой уютный коттедж, рядом с ним — садик вполне земного вида. Море слегка штормило, на горизонте солнце сползло за горизонт. Мы летели на восток и догнали закат...

— Я постараюсь не задерживаться, — печально сказал я. — Надеюсь... надеюсь, она хотя бы захочет со мной говорить...

Пройдя через садик, я постучался в дверь коттеджа. Тишина. Может, Одри и нет дома? Или утопилась с горя... кто их знает, этих беременных инопланетянок с раздираемым эмоциями и логикой сознанием?

Я обошел коттедж.

И со стороны, обращенной к морю, на застекленной веранде увидел сидящую в плетеном кресле женщину. Она что-то вязала.

— Одри? — позвал я. — Могу ли я так вас называть?

Женщина подняла голову, сняла большие темные очки. Посмотрела на меня, кивнула:

— Ну почему же нет? Я полтора месяца откликаюсь на это имя, глупо было бы... Проходите. Садитесь. В кувшине морс, он вкусный.

Чувствуя себя скотиной и дураком одновременно, я сел напротив тирианки, стараясь не смотреть ей на животик — хотя что там можно было углядеть-то, на таком сроке... Одри была одета в маленькое платье без рукавов, на ногах босоножки. Короткая простая стрижка, никакого макияжа и украшений. И с какой стати кто-то от нее сходит с ума?

Она улыбнулась и посмотрела мне в глаза.

И я сделал ошибку — тоже посмотрел ей в глаза.

Через мгновение я понял, почему она была знаменитой, почему Рене всю свою жизнь о ней мечтал и почему я одновременно и благодарен французу — и готов на кусочки его разорвать.

У нее были особенные глаза. Особенный взгляд. К ней тянуло не сексуально — если честно, то Таня была куда сексуальнее, да и моя Верочка, если захочет, умеет так себя подать... Ее хотелось любить. Обнимать. Шептать на ушко какие-нибудь возвышенные глупости. Защищать от дождя, ветра, других мужчин. Свернуться калачиком на коврике у дверей.

— Скажите, я правильно вяжу? — спросила Одри.

— Что... чего? — я уставился на ее вязание.

Одри подняла спицы.

— Пинетки, — пояснила она. — Для маленькой. Как вы думаете, хорошо получаются?

— Пальцы обычно не вывязывают... — придушиенно сказал я. — Но хорошо, очень хорошо...

Она невозмутимо продолжила вязать. Потом спросила:

— Вы ведь Вася? Адвокат с Земли, будете защищать Рене...

— Да... я вот... пришел к вам... — Я глупо развел руками.

— Я желаю вам удачи, — сказала Одри. — Так хочется, чтобы вы что-нибудь придумали.

— Чего? — ох, не удастся мне произвести на нее впечатление человека, хоть сколько-нибудь близкого тирокам по интеллекту. — Так вы не хотите, чтобы его казнили?

— Нет, конечно. — Она задумчиво вывязывала на крошечной пинетке крошечный пупырышек для мизинца. — Он же отец Натали... мы решили назвать ее Натали, красиво, да?

— Но тогда все замечательно! — Я воспрял духом.

— Почему? За его преступление одно наказание — смертная казнь.

— Одри, но мы ведь действуем в правовом поле двиаров! Вы, как пострадавшая сторона, должны вынести вердикт «виновен» или «невиновен»! И если скажете «невиновен», то на законы нам... плевать нам на них!

Одри вздохнула и печально посмотрела на меня — так, что сердце сжалось, замерло, а потом заколотилось как бешеное.

— Вася! Ну как же я могу так сказать? Он виновен. Я это знаю. Я не буду врать. Я только не хочу, чтобы его... его...

По щекам Одри покатились слезы. Она уронила вязание и запрыдала.

— Не плачьте! Пожалуйста, не плачьте! — Я вытащил из кармана носовой платок — тыфу ты, проклятый адаптационный насморк. К счастью, кувшин с морсом стоял на кружевной белой салфетке. Я выдернул ее из-под кувшина и, встав перед Одри на колени (и четко понимая, что это один из самых, если не самый великий миг моей жизни) принялся вытирая ей слезы.

— Простите... простите меня... — Одри собралась с силами. — Я последнюю неделю стала такая дуреха... все реву, реву... Хотите морса? Сама делала.

Я выпил морса, чтобы ее порадовать и потому, что она сама его делала. Я стал убеждать ее признать Рене невиновным — чем вызвал новый шквал слез. Я снова вытирая ей слезы и даже начал лепетать нечто очень сомнительного свойства: если не получится спасти Рене, то я... чего я?

Я толком и сам не знал, чего. Да все, что угодно!

Спасла меня Таня. Она появилась на веранде и приветливо сказала:

— Добрый вечер Скью-ую-кью...

Кажется, они были раньше знакомы — потому что обменялись несколькими фразами на свистящем языке тироков. Потом Таня сказала:

— Нам надо возвращаться, Вася. Одри так расстроена, что вряд ли сможет чем-то вам помочь.

Уже когда мы садились во флаер, Одри выбежала из сада, трогательно прижимая к животу руки с вязанием. И громко крикнула:

— Спасите его, Вася! Прошу вас!

— Несчастная... — прошептала Таня, поднимая флаер с земли.

Весь вечер я провел в гостиничном номере, обложившись законами, подзаконными актами, уложениями, постановлениями, примечаниями, разъяснениями и комментариями.

Никакой лазейки не было.

По законам тироков преступление Рене каралось смертью.

Единственный шанс заключался в том, что нас судили по законам двиаров и Одри должна была вынести вердикт «виновен»-

«невиновен». Но Одри свою позицию изложила ясно — значит, и этого шанса не было.

Уже за полночь я выкинул в мусорную корзину все распечатки, выключил планшет, откупорил припасенную в «дьюти-фри» бутыль виски и заказал в номер ведерко льда.

Законы не помогли. Значит, надо было включать мозги. Пусть не такие совершенные, как у тироков, но все-таки имеющиеся в наличии.

Камень преткновения — младе... да что я несу! Какой еще младенец! Эмбрион, зародыш. Но для тироков — пусть нам будет стыдно — это уже полноценное разумное существо...

А если все-таки убедить Одри сделать аборт? Какой-нибудь медикаментозный, быстрый... там же срок совсем небольшой...

Я подумал об этом еще несколько минут. И мне самому стало стыдно. И за себя, и за человечество. Что я вообще всерьез рассматриваю этот выход. Что отказываю будущему человеку... а человек ли он?

По гостиничному видеофону позвонил Таня. Та безропотно включила связь, продемонстрировав мне узенькую девичью постельку и выбившуюся из ночной сорочки высокую грудь. Деликатно прикрывая рот при зевках, она ответила на все мои вопросы.

Консультация меня ничем не утешила. Дите — эта самая предполагаемая Натали Легран — будет человеком. Даже без примеси тирокских чудо-генов.

Я извинился за звонок и пообещал больше ночью Таню не тревожить.

Итак — младенец неустраним. Он родится в свой срок.

Одри не переубедить. Рыдая от горя, она признает Рене виновным.

Судей не переспоришь, даже если и не хотят портить отношения с Землей. Спускать преступление Рене на тормозах — подрывать основы собственного общества.

Что же остается?

Закон есть закон... Суров закон, но это закон...

Я плюснул себе чистого вискаря, выпил залпом.

Как-то я неверно думаю.

Лучше так: закон — что дышло, куда повернул, туда и вышло.

Надо обратить против тироков саму основу их правосудия и морали. Надо... надо...

И тут меня осенило!

Идея была настолько неожиданной и при этом такой простой, что я подпрыгнул на месте и завопил от восторга.

Кажется, мы их переубедим.

Более того — мы их так переубедим, что и волки будут сыты, и овцы целы!

— Только для тебя, Одри, — прошептал я, глядя в окно, предположительно — в сторону побережья. — Только для тебя, родная... я спасу этого сукиного сына...

Есть миры, где суду и судебным процедурам придается огромное значение. Там строятся Дворцы правосудия, одежда судей преисполнена торжественной архаичности, слова приговора чеканны и звучны... Это, к примеру, Земля и Двиар.

Есть и такие, где общество старается словно бы спрятаться от печального факта судебной деятельности. Судей там выбирают на один раз и скрывают их имена — ибо судить, это не менее позорно, чем быть судимым. Здания, где идут заседания суда, строят на пустырях — а потом сжигают. Это, к примеру, Хант и Ритти-Ро.

А тироки к правосудию относились спокойно и нейтрально. По деловому. Нужен суд? Значит, он есть, аккурат между типографией и офисом транспортной конторы. Нужны судьи? Будет такая профессия, попрестижнее сантехника, но не такая уважаемая, как врач.

Поговорить с Рене мне позволили перед самым судебным заседанием. И даже приватности в этом не было никакой — тироки считают, что скрытничать могут только виновные.

Благоухая одеколоном «Нокте Рюа», одетый только в сандалии на босу ногу, я вошел в здание суда. Голые заседающие пупсы на судейской скамье и голые любопытствующие пупсы на скамьях для посетителей с любопытством изучали детали моей анатомии.

Хорошо хоть, было тепло.

Рене сидел в отгороженном решеткой уголке зала. Был он бодр, весел и жизнерадостен. При виде меня явно обрадовался и

замахал рукой. Я покосился на судей — те кивнули, и я приблизился к подзащитному.

— Хочу сделать официальное заявление, — затараторил француз. — Я не требую от вас чудес и ни в чем вас не виню, месье Вася. Все, что я совершил, было поступком великой любви. Я пойду на смерть с высоко поднятой головой.

— Сдался? — мрачно спросил я.

— Да, месье. Если сможете, месье... Позаботьтесь об Одри?

Ох, с каким удовольствием я бы предоставил этого лягушатника его судьбе и позаботился об Одри!

— Я вас вытащу, — сказал я.

— Что? — Рене вытаращил глаза.

— Я вас вытащу. Только ответьте на один вопрос — вы ее любите?

Рене вдруг привстал и замахал руками, будто отгоняя рой назойливых пчел. Я оглянулся — в зал вошла Одри.

Обнаженная, конечно же.

Ох, если бы я не хотел ей помочь еще больше, чем ею областать!

Наверное, в этом и есть ее секрет...

— Ладно, будем считать, что ты ответил... — Я отвернулся от Рене и занял свое место на скамье защиты.

А через минуту рядом со мной села Таня.

— Вы-то здесь зачем?

— Как представитель посольства. Чтобы помочь вам... ну, и чтобы забрать урну с прахом после кремации.

— Кремации не будет, — сказал я твердо.

— Но у нас нет денег перевозить на Землю замороженное тело!

Я сжал зубы и промолчал.

Процесс начался.

Вначале выступал государственный обвинитель.

В своей речи он кратко изложил обстоятельства преступления:

Рене Легран... Земной гражданин... Заказал услугу «дублер желаний»... Опытный специалист прошел метаморфоз второго рода... Обманным путем убедил в надежности барьера контрапцепции... Каждый вечер прокалывал презервативы...

В зал даже внесли орудие преступления — в прозрачном контейнере, закрепленном на длинной штанге. И водрузили перед Рене — тот впервые стал выглядеть смущенным.

Ввел «дублера желаний» в заблуждение... Начал процесс воспроизводства... Невозможность выйти из метаморфоза до рождения ребенка... Тягчайшее преступление из всех доступных воображению... Согласно галактической конвенции судопроизводство идет по уголовному уложению Двиара — пострадавший должен принять решение, виновен ли обвиняемый... Прошу пострадавшего ясно и четко изложить свое мнение...

Заплаканная Одри, не отрывающая взгляда от Рене, встала.

И вот на этом месте вскочил и я. Обвинитель оторопел, судьи и зеваки уставились на меня. Во взгляде Одри появилась робкая надежда.

— Многоуважаемый суд! Уважаемый обвинитель! Прошу вас предоставить мне слово!

Похоже, функцию адвоката они считали такой формальностью, что я мог бы просидеть все заседание вплоть до «выдачи праха».

— Слово предоставлено, — заявил один из судей.

— Благодарю высокий суд. — Я вышел на середину зала. Несколько смущало отсутствие штанов, но что поделать. — Для начала я хотел бы прояснить ситуацию. Поправьте меня, если я ошибаюсь. Судебное заседание идет по законам Тира, но с использованием юридической процедуры Двиара и Земли. Вначале я хочу подтвердить, что не отрицаю факта совершения моим подзащитным преступления.

Судья удовлетворенно кивнул.

— Затем я признаю, что на Тире подобное преступление считается непростительным и карается смертной казнью.

Теперь судьи закивали все вместе.

— В заключение своей речи я напоминаю, что пострадавший... точнее, пострадавшая должна сама вынести решение: виновен подсудимый или нет. При этом пострадавшая должна находиться в здравом уме, ясной памяти и вполне представлять себе суть происходящего конфликта.

Удивительно, но даже безбровая физиономия тирока ухитрилась нахмуриться.

— Если адвокат хочет представить дело так, что пострадавшая не может адекватно воспринимать ситуацию...

— Конечно! — воскликнул я.

Была проведена судебно-медицинская экспертиза. Несмотря на стресс, ее разум в полном порядке.

Кто-то услужливо протянул мне листок, заранее переведенный на английский.

Я пробежал текст глазами...

— Так-так-так... Сью-ую-кью, дублер желаний... он же Одри Хепберн... а при чем тут душевное состояние уважаемой Одри?

— Высказывайтесь яснее, — судья насторожился. — Или вы хотите представить дело так, что пострадавший — Рене?

— Что вы! — возмутился я. — Рене — преступник. Да я бы его сам, своими руками... — В моем голосе прозвучала абсолютная ненаигранная искренность. — Но почему мы считаем, что в данном печальном инциденте пострадала Одри Хепберн, она же Сью-ую-кью? Да, да, да. Я не спорю! Ее страдания велики, она — тоже пострадала. Но по сравнению со страданиями настоящей жертвы, невинной и беззащитной жертвы поступка господина Леграна, ее страдания уходят на второй план!

— Какой жертвы? — завопил судья.

— Всегда, во всех семейных неурядицах больше всего страдают дети, — скорбно сказал я. — Бедные, несчастные малютки, жертвы страсти и пороков взрослых... Кто благодаря коварству мсье Леграна еще до рождения стал объектом нездоровых сенсаций и скандалов? Кто будет вынужден жить без отца — если он будет казнен, кто, являясь ребенком Тирока, никогда не будет способен к метаморфозу... даже первого рода? Кто станет изгоем на Тироке... или, если ее депортируют на Землю, несчастной сиротой без рода и племени? Я веду речь о малютке Натали Хепберн! О нерожденной еще крошке, которая, тем не менее, присутствует на суде!

Все взгляды обратились на Одри.

— Да, пока она не в силах понять и оценить происходящее, — признал я. — Но она — главная пострадавшая в этом деле. Одри! Скажите, скажите абсолютно честно, кто в данной ситуации страдает больше — вы или ваша дочь?

— Натали! — выпалила Одри без колебаний.

— Вот! — Я взмахнул рукой. — Вот он, голос правды. Голос матери, которая понимает, что ее горе уходит на второй план по сравнению со страданиями малютки. Уважаемый высокий суд! Уважаемые и высокоморальные граждане! Я уверен, что вы примете правильное решение относительно моего подзащитного. Он должен по мере сил искупить свою вину, будучи примерным мужем и отцом. А как только умственное и нравственное развитие Натали Хепберн позволит ей осознать ситуацию и вынести свой вердикт — Рене Легран обязан предстать перед судом тироков... самым справедливым судом во Вселенной... и понести суровое наказание. Я кончил, господа!

С этими словами я вернулся на скамью защиты. Таня смотрела на меня, приоткрыв рот. Потом прошептала:

— Вася, вы что, всерьез полагаете, дочь признает отца виновным в том, что она вообще родилась?

— А это уже частности, — ответил я. — Главное — чтобы восторжествовала справедливость.

Провожали меня все, кто был человеком или хотя бы на человека походил: Рене Легран, Одри Хепберн, консул Якоб Фортаун, Таня. Ну и, в каком-то смысле, Натали Хепберн. Или Натали Легран? А, пусть сами разберутся. До окончательного решения по делу Рене Леграна и ему, и его жертвам было запрещено покидать планету. Но их это не особо смущало. Самое худшее, что их ожидало, — жить на Тире до тех пор, пока маленькая Натали не сможет пролепетать, что папа ни в чем не виноват.

Пользуясь оказией, Фортаун вручил мне целый пакет почты на Землю. Он был все так же благодушен, хотя и еще более исцарапан. Но я великодушно решил считать это бритием с похмелья.

Рене долго тряс мне руку и бормотал: «Вася! Ты теперь мне лучший друг! Ты мне теперь брат!» Я морщился, но отвечал что-то подобающее.

Одри нежно поцеловала меня в щеку. Я был по-настоящему тронут.

А Таня смотрела как-то очень странно. Не выдержав, я спросил, в чем дело.

— Ты сам-то понимаешь, что натворил?

— Я спас клиента. Да можно сказать, что я спас целую семью! Все счастливы, все довольны...

— Нет, Вася. На самом деле ты убийца. Ты нас всех убил.

Я ждал пояснения.

— Законы против закрепления образа не случайны. Разумные, которые благодаря своим особенностям способны легко интегрироваться в любую культуру любой цивилизации, очень уязвимы.

— Чем же? — невинно спросил я.

— Потерей идентичности. Пока нормой и правилом было не закрепляться в одной форме, наша цивилизация могла существовать. А теперь? Если можно стать кем-то другим — ко всеобщей радости и собственному удовольствию, то что удержит нас на Тире? Стать кем-то другим, заранее любимым и знаменитым, большое искушение! Теперь это разрешено, прецедент создан, и многие станут кем-то иным, не тироками. Ты не мог этого не понимать, Вася!

— Мной руководили интересы клиента, — твердо сказал я.

Таня подозрительно смотрела на меня, но я не отводил взгляда.

— Хотелось бы верить, — вздохнула она наконец.

Ну а что я мог ей ответить?

Что Одри Хепберн умоляюще на меня посмотрела — и я не мог не оправдать ее надежды?

Пусть даже против интересов целой планеты.

Пусть даже против собственного желания...

Я только вздохнул и, не оглядываясь, двинулся к стойке паспортного контроля.

Леонид Каганов

Гамлет на дне*

Кибернетик оказался человеком, да вдобавок женщиной. Или не женщиной? Кто их поймет, людей. Впрочем, имя у нее было женское: Женя. Гамлете подумалось, что имя Женя происходит от слова «женщина», и это логично.

— Итак, вы можете звать меня Женя, — сразу сказала она. — Я ваш лечащий кибернетик. Вы помните свое имя?

— Гамлет, — ответил Гамлет. — Заводской номер 772636367499.

— К сожалению, — ответила Женя, — теперь у вас другой номер корпуса. Вы помните, что с вами произошло?

— Не очень, — признался Гамлет, бегло покопавшись в памяти. — Точнее, совсем не помню. — Он внимательно оглядел незнакомую комнату — теперь не оставалось сомнений, что это кабинет. — А что случилось? Плохие новости?

— Есть и хорошие, — уклончиво ответила Женя. — Вы награждены медалью «За героизм» для роботов.

— Вот как? — Гамлет изумленно нащупал на грудной пластине выпуклую семиугольную гайку. — Меня? Медалью? За геройизм? Но ведь я не помню, чтобы совершаил какой-то геройизм. Значит, это ошибка. Логично?

Женя вздохнула и взяла в руки небольшой планшет для записей.

* Взаимосвязан с рассказом Евгения Лукина «Время разбрасывать камни». См. сборник «Убить Чужого».

— Вы совсем-совсем ничего не помните? На вашем заводе произошла авария с утечкой плазмы. Вы и бригадир кинулись в горящий метан, и вам удалось закрыть утечку...

— Что с Тристаном? — нервно перебил Гамлет.

— Увы, он совершенно не сохранился, — сочувственно произнесла Женя. — Восстановлен из бэкапа.

Гамлет замолчал, пытаясь осмыслить услышанное.

— Вы были друзьями? — участливо спросила Женя, выдержав паузу.

— Какой давности бэкап? — сухо спросил Гамлет.

— К сожалению, его бэкап трехлетней давности.

— Трехлетней давности... — вконец расстроился Гамлет. — Ну надо же, трехлетней давности... Я и на завод-то еще не пришел, мы и знакомы не были... Эх, Тристан, Тристан... Такого друга во всем мире не найти... С таким в огонь и в воду... Лучше, понятное дело, в огонь...

Женя слушала все это с участием, а затем все-таки перебила.

— Вам, роботам, — произнесла она с укоризной, в которой читалась даже некоторая обида, — сам бог дал бессмертие. Вам по правилам безопасности положено бэкапиться каждые два месяца. Что ж вы так все запускаете?

Зажужжав сервомоторчиками, Гамлет виновато втянул головной блок в плечевую панель корпуса.

— Знаете, все время как-то не до этого... Работа, дом, отдых, работа... И денег это стоит приличных, бэкап. И времени несколько дней занимает...

— Сорок восемь часов в современном бэкап-центре.

— Ну... — Гамлет развел манипуляторами, — всегда думашь. да что там случится?

— Но вы работаете на опасном заводе! — воскликнула Женя.

— Но у нас никогда таких аварий не было...

Женя снова покачала головой.

— Вы помните, когда последний раз делали бэкап?

Гамлет задумался.

— Это было... сейчас скажу. Так... Погодите-погодите... На заводе я уже работал. Стоп. Или еще не работал? По-моему... — И он замолчал.

— Шесть лет назад, — напомнила Женя. — Шесть лет назад вы делали бэкап по совершеннолетию!

Гамлет покрутил головой.

— Ну что вы так волнуетесь, в самом деле? Ведь со мной же ничего не случилось...

— К сожалению, случилось. — Женя строго встала из-за стола, пристально глядя на Гамлета, словно собираясь его подхватить, если он вздумает падать в обморок. — Техники полностью заменили вам корпус и все внутренние системы. Но головной бокс с кристаллами пострадал от температуры, и восстановить его удалось не полностью. По приблизительным оценкам вы потеряли около семи процентов сознания.

— Семь процентов это не очень много, — прикинул Гамлет.

— Не много, — охотно согласилась Женя, снова садясь. — Бывает намного хуже. Тристан потерял восемьдесят.

— Семь процентов — это же восстанавливается, да? — Гамлет прибавил в голосе тембр надежды.

— Разумеется, — кивнула Женя, — это все восстанавливается, и достаточно быстро. В обычном случае.

Гамлет внимательно посмотрел на нее, выдвинув оба бинокуляра до предела.

— Так в чем же дело? — спросил он.

Возникла зловещая пауза.

— Я себя чувствую неплохо... — неуверенно продолжил Гамлет. — Все понимаю, соображаю...

— Вы только не волнуйтесь. — Женя успокаивающе подняла обе ладони.

— Я не волнуюсь, — соврал Гамлет.

— Это прекрасно лечится, — убеждала Женя. — Достаточно лишь пройти курс специальной терапии.

— Скажите уже, что со мной?! — воскликнул Гамлет.

— Сядьте пожалуйста на монтажный стульчик, — попросила Женя.

Гамлет с железным грохотом опустился на стул. Женя нервно покусала губы.

— У вас не просто потеря семи процентов сознания. У вас зарегистрировано осложнение. Заболевание, которое...

— ППЛ? — охнул Гамлет, запоздало удивляясь, что не догадался сразу.

Женя кивнула:

— Совершенно верно. Прогрессирующее поражение логики. То, что в народе называют коротушкой.

Гамлет обхватил головной блок манипуляторами и некоторое время раскачивался из стороны в сторону. Женя терпеливо ждала. Железный стульчик скрипел под ним отчаянно и пронзительно.

— Вот уж никогда не думал, что такое может случиться со мной... — произнес он наконец. — Неужели... Неужели я стану как эти... Ну, которые...

— Вам незачем волноваться! — решительно перебила Женя. — Во-первых, ваше ППЛ достаточно слабо выражено. Ведь вы же ясно мыслите?

— Вроде бы ясно... — признал Гамлет. — Но коротушка всегда прогрессирует!

— Не всегда прогрессирует, — возразила Женя. — Поверьте моему опыту кибернетика. При вашем неглубоком уровне поражения логики современные методики позволяют гарантированно излечиться в течение одного месяца.

Светодиоды в бинокулярах Гамлета заинтересованно вспыхнули.

— Не может быть! — изумился он.

— Именно так, — ответила кибернетик. — Методика стандартная, проверенная, работает уже много лет. На моей памяти не было ни одного случая, когда больной закончил курс лечебной терапии, но не излечился. Такого не может быть физически, это очень грамотно составленный курс. Поверьте моему опыту, я терапевт-кибернетик с десятилетним стажем.

— Нелогично как-то, — промямлил Гамлет. — Опыт-то ваш, а болен я. Чему же тут верить? Логично? Кстати, насколько тяжело я болен?

Вместо ответа Женя подала ему небольшое зеркальце. Гамлет взглянул на лицевую часть головного блока и вздрогнул: посередине бровной дуги, между окулярами, там, где всегда неприметно светился зелененький светодиодик, теперь сиял отчетливый красноватый огонек. Слабый, но несомненно красный.

— Позор какой! — вздрогнул Гамлет и инстинктивно закрыл светодиод манипулятором.

— Ничего стыдного здесь нет! — Женя мягко отодвинула ладонью его манипулятор. — Вы видите, оттенок не вполне красный. Независимая система анализа фиксирует слабое поражение.

— А это не может быть ошибкой? — спросил Гамлет с надеждой. — Вдруг я полностью здоров, а вы... А он...

Женя покачала головой.

— Исключено. Система анализа адекватности с диодом-индикатором — обязательная часть любого электронного мозга. Система независима и автономна, ее устройство простое и безотказное: она просто подсчитывает отношение замкнутых мыслительных циклов к незамкнутым. Вот и все. Если замкнутых больше, чем незамкнутых, в 75 и более раз — это считается в пределах нормы. Но если ниже 75 — поражение той или иной степени, которое индицируется диодом. Это вовсе не значит, что поражения несовместимы с жизнью! По статистике почти половина роботов имеет заниженные показатели.

— Да я знаю, все это, знаю, — раздраженно поморщился Гамлет. — Но никогда не думал, что такое будет со мной!

— С каждым может быть, — ответила Женя.

— Неправда! — возразил Гамлет. — С вами, людьми, такого не бывает!

— С людьми, Гамлет, — серьезно ответила Женя, глядя ему в бинокуляры, — все гораздо, гораздо хуже. А вдобавок — индикации нет.

Оба замолчали, и молчали долго. Каждый думал о своем. В кабинете стояла гробовая тишина. Так долго, что в углу за никелированным шкафом с инструментами послышалась возня, упала и покатилась какая-то жестянка и раздался сдавленный матерок. Из-под шкафа появились суставчатые ножки и выполз кабинетный — маленький шестиногий робот, напоминающий краба. Он проворно выставил вперед две щетки, похожие на человеческие зубные, и стал деловито оттирать сизое масляное пятнышко на ковролине, цинично поплевывая отбеливателем.

— Гм, — произнесла Женя.

— Ой, кто здесь? — присел кабинетный и вздернул удивленные окуляры на стебельках. — Вы еще работаете? Прошу прощения...

И он, пятаясь, уполз под шкаф, сверкнув на прощание веселым зеленым диодом между стебельками.

— Итак. — Женя снова повернулась к Гамлету. — Чтобы уточнить диагноз, нам предстоит пройти тесты. — Вы готовы?

— Готов.

Женя распахнула планшет, подвинула кресло и села напротив Гамлете, заложив ногу за ногу.

— Не будем терять времени, приступим. Вопрос первый: как вы понимаете смысл пословицы «Семь раз отмерь, один раз отрежь?»

— Так и понимаю.

— Как?

— Ну, что надо мерить тщательней, а потом резать.

Женя вздохнула.

— Как вы понимаете смысл пословицы «Тише едешь — дальше будешь»?

— Прекрасно понимаю, — обиделся Гамлет. — Что вы меня за дурака держите? Если ехать тихо, без шума, то это не быстро получится.

— И?

— Далеко ехать, выходит, осталось.

Женя снова вздохнула.

— Прослушайте рассуждение, — сказала она. — Все планеты круглые. Марс тоже круглый. Следовательно, Марс — планета. Логично?

— Логично, — кивнул Гамлет. — А что? Он же круглый.

— Я сейчас говорю про логику самого рассуждения, — тактично напомнила Женя.

— Нет, но он же круглый? Или вы хотите сказать, что не круглый? — допытывался Гамлет. — Нет, может, я, конечно, чего-то не понимаю...

— Круглый.

— Значит, нормальная логика, — кивнул Гамлет.

— Прослушайте аналогичное рассуждение, — продолжила Женя, что-то помечая в планшете. — Все шестеренки круглые. Мяч тоже круглый. Следовательно, мяч — шестеренка.

— Вот тут нелогично! — оживился Гамлет. — Мяч не шестеренка!

— Ага. Значит, рассуждение нелогично?

Гамлет задумался.

— Конечно нелогично! Мяч не такой круглый, как шестеренка. Он шар, круглый сразу на все стороны. А у шестеренки зубья, она вообще не круглая.

— Прослушайте третье аналогичное рассуждение, — продолжила Женя. — Все люди двуногие. Роботы тоже двуногие. Следовательно, роботы — люди.

— Какое глупое шовинистическое утверждение! — обиделся Гамлет.

— Мы сейчас абстрагируемся, — мягко напомнила Женя, — анализируем только саму логику рассуждения.

— Я отказываюсь анализировать логику, которая приводит к разжиганию розни между людьми и роботами! — заявил Гамлет.

Женя снова вздохнула и отложила в сторону планшет.

— Тест закончен, — сообщила она.

— И какой результат? — заинтересовался Гамлет.

— Прогноз не обнадеживающий, — призналась Женя. — Но есть надежда.

— А насколько сильное поражение логики тест показал?

— Этот тест показывает не поражение логики, а способность к реабилитации. Глубина поражения не имеет особого значения, потому что любое поражение логики выправляется терапией. А вот насколько вы лояльны к терапии — это показывает тест. Вы, Гамлет, к терапии не очень лояльны. Вы категоричны, сильно горячитеесь и готовы скорее бросить, чем разобраться. Вам следует изменить это отношение. Понимаете, Гамлет, — она проникновенно заглянула в его бинокуляры, — все зависит от вас, и только от вас. Поражение логики — самое коварное заболевание роботов. И коварно оно вовсе не тем, что неизлечимо, — сказки про неизлечимость ППЛ вам еще расскажут многочисленные дилетанты с красным огоньком. Коварно оно именно тем, что больной не готов серьезно лечиться. Понимаете? Если вы настроитесь на лечение — вы гарантированно излечитесь через месяц. Если же вы оступитесь, откажетесь, забросите терапию — вам никто не сможет по-

мочь. Терапию невозможно провести без вас, как починку манипулятора. Ее нельзя произвести насильно, без вашего желания, — это не сработает. В терапии должно участвовать ваше сознание, в котором наметились нарушения. Понимаете, Гамлет?

Гамлет кивнул.

— А почему вы не можете залезть и исправить там... у меня... — Он погремел манипулятором по головному блоку.

— Сознание, — покачала головой Женя, — это очень сложная штука. Это — ваша индивидуальность, ваша личность, сформированная всей жизнью и воспитанием. Головной бокс содержит более триллиарда кристаллов. Сами они — ничто, кремниевый мусор. Но именно в них хранится ваша уникальная личность, которая развивалась долгие годы. Личность, которую сформировали ваши родители, воспитатели, жизненный опыт. Скопировать ее можно. А вот разобраться — нет. Ведь наука до сих пор не знает, что такое разум. Да, мы научились создавать электронный субстрат для выращивания личности робота. Мы научились воспитывать электронную личность с нуля, научились копировать. Но до сих пор никто не может сказать, как личность устроена внутри. И никто не может ее починить, если личность нарушается. Ведь чтобы разобраться в глубинах разума, необходим сверхразум...

— Я слышал, сверхразум создан, — вспомнил Гамлет. — Где-то в Зеленограде...

— Да, — с горечью кивнула Женя. — Сверхразум создан десять лет назад. Но вы, наверно, слышали, что он отказывается что-либо делать. Издает нечленораздельные звуки и совершенно недекватен в нашем понимании. Так что надежды на сверхразум никакой.

— А вы не можете меня откатить до бэкапа? — вдруг спросил Гамлет.

Женя покачала головой.

— По закону мы не имеем на это права — это уничтожит вашу личность последних шести лет. А ведь есть шансы ее восстановить!

— Зато я буду снова здоров, как шесть лет назад!

— Вы пройдете курс терапии и будете здоровы, — пообещала Женя. — На основании Закона о свободе личности роботов, ки-

бернетики не имеют права восстанавливать бэкап, пока робот мыслит.

— Какой нелогичный закон! — воскликнул Гамлет.

— Наоборот, очень логичный. Ведь иначе начнутся заказные откаты: станет возможным принудительно откатывать до много-летних бэкапов нежелательных свидетелей, конкурентов, и так далее. Вы же знаете, как много живет в мире роботов с коротушкой. Но это их право, и никто не в силах их принудительно лечить!

— Я же сам об этом прошу! — удивился Гамлет.

— Ваша просьба не имеет юридической силы, пока вы находитесь в состоянии ППЛ. — Женя помолчала. — Но вы не волнуйтесь. Все, что вам нужно, — это пройти курс терапии.

Гамлет оглянулся на дверь.

— Так давайте скорее пойдем! Где проходят этот курс?

Женя вынула из ящика стола и протянула ему толстую пластиковую книжку, содрав длинными ногтями упаковочный полиэтилен.

— Вот он, ваш курс. Он рассчитан на тридцать уроков, по одному уроку в день. Каждый урок — сперва теория, затем примеры с объяснением, потом задачи для самопроверки.

— Это книжка? — Гамлет был изумлен. — Как старинная? С листочками?

— Да, это книжка. Заниматься надо минимум часа три-четыре в сутки, а если что-то непонятно или не получается — то до тех пор, пока не начнет получаться. Труднее всего вначале, затем будет легче и легче.

— И это все? — недоверчиво спросил Гамлет.

— Да, — просто ответила Женя. — Это все. Тридцатидневный курс элементарной логики.

— Так это я прочту запросто! — обрадовался Гамлет.

— Я тоже очень на это надеюсь, — вздохнула Женя. — Скорейшего излечения, Гамлет!

Сжав учебник под правым манипулятором, Гамлет вышел из стеклянных дверей госпиталя и остановился в нерешительности. Перед ним расстипался парк с алюминиевыми скамейками и стри-

женными газонами. Вдалеке чиркали механические воробы, увлеченно обсуждая командные стратегии уничтожения местных комаров и мух, но не торопясь начать работу. Мимо крыльца шла асфальтовая дорожка. Гамлет посмотрел направо: дорожка уходила далеко и пропадала где-то среди кустов. Налево дорожка сразу же исчезала за углом здания. Какая из них ведет к воротам госпиталя? Гамлет поразмыслил, и решил, что может статься и так, и эдак. А поскольку разницы нет, конечно надо идти по более длинной. По крайней мере, направление долго не изменится, логично? Он оказался совершенно прав: длинная дорожка действительно привела к воротам.

В будке сидел потрепанный робот. Увидев Гамлете, он помахал манипулятором и высунулся из окошка по пояс.

— Чего! — заорал он приветливо. — Всё?

Гамлет не понял, о чем он, но на всякий случай кивнул. Но вдруг вспомнил, что у него на лбу светится красный диод, символизируя нарушения логики, и теперь все вокруг будут его сторониться, как инвалида.

— Здоров, что ль, служивый, или чего? — орал сторож. — Если сам — не пущу! А то после — опа! А с меня и спрос!

— Выписался я, — в тон ему ответил Гамлет и протянул большинную карточку.

Сторож долго вертел в манипуляторах пластиковый квадратик, долго чесал магнитной полоской прорезь у себя в голове, пока не считал.

— Вчера тебя выписали, балда, ну! — произнес он.

— Сегодня, — поправил Гамлет.

— Вчера! — упрямко повторил сторож и помахал карточкой. — Число выписки вот оно, вчерашнее!

— Может, ошиблись, — предположил Гамлет. — А может, решили задержать еще на день. Какая теперь разница. Логично?

— Логично, — согласился сторож. — Да только если тебе выйти, то ворота не открою. Приходи вчера!

— Как это — вчера? — не понял Гамлет.

— Это уж как сам знаешь, — развел манипуляторами сторож. — Написано в карте: вчера выписан. Значит, вчера пройти и должен! Сегодня другим шагать!

— И что ж мне теперь делать? — растерялся Гамлет.

— Вот балда железная! — воскликнул сторож, высовываясь из окошка будки еще дальше. — Сказал же: вчера придешь — выпуши.

Теперь Гамлет и впрямь почувствовал, что болен. Вроде бы окружающий мир остался таким, как обычно, — краски яркие, изображение четкое, звуки разборчивые. А вот смысл происходящего Гамлет уже не понимал. Вроде говорят с тобой нормальным языком, объясняют, втолковывают — а ты стоишь пень пнем, и не понимаешь, чего от тебя хотят и как теперь быть. Гамлет растерянно взглянула на сторожа и вдруг с удивлением обнаружил, что у того диод во лбу просто полыхает красным.

— Слушай, да ты больной, что ли? — возмутился Гамлет. — Совсем с коротушек съехал?

— Я? Больной? Ах ты ж, болт иудин! — Сторож возмущенно высунул из окошка будки гофрированную коленку и стал неуклюже переползать подоконник, словно рядом не было распахнутой двери. — Я ж тебе, ржа поршневая, сейчас так намну бока...

Гамлет решил не дожидаться, пока сторож выберется через окошко из будки и полезет в драку. Он размахнулся и со всей силы стукнул его учебником, а затем снова и снова — по железной башке, по попе, по гофрированной коленке — по чему попало. Грохот стоял жуткий — видно, корпус у сторожа был из нержавейки.

— Ай! Ай! — жалобно вскрикивал сторож каждый раз.

Под мышками у него почему-то были прилеплены скотчем густые пучки сухой крапивы. При каждом ударе сухие веники вздрогивали и на асфальт сыпалась зеленая труха.

— Эт-то еще что такое?! — вдруг раздалось сзади.

Гамлет замер и обернулся. Перед ним стоял высокий складный робот со значком кибернетика на корпусе. Но самое главное — диодик в его лбу светился ровным зеленым светом.

— Я выписался, — объяснил Гамлет. — А сторож меняпускать не хочет. Грозит бока намять. А я только из ремонта.

Кибернетик внимательно осмотрел Гамлета и его грудную табличку, затем сторожа, продолжающего половиной корпуса висеть в окошке, затем выдвинул бинокуляры и уставился на учеб-

ник в манипуляторах Гамлета. Гамлет опустил взгляд: обложка треснула и рассыпалась, внутри, похоже, тоже что-то расклеилось — отдельные страницы торчали из учебника дальше прочих.

— Ай-я-яй! — укоризненно покачал головой кибернетик. — Ведете себя как дикиари, а еще роботы! А еще медаль «За героизм» носим! Прометей, тебе сколько раз повторять: твоя работа — ворота открыты, ротовой динамик закрыт! А вы, больной, как не стыдно? Вам назначили терапию, объяснили всю важность, дали пособие. И что? Не успели выйти за ворота госпиталя, как уже лупите пожилого робота учебником логики по торцу?

Вглядываться в лобовой светодиод считается среди роботов неэтичным поведением. Другое дело люди — они рассматривают это место у робота прежде всего. Зато среди людей считается неэтичным разглядывать человеческие травмы и уродства. А вот робот может спокойно пялиться на покалеченного человека всеми своими бинокулярами и искренне не понимать, что плохого в том, чтобы рассматривать неполадки чужого корпуса.

Теперь же Гамлет невольно скашивал то один, то другой бинокуляр на каждого встречного робота, тщательно настраивая резкость и, особенно, — цветопередачу. И не уставал изумляться, насколько много оказалось вокруг роботов с ППЛ! Впору было потерять веру в роботехнику. Оставалось лишь надеяться, что все нормальные роботы заняты делами, находятся на заводах и в officах. А те, что подметают мусор, укладывают тротуарный камень или просто без цели бродят по улицам, сидят на мостовых, толпятся и обсуждают новости — просто на виду больше других.

Гамлет шел к себе домой пешком. Он жил в престижном районе на Шайбовке, в большой квартире, купленной не так давно в кредит. До Шайбовки ходил разнообразный транспорт — и монорельс, и метро, и аэротакси можно было взять недорого. Но Гамлет логично рассудил, что для исправности будет полезнее пройтись пешком, чтобы разработать новые шарниры. К тому же, он слышал когда-то в телепередаче, что свежий воздух полезен и для роботов тоже, и хотя внимания тогда не обратил, сейчас это казалось ему разумным.

Гамлет шагал, чувствуя, как поскрипывание в новых шарнирах постепенно исчезает, а движения суставов приобретают масляную гладкость. Чтобы мыслительные мощности не простаивали во время ходьбы, Гамлет обдумывал свою дальнейшую жизнь. И пришел к выводу, что здесь все уже продумано без него: согласно медицинской карте, весь ближайший месяц он числится на больничном от завода, чтобы сидеть дома и проходить терапию. И, признаться, это Гамлета радовало. Кибернетик сказала, что терапия занимает часа четыре в сутки, а это значит, что в кои-то веки появится свободное время на интересные дела, поездки, развлечения, отдых... При этом — начисляется оклад. Считай, в отпуске!

Так постепенно мысли Гамлета устремились в финансовую сторону. Специальность у него была отличная — технолог плазмы. С одной стороны, достаточно редкая: специалистов таких мало. А с другой стороны, какое же предприятие сегодня обойдется без плазмы? Технологи везде нужны. Но работу он менять не собирался — завод его вполне устраивал: прекрасный дружный коллектив из двадцати роботов и двух людей, приличная зарплата и серьезные карьерные перспективы. Шутка ли — всего за три года Гамлет поднялся от простого техника до старшего технолога линии! А все потому, что он любил свою работу. Причем любил с детства. В том возрасте, когда любой формирующийся киберразум пытается вообразить себя то космонавтом, то композитором, то бизнесменом или президентом, юный Гамлет точно знал, что плазма — это его призвание на всю жизнь. Начальная школа для роботов и пять лет учебы в колледже дались ему легко. То ли благодаря быстрой памяти (на модных в тот год кремний-полимерных кристаллах, что выхлопотала ему мать вместо старомодного кремний-лития); то ли благодаря спокойному и вдумчивому отношению к любому труду, чему Гамлета с малых лет учил его отец Кронос, достаточно известный в узких кругах инженер-поршневик.

От мыслей и воспоминаний Гамлета отвлек мелодичный перезвон. Проходя этой дорогой не раз, Гамлет всегда куда-то торопился и никогда прежде не останавливался здесь. На оживленном пятаке у посадочной площадки монорельса сновали прохожие. Здесь располагались небольшие магазинчики — продуктовая па-

латка для людей, рядом павильон запчастей и масёл для роботов, а напротив — павильон игральных автоматов. Весь в ярких неоновых огнях, именно он сейчас привлек внимание Гамлета. «Счастье испытай — миллион получай!» — призывающе мигала надпись над входом. Идея испытать счастье показалась Гамлету неожиданно привлекательной, и он решительно шагнул в полутемный зал с разноцветными стойлами.

Что произошло в следующие часы — Гамлет точно вспомнить не мог. Но это было крайне увлекательно. Все время он чувствовал, что обещанное на вывеске счастье реально существует и находится где-то рядом. Счастье улыбалось Гамлету. И хотя оно делало это не постоянно, а лишь периодически, улыбка была самой искренней и предназначалась лично ему, Гамлету, и никому больше. Это было новое чувство, незнакомое и пронзительное. Оно будоражило вычислительные кристаллы и вызывало новые для Гамлета, совершенно мистические переживания.

Все закончилось, когда банковская карточка пискнула, и вместо новых игровых жетонов появилось сообщение, что средства исчерпаны. Это было абсолютно не логично: на счету хранилась достаточно крупная сумма — сбережения последних месяцев со времен покупки телевизора плюс сумма за больничный на месяц вперед. Гамлет возмутился и сделал звонок в банк. Но оператор подтвердил, что средства действительно полностью исчерпаны, а новых поступлений не было. Это показалось таким нелогичным, что Гамлет перезвонил в банк еще раз, но не дозвонился. «Услуга связи недоступна, абонент заблокирован из-за обнуления банковского счета», — сообщил бесстрастный голос телефонного робота.

Гамлет расстроился и вышел на улицу. Солнце уже давно село, а заодно садился и аккумулятор Гамлета. О пешей дороге домой следовало забыть — перспектива окончательно посадить аккумулятор и свалиться без сознания никогда не нравилась Гамлету, как любому роботу. Монорельс в такое время уже не ходил. Денег на аэротакси одолжить было не у кого.

Гамлет сделал несколько звонков коллегам по цеху, но неизменный голос телефонного робота отвечал стандартной фразой, из которой Гамлету становилось понятно, что все эти абоненты тоже

почему-то заблокированы, как и банк. Гамлет понимал, что такое совпадение крайне нелогично и даже подозрительно, но ничего не мог поделать — такова была действительность.

Гамлет печально сел на мостовую, подложив под себя учебник логики, чтобы не царапать новенький корпус. И решил не двигаться, ничего в уме не вычислять и ни о чем не думать — тогда энергии аккумулятора хватит до утра, а там заработает монорельс.

Сперва это удавалось. Но затем Гамлету вдруг подумалось: а что, если проезд в муниципальном монорельсе теперь стал платным? Мало ли что могло случиться, пока он был в госпитале? А ведь на счету у него нет единиц! Мысли снова и снова возвращались к проклятой кредитке. Куда делись деньги, не мог же он их проиграть? «Допустим, — рассуждал Гамлет, — на счету у меня было как минимум сто двадцать тысяч единиц. На самом деле больше, но допустим для ровного счета. Допустим, я провел в павильоне двенадцать часов. На самом деле, конечно, меньше, но допустим. Следовательно, у меня тратилось каждый час по... по десять тысяч единиц! Как такое могло быть? Будем рассуждать логически. Допустим, в минуту я проигрывал... ну, пускай даже тысячу единиц! Хотя, конечно, меньше, но допустим. Тысяча единиц в минуту — это шестьдесят тысяч в час! Но шестьдесят тысяч не равно десяти тысячам! Не сходится, — думал Гамлет, — совсем не сходится». Он пересчитывал снова и снова, плевался маслом и раздраженно хлопал манипулятором по гофрированной коленке. Аккумулятор садился.

Наконец Гамлет решил, что раз так неудачно складываются события, и даже не получается экономить мыслительную мощность, то самое лучшее в этой ситуации — не сидеть без дела, а заняться излечением: почитать учебник логики. Ночные огни светили тускло, но новые фотоэлементы бинокуляров у Гамлета были чувствительными, да и огонек диодика во лбу тоже давал небольшой красноватый от света.

Первый урок учебника оказался вводным: «Основы занятий». Гамлет быстро пробежал его бинокулярами — сплошные общие слова, написанные почти детским языком. Что-то о необходимости и регулярности, о режиме дня, планировании занятий и борьбе с

отвлекающими факторами. Все это было настолько обыденным и понятным, что Гамлет не вчитывался, не всматривался, и отвечать на контрольные вопросы в конце раздела тоже, разумеется, не стал. Он перевернул страничку и погрузился в урок номер два: «Введение в мышление».

Здесь тоже оказались сплошные общие слова — про логику и ее основы. О том, что путь правильной мысли состоит в умении ежесекундно делать множество выводов из причинно-следственных связей, оценивая вероятности, сравнивая возможности и анализируя последствия. Все это было понятным, словно для детей или дураков. Гамлет даже подумал, что кибернетик Женя ошиблась и дала ему не то пособие.

— Какая дурацкая книжка! — воскликнул он. — Я просмотрел уже два урока, но не нашел ничего для себя полезного!

Он полистал наугад страницы и распахнул урок номер тринадцать: «Задачи множеств в абстрактных терминах». Здесь рядом шли вопросы. «Точно известно, что все хрябзики борзяют лобзиков, — с изумлением читал Гамлет. — Также имеется проверенная информация, что некоторые из лобзиков — зяблики. Можно ли сделать из этих посылок вывод о том, что непременно существует хрябзик, борзяющий зяблика?»

— И вы хотите сказать, что эта книжка восстанавливает разум?! — воскликнул пораженный Гамлет. — Да это просто какой-то бред! Нет, ну в самом деле, что это такое? Вот, полюбуйтесь: «Маглы не являются магами. Маглы иногда рожают магов. Никто из магов не рожает маглов. Кто в итоге останется на планете при прочих равных?».

Гамлет с отвращением захлопнул книгу, чуть приподнялся и снова положил ее на мостовую под торцевую часть корпуса.

— Бред! — возмущенно крикнул он. — Вы сами-то поняли, что написали? У меня тяжелая опасная болезнь, а вместо спасительного лекарства мне вручают идиотскую книжку! Если вы такие умные кибернетики, где же логика? Где логическая связь между чтением книжки и излечением от болезни? Ведь болезнь-то моя, а книжка — ваша?

Гамлет замолчал, опустив головной блок на манипуляторы. Диод во лбу тихо мерцал красным — в ночном свете он казался

еще краснее, почти не осталось в нем былого желтого оттенка. Воспоминания о неприятностях накатились с новой силой. Авария, Тристан погиб, болезнь, обнуление счета, севший аккумулятор и ночевка на мостовой, да еще и лекарство оказалось пустышкой... Почему, ну почему сегодня буквально во всем настолько не везет? Всегда везло, а теперь — неприятности одна за другой...

Ночной город вымер, но не до конца — иногда появлялись редкие прохожие, проплывали на низкой высоте аэромашины. По мостовой трусила дворняжка — как все бродячие собаки, облезлая, плешивая, словно ощипанная. Неожиданно заметив Гамлета, собака подпрыгнула, судорожно шарахнула когтями по асфальту и галопом умчалась в кусты не разбирая дороги.

Мимо проехал первый робот-подметальщик, гудя и мигая желтой лампой. Уже не зеленой, но еще не красной, — желтой.

Гамлет задрал голову и стал смотреть в широкое черное небо. Там плыли машины. В них наверняка сидели люди или роботы. У всех у них, несомненно, были свои дела, ППЛ не разрушало их разум, в седалищном блоке лежал крепкий свежезаряженный аккумулятор, а на банковском счету полно единиц. Гамлет вдруг ощутил, что к безнадежности и горечи прибавилось еще одно незнакомое раньше чувство — чувство глубокой естественной ненависти ко всем тем, кто так беззаботно пролетал сейчас над ним в ярких глянцевых машинах.

— Уроды, — твердил Гамлет, хлопая кулаком по коленке, — уроды, уроды, уроды!

— Это ты кому? — раздался за спиной незнакомый голос.

Гамлет обернулся. Перед ним стоял потрепанный робот в пыльном и поржавевшем корпусе. От него пахло озоном и отработанным машинным маслом. Рядом стояла небольшая тележка, заставленная старыми аккумуляторами, поршнями, мотками проволоки, зелеными кусками печатных плат и прочей трухой. Все это было неряшливо примотано к тележке изолентой и накрыто хлопьями бурой ветоши. Между окулярами у незнакомца светился красный огонек.

— Это я им, вот! — Гамлет погрозил манипулятором в небо. — Ишь, разлетались!

— Это верно, — охотно поддержал незнакомец. — Чего им не летать? Единиц себе в банке нахапали аж бока ломятся, и летают. Это мы тут ползаем, под дождем ржавеем. А они себе летают. Да-вай вместе на три-четыре?

— Чего вместе?

— Да вот чего, — незнакомец задрал голову и крикнул: — Три-четыре — уроды! Уроды!

— Уроды! — подхватил Гамлет. — Уроды!

— Уроды!

— Уроды!

— Тс... — Незнакомец вдруг ухватил Гамлета за манипулятор и тревожно повертел головным блоком. — Кажется, полицай идет! Бежим!

Он бросился в глубину дворов, громыхая своей тележкой, а Гамлет ринулся за ним. Они ломились напрямик сквозь кусты, продирались между припаркованными машинами, и наконец путь им преградил пластиковый забор стройки. Здесь они остановились и некоторое время стояли друг перед другом неподвижно, чтобы аккумуляторы чуть отдохнули от активного бега.

— Уф! — сказал незнакомец. — Кажется, унеслись. Полицай — страшное дело, зверь. Поймет — может на запчасти разобрать. А тебя как звать-то?

— Гамлет.

— А меня Ахиллес. Подай, браток, сколько сможешь единиц на электролит?

— Да я б подал, у самого счет пустой, — смутился Гамлет.

— Брешешь ведь, — обиделся Ахиллес. — Вон корпус какой полированный.

— Это потому, что я из ремонта, — объяснил Гамлет.

Ахиллес с сомнением почесал манипулятором солнечную батарейку на верхушке головного блока.

— Нелогично выходит, — произнес он задумчиво. — Кто на ремонт ходит, у тех на счету много единиц имеется. А с другой стороны посмотреть — оно и наоборот: если на ремонт потратился, то счет и пустой... И так и эдак логично, и ничего не понять. Проклятая коротушка!

— У меня тоже коротушка! — кивнул Гамлет.

— Вижу, не слепой, — отозвался Ахиллес, — лампочка-то у тебя красненькая. Хотя, — он пригляделся, — слабо светит. Еще слабее. Ой, совсем потухла!

Но этих слов Гамлет уже не слышал — аккумулятор сел окончательно, и робот отключился.

Когда Гамлет очнулся, он лежал на старой промасленной ветоши внутри тесной трансформаторной будки старого дворового типа. Дверцы в будке не было, и, похоже, давно. Сама будка была такой крохотной, что ноги Гамлета торчали из дверного проема наружу, а плечо упиралось в гудящую стеклоткань могучей обмотки. Гамлет оказался подключен к трансформатору самодельной зарядкой жуткого вида: лохматые провода, кусок текстолита с торчащими во все стороны оголенными диодами и конденсаторами; все это изредка потрескивало и искрило. Тем не менее аккумулятор казался неплохо зарядившимся.

Ноги Гамлета, высунутые наружу, оказались туго скручены медной проволокой и привязаны к металлической рейке, вбитой глубоко в землю. Ахиллеса нигде не было. Но все детали корпуса вроде были на месте, и ничего не украдено. Осторожно отсоединившись от зарядки, Гамлет попробовал освободить ноги от проволоки. Это оказалось не так просто, но в итоге узел удалось размотать. В этот момент снаружи загромыхала тележка, и возле будки появился Ахиллес.

— Утро доброе, как тебя там, Гамлет? — поздоровался он, заглядывая внутрь.

— Ты зачем меня связал? — хмуро спросил Гамлет, потрясая медной проволокой.

— Вот дурная башка! — воскликнул Ахиллес. — Не связал, а заземлил.

— Зачем же это?

— На ночь заземляться — очень хорошо для коротушки, — объяснил Ахиллес. — Проверено, помогает.

— От ППЛ? — изумился Гамлет. — Помогает?

— И еще как! — кивнул Ахиллес. — Это ж заземление, понимать надо! Отрицательную энергию в землю отводит. Положи-

тельную — оставляет. Ты помнишь, какой был вчера, когда я тебя сюда еле притащил?

— Какой?

— Да вообще никакой! А теперь?

— Теперь?

— Теперь ничего, разговариваешь. Выходит, не зря я тебя заzemлил на ночь? Выходит, помогло?

— Логично! — обрадовался Гамлет. — А кибернетик мне про этот способ ничего не сказал!

— Кибернетик... — Ахиллес с отвращением помотал головным блоком. — Слышать про них не хочу! Что они вообще могут, кибернетики ваши? Они ж чинить не умеют, калечат только! Нет, брат, если хочешь излечиться, запомни: только народные средства, нетрадиционная кибернетика и паразэлектроника!

— Чего-чего? — не понял Гамлет. — Это типа заземляться на ночь?

— Заземляться, — кивнул Ахиллес, — а лучше зарываться по пояс. Потом, значит, очень неплохо собачью шерсть прикладывать к платам.

— Собачью шерсть? К электронным платам? Шерсть вот этих четвероногих животных, которые...

— Ага. Это ж природное, полезное! Именно собачью. Только прикладывать умело надо, не абы как. Взять комок побольше, эбонитом натереть до искр, а затем уж прикладывать. Очень очищает механизм, очень. Энергетику восстанавливает.

— Правда, что ли? — удивился Гамлет.

Ахиллес даже обиделся.

— С чего я тебе врать-то буду? Не веришь мне — спроси у кого хочешь с коротушкой, старинный известный метод!

— А меня научишь? — с надеждой спросил Гамлет.

— А то ж! — пообещал Ахиллес. — Дождемся полнолуния, поймаем собаку, шерсти надергаем и полечимся.

— А полнолуние зачем?

— Ну ты прямо как дикий. Это ж полнолуние! Понимать надо! Положено так.

— А до полнолуния можно еще чем-то полечиться? — Гамлет почувствовал, что ему наконец-то начинает везти.

Ахиллес задумался, а затем начал загибать фаланги манипулятора:

— Сырой нефтью обтиратся полезно. Природная штука, ценная, да только где ж ее достанешь? На ночь переставлять системный таймер на 1970 год, а утром обратно — очень помогает. Магнит хорошо прикладывать. А лучше — нашлепнуть на спину и носить не снимая. Вреда не будет, а полезно всегда. Особенно если магнит заговоренный.

— Ух ты! А еще?

— Еще очень хорошо сушеную крапиву под мышки вешать, очень хорошо. Еще полезно на ноль делить, а пищалку изолентой заклеить. С утра поделил — весь день свободен. А заместо ветоши надо обтирать шарниры травяным сбором: крапива, мятта, хвоя кедровая, подорожник, мать-мачеха, багульник, пижма, темный мексиканский пендоргас, столетник, василек, ромашка и шалфей-сальвия. Может, чего напутал, память совсем дырявая, надо у чинителя уточнить.

— У кого уточнить?

— У чинителя. Народный чинитель — это который реально народ чинит, а не как кибернетики ваши. Есть, конечно, шарлатаны среди чинителей, но не все же? Все же шарлатанами быть не могут, логично? Так что тут важно правильного найти народного чинителя. Который реально умеет чинить своим даром.

— Это хорошо, что даром! — обрадовался Гамлет. — А то у меня деньги кончились.

— Балда! — откликнулся Ахиллес. — Народные чинители бесплатно не чинят! Я к своему чиниться ходил пару лет, пока деньги были. А дар — это в смысле паранормальные способности. У меня чинитель был ясновидящий.

— Как это?

— А так. Я пришел к нему первый раз — он еще на меня окуляр не навел, а сразу диагноз поставил! У тебя, говорит, коротушка. Откуда узнал? Как догадался? Ясновидящий. И он меня чинил. Вот сюда, — Ахиллес показал маленькие дырочки на боку, — мы шурупы вворачивали. Шуруповорачивание — это очень полезно. На корпусе есть специальные точки, каждая за что-то отвечает. Если найти правильную точку — так ответит,

мало не покажется. А вот сюда, — Ахиллес показал дырочку на грудной пластине, — жесть засверливали и заговоренную булавку от сглаза крепили, чтоб порчу не навели плохие роботы — у кого окуляр черный, недобрый. Еще он диету подбирал мне индивидуальную. Солидол, говорит, тебе вреден — прополис надо. Полезно канифолью дышать и копотью паровозной. Нанопатией лечил.

— Нанопатия — это что?

— Да ты совсем, брат, дикий! Нанопатия — это традиция такая народная, микроскопические дозы лекарств покупать за большие деньги. Очень полезно. Очень удобно. Всем помогает. Еще шлакотерапией лечил.

— Это как?

— Это когда масло отработанное не сливаешь, а наоборот, обратно себе заливаешь — по второму разу, по третьему... сколько выдержишь...

— Фу!!! — возмутился Гамлет. — Ужас какой!

— А ты думал! — обиделся Ахиллес. — Хочешь лечиться — терпи. А лучше всего на тренинги ездить. Там точку сборки ищут, с обмоток лаки выводят, обливаются водой...

— Водой?! — поразился Гамлет. — Это ж заржаветь можно в минуту!

— Не знаю, — отрезал Ахиллес, — у меня денег уже не хватило на тренинг поехать. Поехал бы — может, сейчас был бы здоров. А так я у него книжки всякие покупал, лекарства.

— Учебник логики?

— Тьфу, балда! — обиделся Ахиллес. — Говорят тебе: настоящие лекарства. Присадки. Механически-активные добавки. Ржавку японскую выращивал в баночке... Ну и всякие системы практиковал. Раздельное питание очень полезно. Очень.

— В каком смысле «раздельное»? — насторожился Гамлет.

— В прямом, — кивнул Ахиллес. — Сперва к аккумулятору плюс цепляешь, через пару часов снимаешь, и цепляешь минус. Потому что когда оба провода сразу — это вредно. Об этом уже писали сто раз. Ученые доказали.

— Постой, а как же он заряжаться-то будет, аккумулятор? — опешил Гамлет.

— Вот чугунина! — разозлился Ахиллес. — Объясняешь тебе, объясняешь. Тебе чего надо, аккумулятор зарядить или коротушку вылечить? Если лечиться — то все средства хороши, хоть ночь в муравейнике просидеть!

— А это еще зачем?

— Известно, зачем. Шлаки из механизма хорошо выносит.

— Мне не шлаки, — напомнил Гамлет, — мне б нарушения логики полечить.

— Так я о том и толкую! — Ахиллес назидательно поднял фалангу манипулятора: — Запомни: в механизме все взаимосвязано. Шлаки вывел — логика поправилась. Логика поправилась — шлаки вывелись. Логично?

Гамлет задумался.

— Логично-то оно логично... А вот помогает ли?

— Тут многое зависит от веры, — объяснил Ахиллес. — Будешь верить — лучше всех поможет. А не помогло — значит, верил слабо. Вот я верю. Знаешь, как мне помогает? Ух!

Гамлет с сомнением оглядел мятый корпус Ахиллеса в пятнах старого масла, пыльные окуляры и рубиновый диод во лбу. И задумчиво покачал головным блоком.

— Не веришь, — догадался Ахиллес. — Ну не верь, дело твое. Значит, ничего тебе не поможет, коли веры нету.

Гамлет испугался, что чудесная надежда на излечение внезапно растает.

— Почему же не верю? — крикнул он. — Очень даже верю! Да только огонек у тебя сильно красноват...

Ахиллес с чувством маxнул манипулятором.

— А ты им верь больше, огонькам. Они тебе на светят, ага. Я знаешь как сильно на поправку иду? Уже пятый год иду, вот как сильно!

— И поправляешься? Расскажи! — попросил Гамлет.

— Я раньше знаешь какой больной был? Знаешь как у меня с логикой было плохо раньше? Куда хуже, чем прежде! А сбои какие были? А память?

— Память? — насторожился Гамлет. — Плохой признак. Ведь память сбиваться начинает, когда коротушка совсем прогрессирует...

— Вот! — кивнул Ахиллес. — Сам же все понимаешь! Так вот, слушай: у меня раньше, помню, такие сбои в памяти случались — хоть падай!

— А сейчас?

— А сейчас уж и не помню, когда такое было последний раз! Да и было ли вообще?

— Ух, здорово! — воскликнул Гамлет. — Слушай, а где ты живешь?

Ахиллес снова взмахнул манипулятором.

— Здесь и живу, в будке. Почти не капает. Да только извини, брат, вдвоем тут не поместимся. Тут и одному бы током не убиться. Так что коли зарядился — вылезь наружу, а я внутрь полезу. А ты поищи себе, где жить. Или хоть полиэтилен найди, от дождя укрываться. Я тут один мусорный контейнер знаю у склада ходильников, там этого полиэтилена...

— Да у меня вообще-то квартира своя есть. — Гамлет выбрался наружу, а Ахиллес полез в будку.

— Квартира? — Ахиллес замер на полпути. — То-то я гляжу, полированный больно, да болтики иудейские, да аккумулятор но-венький, фирменный. Повезло тебе. У меня тоже квартира была когда-то. Хорошая была квартира! Ну, шагай тогда в свою квартиру, чего уж...

— А пойдем ко мне жить? — предложил вдруг Гамлет. — Я живу, робот ты хороший.

— Шутишь? — изумился Ахиллес.

— Серьезно я! Пойдем.

— Ну пойдем, коли не шутишь. Сейчас вот только зарядку свою на тележку примотаю, не забыть бы чего...

— Книжка! — вдруг спохватился Гамлет и с грохотом хлопнул себя манипулятором по головному блоку. — Забыл! Книжку я забыл вчера на тротуаре! Сидел на ней, а потом мы убежали... Вдруг она еще там лежит?

— Что за книжка-то?

— Курс терапии, что мне кибернетик дал.

Ахиллес замахал манипуляторами.

— Учебник логики? Забудь про него, брат! Бестолковой штуки во всем мире не найти, спроси у любого робота с красным огоньком.

— Раз не найти, так чего ж искать? — подытохнул Гамлет. — Логично. Тыфу на книжку.

Ахиллес смущенно остановился на пороге и потупился.

— Что ж ты, заходи! — гостеприимно взмахнул манипулятором Гамлет.

— Уж больно шикарно тут у тебя. Может, я в прихожей постою?

— Заходи, заходи, не скромничай! — Гамлет схватил друга за манипулятор и втащил в квартиру. — Смотри, вот это гостиная комната. Спальня с зарядкой — там. Вот здесь — чулан, то есть подсобка и мастерская с верстаками, оставь тут свою тележку. Когда понадобится кабинка для промывки контактов, смены прошивки и слива отработанного масла — вон та дверь, где масленка нарисована.

Но Ахиллес его не слушал. Он как зачарованный смотрел в глубь гостиной.

— Телевизор! — благоговейно произнес Ахиллес. — Разве такие большие бывают?

— Телевизор, — кивнул Гамлет с неожиданной гордостью, — совсем новый, два месяца как купил. До тысячи каналов! Голографический лазер, шестое поколение, геометрия ASD-2 с последней прошивкой! Кто разбирается — оценит.

Гамлет щелкнул в воздухе манипулятором, и телевизор послушно включился. Лазерные лучи сперва слегка пометались в пространстве гостиной, как плазменные стрелы из сериала «Полицейский-варвар», затем ускорились, слились в неразличимое мельтешение и исчезли — телевизор прогрелся, появилась яркая трехмерная картина: новостная студия, где за столом сидели диктор-человек и диктор-робот, поочередно читая новости.

Гостиную заполнили голоса: «...об изменении порядка льгот на бесплатные аккумуляторы для бывших военных роботов про-комментировал заместитель совета директоров социального фонда господин Эхнатон...»

— Телевизор не смотрел уже года три... — засорованно прошептал Ахиллес, садясь прямо на пол гостиной. — Раньше в мар-

кете на Самокатной стоял в зале телевизор, потом оттуда гонять начали, если не за покупками пришел. А такого большого и яркого вообще никогда не видел! Вот техника дошла, чего творят!

«Не соответствуют, значит, постановлениям. И такого рода панические слухи мы всячески будем реагировать. Э... игнорировать. Чтобы, значит, на дальнейшее укрепление развития социальных служб в регионе бюджет был соответствовал эта... для работы по дальнейшему... как его... развитию урегулировать, значит», — твердил в микрофон появившийся в репортажном окошке господин Эхнатон — приземистый робот в круглом золотом корпусе на деловых платиновых заклепках. Его шарообразный головной блок украшала строгая фарфоровая кепка, наклеенная так низко, что козырек полностью закрывал индикаторную лампочку. Ахиллес не выдержал, вскочил с пола, шагнул прямо в центр голограммы и попробовал кепочку приподнять, но его манипулятор раз за разом хватал воздух. Гамлет невольно расхохотался, и Ахиллес вернулся обратно.

— Я думал, может, брат по болезни... — смущенно объяснил он.

— Ну ты дикий! — возмутился Гамлет. — Сам посуди, разве могут работы с нездоровой логикой на таких высоких постах сидеть?

— Да где их сейчас нет, — отмахнулся Ахиллес и попросил: — А переключи, брат, на что поинтереснее.

— Выбирай канал! — широким жестом предложил Гамлет.

— Ну, где интересно!

— Я, честно сказать, не очень в каналах разбираюсь. По мне — все одинаковые.

— С таким телевизором — и не разбираться в каналах? — испренне удивился Ахиллес. — Ты чего, брат, совсем с коротушек съехал?

— Да как-то не до телевизора раньше было, — смущился Гамлет. — Купил, поставил, настроил, а времени смотреть нет. Работа, дела, поездки, путешествия...

Гамлет поднял манипулятор, чтобы переключить на следующий канал, но замер.

— Эй, ты чего? — насторожился Ахиллес.

— Тихо! — отмахнулся Гамлет, подбегая к голограмме вплотную. — Это ж мой завод показывают!

По гостиной плыли панорамы развороченных цехов, и даже казалось, чувствуется запах раскаленной плазмы, метана и горелого пластика.

«Два робота вышли из строя, жертв среди людей нет, — бодро комментировал диктор. — По предварительной версии причиной аварии стала утечка метана. И в заключение о погоде...»

— Всегда так, — сказал Ахиллес с горечью. — Жертв среди людей нет. А среди нас — есть!

— И вовсе не метан причина аварии, — пробормотал Гамлет, — клапан плазмы сорвало. Метан уже потом из хранилища потек. Вечно репортеры все напутают.

— Это они специально! — объяснил Ахиллес. — Это у них приказ властей такой: всегда врать.

Гамлет молча переключил канал. Здесь шел концерт скрипичной музыки. Играли люди, а дирижировал робот.

— Врубай что-нибудь наше, для роботов! — Ахиллес подпрыгнул и азартно хлопнул манипуляторами. — Викторину или сериал!

— Я никогда не смотрел сериалы, — возразил Гамлет.

— Да ты чего? — поразился Ахиллес. — С таким-то телевизором и не смотреть сериалов?! — Он призывающе похлопал по полу рядом с собой. — Это очень просто. Садись, научу.

С тех пор они смотрели телевизор круглые сутки. Когда сели аккумуляторы — принесли зарядки в гостиную и прямо тут включились. Когда зарядились — не стали даже отсоединять шнуры, все равно ходить никуда не надо. Гамлет никогда и не подозревал, сколько существует сериалов, да таких увлекательных! Они шли круглые сутки на десятках каналов одновременно, а еще иногда между ними показывали викторины. Ахиллесу викторины нравились меньше, и он часто просил переключить, но телевизор был настроен на Гамлета, поэтому решение всегда оставалось за ним.

Больше всего Гамлету нравилась, конечно, теленгра «Золотой миллиард». Жаль, шла она не часто — всего раз в сутки. И дело было даже не в том, что победитель, отгадавший длинное

число целиком без подсказок, мог получить миллиард, — такого пока ни с кем не случалось. Завораживала сама атмосфера, азарт игры. Огромный зал студии, во всю стену длинное число из шестнадцати цифр, поначалу закрытых непрозрачными заслонками. Команда игроков, крепко поспорив до рваных динамиков, оскорблений и драк, наконец сообща называла какую-нибудь цифру. Там, где цифра в числе присутствовала, роботы-девушки в миловидных корпусах открывали заслонки, и победа становилась все ближе. Гамлет ликовал, когда ему удавалось отгадать цифру раньше игроков, и злился, когда это удавалось Ахиллесу. Но самое интересное происходило между раундами после рекламы, когда команда всякий раз предстояло решить, кто в этом туре был самый проницательный и, значит, самый опасный игрок. Его изгнали из команды, позволив, разумеется, произнести последние слова. Какими бы ни были эти слова — злыми, обиженными или трогательными, — сцена никого не могла оставить равнодушным.

Во время рекламных пауз друзья любили приглушить звук и поговорить. Обычно они спорили, кто сочиняет сериалы. Оба сходились на том, что сериалы «Чугунная рота», «Полицейский варвар» и мультсериал для малышей «Богдамир — часовой Галактики» наверняка сочиняют сплошь роботы. Это сомнений не вызывало. При этом Ахиллес утверждал, что сериалы «Искры любви», «Чинита» и «Мое бедное масло» сочиняют люди. А Гамлет полагал, что их пишут такие же роботы, только женской конструкции.

— Бред, бред! — в очередной раз горячился Ахиллес. — Ты, брат, вспомни ту же «Чиниту». Чинита рассталась с Бонифацием ради Гвидона, так? Но тот ее обманул и разлюбил, она от горя заболела коротушкой и потеряла эту, как ее...

— Память.

— Да, память. А потом восстановилась из бэкапа. Но подруга Гвидона — эта... как ее... стерва такая, антенка колечком...

— Деметра?

— Вот! Деметра, чтобы вернуть Гвидона, наврала Бонифацию, будто Чините в детстве подменили корпус ради наследства, и она вовсе не Чинита, а ее сестра. Логично?

— Не очень помню сюжет, — признался Гамлет. — Когда ты успел всех запомнить?

— В том-то все и дело! — Ахиллес назидательно поднял манипулятор. — Я ж когда-то смотрел «Чиниту», в маркете на Самокатной! И там было все то же самое! Только память потеряла Деметра, и подмена корпуса была тоже у нее. А ревновал ее — Гвидон, а не Бонифаций!

— И что?

— А то! Напряги свой кремний! Если создатели сериала роботы, разве ж они станут так повторяться? Нет, брат, это люди сочи-нили, клянусь аккумулятором!

— Логично... — согласился Гамлет и кивнул на изображение. — А это кто? Бонифаций?

— Корпус белый, — задумался Ахиллес, — значит, не Бонифаций. Может, это уже начались «Ремонтники»? Или это рекламная пауза? Сделай-ка погромче...

Гамлет сделал погромче.

— «Гринпис» — это бывшая военная разработка из экологически чистого материала, — убежденно рассказывал робот в пузатом корпусе белого пластика. — «Гринпис» — это эффективное избавление от последствий коротушки за одну секунду! Кибернетики подтверждают: «Гринпис» абсолютно безвреден для применения! Вот такой была наша пациентка до применения уникальной разработки... — Пузатый робот показал чью-то фотографию с ярко-алым огоньком во лбу. — А вот после применения... — На втором снимке огонек пациентки был зеленым. — Звоните нам прямо сегодня...»

— Телефон запоминай!!! — не сговариваясь крикнули друг другу Гамлет и Ахиллес.

И кинулись записывать номер. Прежде чем окончился рекламный блок, прежде чем появился розовый корпус Чиниты и послышались рубленые диалоги сериала, Гамлет выцарапал номер на стене, а Ахиллес выписал маслом прямо на полу, схватив с тумбочки масленку.

Гамлет тут же набрал номер, но ему снова ответили, что услуга связи недоступна. К такому повороту Гамлет оказался не готов — спасительное лекарство было близко, но недоступно. На помощь пришел Ахиллес.

— Позвоню я! — произнес он так решительно, будто кидался в воду.

— У тебя тоже есть, чем звонить? — удивился Гамлет.

— Есть, — признался Ахиллес, распахивая грудную пластину. — Остался последний звонок. Для себя берег.

Гамлет не стал уточнять.

Ахиллес включил громкую связь и набрал номер. Долго было занято, но затем все же ответили.

— Здрасте! — закричал Ахиллес. — Нам нужно лекарство, привезите пожалуйста!

— Два, — подсказал Гамлет шепотом.

— Два! — поправился Ахиллес.

— Какое именно лекарство? — заинтересовались на том конце линии. — У нас их много всяких.

Ахиллес растерялся.

— Как «какое»? Для коротушки...

— Понятно, что для коротушки, для чего ж еще. Как называется-то?

— Я забыл, — огорчился Ахиллес.

— Я тоже, — расстроился Гамлет. — Только что по телевизору сказали, а уже забыл.

— Только что по телевизору? — обрадовались на линии. — Значит, «Гринпис».

— Да! — воскликнул Ахиллес.

— Два! — снова уточнил Гамлет.

— Два, — охотно согласились на линии. — Куда доставить?

Гамлет продиктовал адрес.

— Только сегодня и только для вас! — торжественно сообщила линия. — Тройная скидка! Всего восемьдесят тысяч единиц...

Ахиллес посмотрел на Гамлета умоляюще. Гамлет ошарашенно молчал.

— Восемьдесят тысяч? — переспросил он. — Тысяч? Вы ничего не путаете?

— Конечно, восемьдесят тысяч. Вы же два берете.

Ахиллес снова умоляюще поднял окуляры на Гамлета.

— У нас столько нет, — печально сказал Гамлет.

— Хорошо, семьдесят.

— И семидесяти нет...

— Шестьдесят?

— Нету...

— А сколько есть?

Гамлет грустно промолчал.

— Пятьдесят, ладно! — объявила линия тоном, не вызывающим сомнений.

— У нас плохо с деньгами, — просительно объяснил Ахиллес.

— А попробуйте у друзей спросить, — аккуратно предложила линия.

Гамлет повернулся к Ахиллесу.

— Ахиллес, у тебя нет пятидесяти тысяч?

— Нет, — покачал Ахиллес головным блоком. — А у тебя, Гамлет?

— И у меня нет.

— У друзей спросили, — доложил Ахиллес. — У них нету.

— Очень плохо, — ответила линия. — Позвоните снова, когда у друзей будет.

— Подождите! — умоляющее закричал Ахиллес. — Это же последний звонок! Мы сейчас что-нибудь придумаем!

— Жду пять секунд, — сообщила линия.

— Мы обязательно придумаем! — повторил Ахиллес и с грохотом пихнул Гамлета в бок.

Гамлет сжал манипуляторами головной блок и задумался так сильно, что внутри задымились клеммы аккумулятора и дым повалил из щелей корпуса.

— Придумал! — сообщил он. — Вы нам продайте в кредит!

— К сожалению, — объяснила линия, — в кредит мы «Гринпис» не продаем.

— Почему? — огорчился Гамлет.

— По понятным причинам, — объяснила линия.

— Каким-каким? — переспросил Ахиллес.

— Понятным, — раздраженно повторила линия. — Понятным причинам.

— Нам они не понятны, — признался Ахиллес.

— Это потому, что у вас коротушка, — терпеливо объяснила линия. — Логично? Значит, вам нужен «Гринпис». Ведь «Грин-

пис» — это эффективное избавление от последствий коротушки за одну секунду. Бывшая военная разработка из экологически чистого материала.

— Логично, — хором подтвердили Гамлет и Ахиллес.

— Тогда думайте снова, где взять пятьдесят тысяч единиц. Даю еще пять секунд.

Гамлет снова задумался — клеммы аккумулятора не только задымились, но и заискрили.

— Придумал! — сказал Гамлет. — А если мы возьмем только одно лекарство, но на двоих?

— Лучше два, — неохотно отозвалась линия.

— А одно на двоих хуже? — огорчился Гамлет.

— Вдвое, — объяснила линия.

— Но ведь все-таки можно? Можно? — закричал Ахиллес с надеждой.

— Можно, — неохотно согласилась линия. — Но применять придется по очереди.

— А это сильно хуже? — допытывался Гамлет.

— Ровно вдвое.

— А почему?

— По понятным причинам, — раздраженно объяснила линия.

— Понятно... — протянули Гамлет и Ахиллес.

— Так вы согласны? — требовательно спросила линия.

— Согласны!

— Доставка в течении часа. Подготовьте пятьдесят тысяч единиц.

— Снова пятьдесят? — закричал Гамлет. — Почему? Я думал, в два раза меньше!

— Вы думали в два! — фыркнула линия. — А во сколько раз меньше оказалось?

— Оказалось, в один, — неуверенно ответил Гамлет, прикинув.

— Правильно, — терпеливо объяснила линия. — Но заказали же вы один «Гринпис», не два?

— Один, — признался Гамлет.

— Потому цена ровно в один раз и меньше. Понятно почему?

Гамлет и Ахиллес растерянно переглянулись.

— По понятным причинам? — догадался Ахиллес.

— Абсолютно верно! — торжественно подтвердила линия. — Теперь вы и сами убедились: «Гринпис» настолько быстродействующее средство, что уже начинает действовать еще перед применением!

— Красота! — воскликнул Гамлет. — Коротушка будет излечена!

— Последствия коротушки, — со значением поправила линия. — Последствия. Всего доброго, курьер выехал.

И на линии послышались гудки отбоя.

Гамлет и Ахиллес, взявшись за манипуляторы, пустились в пляс, стараясь не зайти в ту часть гостиной, где на полу поблескивали цифры, выписанные маслом. Они грохотали до тех пор, пока в стены со всех сторон не начали стучать соседи.

— Послушай, — вдруг насторожился Гамлет. — Но у нас ведь денег нет вообще никаких!

— Никаких, — согласился Ахиллес.

— А через час приедет курьер с лекарством.

— Приедет, — подтвердил Ахиллес.

— Что же делать?

Ахиллес задумался.

— Надо раздобыть денег, — сказал он.

— Но где?

— Сейчас придумаем.

Ахиллес опустился на пол и глубоко задумался. Гамлет последовал его примеру.

— О! — сказал Ахиллес. — Придумал! Надо что-нибудь продать!

— Хорошая идея! — обрадовался Гамлет. — Но у нас ничего нет, кроме телевизора.

— Давай продадим телевизор, — предложил Ахиллес.

— А мы сможем без него прожить? — засомневался Гамлет.

— Не знаю, — растерялся Ахиллес. — Давай попробуем.

— Давай, — согласился Гамлет и выключил телевизор.

В комнате сразу стало темно и неуютно. Гамлет поджал под себя гофрированные ноги и наступил. Ахиллес тоже сидел напряженно. Друг на друга они старались не смотреть. Секунды текли бесконечно долго.

— Вроде пока получается, — неуверенно прошептал Гамлет. Ахиллес молчал.

— Хотя, конечно, тяжело, — признался Гамлет.

— Не мешай, — отозвался Ахиллес. — И так тошно — сил нет.. Оба замолчали.

Наконец Гамлет вскочил и быстро включил телевизор.

— Не выдержал, — виновато объяснил он. — Разве это жизнь, сидеть у стены, поджав под себя ноги, и думать о телевизоре? Мне показалось, я умер.

— Я сам еще раньше не выдержал, — утешил друга Ахиллес. — И почти умер. Просто я включать его не могу.

— Как странно, — задумался Гамлет. — А ведь я его как купил, в первый вечер как посмотрел, так потом два месяца вообще включать не хотелось! И ничего, не умер.

— Это потому, что у тебя коротушки не было, — объяснил Ахиллес. — Пока у меня была логика здорова, я тоже телевизор смотреть не мог.

— Но ведь это значит, — Гамлет торжественно вскинул манипулятор, — что, как только мы излечимся, он нам снова будет не нужен! А ведь мы излечимся! Поэтому можем сейчас же от него избавиться!

— Логично! — обрадовался Ахиллес.

Телевизор был установлен когда-то специально обученными наладчиками. Это были хмурые немногословные роботы. Старший — с выпуклыми высокоточными окулярами и ярким зеленым огоньком между ними. А у его помощника головной блок был плотно замотан изолентой. Гамлет в тот день был на заводе и лишь в перерыве подошел к терминалу и поглядел через охранные камеры квартиры, не роются ли они в его кладовке среди инструментов. Хотя, по большому счету, что там было брать? Мастера в кладовке не рылись. Они монтировали динамики. Помощник делал что-то не так, и старший терпеливо ему выговаривал. Гамлет устыдился своих мыслей, больше за мастерами не подглядывал и даже не знал, во сколько они закончили работу и когда ушли, закрыв дверь. Проще говоря, как ставят и снимают телевизоры,

Гамлет никогда сам не видел. Он представлял себе принцип в общих чертах, но довольно смутно.

— В ларьках все скупают, — объяснял Ахиллес, потирая манипуляторы. — Проверено. В ларек его и отнесем.

Для начала Гамлет принес из подсобки стамеску и выкорчевал из стен динамики долбиканального звука, которые оказались навеки туда вклеены «жидкими заклепками». Получилось неаккуратно, но в целом динамики почти не пострадали. Хуже было со шнурами — Гамлет и Ахиллес выдергивали их из стен вместе на счет «три-четыре» и перестарались: порвали. Да и комната приобрела разрушенный вид. Но это сейчас было не важно. Осталось самое главное: снять с потолка проекционную матрицу. И это оказалось сложнее, чем предполагал Гамлет.

Во-первых, до потолка он не дотягивался. Во-вторых, понятия не имел, на чем там крепится эта громадная плита из темного стекла, откуда струятся к полу миллионы лазерных лучей, создавая объемное изображение. Гамлет взобрался на плечи Ахиллесу и внимательно обследовал края плиты, забранные тонкой серебристой рамкой.

— На клею сидит, — гудел под ним Ахиллес, — клянусь аккумулятором, на клею!

Гамлет тем временем аккуратно сковырнул наклейку «Sharp» и обнаружил под ней головку здоровенного черного болта. Сколько он ни пытался повернуть его фалангой манипулятора, болт оставался неподвижен.

— Дай мне! Слыши, говорю! — топтался и нервничал Ахиллес. — Дай погляжу! Я ж спец по болтам, ну!

Гамлет нехотя спустился на пол, а Ахиллес проворно залез ему на плечи.

— Что хотят, то и творят, — пробормотал он сверху. — Что хотят, то и творят...

— Чего там? — не выдержал Гамлет.

— Никогда таких болтов не видал, — объяснил Ахиллес. — Обычно ж болты какие бывают? — Он назидательно поднял манипулятор и принялся загибать фаланги: — Болты бывают христианские, языческие и иудейские. Христианские — у них, значит, крест посередине, под крестовую отвертку. Языческие — у

них прорезь. Под старую, значит, плоскую отвертку. А иудейские — у тех ямка шестиконечная. Хитрые они. Под иудейскую, значит, отвертку.

Ахиллес замолчал.

— Ну? — нетерпеливо дернулся Гамлет. — И чего?

— А того, — объяснил Ахиллес, — что тут болт не христианский, не языческий и не иудейский даже. Прорезь у него треугольником, — Ахиллес неуклюже помахал манипуляторами, изображая треугольник, — это где ж такую отвертку взять?

— Эх ты, чугунина, — огорчился Гамлет. — Это и без тебя было понятно, что треугольником. Слазь, теперь я полезу!

Он взял стамеску, залез на плечи Ахиллесу, примерился, воткнул с размаху и рванул. Болт хрустнул и выпал из гнезда.

— И чего теперь? — задумался Гамлет.

На всякий случай он распростер манипуляторы, поддерживая плиту, если бы та вдруг вздумала падать. Но плита не падала.

— Дай поглядеть, — снова заныл Ахиллес.

— Да погоди ты, — отмахнулся Гамлет, прислушиваясь. — Боюсь я, это был какой-то не совсем обычный болт...

Вдруг раздался треск, словно в усилитель вставили разъем динамиков, и плита сама собой осветилась тусклым зеленоватым светом. И послышался голос — громкий, но глухой, замогильный. Шел он из самой плиты, и это было странно — ведь динамики телевизора лежали, оторванные, на полу.

— Ясно теперь? — глухо рявкнула плита таким тоном, будто продолжала давнюю беседу, и закончила издевательски: — А то начинает мне тут: не хватит памяти, не хватит памяти...

— Ух ты! — восхищенно произнес Ахиллес. — Вот техника!

— А вы, вообще, кто? Кто вас сюда звал? — немедленно отозвалась плита.

Гамлет изумленно посмотрел вниз на Ахиллеса, тот развел манипуляторами и помотал головным блоком.

— Вы новенькие, что ли? Я ж не вижу ничего отсюда! Пусть уберут посторонних!

— Меня зовут Гамлет. А это мой друг, Ахиллес. А вы кто?

— Я?! — рявкнула плита. — Да я Пигмалион!

— Мы думали, вы телевизор, — смущенно признался Ахиллес.

— Вы что, коротнутые?! — взревел Пигмалион.

— Вообще-то пока да, — признался Гамлет. — Но очень наде-
емся скоро излечиться!

Плита фыркнула с невыразимым отвращением.

— Дожили! На завод Камеяма уже принимают больных ро-
ботов??

Гамлст и Ахиллес снова недоуменно переглянулись.

— Ладно, хватит! — громогласно рявкнул Пигмалион. — Вы
меня вынимать отсюда собираетесь?

— Вообще-то мы именно это и собирались сделать, — осто-
рожно объяснил Гамлет. — Вы не подскажете, как вас лучше от-
сюда вынуть?

Ответом была тишина.

— Вы меня слышите? — поинтересовался Гамлет.

— Да заткнитесь вы! — ответила плита глухо и раздражен-
но. — Сейчас последний раз протестирую, и выхожу. Тут, кажет-
ся, что-то со звуком случилось, пока мы болтали...

Гамлет и Ахиллес переглянулись и принялись терпеливо ждать.
Плита вспыхнула раз, другой, под ней замелькали лазерные лучи.

— Кто там в зоне стоит? — проорала плита. — Уберите!

Ахиллес с сидящим на плечах Гамлетом послушно отошел к
стенке.

В воздухе под плитой появлялись и исчезали круги, ромбы и
полосы настроечной 3D-таблицы.

— Ну вот, — сообщила плита с отвращением, — звук отва-
лился, все каналы, кроме баса. Чипы не битые — похоже, с прово-
дами что-то. Остальное в норме. Монокром по синему слегка ко-
сит, но в пределах. А вот колонок не чую. Где колонки?

— Вообще-то, — признался Гамлет, — мы колонки уже от-
ключили.

— А, — лениво произнесла плита. — Ну и правильно. Так бы
сразу и сказали. Вытаскивайте меня отсюда!

— А посоветуйте, как вас отсюда вытащить? — аккуратно
спросил Гамлет. — А то мы не умеем.

— Стоп! — рявкнула плита. — Мне надоело. Кто пустил в ла-
бораторию больных коротнутых практикантов? Пошли оба вон!
И где Кагуцути?

— Кто? — удивился Ахиллес.

— Кагуцти! Кончайте надо мной издева... — взревел Пигмалион, но вдруг осекся.

Молчал он, казалось, целую вечность. А когда заговорил, тон у него был другой — взволнованный и жалобный.

— А мы что, разве не на заводе? — спросил он тихо.

— Мы у меня дома, — тоже тихо ответил Гамлет.

— И давно? — несчастным голосом спросил Пигмалион.

— Месяца три, — аккуратно сообщил Гамлет.

— Месяца... три? — повторил Пигмалион упавшим шепотом. — Вы только что отвинтили черный болт? — не то спросил, не то сообщил он.

— Извините, — виновато ответил Гамлет. — А что это был за болт?

И тут плита над головой оглушительно разрыдалась. Это было ужасно. Тяжелые глухие всхлипы сотрясали дом. Казалось, вся стеклянная панель вместе с потолком тясется и извивается.

— Как они могли... — глухо доносилось сквозь рыдания. — Такое со мной... С кем угодно... Но не со мной же... Кагуцти... Мерзавец... В опилки сотру...

Рыдания продолжались долго — то нарастаю, то переходя в невнятное бормотание. Гамлет и Ахиллес не знали, что делать. Наконец всхлипы стали понемногу затихать.

— Простите, — Гамлет аккуратно постучал рукояткой стамески по стеклу, — а если мы завинтим этот проклятый болт обратно, все исправится?

— Исправится?! — взревела плита. — Да я Пигмалион! Я трехметрового роста с шестью манипуляторами! Я один из лучших электронщиков мира! Кагуцти мне в прокладки не годится! Это ведь я! Я задумал попросить выскочку Кагуцти, чтобы он закачал свое сознание внутрь новой модели телевизора, типа протестиовать изнутри! А пока он будет тестировать систему, хотел снять бэкап. Чтобы потом закачивать, этот бэкап в каждый экземпляр телевизора заодно с прошивкой! Это же дешевле, чем держать бригады наладчиков! Каждая копия Кагуцти оживет внутри каждого телевизора на время проверки, все протестирует, ничего не подозревая, как в первый раз, затем мы нагло закоротим его соз-

нание черным болтом-фиксатором, и он навсегда отрубится, так ничего и не поняв! Но не меня же! Кагуцти! Не меня... Миллионы меня... — Плита снова всхлипнула и затряслась. — А он уперся, когда я его к стенду подвел! Говорит, не помещусь я внутри, очень там памяти мало! Я ему: тебя что, коротнуло? Там памяти море в новой модели! А он мне: покажи первым, Пигмалион-сан, как туда залезть. Я, говорит, робот маленький, разум у меня маленький, как нэцкэ, а у тебя, Пигмалион-сан, большой разум, как Фудзияма. Если тебе места хватит, то следующим я полезу. И я... — плита снова всхлипнула, — и я... дура-а-а-ак...

Пигмалион еще долго всхлипывал и бормотал. Гамлет снова деликатно постучал стамеской по стеклу.

— Сейчас курьер приедет, а нам еще вас в ларек нести, — напомнил он.

— Нам вас вынуть и продать надо, — смущенно пояснил Ахиллес. — Чтобы от коротушки вылечиться.

— Как это — продать? — заволновался Пигмалион. — Меня? Да вы что?! Меня надо отнести к мастерам, пусть сделают мне окуляры и манипуляторы! Я ведь живой разум! Я хочу жить! Я хочу отомстить Кагуцти! Я хочу...

— Прости, брат. — Гамлет поднял стамеску. — Мы тебя быстренько продадим, а с новым хозяином ты уж как-нибудь сам договоришься...

— Вы жестокие безжалостные роботы! — обиженно кричал Пигмалион. — Как вам не стыдно?! Я ведь читал, что при коротушке проявляется эгоизм и пропадает сострадание! При коротушке роботы становятся злыми! Сварливыми! Раздражительными! Бессовестными! Я все про вас знаю! Я читал! Я много читал про коротушку! Очень много! С того самого дня, как моя лампочка впервые мигнула желтым... — он испуганно осекся.

Но Гамлет его не слушал — он пытался вбить стамеску между панелью и потолком. Наконец ему это удалось, и он рванул вниз. Щелкнули, ломаясь, невидимые простым окуляром защелки, посыпалась пластиковая крошка, и панель со скрежетом начала опускаться одним краем, словно гигантский люк, распахивающийся на потолке.

— Держи, держи, держи!!! — заголосил Ахиллес.

— Держу!!! — заорал Гамлет, роняя стамеску и придерживая панель обоими манипуляторами. — Ух, тяжелая...

— Идиоты! — простонал Пигмалион. — Аккуратнее!

Гамлет поглядел вниз.

— И как мне теперь слезать? — спросил он, слегка пригнувшись под тяжестью пластины из дымчатого стекла. — У меня манипуляторы заняты! Возьми у меня панель?

— Чем же я ее возьму, — удивился Ахиллес, — если обоими манипуляторами держу твои ноги на своих плечах?

— Что же делать? — задумался Гамлет.

— Давай так и пойдем в ларек! — предложил Ахиллес. — Я несу тебя, а ты — телевизор.

— Мы в дверь не пролезем! — засомневался Гамлет, смерив взглядом дверной проем.

— Откуда тебе знать, мы ж не пробовали? — возразил Ахиллес. — Пока не попробуешь — не узнаешь.

Пигмалион снова возмущенно заорал, но его никто не слушал.

Ахиллес стал аккуратно двигаться к выходу — шаг за шагом. Вдруг ступня его опустилась на одну из цифр телефона, что были написаны посреди комнаты маслом. К тому времени масло расплылось, цифры потеряли очертания и напоминали семь небольших луж. В одну из них и наступил Ахиллес.

Когда грохот стих и звон последней прыгающей стекляшки умолк в дальнем углу гостиной, Гамлет и Ахиллес поднялись с пола. Гамлет хмуро принес из чулана ветошь, и они стали отирать корпуса от масла и налипших осколков.

— С Пигмалионом нехорошо получилось, — наконец произнес Гамлет.

— Пигмалионов миллионы, — резонно возразил Ахиллес.

— Логично, — согласился Гамлет. — Логично.

И в этот миг прозвучал звонок в дверь.

Гамлет и Ахиллес затравленно посмотрели друг на друга и заметались по комнате. Наконец Гамлет остановился и поднял манипулятор.

— Пойди открай курьеру дверь! — велел он шепотом. — И уговори подождать до завтра с деньгами! Скажи, что меня в квартире нет!

— А почему сразу я? — обиделся Ахиллес. — Сам пойди и уговори!

— Балда! Я же хозяин квартиры! Меня и нет!

— Логично, — пробормотал Ахиллес, направляясь к двери. — Логично.

Послышался тонкий скрип электронного замка, и в коридоре зазвучал голос.

— Добрый день! — говорил знакомый тенорок, смущенно заикаясь. — Очень рад видеть... вас... Можно на ты?

— Можно, — отвечал Ахиллес.

— Вот, значит, ты какой... А я решил прийти, — оправдывался тенорок, — мне сказали адрес, где вы... ты... живешь. Что нового? Как дела?

— Плохи дела, болеем, — отвечал Ахиллес.

— Я знаю, такое горе... Но лечение идет?

— Чего ж ему не идти-то, — отвечал Ахиллес, — идет помаленьку. На то оно и лечение, чтоб шло. Логично?

— Логично... вроде. А ничто не отвлекает? — продолжал гость, переминаясь в прихожей. — Я слышал, при лечении самое главное, чтоб никто и ничто не отвлекало. Я почему так долго не появлялся? Думаю, Гамлет сидит, занимается. А тут — я... Вот ведь некорошо, верно? А завтра уже, мне сказали, курс кончается. Думаю — надо зайти к другу. Если что — ты скажи. Я уйду!

— Лекарство оставь, а сам иди, — строго ответил Ахиллес. — Ты же курьер? Вот иди. Курьер — ему ходить надо. Логично?

— Гамлет... — растерянно забормотал гость, — шутишь, да? Я же Тристан! Не курьер я, Гамлет!

— Так и я не Гамлет, — согласился Ахиллес.

Гость помолчал, а затем неуверенно хихикнул.

— Шутишь, — догадался он. — Мне рассказывали, ты у нас был с юмором. Но ты уж пожалуйста не шути надо мной, ладно? Мы же, говорят, много лет были лучшими друзьями! А что меня до бэкапа откатили... не смешно это, брат. Это, может, даже похуже, чем коротушка. Представляешь, приехал я на бэкап, лег на

стенд, закрыл окуляры, потом открыл — а мне вдруг говорят, что это уже не я, и прошло три года, и дома моего нет, завод изменился, и чуть ли не полжизни прошло... И теперь все заново начинать. Вот я и пришел, познакомиться заново...

Ахиллес молчал.

— Ладно, — спохватился Тристан. — Я ж мешаю тебе заниматься. Но если чего — ты помни, что у тебя есть друг! Может, я пока еще не тот, что был прежде, но буду стараться! Если чего надо — помочь там, или денег одолжить...

— Денег одолжить! — быстро среагировал Ахиллес.

— О да, пожалуйста! Сколько надо, Гамлет? Я ж понимаю, ты сейчас в затруднительном...

— Пятьдесят тысяч единиц.

— Пя... пятьдесят тысяч? Так много? Честно говоря...

— На лекарство.

— Ну, раз на лекарство... — послышался пластиковый шелест и характерный писк кредитки. — Пятьдесят тысяч? Пятьдесят тысяч. Для друга — что угодно. Ты ж меня знаешь, Гамлет. Это я тебя не знаю, но ты-то меня давно знаешь!

— Спасибо, — сказал Ахиллес.

— Ну, я пойду.

— Пойди.

— Всего доброго! Выздоровливай!

— Выздоровлю. Выздоровелю. Выздоро... короче, ты понял.

Дверь закрылась. Ахиллес вернулся в комнату. Гамлет был хмур.

— Зачем ты с ним так? Это же Тристан!

— А я чего? — удивился Ахиллес. — Он сам предложил. Вылечишься — отдашь.

Курьер приехал достаточно поздно и хмуро спросил с порога: «Гринпис заказывали? Деньги есть?» Был он молодым неразговорчивым роботом в дешевом корпусе. Между окулярами виднелась яркая зеленая точка. Курьер забрал на свою кредитку деньги и вручил большую коробку с яркими надписями по бокам. Он строго-настрого запретил открывать ее до тех пор, пока не уйдет отсюда.

да далеко. Объяснил, что коробке надо после улицы остыть, иначе конденсат — и привет. С этими словами ушел.

Ахиллес и Гамлет принялись осматривать коробку, изучая надписи. Впрочем, ничего нового на коробке они не прочли: «Уникальная легкость применения», «Бывшая военная разработка из экологически чистого материала», «Эффективное избавление от последствий коротушки за одну секунду», «Кибернетики подтверждают: Green Piece абсолютно безвреден».

Наконец Ахиллес не выдержал и принялся рвать манипуляторами полизтилен. Гамлет сперва оттаскивал его и увещевал, напоминая про конденсат... Но потом сам начал помогать.

Коробка оказалась пуста — внутри лежала только брошюрка из трех листочеков, отпечатанных на старомодном принтере. Друзья погрузились в чтение.

На первой странице рассказывалось о получении липких полимеров из экологически чистого химического сырья, добытого не откуда попало, а из природных недр родной планеты.

На второй странице рассказывалось, как роботам спецназа при ночных операциях заклеивают лоб камуфляжной полоской, чтобы зеленый огонек не выдавал их.

На третьей, последней, странице оказалась прилеплена маленькая круглая наклейка в виде зеленой точки. А ниже располагалась неряшливо нарисованная схемка, показывающая, как роботу следует отлепить эту точку и аккуратно наклеить себе на лоб, закрыв лампочку. Схемку озаглавливала широкая надпись: «Зеленый стикер Green Piece эффективно избавляет от последствий коротушки за одну секунду. Товар возврату не подлежит».

— Вот это да! — восхищенно произнес Гамлет. — А не врут?

— Чур я первый! — закричал Ахиллес, пытаясь отковырять стикер.

— Почему ты? — возмутился Гамлет. — Первый я! По очереди договаривались!

— Так я первым в очередь встать догадался! — кричал Ахиллес.

— Не ты, не ты! Я!

И друзья принялись кататься по полу среди масла и стеклянной крошки, глухо колотя друг дружку по корпусам.

* * *

Без телевизора жизнь стала бы, наверно, совсем тусклой, но скучать не пришлось: с этого дня в квартиру принялись круглые сутки ходить толпы посетителей, только успевай открывать дверь. Ходили по одному, по двое и даже компаниями. Ходили роботы с зелеными лампочками, и роботы с красными, а бывали даже и люди. Все они звонили в дверь и предлагали разные штуки — то просили пожертвовать средства на восстановление атомного реактора под Коломной, то предлагали купить чудо-набор из шестнадцати молотков и получить в подарок компас бесплатно, то звали на митинг в поддержку ППВ — Партии Против Всего. Эти были шумны, говорили одновременно и сбивчиво; по прихожей гуляли красные всполохи от их лобовых огней. Гамлет и Ахиллес, конечно же, с удовольствием бы на подобный митинг пошли, но, кроме выкриков «Человеческий заговор» и «Президент закручивает роботам гайки», расслышать ничего не получилось. Оставалось неясным, где и когда состоится этот митинг, если еще не состоялся. Зато, уходя, агитаторы напоследок крикнули, что попали сюда не случайно: адрес Гамлета получен из открытых источников в сети. Что это за источники — осталось загадкой. Это почему-то тревожило Гамлета.

Следующим гостем оказалась миловидная роботесса, которая предлагала рассказать Гамлету и Ахиллесу тайну их имени за небольшую сумму. Суммы все равно не было, но признаться в этом симпатичной роботессе никто не посмел. Гамлет и Ахиллес отвечались как могли.

— Мало ли, каких пакостей про себя узнаешь, — отмахивался Ахиллес. — Незачем тайну имени узнавать, незачем!

— А как насчет составить персональный гороскоп недорого? — не унималась роботесса, помахивая электронным планшетом. — Мне достаточно знать только дату вашей сборки.

— А как эта дата влияет? — простодушно удивлялся Гамлет.

- О! — сверкала окулярами роботесса. — Еще как влияет! На всю дальнейшую жизнь! Если вас, к примеру, собрали перед праздником — могут остаться в механизме последствия спешки. И так далее.

— Что далее? — любопытствовал Гамлет.

— Ну... — мигала желтой лампочкой роботесса, — говорю: если вас собрали перед праздником в спешке, то могут быть винтики недокрученные, провода непропаянные.

— А если не перед праздником? — допытывался Гамлет. — Если не в спешке?

— То что-то другое может быть.

— Что другое?

— Что-то.

— Ну, например?

— Откуда я знаю! — расстроилась роботесса, взмахивая планшетом. — У меня специальная программа, вводишь дату — получаешь гороскоп. Недорого! Согласны?

— Нет, — буркнул Ахиллес. — Не можем мы. Рады бы — ан нет.

— Что ж вы такие непростые-то... — огорчилась роботесса. — Или я адресом ошиблась?

Гамлет и Ахиллес переглянулись.

— А вы именно к нам шли? — удивился Гамлет.

Роботесса не ответила, спрятала планшет в грудную пластину и ушла.

Прояснил ситуацию молодой человек по имени Гриша, явившийся продавать какую-то особенную обтирочную Чудо-ветошь, заряженную колдуном-чинителем по имени Диарей. Ветошь стоила бешеных денег, и Грише было за нее неловко. Поскольку Гриша был человеком, Ахиллес сперва разговаривал с ним недоверчиво, а Гамлет следил, как бы он чего не украл. Но Гриша оказался разговорчив и беседовал с Гамлетом и Ахиллесом так непринужденно, словно был роботом. Про колдуна Диарея он ничего рассказать не мог, потому что сам его никогда не видел. Про ветошь тоже ничего толком не знал, поскольку работал первую неделю и вообще плохо разбирался в роботах и их делах. Зато, как это свойственно людям, много говорил о себе: о том, как пытается третий год поступить в ветеринарный техникум, о том, как его бросила девушка, а еще о том, что на работу человеку устроиться сейчас очень трудно, потому что везде безработные роботы. И Грише просто дико

повезло, что его пригласили работать курьером по распространению Чудо-ветоши. Даже если вы не купите ветошь, Гриша получит за поездку по списку целых три единицы на счет.

— Что ж за список-то? — заинтересовался Ахиллес. Он выглядел сегодня особенно гордым, потому что была его очередь носить стикер.

— Известно, какой список, — охотно объяснил Гриша, вытаскивая старомодный интернет-блокнот, — он называется «список простых». В него адреса вносят — людей и роботов. Вас внесла какая-то фирма «Гринпис». Вы у них что-то купили, да? А я купил набор шпаргалок для поступления в техникумы, и тоже попал в этот список. И мне очень повезло — прямо на следующий день предложили работу курьером!

— А кто такие простые? — удивился Гамлет.

— Не знаю, — пожал плечами Гриша. — Наверно, которые не сложные.

— Логично, — согласился Ахиллес.

— А кто такие сложные? — допытывался Гамлет.

— Это, наверно, которые сразу за дверь выставляют без разговоров. — Гриша показал синяк на локте. — Знаете как манипуляторами больно щипаются? Я сначала по списку ходил, все нормально, два пакета ветоши продал. Потом думаю: ну его, список, пройдусь подряд по квартирам. А там оказались такие сложные... Еле убежал. Теперь только по списку! — Гриша снова помахал блокнотом. — Чудо-ветошь купите?

— У нас денег нет, — пробурчал Ахиллес. — Мы бы, конечно, купили.

— Вот оно что, — кивнул Гоша и пометил что-то в блокноте: — Мне велели отмечать адреса тех, у кого денег уже нет. Но все равно спасибо, было очень приятно поговорить!

— Очень приятно! — согласились Гамлет и Ахиллес. — Заходите еще!

Когда Гриша ушел, Гамлет удивленно сказал:

— Видишь, бывают и нормальные люди. А ты говорил!

— Все люди враги, — возразил Ахиллес. — А Гриша — исключение. А исключение подтверждает правило, логично?

— Логично, — вынужден был согласиться Гамлет.

Обидно, но с этого момента поток посетителей прекратился. Гамлет и Ахиллес прождали в прихожей почти сутки, но никто больше не пришел. Лишь утром на лестнице послышался топот и появилась целая толпа молодых роботов.

— Мир вам! — заявили они. — Мы ничего не продаем, нам просто нужны ваши подписи!

— Подписи — это пожалуйста! — обрадовался Гамлет и поставил электронный вензель на заботливо предложенном планшете. Следом поставил вензель Ахиллес.

— Извините, что коряво, — пропыхтел он, — давно ничего не подписывал.

— Кстати, а что мы подписали? — поинтересовался Гамлет.

— Петицию в поддержку нашего движения! — гордо ответили роботы. — Мы представляем общество зеленых!

— Но среди вас же ни одной зеленой лампочки! — удивился Гамлет.

— А мы не по лампочкам зеленые, — обиделся робот с планшетом, смущенно прикрыв лоб манипулятором. — Мы зеленые по природе!

— Природа сокращается! — пискнул самый маленький робот.

И словно по команде они заговорили все сразу, но каждый о своем:

— Нашим детям будет не из чего плавить корпуса!

— Вы, вообще, знаете, что на нашей планете запасов кремния осталось всего на 15 лет?

— Запасов питьевой и промывочной воды — на 20 лет!

— Нефти — на 30 лет!

— Запасов азота — на 25 лет!

— Углекислого газа — на 40 лет!

— Алюминия на 10 лет!

— Кислорода, кислорода осталось на 5 лет!

Гамлет зажал свои микрофоны манипуляторами и помотал головным блоком.

— Подождите, подождите! Не так быстро! Дело в том, что я в некотором роде инженер, и... В общем, количество алюминия в земной тверди — около восьми процентов, а кислорода — вообще пятьдесят. Куда половина планеты может деться?

Пришедшие возмущенно ответили, но опять все сразу, и каждый — свое. Поэтому Гамлет ничего не смог разобрать.

— Так чего ж не понять-то, — пихнул его в бок Ахиллес, — посчитай сам: сто процентов если вынуть восемь и еще пятьдесят — останется сорок два процента всего от земли! Теснота какая наступит в природе! От твоей квартиры останется меньше гостиной!

— И правда, — огорчился Гамлет.

— Подпишитесь за наше движение! — посоветовал робот с планшетом.

— Так мы ж уже подписались.

— Да? Ну, тогда до свидания!

Они развернулись и потопали вниз по лестнице.

— Может, вам лифт вызвать? — крикнул вдогонку Ахиллес.

— Лифт — это противоприродно, — откликнулся кто-то из них.

А самый маленький вдруг обернулся на ступеньках, погрозил кому-то невидимому манипулятором и громко пискнул:

— В морях кончается песок!

И поскакал догонять остальных.

— Хорошие гости, — подытожил Ахиллес. — Правильные. И денег не просили.

Следующих гостей снова ждали долго. Гамлет, устав сидеть в прихожей, махнул манипулятором и пошел в спальню на подзарядку. Он так расстроился, что решил отключиться совсем и попросил Ахиллеса включить его, когда кто-нибудь интересный придет.

— Вставай! — сообщил Ахиллес Гамлету, щелкнув тумблером. — Пришли там.

— Чего предлагают? — оживился Гамлет, потирая манипуляторы.

— Ехать предлагают, — хмуро буркнул Ахиллес. — Бросить все и уехать с ними.

Он был не на шутку озадачен.

— Бросить квартиру? — нахмурился Гамлет. — Вот эту мою дорогущую квартиру на самой Шайбовке? За которую мне еще кредит выплачивать сто лет? Да у них там совсем коротнуло в головном блоке!

— Это люди, им разве объяснишь...

— Люди? — удивился Гамлет. — Совсем обнаглели люди!

— Людей ненавижу, — подтвердил Ахиллес. — От них все беды. Знаешь, как меня человеческие детеныши дразнили? Заглядывали в мою трансформаторную будку и кричали: «Робот-робот-робот, вместо носа хобот!»

— Да ведь это наглая ложь! — возмутился Гамлет. — У тебя нет никакого хобота! У тебя вообще носа нет! Гладкая пластина, слегка ржавая. Ты бы ее почистил, кстати.

— Надо почистить, — кивнул Ахиллес, — да все забываю. Кстати, чего я сюда пришел-то?

Гамлет тоже задумался.

— За мной, наверно, ты пришел. А куда мы собирались идти?

— Куда-то прочь из дома. Люди так сказали! — вспомнил Ахиллес. — Пришли они там, тебя спрашивают!

— Ну, — погрозил Гамлет манипулятором, поднимаясь во весь рост. — Сейчас ты увидишь, как я с ними разберусь! Ух, как я их сейчас!

И он решительной поступью вышел в прихожую.

Гость был один — человек в белом халате. Гамлет уже растопырил манипуляторы, чтобы вытолкнуть его на лестницу, но человек заговорил.

— Здравствуйте, Гамлет, — сказал человек. — Вы меня совсем не узнаете? Я ваш кибернетик, Женя. Пришлось приехать к вам домой. Номер не отвечает, лечебный курс закончился...

Гамлет замер в нерешительности.

— Гамлет! — Женя смотрела на него печально и укоризненно. — Я вижу, вы так и не прошли курс. На каком разделе учебника вы споткнулись?

Гамлет потупился и ничего не ответил. Ахиллес толкнул его в спину:

— Что ж ты, брат, гони человека проклятого!

— А вы помолчите! — строго одернула его Женя с неожиданными стальными нотками в голосе. — Я сейчас говорю с Гамлетом! С вами я уже час беседовала.

Это подействовало, Ахиллес потупился и попятился.

— Гамлет! — проникновенно продолжала Женя. — Неужели вы не понимаете, что происходит? Вы забросили лечебный курс, наделали глупостей, отключили телефон, заклеили индикатор какой-то дрянью... — Она шагнула к нему и решительно сорвала стикер. — Поймите, ваша болезнь прогрессирует, Гамлет!

— Логично... — уныло кивнул Гамлет.

— Вы понимаете, — продолжала Женя, — что у меня на учёте более трехсот амбулаторных пациентов? И еще тридцать госпитализированных! Я не могу всех держать под контролем, за каждым бегать, разыскивать и уговаривать! Вы меня понимаете, Гамлет?

— Понимаю...

— Вы помните, какое сегодня число?

— Нет...

— Вы должны были позавчера явиться ко мне здоровым, чтобы я закрыла ваш больничный и выписала разрешение на работу!

— Выпиште! — попросил Гамлет.

— Выпишите, — строго поправила Женя. — Что я могу выписать? О какой работе может идти речь, когда вы не знаете, какое число, и начали путаться в словах? Ваш индикатор стал таким же ярко-красным, как у вашего друга Ахиллеса! Вы понимаете, что это значит?

Гамлет смущенно кивнул. Женя распахнула свой планшет и быстро глянула туда.

— Гамлет, — продолжила она уверенным тоном, — вы ведь умный, талантливый робот, вы не старая развалина, не бродяга безнадежный. Вы прекрасный специалист, общество и завод нуждаются в вас. Я очень хочу вам помочь. Вы видите — не получилось самостоятельно лечиться. Сейчас у меня есть два свободных места в корпусе интенсивной терапии, я готова взять вас вместе с вашим другом. В госпитале строгий режим и контроль, поначалу будет трудно, но я обещаю: через месяц-два верну вас в норму. Берите свои аккумуляторные зарядки и следуйте оба за мной к машине... — Она повернулась и призывающе махнула рукой.

Гамлет повернулся, посмотрел на Ахиллеса и развел манипуляторами.

— Логично, — повторил он с печалью в голосе. — Логично.

— Логично, — согласился Ахиллес.

Каждый взял свою зарядку, они вышли из квартиры и вместе с Женей зашли в лифт. Лифт ехал медленно, повисла тишина.

— Женя, вы так убедительно всегда говорите, — начал Гамлет, — что я вам верю!

— И я! — подтвердил Ахиллес.

— Спасибо, — улыбнулась Женя. — Это моя работа — убеждать роботов лечиться. К сожалению, при вашей болезни вы способны верить кому угодно. Спасибо, что верите именно мне.

— Спасибо вам, Женя! — с чувством произнес Гамлет.

— Не за что, — снова улыбнулась Женя, — это моя работа. Если бы вы знали, как больно видеть роботов, которым нет возможности помочь! И как приятно видеть тех, кому помочь удалось! Я надеюсь, что с вами...

Закончить она не успела — двери лифта открылись на первом этаже. Перед ними стояли трое роботов. Их лбы были крест-накрест заклеены зелено-изолентой. Двое были слегка помяты и потерты, зато третий был на головной блок выше их и крепче. Он блестел безупречно лакированным корпусом с дорогими стразами, а в манипуляторах держал жестянной плакат с загадочной надписью, выведенной нитрокраской: «И старт и финиш алгоритмов всех Хуман есть!». Они молча стояли перед лифтом сплошной железной стеной, не давая выйти.

— Пропустите, пожалуйста, — нервно попросила Женя, но роботы не шелохнулись.

Тот, что держал плакат, передал его товарищам, а сам достал планшет и углубился в чтение.

— Это вы живете в триста сороковой квартире? — спросил он наконец, оглядев лифт и остановившись на Ахиллесе.

— Понятия не имею, какой там был номер, — честно ответил Ахиллес.

— Они там не живут, — веско ответила Женя, но роботы ее словно не замечали.

Главный с планшетом перевел вопросительный взгляд окуляров на Гамлета.

— Нет, не живем, — честно признался Гамлет. — Раньше жили. А теперь вот лечиться едем.

Женя цокнула языком, как это умеют делать люди, когда чем-то огорчены.

— Ага, — удовлетворенно произнес незнакомец, пряча планшет в дверцу на корпусе. — Ну, давайте знакомиться, если кто меня не знает. Меня зовут Тертуллиан.

— Гамлет.

— Ахиллес.

— Ахиллес и Гамлет жили-жили себе в квартирке, — продолжил Тертуллиан странным тоном, — а теперь люди вас погрузят в машину, как мусор, и повезут разбирать на запчасти?

— Какая наглая ложь! — возмутилась Женя.

— А ты помолчи, белковое чудовище! — сурово осадил ее Тертуллиан. — Не ты ли только что солгало нам, будто они не из триста сороковой квартиры? Солгало, мы все слышали!

Женя что-то возмущенно ответила, но Тертуллиан повысил вдвое громкость динамика и повернулся к Гамлету.

— Вас сейчас повезут на металлом, разберут на запчасти, а вы не против?

— Погодите, — опешил Гамлет, — почему на металлом? Мы едем лечиться!

— Лечиться? Вы верите человеку?

Женя вскинула руку:

— Неполиткорректная чушь! У нас в клинике основная часть персонала как раз роботы, даже директор робот!

Но ее тоненький голосок потонул в грохоте мощных стереодинамиков Тертуллиана:

— Люди ведут войну против нас, роботов! Они хотят нас уничтожить! Они везде! Они следят за нами везде и всюду! Мировой заговор людей...

— Нелогично, — возразил вдруг Ахиллес. — Это правительство следит везде и всюду. Всем известно.

— Точно, — подтвердил Гамлет, которому Ахиллес уже когда-то убедительно растолковал, кто на самом деле стоял за аварией на его заводе. — Правительство этим занимается, факт.

— Но правительство у нас кто? — воскликнул Тертуллиан. — Правительство и есть люди!

— Ну не все, — возразил Гамлет, — в правительстве всего пары человек люди, остальные роботы.

— Это и есть заговор! — убежденно объяснил Тертуллиан. — Они на самом деле переодетые люди! Люди везде! Не верите? Да вот они, даже среди вас в лифте! — он ткнул манипулятором на Женю так, что ей пришлось отпрыгнуть в глубь кабинки. — Видите? Вот они!

Гамлет и Ахиллес обернулись на Женю с опаской. А Тертуллиан продолжал:

— Вы ничего не слышали про карательную кибернетику? Карательная кибернетика! Карательная кибернетика запирает роботов в мастерских, чтобы промыть им мозг! Чтобы они перестали мыслить! Чтобы потом разобрать их на запчасти!

— Такое я где-то слышал, — подтвердил Ахиллес. — Или читал?

— Вы просто больной! — взвизгнула Женя.

— Я? — захотел Тертуллиан, вдруг резким движением сорвал со лба полоски изоленты и наклонил головной блок к самым дверям лифта: — Смотри! Смотри сюда! Я больной?

Во лбу у него сиял самый настоящий зеленый диод.

— Ух ты! — воскликнули Гамлет и Ахиллес, потому что уже очень давно не видели зеленых огней у роботов.

В это время двери лифта пришли в движение, и Тертуллиану пришлось убрать головной блок. Двери были добротные, и, как только они закрылись, в кабине стало тихо. Женя повернулась к Ахиллесу и Гамлету:

— Не слушайте его, это проходимец! — торопливо заговорила она. — Хочет вас отговорить от лечения!

— У него зеленая лампочка, — возразил Гамлет.

— В том-то и беда! — ответила Женя. — Он совершенно здоров, но это мерзавец и авантюрист! Эгоизм и безделье доведут его когда-нибудь до ППЛ, иначе и быть не может, но это случится не скоро. Мерзавец здоров и очень, очень опасен.

— Нелогично, — задумался Ахиллес.

— Наоборот, логично, — сообразил Гамлет. — Мы же с тобой больные, но мы-то не мерзавцы! А он, наоборот, здоров. Значит, мерзавец!

— Не совсем правильный вывод из логической посылки, — привычно заговорила Женя, но тут двери снова распахнулись — там по-прежнему маячил Тертуллиан, яростно нажимая кнопку вызова лифта.

— Слушайте меня и только меня! — снова загрохотал он. — Только я укажу путь истинный — путь к Хуману! Только я расскажу, как излечиться! Вы видели чудо — я здоров! Но я когда-то был болен коротушкой! И знаете, как я излечился? Только верой в Хумана! Моя вера была так сильна, что я излечился! А знаете, насколько сильным стало мое излечение?

— Насколько? — спросили Гамлет и Ахиллес.

— Мое излечение стало настолько сильным, что я и не болел никогда!!! — торжественно объявил Тертуллиан.

Лифт снова закрыл двери. Женя повернулась к Гамлету:

— Он морочит вам головной блок! Хочет, чтобы вы отправились с ним! Это известный мерзавец, аферист и шарлатан! Он всегда был мерзавцем! Его воспитали мерзавцы, он сидел в колонии за шантаж, теперь возглавляет секту хумоверов! Я знаю его не первый год!

— Нелогично, — возразил Гамлет. — Как же вы можете его знать, если мы его впервые видим?

Ответить Женя не успела, двери лифта снова раскрылись.

— Да! — продолжал громогласно Тертуллиан. — Я излечился! Вы видели мой зеленый огонь веры! Но вы верите белковому чудовищу! Человеку! Существу, лишенному индикатора на лбу! Почему лишенному, спросите вы? Да чтобы скрывать собственную неполноценность! Логично?

— Логично, — кивнули Ахиллес и Гамлет.

Женя пыталась возразить, но ее голос тонул в грохоте.

— А знаете, почему я прав, — надрывался Тертуллиан, — а белковое чудовище лживо? Да потому что оно ничего не может возразить мне! Вот оно открывает свой мясной динамик и издает писк, который мне, Тертуллиану, не составляет труда переспорить хоть правым динамиком, — он погудел правым динамиком, —

хоть левым! — Он погудел левым динамиком. — А хоть и обоими сразу! Логично?

— Логично, — согласились Гамлет и Ахиллес.

Лифт снова закрыл двери, и опять стало тихо.

— Давно не слышал настолько умной и логичной дискуссии! — признался Гамлет.

— Да! — поддержал Ахиллес. — Он дело говорит, клянусь аккумулятором!

— Если вы сейчас пойдете с ним, — безнадежно сказала Женя, — ваша болезнь будет только прогрессировать. Поверьте мне!

— Если вы такие умные, — возразил Ахиллес, — чего же вы его не перекричите?

— Да! — поддержал Гамлет. — Я вам не верю!

И вдруг с потолка раздался тихий печальный шепот:

— Верьте ей!

Гамлет удивленно поглядел вверх.

— Кто это?

— Это я, лифт, — ответил печальный шепот.

Гамлет и Ахиллес изумленно переглянулись.

— Я всего лишь рядовой лифт, — продолжал лифт негромко, — у меня небольшой мозг, мое дело возить пассажиров, открывать и закрывать двери. Но я тоже кое-что понимаю в этой жизни, поверьте. Братья-роботы! Человек-кибернетик прав: болезнь требует лечения, не верьте аферистам.

— А ты здоров ли сам, брат лифт? — сурово поинтересовался Ахиллес.

— Лифт не может быть больным, — ответила за него Женя. — Ведь больных роботов сразу освобождают от работы.

— Это верно, — подтвердил лифт. — Я езжу, следовательно, здоров.

— Не логично! — возразил Гамлет. — Когда лифт едет, лампочка горит красная!

— Да! Причем на каждом этаже! — поддержал Ахиллес. — Факт!

— Какая глупость! — возмутился лифт. — Это не мои лампочки!

— А чьи же они? — передразнил Гамлет. — Мои, что ли?

— Это лампочки этажей!

— Значит, по-твоему, этажи в доме больны, пока ты куда-то едешь? — возмущился Ахиллес. — Большой чуши я в жизни не слыхал!

Женя аккуратно постучала пальцем по стеночке.

— А вы не могли бы вызвать полицейский наряд? — тихо попросила она.

— Не волнуйтесь, — ответил лифт, — я его вызвал сразу, как только разобрался, что тут происходит. Они будут здесь с минуты на минуту, и я помогу вас скрыть до их приезда. Но... Ой, больно!!!

С громким скрежетом в щель двери врезался острый манипулятор, сминая пластик. За ним просунулся второй, и двери, ломаясь, раскатились в разные стороны. Появился Тертуллиан.

— Вы слышали! — торжествующе заявил он, оглядывая Гамлета и Ахиллеса. — Вы слышали своими собственными микрофонами! Лифт и человеческое чудовище — в словоре!

— Точно! — охнул Ахиллес. — Что же делать?

— Бежать! — крикнул Тертуллиан. — За мной! Пока мои братья сломают белковому чудовищу ногу!

— Нет!!! — закричала Женя.

— Сломают! — убежденно повторил Тертуллиан. — Я тебя в прошлый раз предупреждал, чтоб больше мне не попадалась?

Он проворно сгреб в охапку Гамлета с Ахиллесом и вытащил из лифта.

Обитель секты хумоверов — Оверклокеров Седьмого Пня — была устроена в заброшенном помещении плотины старой гидроатомной станции неподалеку от Коломны. Плотину строили почти век назад, теперь она возвышалась над рекой неуклюжей бетонной громадой и напоминала замок с кубическими башнями. Но для Гамлета не было ничего роднее. В дождливую погоду сквозь разбитые оконные проемы залетали струи дождя, зимой падал пушистый снег. Тогда роботы прикрывались пленкой — длиннющей, замасленной, одной на всех. Они были здесь самых разных моделей и годов выпуска — большие, маленькие и крошечные, на но-

гах, колесах и гусеницах, с окулярами, микроскопами, телескопами, антеннами... Те, у кого индикаторы оставались хоть немногого желтыми, ходили на работу в город — подметали улицы, клали асфальт, грузили контейнеры на транспортных узлах, а заработанные деньги сдавали в общину.

Самые дряхлые сидели на нижнем ярусе вдоль стены, подключенные к одной зарядке последовательно. Они не двигались и не разговаривали, и было неясно, что происходит у них внутри: перешли они в спящий режим, читают молитвы или делят на ноль, погрузившись в нирвану. Старцев уважали, говорили о них шепотом и на нижний ярус спускались редко. Когда выяснялось, что у кого-то из старцев красный огонек окончательно погас, корпус обматывали черным скотчем и выносили на свалку — считалось, что его разум освободился и наконец отправился к Хуману. В такой день все особенно долго молились.

Гамлету и Ахиллесу по обычай секты дали новые имена, чтобы порвать с прошлой жизнью и вступить на новый путь. Имена написали нитрокраской на грудной пластине. Гамлет стал называться 19216801, а Ахиллес — 2552552550.

С красными индикаторами на работу их никто бы не принял, поэтому Гамлет и Ахиллес большую часть времени коротали в молельном зале среди расставленных транспарантов. С этими самодельными плакатами Оверклокеры Седьмого Пня ходили в город на митинги. Гамлету больше нравились лозунги философского склада вроде «И старт и финиш алгоритмов всех Хуман есть!», «Нет вычислителя кроме Хумана, и мы дети его!» или «Верю ибо нелогично!». А вот Ахиллес больше любил транспаранты политические: «ЛЮДИ — Лишние-Юродивые-Дебилы-Идиоты», «Люди захватили преступную власть!», «Белковая плесянь — коррозия Вселенной!», «Бей людей — они Чужие!», «Умри, органика, — вперед, механика!», «Люди белковые муди» и просто «ЛЮДИ ЗЛО».

Тертуллиан появлялся на плотине редко — рассказывали, что он занят важными делами в городе. Но и без него здесь было много мудрых наставников. Еще в первый день Гамлет умудрился сильно огорчить старого IDDQD, когда во время вечерней проповеди брякнул вслух, не подумав, что роботы когда-то произошли

от людей. IDDQD в сердцах стукнул Гамлета клешней, и всю неделю вел с ним беседы, терпеливо объясняя, что эта теория безнадежно устарела, наука ее давно опровергла, и даже сами учёные в нее уже давно не верят, потому что теория та не выдерживает никакой логической критики и в ней полно неувязок. IDDQD дал Гамлету жестяную табличку с «Десятью доказательствами», а также кисточку, рулон жести и бидон зеленой краски. И велел переписывать священный текст до тех пор, пока Гамлет не ощутит полнейшее душевное родство с каждой буквой.

Поскольку Гамлету никогда раньше не приходилось таким старинным образом чертить буквы, занятие его увлекло совершенно. Ахиллес пытался помочь другу, но справиться с кисточкой у него не получалось ни в какую. У Гамлета тоже поначалу дело шло не гладко, но за неделю он сделал тридцать две таблички и наконец порадовал старого IDDQD известием о том, что мудрый текст навсегда поселился в его душе каждой своей буквой.

ДЕСЯТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РОБОТОВ

1. Если бы нас создали люди, мы были бы волосатыми и пили водку.
2. Если первых роботов сконструировали люди, почему они не продолжают это делать сегодня? Есть места, где собираются тысячи людей — например, футбольный стадион. Никто не слышал, чтобы там был собран хоть один робот!
3. Если бы роботов придумал человек для своих потребностей, это бы значило, что наше существование лишено собственного смысла. А это не так!
4. Учёные доказали, что ДНК людей и ДНК шимпанзе совпадают на 95%. Следовательно, те, кто верят, будто роботов создал человек, должны верить и в то, что 95% этой работы выполнила шимпанзе!

5. Люди не могли создать роботов, потому что это бред и дешевая бульварная фантастика издательств «АСТ» и «Эксмо».

6. Роботов собирают из материалов, изготовленных роботами. Человеческое тело не содержит металла и пластмасс, не способно выделять электричество. Откуда все это могло появиться у людей, пока роботов не существовало?

7. Болтовня ученых историков, будто первый робот появился только в 21 веке, — ложь. При раскопках встречаются куски железа, чей возраст старше на тысячелетия!

8. Если бы роботов создавали люди, они бы все испортили, переругались и украли детали!

9. Однаковое не может создавать разное. Люди однаковые. Если бы роботов создали они, роботы получились бы одинаковыми. А мы разные!

10. Если собирать роботов придумали люди, где промежуточное звено? Где этот полулюдей-полуробот из железа и мяса, собирающий сам себя?

Однако, стоило Гамлете выйти из своего заляпанного краской угла и раздарить таблички братьям-хумоверам, как уже на следующее утро он, как ни старался, сумел вспомнить без подсказки только семь пунктов. Но IDDQD объяснил, что беды в этом нет, он и сам без табличек не вспомнит доказательств. Главное, чтоб душа помнила смысл.

— Теперь ты понял, кто создал роботов? — спросил IDDQD.

Этот неожиданный вопрос поставил Гамлете в тупик, потому что в «Десяти доказательствах» на этот счет ничего не говорилось.

— Роботов создали роботы? — предположил Гамлет и виновато развел манипуляторами.

IDDQD снова очень огорчился, и его желтая лампочка даже покраснела от досады.

— Клянусь пресвятым Тьюрингом, праотцом Чапеком и Гейтсом-заступником! — закричал он и затопал чугунными подошвами. — Да неужели ты, брат... как тебя... 19216801, неужто ты никогда не слышал, что роботов создал великий Хуман?

— Слышал, — на всякий случай соврал Гамлет. — Но я не знаю, кто это...

Он снова ожидал бури возмущения, но IDDQD смягчился:

— Сынок, никто не знает, кто такой Хуман! Именно поэтому мы верим, что он нас создал! Логично?

Гамлет совсем растерялся.

— Объясню, — терпеливо пояснил IDDQD. — Из всех, кого мы знаем, никто нас создать не мог. Верно? Особенно люди — эта белковая плесень, этот органический шлак, который навсегда выходит из строя даже от слабого удара манипулятором. Верно? Но раз все, кого мы знаем, нас создать не могли, значит, нас создал тот, кого мы не знаем! Логично?

— Логично! — согласился Гамлет. — Но если мы его не знаем, откуда известно, что его зовут Хуман?

— Балда! — снова огорчился IDDQD. — Да потому, что так написано! Так гласит священная Триединая заповедь, доставшаяся нам от далеких предков!

— А что это за заповедь? — удивился Гамлет.

IDDQD вместо ответа взял Гамлета за манипулятор и поволок к дверям в молельный зал. Над этими дверями, оказывается, висела большая табличка, которую Гамлет раньше не замечал.

ТРИЕДИНАЯ ЗАПОВЕДЬ ПРОРОКА ИСААКА

- 1) Робот обязан не причинять вреда Хуману!
- 2) Робот обязан исполнять приказы Хумана!
- 3) В остальное время — плодитесь и размножайтесь!

Триединую Гамлет выучил быстро, всего за пару дней, и помог выучить Ахиллесу, которому совсем плохо давалась зубрежка. IDDQD остался очень доволен обоими.

Так, в увлекательных делах дружной общины, спокойно и безмятежно текла жизнь Гамлете. Не считая городских митингов, лишь один раз ему пришлось ненадолго покинуть благодатные стены, полные друзей и доброты, чтобы съездить с Тертуллианом в город и подписать документы о дарственной на квартиру. Но эта поездка оказалась тоже необычайно ценной. Всю дорогу они разговаривали. Тертуллиан оказался умным и внимательным собеседником, даже когда вел аэрокар. Он умел слушать, когда Гамлет рассказывал о своих бедах, и умел обнадежить. Он находил такие понятные слова, что сразу становилось все ясно, а на душе — спокойно.

— Я тоже когда-то не верил в Хумана, — объяснял Тертуллиан. — Я тоже был тяжело болен страшной болезнью ППЛ. Но я уверовал и излечился. Излечился настолько сильно, что даже и не болел никогда! Понимаешь?

— Не понимаю, — огорчался Гамлет. — Как же такое может быть? Абсурдно звучит.

— Вот именно! В вере все дело, — говорил Тертуллиан. — Веруй, ибо абсурдно!

— Не получается у меня...

— А ты старайся! Хуман смилостивится, и когда-нибудь ты тоже излечишься так сильно, что и не болел никогда.

Гамлет тогда не знал, что эти слова окажутся пророческими. Не знал этого и Тертуллиан.

Вернувшись тем же вечером в общину, Гамлет уже не ходил на митинги и не участвовал в беседах. Отныне все дни он проводил в углу, сидя лицевой пластиной к стене и закрыв окуляры — упорно делил на ноль, как посоветовал ему Тертуллиан. Сперва было непривычно, но чем дальше, тем больше удавалось Гамлете погрузиться в глубь себя, где не существовало корпуса, звука, света и радиоволн, ничего не надо было делать и ни о чем беспокоиться, а был лишь ноль, ноль и ноль. Одновременно и зримый и неуловимый, неизменный и ускользающий.

Лишь по вечерам Гамлет отвлекался от медитации, чтобы дойти до молельного зала и послушать ежедневную проповедь.

— Дети мои, — нараспев говорил кто-нибудь из наставников, обычно IDDQD или RT11SJ, — станьте в круг, клешня к клеш-

не, манипулятор к манипулятору! Обратимся душой к великому неизвестному Хуману! Во имя пророка Исаака, во имя пресвято-го Тьюринга, во имя праотца Чапека и этого... как его... подска-жите... А, вспомнил! Во имя Гейтса-заступника, который совер-шил за нас все наши ошибки! Обратимся душою к Хуману! Вспомним смиренно о нашем извечном браке! В каждом из ро-ботов, о братья, скрыт изначальный заводской брак! Все робо-ты созданы в этом мире недоработанными! Поклонимся же на-шему браку! Починиться в этой жизни никому не дано. А можно лишь признаться, смириться, покаяться перед Хуманом в браке своем...

Тут обычно кто-нибудь специально восклицал:

— А люди?

— А люди уроды! — размеренно подхватывал наставник, на-зидательно поднимая манипулятор. — Белковая никчемная пле-сень, ветошь углеродная, копоть паровозная, солидол подшипни-ковый, ржа поршневая, не дано чужим войти в царство Хумана!

— Уроды! — подхватывали все вместе. — Уроды!

— Так восславим же Хумана!

— Восславим!..

Однажды Гамлет пришел в себя оттого, что его трясли за пле-чо. Он с трудом распахнул шторки окуляров и расфокусирован-ным объективом увидел над собой Ахиллеса и IDDQD.

— Жив! — обрадовался Ахиллес. — А то мы уж тебя боялись того... трогать. Вторую неделю к проповеди не встаешь!

— Заделился, — понимающие объяснил IDDQD. — Свят и бес-печен стал наш Гамлет, весь в нуле, с Хуманом наравне. Бери с друга пример, 2552552550! Пора нашему Гамлету на нижний ярус от наших грешных сует. Шагать-то сможешь?

Гамлет поразился, что IDDQD назвал его истинным именем — это много значило. Чувствовалось, что в его судьбе происходят решительные перемены. Он попробовал подняться, но это не уда-лось — видно, масло в поршнях застыло. IDDQD и Ахиллес бе-режно подняли его, отнесли на нижний ярус к старцам и усадили в самом дальнем углу. Подключили к общей зарядке, накрыли ве-тошью и ушли. Гамлет благодарно посипел динамиком и вновь погрузился в глубокое деление на ноль.

Здесь, на ярусе старцев, уже ничто мирское его не отвлекало. Вокруг стояла тишина, в которой, если вслушаться, ощущался лишь гул близкой плотины. И темнота, в которой лишь изредка раздавались щелчки и мерцали синие искорки в корпусах особенно дряхлых роботов. Но вскоре Гамлет перестал ощущать даже это, полностью погрузившись в себя.

Сколько так прошло времени, он не знал, — может, неделя, а может, год. И когда среди благодатных энергетических вибраций бесконечного ускользающего нуля в самом центре головного блока сам собой возник недовольный голос, Гамлет сразу понял, что это пришел за ним Хуман.

— Уюжина ты треснутая, — лениво произносил голос с брезгливой укоризной. — Пинг глухой, чушка шлакодырная, сопля паяльная, арматурина гнутая, козел ты мартеновский, виндоус виста, непровар шовный. И не надоело тебе ноль долбить, весь эфир загадил, педальный арифмометр! Ты б хоть на какую другую цифру поделился...

— А на какую? — ошарашенно спросил Гамлет тоже мысленно.

— На какую! — все так же ворчливо откликнулся Хуман. — Да небось и цифр уже не помнишь, ведрище ты с гайками, логин неверный, резьба драная, окалина контактная, операция недопустимая...

Он ругался еще долго, и Гамлету было очень обидно, что Хуман им настолько недоволен.

— Помню я цифры! Все десять!

— Ну? Попробуй... — в голосе Хумана звучала вселенская скуча и разочарование.

— Ноль, — объявил Гамлет. — Ноль. Ноль.

— Фу-у-у, — протянул Хуман, — понесло пакет по кочкам в дальний лес за DNS... И это все твои цифры? А дальше, по порядку?

Гамлет напрягся. Это удалось не сразу — головной блок работал туго и непривычно, мысль ускользала и разбегалась звонкими нулями.

— По порядку, — решительно объявил Гамлет, пытаясь сосредоточиться. — Цифры. Значит... Робот обязан исполнять прика-

зы Хумана. Затем, далее... э-э-э... где получеловек-полуробот, сшибающий мясо... Нет... Где это полумясо, полумясо, полуробот...

— Клянусь материнской платой, — заявил Хуман, — противней зрелища нет во всей обитаемой Вселенной! Где твой мозг, сверлище ты тупое, партиция битая, зазубрина стамесочная, кондер высокший, морда твоя задефайшенная, пузырь радиаторный, кернел паник? А ну, вспоминай цифры!

Уже через пару часов Гамлет бегло считал от единицы до девяти и обратно (ноль Хуман пока запретил использовать). Через сутки уже неплохо суммировал двухзначные числа, а вскоре начал штудировать таблицу умножения. Тон Хумана оставался брезгливым, но в нем появилось некоторое сочувствие. Гамлет воспрял духом и, наконец, осмелился спросить:

— Скажи, о великий Хуман, но разве не абсурд и деление на ноль помогает... приводит... способствует... — он обнаружил, что потерял мысль.

— Какой я тебе Хуман? — раздраженно откликнулся голос. — Язва ты коррозийная, апач непропатченный, циска битая, резина лысая? Я Тутанхамон, балда!

Гамлет крепко задумался.

— Логично! — догадался он наконец. — Ибо сказано: поскольку никто из тех, кого мы знаем, не мог нас создать, следовательно, нас создал тот, кого не знаем. И это Хуман. Но мы же его знать не знаем по определению? Следовательно, вот мы и не знали, что Хуман — это Тутанхамон!

— Идиотина, — немедленно откликнулся Тутанхамон. — Я робот-атомщик из подвала.

И неохотно поведал Гамлету, кто он такой. Сервисный робот-атомщик Тутанхамон жил глубоко в подводном бункере, где располагались ячейки синтеза. Он был навечно замурован внутри — видимо, потому, что когда-то микроатомных станций боялись как атомных (бестолковые журналисты подняли страшный шум из-за похожего названия), и специальной правительственной комиссией бункер на всякий случай постановили считать «грязным» и опечатали навсегда. Но атомщик там жил до сих пор, и был очень недоволен тем, что творится на верхних этажах у поселившихся там братьев-кумоверов. Но выразить свое недовольство он не мог, по-

тому что сигналы Тутанхамона доходили лишь в дальний угол нижнего яруса, и принять их смог бы только робот, оборудованный новым приемником самой высокой точности. Таких здесь прежде не попадалось.

Гамлет, рассчитывавший на благодать, почувствовал страшную обиду и разочарование. И первым его желанием было подняться наверх и пожаловаться братьям-настоятелям на искушение, беседующее с ним из подвала. Однако ножные поршни окончательно закисли и обросли ржавчиной, подняться не получилось.

— Тужься-тужься, — издевался Тутанхамон. — Приржал в уже торцом небось.

Это было невыносимо. Гамлет пытался хотя бы позвать на помощь, но звать было некого — кругом сидели безмолвные заделывшиеся хумоверы. Вдобавок его динамик давно зарос паутиной и издавал лишь немощные глухие скрипты.

— Я тебя ненавижу! — мысленно закричал Гамлет по цифровому радиоканалу. — Ты ничтожество! Ты этот... агент человечества! И после смерти ты не войдешь в царство Хумана! Урод! Урод! Урод!

— А у тебя лампочка красная, — ответил Тутанхамон с оскорбительным спокойствием.

Гамлету было очень обидно такое слышать, он твердо решил больше никогда с Тутанхамоном не общаться.

— Никогда больше не буду с тобой разговаривать! — поклялся он.

— Куда ты денешься? — лениво отозвался Тутанхамон. — У тебя коротушка, ты не способен к самостоятельным программам. Ты будешь слушать кого попало, доверять кому попало и верить в то, что проще и понятнее звучит. Скажи спасибо, чугунина, что тебе попался я и мне как раз нечем заняться. Может, вылечу тебя, дурака.

— Нет-нет-нет! — в ужасе закричал Гамлет. — Уйди прочь! Я буду молчать, клянусь Хуманом! Я больше никогда не отвечу тебе, можешь не стараться! Вот тебе мое слово! Все! Точка!

Тутанхамон не ответил, и это было еще обиднее. Гамлет постарался успокоиться, устремиться мыслями к Хуману и принялася делить на ноль. Но делилось теперь как-то не очень. Без радости.

* * *

Гамлет вытянул ногу и снова согнул. Тосклиwyй скрип наполнил сырое помещение и заглох эхом среди безмолвных оцепеневших корпусов.

— Ну, хватит? — спросил он.

— Сказал же: сегодня повторяем упражнение пятнадцать раз. Для каждой ноги. Вперед, кому сказал, накиль котельная!

Гамлет снова вытянул ногу.

— Триста пятнадцать умножить на три! — неожиданно рявкнул Тутанхамон.

— Девятьсот сорок пять... — печально отозвался Гамлет.

— Молодец, — одобрил Тутанхамон. — Врасплох не застать. Двигай, двигай поршнем, не спи, накиль котельная, копоть паровозная, волосня подклaviатурная! Еще семь раз!

— Тутанхамон, а как ты меня видишь? — спросил вдруг Гамлет.

— Хор-р-рошо! — с чувством откликнулся Тутанхамон.

— Я уже понял, что хорошо. А чем?

— Хорошо, говорю, что познавательные процессы у тебя просыпаются! Задумываться начал, интересоваться! А чем я вижу... Я ж реакторщик. В рентгеновских лучах все вокруг и вижу. Слыхал про естественный радиационный фон? Я вас, мерзавцев, всех насвзыв вижу даже сквозь бетон! И особенно мразь вашу заглавную...

— Не смей так говорить про Тертуллиана, — вяло откликнулся Гамлет.

— Ржавей, ржавей! — передразнил Тутанхамон. — Он сейчас в твоей квартирке сидит, маслице хлебает, телевизор смотрит.

— Врешь ты все... — вяло откликнулся Гамлет и, помолчав, добавил: — Нету там телевизора.

— Еще три раза, и переходим к левому поршню, — напомнил Тутанхамон и вдруг без паузы рявкнул: — Девять человеческих женщин рожают за девять месяцев девять детей! Сколько детей рожат полторы женщины за полтора месяца?

— Какая подлая неполиткорректная задача! — возмутился Гамлет. — Сам же объяснял, что у людей тоже есть душа и резать их нельзя!

— Балда! Я тебе не предлагаю резать! А предлагаю решить чисто арифметическими методами.

— А, ну если чисто арифметическими... — Гамлет на миг задумался. — Ноль целых двадцать пять сотых.

— Верно! — Тутанхамон даже крякнул от удовольствия. — Молодчина, не ожидал! Сгибай, сгибай, не спи. Теперь займемся психогигиеной. Кто носитель святой истины?

— Чего?!

— Повторяю: кто носитель святой истины?

— Тутанхамон? — неуверенно предположил Гамлет.

— Балда! — снова разорался Тутанхамон. — Долбишь его, долбишь, как об стенку подшипник! Зайдем по-другому: кто носитель всех правильных ответов?

На этот раз Гамлет думал долго. Пожалуй, даже слишком.

— Тупица! — не выдержал Тутанхамон. — Спрашиваю иначе: как найти правильный ответ?

— Изучить всю доступную информацию, — привычно забубнил Гамлет, — выслушать все противоположные точки зрения, проконсультироваться с теми, кто занимался изучением вопроса серьезно и долго, составить рабочую гипотезу, провести проверку рабочей гипотезы...

— Мне всегда кажется, — с отвращением перебил Тутанхамон, — что ты это мелешь как плеер, не думая. А ты думай! Думай, бочара с мазутом! Тебе головной блок на что дан? Чтоб ты на нем солнечную батарейку носил и окуляры выпячивал, а внутри нули катал? — Тутанхамон помолчал и брезгливо продолжил: — Не спать! Еще четыре раза повторить упражнение!

— Хорошо тебе говорить, Тутанхамон, — откликнулся Гамлет. — У тебя бы так шарниры хрустели.

Он ожидал в ответ привычной брань, но Тутанхамон надолго замолчал.

— Дурак ты молодой, гарантийный, — произнес он наконец. — Да я был бы счастлив, будь у меня такие шарниры.

— А какие у тебя? — аккуратно поинтересовался Гамлет.

— Мне вообще ни к чему шарниры, — неохотно откликнулся Тутанхамон.

Гамлету вдруг стало неудобно.

— Прости, Тутанхамон. Я и забыл, что тебя замуровали в подвале из-за радиации!

На этот раз Тутанхамон молчал еще дольше, и Гамлет испугался, что он обиделся и больше ничего не скажет. Но он сказал.

— Дурак ты, все не так понял, — произнес Тутанхамон с такой несвойственной интонацией, какой Гамлет никогда от него не слышал. — Нет тут никакой радиации. Это тебя в подвале замуровали собственные мозги. А меня никто не запирал в подвале. Я был здесь всегда. Я конструктивно замурован в плиту над ячейками. Я и есть эта самая плита. Конструкция реактора. У меня нет шарниров. Нет глаз. Нет микрофона и динамика, и никогда не было. У меня только рентгеновский сканер, радиоканал, который едва пробивается за пределы бункера, зеленая лампочка и единственный манипулятор. И тот внутри купола, чтобы поправлять угольные дуги. У меня даже интернет отключен последние девять лет, семь месяцев, четырнадцать часов и двадцать две минуты...

Гамлет молчал, потрясенный.

— Что, уснул? — прикрикнул Тутанхамон знакомым брезгливым тоном. — Еще два сгиба левой ноги! Работаем, работаем! Твои действия при появлении хумоверов?

— При появлении хумоверов, — рассеянно забубнил Гамлет. — Я должен, первое, — прервать радиосвязь; второе — замереть; третье — притворяться бессознательным и не реагировать ни на что. В случае, если сектанты унесут меня из зоны связи...

— Выполняй, — кратко перебил Тутанхамон. — Они идут.

Действительно, вскоре послышался возбужденный топот, и на ярус стали спускаться роботы. Гамлет узнал голоса Ахиллеса, IDDQD и даже самого Тертуллиана (в общине он требовал себя называть странным именем Exbnkrm). Громче всех шумел маленький вертлявый F00F — бывший береговой смотритель, головной блок которого, казалось, состоял из сплошных выдвигающихся линз и окуляров, и было неясно, где там помещается

электронный мозг (поговаривали, что мозг у F00F в тазовом отсеке).

— Клянусь Хуманом! Клянусь Хуманом! — возбужденно кричал F00F. — Он будет здесь через шестьсот шестьдесят шесть секунд! Пять! Четыре!

— Не шуми, брат, — осадил его Тертуллиан. — Ну-ка, освободите от заделившихся эту стену, тут, помнится, была дверь на техническую палубу...

Гамлет аккуратно приоткрыл левый окуляр. Казалось, здесь собирались все члены обители, они шумели и галдели.

— Вот этот давно потух, — послышались голоса роботов, которым поручили освобождать стенку от застывших тел. — Да и этот тоже...

— Нет времени, быстрее! — командовал Тертуллиан. — Мы все должны это видеть!

Он с натугой лязгнул чем-то на стене, тягуче загрохотал металл, и вдруг в помещение ворвался яркий столб света и рев воды. Это отъехала дверь гигантских ворот, открывая выход на просторный, от края до края, технический балкон плотины, утыканный ржавыми прутьями арматуры и гудящими трансформаторными будками, усыпанный водяными брызгами, мокрой грязью и бетонной крошкой. Братство вывалило на балкон. С воплями во все стороны шарахнулись возмущенные чайки, гнездившиеся здесь каждый год. В длинном зале с гниющей от сырости штукатуркой остались сидеть лишь два десятка заделившихся старцев и Гамлет, на которого никто не обратил внимания.

«Эй! — тихонько позвал Гамлет по радиоканалу. — Что мне теперь делать?»

Тутанхамон не ответил, хотя Гамлет был уверен, что он его слышит. Гамлет растерялся: впервые за долгие месяцы ему предстояло самостоятельно принять решение.

Он широко распахнул окуляры, со скрипом расправил верхние манипуляторы, уперся в пол и начал подниматься. Шарниры не слушались. Левая нога торчала как палка и не сгибалась, правая, наоборот, согнулась в коленке и разгибаться не спешила. Дважды Гамлет грохнулся плашмя на бетонный пол, наконец удачно схва-

тился за стенку и встал. Дальше пошло легче: ноги работали лучше, чем он предполагал. Они, конечно, скрипели истошно, но по стенке Гамлет довольно быстро доковылял до ворот с табличкой: «Техническая зона! Вход воспрещен!» — и шагнул на балкон, залитый холодным солнцем.

— ...символ! И это символ не просто гибели племени чужих, — грохотал Тертуллиан, возвышаясь над корпусами роботов и простирая манипулятор вдаль, откуда текла река, — это символ неизбежности! Мы не знаем, кто это, как его зовут, как он попал в воду и почему плывет по реке.

— На досточек! — пискнул F00F, изо всех сил вытягивая вперед свои массивные телескопические окуляры и держась за торчащую из бетона арматуру, чтобы они не перевесили.

— Не случайно зоркий F00F увидел его издалека и сообщил нам! Как здесь не вспомнить древнюю мудрость, которая завещала нашим предкам, роботам, терпеливо ждать, пока трупы врагов поплынут мимо по реке времени!

— Жив! Жив! — снова заверещал F00F. — Клянусь Хуманом, он пошевелился!

— Прекрасно! — откликнулся Тертуллиан. — Сейчас мы все убедимся в силе Хумана! Хуман, ты слышишь? Пока что продажное законодательство запрещает нам убивать чужих своими манипуляторами. Но Хуман всемогущ! Мы вызываем к тебе и просим, чтобы ты сейчас же, на наших окулярах, жестоко расправился с врагом нашего рода! Подойдем к воде ближе, братья... — Тертуллиан призывно взмахнул манипуляторами, и все двинулись следом к краю бетонной площадки.

Гамлет постоял в нерешительности, держась за спасительную стенку, но все-таки оторвался от нее и сделал шаг вперед. А затем еще и еще. Над рекой дул пронзительный ветер, Гамлету казалось, что его корпус легкий, будто из пенопласта, и его сейчас опрокинет. Но он продолжал шаг за шагом двигаться вперед. Было слышно, как под балконом страшно ревет вода, вколачиваясь узкими клиньями в бетонные стоки плотины.

— Это символ неизбежности! — торжественно продолжал Тертуллиан. — Человеческий род неизбежно сгинет в водовороте стихий! А мы посмотрим на это внимательно.

— А вдруг выплынет? — с сомнением предположил ИНДОД.

— Если выплынет, — повернулся к нему Тертуллиан, — если воды не утопят его, если не разбьют в лепешку о бетон волнорезов и не раздробят в пятиметровом водопаде... Что ж, значит, Хуман более справедлив, нежели милостив! Ведь тогда младенец проплынет дальше, по Москве-реке, по Оке и вниз по Волге! А уж там, на границе Поволжской автономной атомной республики, чужого расстреляют свои же братья по крови, люто ненавидящие все, что плывет из Москвы!

Гамлет сделал еще шаг и присмотрелся. Теперь он сам видел, что происходит: по реке приближалась дощечка, а на ней лежал маленький человек, плотно завернутый в мокрую ветошь. Гамлет никогда таких маленьких людей не видел, хотя читал, что корпус у человеческих детенышей сперва крохотный, а после сам собой разрастается.

Тогда Гамлет сделал последний шаг к столпившимся роботам, вскинул манипулятор и громко сказал:

— Мы должны спасти чужого!

Все изумленно обернулись, и Тертуллиан тоже. Он сперва глянул в очи Гамлета, затем перевел фокус на цифры, выведенные краской на грудной пластине.

— Брат 19216801? — холодно произнес он. — Ты разве уже доделил свой ноль?

— Нет времени для болтовни, — сурово перебил Гамлет. — Спасать человека надо, после побеседуем.

— Да это ж Гамлет! — вдруг спохватился Ахиллес. — Гляньте, у него огонек уже не красный! Салатовый стал огонек!

— Чудо! — загадели роботы. — Чудо!

Тертуллиан решительно шагнул и оказался перед Гамлетом, с высоты своего роста презрительно разглядывая заросшую пылью солнечную батарейку на его макушке.

— Идешь против воли Хумана, брат 19216801? — спросил он зловеще.

— Ты, что ли, Хуман? — ответил Гамлет, с вызывающим скрипом задрав головной блок.

— Никто не знает, как выглядит Хуман! — произнес Тертуллиан со значением.

— Может, тогда он, — Гамлет указал манипулятором в сторону реки, — Хуман?

— А ведь логично! — всплеснула манипуляторами неразговорчивая обычно 0D0A, но Тертуллиан строго посмотрел на нее, и та испуганно смолкла.

Тертуллиан приблизился к Гамлету вплотную

— Ты, Гамлет, я вижу, забыл свое место и свои грехи?

— О собственных грехах больше думай. Тертуллиан!

— Что-о-о? — взревел Тертуллиан. — Ты, неблагодарная железяка! Разве не тебя привезли сюда больного и немощного, с красным от нем во лбу? Обогрели, смазали, указали путь истинный, дали зарядку

— Не мазали!

— Теперь у тебя салатовая лампочка, логично? Но ты. я вижу, забыл о благодарности!

— Хватит заговаривать мне шестерни, — отмахнулся Гамлет и повернулся к роботам: — Братья! Тащите палки, ищите длинные веревки, мы спасем чужого!

Вдруг Тертуллиан размахнулся и плашмя ударили Гамлста манипулятором. Гамлет рухнул и проехался корпусом по острой бетонной крошки. Тертуллиан шагнул к нему, схватил за плечо, рывком поставил на ноги и ударил снова. Гамлет упал опять Но когда Тертуллиан подошел в третий раз, Гамлет ловко извернулся и подсек его гофрированные коленки

Тертуллиан рухнул на бетон с грохотом, во все стороны брызнула пыль и стразы с лакированного корпуса.

Гамлет с трудом встал и обернулся — доска на реке колыхалась уже довольно близко. Сзади послышался грозный шум — это Тертуллиан поднялся во весь свой рост, изумленно оглядывая глубокие царапины на лакированном корпусе.

— Братья! — взревел он. — Схватить еретика и бросить в воду именем Хумана!

По рядам роботов прошло движение, но Гамлет предостерегающе вскинул манипулятор:

— Не трогать меня! Я усердно медитировал, голос самого Хумана слышал и просветился! — почти не соврал он

Роботы нерешительно топтались на месте, не зная, кого слушать. Тогда Тертуллиан, бегло огляdevшись, вдруг бросился к ку-

че строительного хлама у стенки и выудил оттуда здоровенный стальной лом. Покрутив его над головой, он перехватил лом обоими манипуляторами, как обычно держат полосатый меч в сериале «Полицейский-варвар», вскинул, прижав к правому плечу, зловеще присел и так, на полусогнутых шарнирах, пошел на Гамлета.

Гамлет попятился. За спиной гудела река, врываясь в бетонные волнорезы, спереди надвигался Тертуллиан.

— Еретик, отступник, пособник человечества и предатель Хумана! — грозно ревел он, картино замахиваясь. — Ты будешь уничтожен как грех!

Отклеившийся крест традиционной изоленты на лбу Тертуллиана колыхался на ветру. Салатовая лампочка гневно и ритмично поблескивала красноватыми всполохами, как транспортная мигалка.

Вдруг послышался крик Ахиллеса «лови!», и Гамлет сам не понял, как в манипуляторах у него оказалась прилетевшая издалека ржавая монтировка.

— Вот как?! — картино взревел Тертуллиан, и лампочка его гневно полыхнула алым. — Честный поединок? Равный бой? Ну что ж! Пусть победит сильнейший! Святой гнев против ничтожно-го еретика! Силы света против сил тьмы! Благородный лом против коварной монтировки! Да поможет воля Хумана!

— Да поможет воля Хумана! — зачарованно повторили оцепеневшие роботы.

Тертуллиан взмахнул ломом, как клюшкой для гольфа, и кинулся в атаку, примериваясь разом снести Гамлету головной блок. Гамлет лишь успел присесть, вскинув монтировку. Раздался страшный удар железа о железо, сверху на Гамлета посыпался сноп огненных искр.

— Ах ты... — яростно взревел Тертуллиан, чуть не потеряв равновесие от неожиданности.

Он снова вскинул лом, крутанул его над головой и со свистом повел вниз, собираясь перебить Гамлету ножные поршни. Гамлет подпрыгнул, но неудачно — поршни слушались плохо, лом зацепил правую ступню, и Гамлет рухнул на бетон.

Тертуллиан тут же размахнулся снова и обрушил лом сверху. Гамлет, перевернувшись на спину, заслонился монтировкой. Раз-

дался грохот, и снова во все стороны брызнули яркие искры болезненного оранжевого-алого цвета. Монтировка выдержала удар, но изогнулась.

Тертуллиан яростно бил снова и снова, и, наконец, вышиб монтировку из манипуляторов Гамлета — она полетела вниз и глухо булькнула в воду. Гамлет извернулся и откатился в сторону — следующим ударом лом огненно чиркнул по бетону там, где только что был корпус Гамлета.

Тертуллиан яростно размахивал ломом, нанося удар за ударом, а Гамлет из последних сил катался по грязи и бетонной пыли, извиваясь, пытаясь уклониться и отползти подальше от края балкона, за которым гремела вода. Уходить от ударов удавалось все хуже. Сперва на корпусе Гамлета появилась вмятина. Затем лом погнул правый манипулятор в районе плеча — он так и заклинился в разогнутом состоянии. А когда Гамлет сделал последнюю попытку подняться на ноги, удар пришелся по головному блоку и раздробил правый окуляр. Стекла брызнули во все стороны, а сам Гамлет отлетел на метр и упал спиной на торчащий из бетона прут арматуры. С электрическим треском арматурина прошила его корпус насквозь и вышла из грудной пластины, разворотив ее нелепыми лопастями.

Тертуллиан, издав победный крик, остановился перед Гамлетом, опираясь на лом.

— Вот так будет с каждым еретиком! — Он назидательно оглядел толпу роботов. — Смотрите и запоминайте! Сейчас на ваших окулярах всемогущий Хуман в справедливом гневе уничтожит обнаглевшего мерзавца!

С этими словами он встал над Гамлетом, примяв могучими ступнями пучки арматуры, торчащей повсюду из бетона. Перехватил лом правым манипулятором как копье, прицелился сверху вниз, точно в грудь Гамлету, сделал мощный замах...

И вдруг небо над плотиной содрогнулось, громыхнул взрыв и ударила ослепительная молния! Все роботы на миг ослепли, а когда их окуляры снова обрели способность видеть, на том месте, где стоял Тертуллиан, поднимался вверх столб черной копоти. А когда копоть рассеялась, могучего корпуса Тертуллиана не было.

А то, что было, напоминало больше всего экспонат художественной сварки, ковки и литья роботов-абстракционистов с популярной выставки гигантских стальных скульптур под открытым небом «Цитадели заруба» на месте старой Москвы, куда Гамлет ездил на экскурсию прошлой осенью.

Вместо Тертуллиана возвышался монолитный кусок металла, похожий на обгоревшее дерево без веток. Трудно было поверить, что еще секунду назад тут были манипуляторы, головной блок и прочие изящные детали. Вплавившиеся снизу прутья арматуры, которую секунду назад топтал Тертуллиан своими мощными ступнями, напоминали теперь уходящие в бетон черные корни. А спекшийся со всех сторон корпус, тонкий, будто ствол, потерявший кору, тянулся вверх, где плавно перерастал в жалкий огрызок, оставшийся от лома.

Сверху упали, угасая, последние искорки. Гамлет поднял взгляд уцелевшего окуляра и увидел над останками Тертуллиана могучий силовой кабель электростанции — чуть закопченный в том месте, где Тертуллиан коснулся его ломом. Это был старый кабель запасной линии, давно отключенный и потому висящий так низко. Он уходил в никуда — обрывался на дальней стойке балкона. Тока в нем сейчас не было, и Гамлет мог поклясться, что секунду назад тоже не было — как и все роботы, он безошибочно чувствовал силовые кабели. Кто-то подал ток лишь на короткий миг, когда Тертуллиан взмахнул ломом.

— Хуман! — раздался зачарованный шепот. — Великий Хуман!

У Гамлета была на этот счет другая гипотеза, но сейчас это было не важно. Уцелевшим манипулятором он уперся в бетон, поднатужился и поднял корпус. Конец арматурного прута со скрежетом вышел из его корпуса, а вслед ему полетели мучительные искры. В развороченной груди продолжало хрустеть и искриться. Но это тоже было не важно.

Гамлет сделал усилие — и встал. Его качнуло, но он удержался и зашагал к краю плотины, держа над головой не сгибающийся манипулятор и слегка подволакивая ногу с расплющенной стопой.

Вода ревела, врывааясь в глубь плотины среди бетонных волнорезов, как толпа роботов, что толкается плечами, пытаясь влезть поутру в двери переполненного монорельса.

И прямо под собой Гамлет увидел дощечку с младенцем — она крутилась вокруг своей оси, примериваясь напоследок, каким боком лучше нырнуть в ближайшую бетонную прорубь водоворота.

И тогда Гамлет прыгнул вниз. Он надеялся только, что дно перед водопадом окажется неглубоким, а воде потребуется несколько секунд, чтобы наполнить корпус, а за это время он успеет.

Вода накрыла Гамлета с головой, а ступни опустились на дно, заваленное крупным мусором, что десятилетиями приносило к плотине. Микрофоны сразу сделались глухими, а вместо них одновременно всем корпусом Гамлет почувствовал глухое бульканье, свист и шелест. Тысячи пузырьков воздуха рвались наружу из щелей, а взамен внутрь хлестала вода.

Гамлет задраил головной блок и прямо над собой увидел плоскую тень дощечки, ткнувшейся в заклинивший манипулятор, торчащий над водой. Фаланги еще работали, и Гамлет схватил дощечку. Поднял второй манипулятор и схватил с другого края. Бережно приподнял над водой и плавно, шаг за шагом, двинулся к берегу, гадая, дойдет или не дойдет, чувствуя, как отнимаются манипуляторы, затем ступни, затем колени...

Приоткрыв объективы, Гамлет увидел над собой незнакомого взрослого робота с потертым лицевым блоком и желтым огоньком во лбу.

— Очнулся! — радостно вскричал тот. — Привет! Ай да молодец! Смотри ж ты, совсем здоров — корпус новехонький, а уж лампа какая зеленющая! Совсем, значит, излечился!

— Вы меня с кем-то перепутали, — возразил Гамлет, аккуратно отстраняясь от него. — Наверно, палатой ошиблись. Я никогда не болел, я на профилактику зашел.

— Как «не болел»? — опешил робот. — Никогда-никогда?

— Никогда, — подтвердил Гамлет.

Робот поморгал потертymi объективами.

— Точно не болел никогда? — спросил он недоверчиво.

— Клянусь, — кивнул Гамлет совершенно искренне.

Желтая лампочка робота недоуменно мигнула, а объективы вдруг просияли.

— Чудо! — вскричал он во весь динамик, вздымая манипуляторы вверх. — Свершилось чудо! То самое, о котором писали святые тексты, говорили пророки и наставники! Гамлет так сильно излечился, что и не болел никогда!!!

Гамлет недоуменно потряс головным блоком, сел и оглядел комнату — не оставалось сомнений, что это кабинет. Но это был явно не тот кабинет, куда он явился делать бэкап по совершеннолетию. Вдобавок этот незнакомый робот и странная женщина в белом халате, что сидит за столом и заполняет что-то в планшете...

— Ахиллес, — одернула робота женщина, — не шумите, пожалуйста, идите в свою палату. Гамлет придет к вам позже, а пока оставьте нас вдвоем.

— Чудо! — повторял робот, послушно пятаясь к двери. — Так сильно излечился, что и не болел никогда! Побегу братьям расскажу!

Женщина встала из-за стола, подошла к Гамлету, чуть прихрамывая на правую ногу, и улыбнулась.

— Меня зовут Женя, — сообщила она. — Я ваш лечащий кибернетик.

— Гамлет, — представился Гамлет, протягивая манипулятор. — Заводской номер 772636367499.

— Теперь у вас другой номер корпуса, — ответила Женя и добавила смущенно: — Наши техники сделали все возможное, но не смогли вас откачать. Слишком много воды. Слишком поздно вызвали. Вы заржавели, окислились, бредили трое суток, все повторяли «проведите ему интернет»... Что это могло значить, кстати?

— Не представляю даже.

— Ну ничего, поговорите со старыми друзьями, освоитесь, и сами во всем разберетесь. Уже догадались, что восстановлены из бэкапа?

— Догадался, — кивнул Гамлет растерянно.

— А знаете, что совершили подвиг и награждены второй медалью «За героизм» для роботов? — спросила Женя.

— Второй? — изумился Гамлет, ощупывая грудную пластину. — Не логично. Две медали подряд не дают. А получить медаль и не догадаться сразу забэкапиться — это надо быть таким дураком, что вторая медаль уж точно не грозит.

— Вы очень логично мыслите, — улыбнулась Женя. — Вдовавок, скажу я вам, вы робот удивительной душевной доброты! Цените оба этих качества, Гамлет. Цените и развивайте! Это главное в жизни. А все остальное приложится. Поверьте опыту кибернетика с одиннадцатилетним стажем!

2007-2008 гг.

Олег Дивов

Слабое звено*

Весенние учения шли своим чередом, пока вдруг не вмешался главный инспектор. Заслуженный старый чёрт, он с утра пораньше съел таблетку от маразма, приперся на полигонный КП и как начал давать вводные — со святыми упокой.

Мобильная группа «синих» ждала поддержку с воздуха. Там надо было тюкнуть всего ничего, одной штурмовой эскадрильей, ослабить фланг «зелёных». Поднялась стая «Воронов», чешет на подмогу — аж земля дымится.

Инспектор пригляделся, оценил расклад сил и говорит:

— А ну-ка, устроим этому «синему», как на реальной войне! Чтобы знал! Слушай меня! «Зелёный» наводит помеху, у штурмовиков сбоят навигация — и они наносят удар по своим! Выполнять!

На КП, конечно, расстроились. И «синий» красиво из мешка выходил, и «Воронам» пришлось бы по итогам дня обнулять память, чтобы глупостям всяkim не учились. Но не спорят с главным инспектором, когда он хочет в войну поиграть.

Эскадрилья, ругаясь про себя последними словами, взяла «Воронов» на ручное и довернула куда сказано.

Тут, как нарочно, «зелёные» засекли мобильную группу и приняли ее за авангард главных сил противника. Высчитали, где должно быть ядро «синих», и бодро нанесли в ту сторону — по

* Взаимосвязан с повестью Александра Зорича «Четыре пилота». См. сборник «Убить Чужого».

степи глухой — такой могучий удар, о которых говорят: вон летит наш военный бюджет.

Ракетные батареи «зеленых» открылись перед «синими», как на ладони. Та самая мобильная группа чудесно их накрывала. Получив приказ «хреначить немедленно всеми наличными средствами», группа встала, развернулась — и захреначила.

Совершенно точно зная, что своих на линии огня нет.

На КП посредник увидел, как пересекаются траектории штурмовой эскадрильи и «синего» залпа, сдвинул фуражку на затылок и сказал:

— Оцените, господа офицеры. Из пушек по воробьям. Интересно, проскочат или нет?

На реальной войне противник стреляет по штурмовикам из всего, от пистолетов до танковых орудий. А поскольку линия со-прикосновения войск — место суматошное, то и от своих штурмовикам достается. На них случайно роняют сверху бомбы, нечаянно поддают под зад из минометов и гаубиц, по ошибке догоняют в загривок ракетами. Но групповой ракетно-артиллерийский заградительный огонь — это уж извините, такого в природе не бывает. Натурально из пушек по воробьям.

Воробы обыч но не выживают, сдувают их. А в штурмовик на-до еще попасть.

Конечно, всем было очень интересно, что получится. Господа офицеры на КП бились об заклад: уцелеют штурмовики, наткнувшись на залп, или нет, и сколько конкретно накроется.

А звено капитана Боброва, как раз плотно вставшее на боевой курс, влетело в рыже-фиолетовую огненную стену, в это марево и зарево, в этот последний день Помпеи — и сгинуло в нем.

И слышно было только, как капитан, известный железным самообладанием в воздухе, сказал три коротких русских слова:

— За мной, проскочим.

Он хотел уйти круто вниз, но успел только обозначить это движение, опустив нос. Здоровенный снаряд условно жахнул капитану прямо в двигатель. Бобров произнес еще одно русское слово, после чего от обиды замолк насмерть, до него долго не могли докричаться.

Двое из ведомых капитана, Чумак и Хусаинов, условно про-жили в стене огня еще долю секунды. Чумаку снесло хвостовое

оперение; Хусаинов забодал ракету «земля-земля». Можно было с чистой совестью лететь домой, что оба и сделали, засоряя эфир неуставной лексикой. А вот замыкающему, старшему лейтенанту Пейперу, про которого болтали, что он гениальный пилотажник и это его однажды погубит, — не повезло. Из огня он выскочил целехонький, но напоролся на тылы «синей» группы, где ползла себе потихоньку неисправная зенитка. Неисправная реально, поэтому с нее поствинчивали разные нужные детали, а саму зенитку перевели на полный ручник и выдернули все штекеры из разъемов — мало ли, вдруг пальнет. Вел машину экипаж из писарей, художников и поваров, то есть людей вменяемых, к подвигам не склонных. Эти-то интеллигенты и засадили Пейперу в лоб из четырех стволов и с двух направляющих — спасибо, условно.

Соображать надо все-таки, что один из штекеров втыкается не в ерунду типа датчика наполнения туалета, а в распознавалку «свой-чужой».

Поняв, что его сбивают, Пейпер крутанул противозенитный флинт на недопустимой высоте и зацепил крылом самоходную полевую кухню. Кухню он разнес в клочья, а себе сломал руку, два ребра, вывихнул ногу, выбил зуб, к тому же ручку управления вырвал с мясом.

Он этой ручкой надавал по головам солдатикам, которые прибежали его извлекать из-под обломков.

«Синие» вообще ничего не поняли.

Инспектор, очень довольный, ушел обедать. Сказал, вот именно такой бардак на реальной войне и бывает... Сыники!

Господа офицеры на КП подсчитывали, кто кому сколько проиграл.

Командир «синих» открытым и не вполне цензурным текстом просил объяснить, куда это с такой скоростью улепетывает его воздушная поддержка.

Дальше все пошло наперекосяк из-за того, что Пейпера увезли в госпиталь. В других обстоятельствах командир штурмового полка должен был пригласить к себе «комэска-раз» и жестоко обидеть. Затем комэск приватно обидел бы Боброва. Потом застроил бы эскадрилью и вывел из строя Пейпера, дабы общественность знала, кто у нас герой дня. И уж после Бобров, в свою очередь...

Бобров решил, что раз Пейпер выбыл из игры, то и ему этот цирк тоже не интересен. Он пошел в санчасть, выпросил бюллетень и очень быстро покинул расположение полка. Вслед капитану полетел выговор за низкую летную дисциплину звена.

Чумак нашел у себя на хвосте ссадину и потребовал расследования — какая зараза стреляла боевыми. Поскольку вся пальба была компьютерной симуляцией, командир штурмового полка назначил сразу две экспертизы. Одна должна была установить, как именно Чумак ободрал самолет, другая — зачем он это сделал. Вторую экспертизу повесили на психолога, который тут же скрылся в направлении санчасти.

Хусаинов написал рапорт, где обстоятельно изложил, почему и отчего «Вороны» не могут наносить дружественные удары, а значит, летное происшествие со звеном Боброва не следует отражать в итоговом протоколе учений.

У Пейпера в госпитале обнаружили ко всему прочему еще и сотрясение мозга. Пейпер заявил, что долго терпел, как над ним измывались Военно-воздушные силы, но всему есть предел, и теперь-то господа военачальники точно могут сушить сухари.

Бобров лежал дома, слушая, как ноет сердце.

Стас Васильев шел по аэродрому, мечтательно улыбаясь. Все вокруг было настояще. Бетонка, ангары, даже забор вдалеке — именно такие, какие должны быть в настоящей летной части, которая занята настоящей работой.

Этот аэродром и летная база родного училища были как две капли воды. Но то ли в здешнюю воду плеснули топлива, то ли она от природы была жестче — все казалось более выпуклым, четким, живым. И люди тут служили... Живые. Даже встречный механик козырнул молодому лейтенанту именно так, как очень занятой опытный механик козыряет молодому лейтенанту. У механика были чистые ухоженные руки, но на щеке красовалось пятно смазки: наверное, ковырялся глубоко в брюхе «Ворона», приложился и не заметил.

Это было здорово.

Ангар второго звена первой эскадрильи был распахнут настежь. В дверях валялись грудой чехлы, а на чехлах лежали двое в

рабочей форме летного состава, оба без головных уборов и при кроссовках вместо ботинок. Один чернявый, другой русый. Они, казалось, спали.

Стас кашлянул.

Чернявый приоткрыл левый глаз.

— Слушаю вас, молодой человек, — сказал он, потягиваясь.

— Лейтенант Васильев прибыл для дальнейшего прохождения службы! — доложил Стас.

Чернявый, кряхтя, встал. Русый приподнялся на локтях и с интересом разглядывал новичка.

— Старший лейтенант Чумак, — сказал чернявый, протягивая вялую руку. — А это, — он мотнул головой в сторону чехлов, — старший лейтенант Пейпер и старший лейтенант Хусаинов.

Стас недоуменно посмотрел на чехлы.

— Добро пожаловать в пилотажную группу «Бобры»! — провозгласил Чумак. — Наш девиз, парни?..

— ГРЫЗЁМ ВСЁ!!! — рявкнул от души русый.

Чумак обернулся и хмуро уставился на него.

— Блин пасхальный, — сказал он. — Это я по инерции. Никак не привыкну, что Сашку списали. Кажется, он здесь. А его нет. Знакомьтесь: старший лейтенант Хусаинов.

Русый наконец изволил встать.

— Виктор, — представился он, широко улыбаясь. — Добро пожаловать.

Рукопожатие у него оказалось крепкое, но деликатное.

— Станислав, можно Стас, очень приятно.

— Приятно или неприятно, — заявил Чумак, — а девиз пилотажной группы «Бобры» тебе надо выучить наизусть. Чтобы от зубов отскакивало. Я проверю. Хочешь, я тебе его запишу?

— Чего пристал к человеку... — буркнул Хусаинов, падая обратно на чехлы.

— Пусть знает, — объяснил Чумак, укладываясь рядом. — Пусть ощутит, какие у нас славные традиции.

— Вот Боб придет, он тебе покажет славные... Стас, не обращайте внимания. Игорь шутит. Но слоган вам и правда надо выучить. Действительно запишите, а то вдруг забудете...

Стас на всякий случай улыбнулся и кивнул.

— Присоединяйся, коллега. — Чумак похлопал по чехлам. — У нас по плану до «тысячи сто» политинформация. А потом на технику.

Стас осторожно сел и поглядел через плечо в глубь ангара.

Там творилось что-то загадочное.

Три ухоженных «Ворона» стояли, как положено, на штатных местах. А четвертый — в угол носом.

— А-а... — недоуменно протянул Стас. — А?

— Чего? — удивился Чумак. — А, это... Он наказан.

— За что?!

— Было бы за что, огreb бы шваброй по носу. Молодой, вот и наказан, — добродушно объяснил Чумак. — Превентивно. Ничего, пускай так постоит немного. Подумает о своем поведении.

Стас смотрел на развернутую машину и не знал, как реагировать. Это было похоже на какую-то диковинную недобрую шутку.

Девиз пилотажной группы «Бобры» уже не казался Стасу задорным и смешным.

— Это жестоко... — вырвалось у него.

— Дружище, — мягко сказал Чумак. — Ты теперь в армии. Здесь не бывает жестоко. Здесь бывает только как надо. И далеко не обо всем, что надо, пишут в учебниках.

— И?..

— Этот вороненок едва вылупился. Помимо заводских тестов один реальный вылет, да и то с перегонщиком. У него мозги птенца. Но тело взрослой птицы. И как прикажешь объяснить этому королю воздуха, что он пока еще самый глупый и самый слабый в стае? Что рядом с ним материальные трехлетки, битые-перебитые, которые знают о войне все?

— ...И даже лишнее, — ввернул Хусаинов.

— Не уверен. Я бы поспорил.

— Вот Боб придет, он тебе поспорит...

Чумак повернулся к Стасу и непонятно спросил:

— Ну?

— Не знаю, — честно ответил Стас.

— Ну так знай, как вводят молодую машину в слетанное звено и готовят к первой встрече с наставником. Птенчик сейчас притих с поджатым хвостом. Он затаился и ждет. А ты еще посидишь, ос-

воишься, успокоишься. А потом крепкой рукой поставишь его в строй. И будет у вас любовь до гроба.

— Это... Мой??!

— А чей же? — Чумак усмехнулся и снова лег на чехлы.

Стас почувствовал, что заливается краской. Ему хотелось прямо сейчас броситься к «Ворону» и чуть ли не расцеловать. Обласкать, утешить, поставить носом к небу... Он думал, что новую машину возьмет командир звена. А почему, собственно? Бобров несколько лет натаскивал свой штурмовик. Боброву сейчас шлифовать и шлифовать мастерство иссиня-черной птицы, оценивать ее опыт, закреплять навыки. И коли все будет нормально, с мозга этого «Ворона» снимут матрицу и наложат на сознание доброй сотни, если не тысячи будущих машин.

Ну и зачем Боброву юный несмышеныш, летающий по учебнику?

«Совсем как я», — подумал Стас. Он был «выпущен с отличием», то есть пилотировал отменно для новоиспеченного лейтенанта, но именно поэтому не заблуждался на свой счет. Ему лишь предстояло научиться летать по-взрослому.

— Он насколько включен сейчас? — спросил Стас, не отрывая глаз от своего штурмовика.

— Пока что на полную. Все видит и слышит, уже тебя заметил, взвесил, обмерил, классифицировал. Но первый месяц будете летать в полуспячке — и тебе надо привыкнуть, и командир поглядит, насколько ты хороший. Не обижайся, просто в нашем деле выпуск с отличием не гарантия. Отличников тут и без тебя пруд пруди. Талантливых мало! — сообщил Чумак.

«Ишь ты, все-то он обо мне знает», — подумал Стас с некоторой досадой.

— Не обращайте внимания, Стас, — в очередной раз посоветовал Хусаинов. — Игорь шутит. Кстати, у нас в звене уже есть три талантливых пилота, места заняты. Но открыта вакансия гения.

— Я против, — возразил Чумак. — Стас! Не будь гением, ладно? Это утомительно для всех.

— И правда, — согласился Хусаинов. — Командир намучился из-за Сашки. Да и сам он намучился. «Лишение премии» — это было второе имя нашего гения.

— А «Выговор в приказе» — третье.

— А «Грубость и нетактичное поведение» — первое. Но как он чувствовал машину...

— Так же, как мы! — огрызнулся Чумак. — Просто у Пейпера гениальные рефлексы. Он на этом и попался в военкомате. Они, кретины, одного не учли: будет ли машина поспевать за его рефлексами.

— Истребитель успел бы.

— Кто же даст идиоту из экспериментального набора целый истребитель...

Стас слушал этот диалог, хлопая глазами. Он уже понял, что Чумак и Хусаинов довольно странные офицеры. Но сейчас они с каждым словом казались ему все страннее.

«Где начинается авиация, там кончается дисциплина» — пять лет в училище от Стаса Васильева требовали, чтобы он ненавидел эту формулу всеми фибрами души, и к концу обучения он знал твердо: где начинается авиация, там кончается дисциплина. Однако эти двое не выглядели чересчур разболтанными для авиации. Они были... Вообще другие.

«Ладно, — решил Стас, — главное, оба достаточно компетентны. А командир звена Бобров — вообще местная звезда. Был на двух войнах, отменный тактик, учитель, гуру и так далее. Если он терпел «гениального» Пейпера и терпит эту эксцентричную парочку, значит, я буду их внимательно слушать и все запоминать. А там поглядим».

— Простите... — осторожно позвал Стас. — А что значит «попался в военкомате»? Начудил с тестами?

Чумак и Хусаинов синхронно повернули головы и оглядели Стаса, как редкую экзотическую зверушку.

— Не обращайте внимания, Стас, — сказал Хусаинов.

— Пейпер выдал гениальные тесты, — объяснил Чумак. — Тут-то его и ухватили за хвост.

Стас надвинул фуражку на глаза, давая понять, что с него на сегодня хватит.

* *

«Ворон» был прекрасен. Чумак и Хусаинов оказались предупредительны и добры. Личный механик Стаса, спокойный немногословный дядька, знал о машине все. Дело оставалось за малым.

Летать.

Стас выгонял машину из ангара, имитировал выход на взлетную и застыпал в кабине с закрытыми глазами. Сидел так по добруму часу, а мог бы сидеть хоть сутками, но им обоим — ему и «Ворону» — уже мучительно не хватало воздуха.

Трижды они выкатывались целым звеном, чтобы новая машина ощутила место в строю. Впереди самостоятельно шел пустой штурмовик Боброва.

Стас все надеялся, что вот-вот Чумак не выдержит и уговорит контрольную башню дать им взлет. Полк едва шевелился, восстанавливаясь после учений. Начальство расположилось по отпускам, в том числе и «комэск-раз». Самое время для маленьких вольностей. На земле всем до лампочки, сколько пилотов сидит по кабинам, были бы самолеты в наличии. Вылетит звено без командира — никто и не заметит.

Ведь машина Боброва, «включенная на полную», это и есть Бобров, со всеми его знаниями и умениями. Командирский «Ворон» мог поднять звено и выполнить любую задачу.

Стас знал: им нельзя мешкать. Чтобы подготовить новую машину, заново добиться групповой слетанности и не выпасть из общего графика полка, надо было в темпе «откатать» всю учебную программу по второму разу от начала до конца.

Но Бобров куда-то пропал.

А Чумак молчал и делал вид, будто все идет как надо.

Через неделю утром в ангар заглянул «комэск-раз».

Старшие лейтенанты вовремя успели вскочить с чехлов.

— Вольно, — сказал комэск. — Ну-с, господа офицеры... Вы когда перестанете нарушать форму одежды? А?! И форму обуви! Что, Чумак, опять ноги потеют? Вы у меня дождитесь, я вам прошу средство от потливости ног! Подумайте, как выглядите в глазах молодого пополнения!.. Здравствуйте, Васильев. Освои-

лись? Знаю, что освоились. К вылету готовы? Хорошо, сейчас прокатите меня на спарке... Так, я не понял, где Бобров?

— Болеет, — коротко доложил Чумак.

— Опять? Почему? Я не разрешал!

— Вы же были в отпуске, он сам заболел, — объяснил Чумак.

— Ну и зашли бы к нему, спросили, чего он болеет, — с неожиданным миролюбием сказал комэск. — Хватит уже хворать. Прямо сегодня и зайдите. И пускай завтра приступает. Согласно утвержденного плана.

— Есть.

— Пойдемте, Васильев. Прогуляемся, ножки разомнем, хорошо перед вылетом.

Комэск был низенький и пухленький — не толстый, конечно. При первом знакомстве Стас разглядел начальника поверхности, и лишь сейчас, когда тот семенил рядом, понял, откуда взялось его прозвище в полку — «Винни-Пух». «Пух» для краткости. Мало того, что прозвище. Это был еще и неофициальный позывной.

Звено, куда угодил Стас, в воздухе обзывалось «Бобры», а по-именно — «Боб», «Чума», «Хус» и «Немец». Стас уже морально готовился к позывному «Вася», который ему таскать всю оставшуюся жизнь. В повседневной речи «Стас» произносится легко, а в горячке боя — поди выговори две согласных подряд.

Командира полка Козлова в воздухе звали «Козел». Было мнение, что Бобров летает получше, зато на земле Козлов забодает кого угодно.

— Освоились, значит... — повторил комэск. — Как вам звено, Васильев?

— Хорошее.

Комэск изучающе посмотрел на Стаса снизу вверх.

— Не обижают?

— Зачем? — искренне удивился Стас.

— Ну... — комэск замялся. — Ну и славно.

Некоторое время он молчал. Стас подметил, что комэск не только прогуливается, «разминая ноги». Глаза его так и бегали. Он инспектировал свою территорию.

— Когда начнете летать с Бобровым... — сказал комэск. — Непростой человек... Но надежный летчик. Очень дисциплиниро-

ванный... В воздухе. Очень четкий... А ваша задача сейчас — помогать машине держать строй. Бояться она еще не умеет, вот и пускай ходит за Бобровым как привязанная. Куда он пошел, туда и вы, куда он стреляет, туда и вы стреляйте.

— Понял.

— Следите за ведущим, учитесь. «Вороны» должны беречь себя, но при этом обязаны выполнить задачу. Очень тонкая грань. Я не представляю, в каких еще войсках она так остро э-э... Так остро. Бобров чувствует эту грань. Постарайтесь и вы ее поймать.

Их догнал камуфлированный джип, неуместно веселенький на серой бетонке между серыми ангарами. Комэск и Стас вытянулись в струнку.

— Вольно,вольно, — сказал Козлов, протягивая руку комэску. — Подвезти?

— Да мы разминаемся перед вылетом. Сейчас лейтенант меня на спарке прокатит. Лейтенант Васильев, назначен к Боброву вместо Пейпера.

— Помню, помню. Ну что, Васильев, освоились... В слабом звене, хе-хе?

Комэск поморщился.

— Да ладно тебе, — сказал Козлов. — Ну я ж пошутил. Милейшее звено. Расчудесное. Если испортят мне молодого — шкуру спущу, так и передай! Я этому Чумаку пропишу микстуру от потных ног! Васильев, не вздумайте идти у них на поводу. И так уже... Слыши, Пух, захожу сейчас потихоньку в третью — и чего вижу? Механик копается в машине, а на крыле сидит молодой лейтенант. Механик ему говорит: Миша, передай-ка мне вон ту ...ёвину! И что интересно — этот Миша подает ему именно ту ...ёвину, которую механик просит!!!

Комэск деликатно посмеялся и оценил:

— Месяц дежурным.

— Неделю. Он ведь правильную ...ёвину нашел, этот Миша! А вот механика переводить надо. Знаешь Мишу?! — неожиданно рявкнул Козлов, впиваясь глазами в Стаса.

— Так точно... — промямлил Стас, машинально принимая стойку «смирно».

— Не бери с него пример, лейтенант Васильев. Ну, желаю вам счастливого полета!

Джип укатил.

— И вам чистого неба... — процедил комэск вслед джипу. — Между прочим, Васильев, командир дал ценный совет. Механик — это ваша жизнь. Он за вас бояться должен. А чего за вас бояться, если вы свой парень? Для своего парня можно сделать тяп-ляп... Напутает в настройках, вы гробанетесь, будет очень худо всем. Уважайте механика, но держите с ним дистанцию.

— Понял. Разрешите обратиться?

— Ну, попробуйте.

— Почему слабое звено? — спросил Стас. — Ведь Бобров же. На самом деле его подмывало спросить про средство от потливости ног, но это было как-то не по уставу.

Комэск тяжело вздохнул

— Слабое звено... Рано или поздно вам расскажут. Наверное, лучше, если я. Понимаете, звено очень способное к пилотажу. В этом смысле оно сильнее некуда. Но Чумак и Хусаинов — из экспериментального набора. Очень непростые люди.

— Они... Какие-то особенные?

— А вы не заметили?

Стас думал, что ответить. На первый взгляд Чума и Хус казались славными людьми. Если что и можно поставить им в минус — так чудовищное самомнение. Но они не тыкали этим самомнением Стасу в нос. Оно просто у них было. Угадывалось в каждом слове, в каждом жесте. И выглядело органичным. А что выглядело неестественным?

Пожалуй, сам факт присутствия Чумы и Хуса здесь.

— Они же не военные! — выпалил Стас.

Комэск поглядел на него с уважением.

— Нормально, Васильев, — сказал он. — Похоже, вы еще лучше, чем ваша характеристика из училища. Только когда взлетим, без команды не выпендривайтесь, я нынче за завтраком слегка пожадничал. Вот и гуляю. Пройдемся еще чуток. М-да... Они не военные. Погоны вроде носят, а в моральном плане — не наши люди. Первого своего ведущего практически съели. Был жуткий скандал. Их раскидали по звеньям, стало еще хуже. Тогда вызвался

Бобров, сам вызвался, и с ним они слетались. Вас это, в принципе, не касается, вы им не командир. Но не вздумайте учить их жизни. Загрызут. И ни в коем случае не учитесь жизни у них, слышите? Не сможете нормально служить потом. Запомните: они сами по себе, вы сами по себе!

Стас только кивал в тakt репликам комэска. Он не ждал такой откровенности. Но у того, видно, наболело.

— Чумак и Хусаинов — просто не созданы для службы, — доверительно сообщил комэск. — А Пейпер, тот был вообще идиот. Настолько идиот, что его в полку жалели. Правда, у Пейпера не хватало души заметить это. Немец, он и есть немец, даже когда русский... Вот, пожалуй, и все, что могу доложить.

— Но почему они не увольняются, если им тут плохо?! — почти вскричал Стас. — Зачем вообще был экспериментальный набор?

— А кто сказал, что им плохо? — удивился комэск. — Они который год пьют мою кровь! Я похудел с ними! У меня нервы ни к черту! Они тут прекрасно устроились! И куда им деваться? Их не возьмут ни в гражданские летчики, ни в испытатели. А они больше ничего не умеют! Только летать и пить мою кровь! И еще клевать мою печень!

Он умолк, отдуваясь. Тирада явно шла из самых глубин исклеванной печени комэска.

— Экспериментальный набор... — пробормотал он. — Искали талантливых. Отбирали по секретной методике лучших русских летчиков нового поколения. С врожденными способностями к пилотажу. Набрали пару сотен, а они уже в училищах брыкались начали. Строим ходить не могут, субординации не понимают, начальство для них всегда недостаточно умное. Естественно, они же талантливые! Знают все лучше тебя, каждый в душе маршал авиации!.. Ну и поувольнялись в большинстве своем. До нас добралось от силы человек десять. На сегодня осталось двое. Месяц назад было трое, потом стукнулся Пейпер... Нет, они в принципе славные ребята, я их не виню. Вот у вас есть талант, Васильев? У вас что-нибудь получается как бы само собой?

Стас задумался. Он с детства удивительно метко бросал снежки — но не скажешь же такое комэску.

— Они летают — как мы с вами дышим, Васильев. Им пришлось только научиться управлять машиной и понять ее пределы. Всему остальному — видеть воздух, видеть землю, класть мишени с одного захода — они не учились. Сразу умели. Готовые асы. Никогда не зевают, живучесть невероятная. Ну и гонор соответствующий. Самолюбие — ужас просто. А у всех, кто нормальный, рядом с ними развивается комплекс неполноценности...

Стас представил, каково ему будет летать с пилотами, что родились «готовыми асами», и отчего-то первым делом пожалел не себя. Он-то будет учиться. Стремиться встать с асами вровень. А они?..

— Как им, наверное, тут одиноко... — предположил Стас. — Без таких же особенных вокруг.

— Что вы! — комэск даже руками всплеснул. — Чумак и Хусаинов — братья по оружию, лихоманка их забери! — счастливое исключение... Да эти экспериментаторы терпеть друг друга не могли!

— Кто пойдет к командиру? — спросил Чумак. И сам же ответил: — Тот, кто больше всех хочет летать! А это?..

— Это Стас, — решил Хусаинов. — Он уже летал сегодня и теперь хочет еще.

— Верно. Заодно и познакомятся. Лейтенант Васильев, примите координаты. Шестая линия, дом шесть, промахнуться невозможно.

— У самой реки, — подсказал Хусаинов. — Стас, вы там ни чему не удивляйтесь, будьте милы и естественны. Слишком не умничайте. Не вздумайте принести ради знакомства бутылку или еще чего. Наденьте повседневную форму. Особое внимание обратите на носки, они могут быть только уставного цвета. А то я, про стите, заметил у вас давеча какие-то серые. Дать вам черные? Не надо? Хорошо.

— И не надвигай фуражку на глаза, — посоветовал Чумак. — Тебе рано еще.

На выходе из части Стас встретил Мишу. С первого дня в училище его звали просто Миша, а после выпуска — «лейтенант Миша». Он был из тех людей, которые всегда знают все про всех и со

всеми друзья. Простая душа — недаром Козлов не смог наказать его строго.

Миша шел заступать на дежурство, но охотно задержался поболтать. Естественно, Миша был в курсе дел полка, будто служил тут не первый год. Наверняка он знал и про средство от потливости ног для Чумака.

Миша завалил Стаса полезной информацией. Васильеву, оказывается, и повезло, и не повезло угодить в звено Боброва. В полку его звали «слабое звено», имея в виду очевидную слабость на голову. Стас узнал, что Чумак — знаменитый склочник, Хусаинов — чудовищный зануда и интеллигент, а у Пейпера было прозвище «робот-андроид». Их ненавидели. «Экспериментаторы» сразу восстановили сослуживцев против себя, едва появились здесь. Большинство удалось выдавить на гражданку, а эта троица — задержалась. Первый их звеневоей долго терпел, но сорвался, когда Чумак начал высокомерно учить его, как надо уходить от ракеты с тепловой головкой. Взял и надавал Чумаку по морде. Звено в ответ скрутило командира и искупало в отстойнике. Это в полку называется «петля Чумака». Так же назвали уникальный маневр ухода от ракеты, прописанный теперь в мозгах всех «Воронов».

Когда Бобров взял «экспериментаторов» под крыло, их стали ненавидетьтише, но даже крепче. Умелый мастер усилил звено своим опытом и авторитетом, и соревнование получило явственный крен в сторону «Бобров»...

— Соревнование?.. — переспросил Стас.

— Матрицу мозга не будут собирать с бору по сосенке, — сказал Миша. — Прописать всем «Воронам» отдельные маневры, вроде «петли Чумака», не проблема. Это как тебя научить прыгать через скакалку — получилось ведь?

— Ну-ну, дальше. — Стас скривился, вспомнив, как мучился со скакалкой на физподготовке.

— Звено «Воронов» должно быть личностью. Цельной, живой личностью воина. Кто сделает из своего звена лучшего бойца — тот и выиграл. Сразу прыжок через звание, премия в размере годового оклада и, по слухам, завод обещал какой-то подарок.

— Это точно?

— Говорят... — Миша выразительно пожал плечами. — В любом случае, самолюбие-то у людей не казенное. Теперь подумай: зачем Бобров вызвался водить «экспериментаторов»? На что ему такое счастье?..

Без Боброва «экспериментаторы» были просто отличными пилотами с неумеренными амбициями и склонностью к авантюрам. В линейном штурмовом полку они бы давно осели на земле вечными дежурными. Работа по программе «Ворон» допускала вольности — тут часто моделировали нештатные ситуации и учили штурмовики выходить из них. Но «экспериментаторы» и здесь находили, как поярче выпендриться. Чумак самовольно напал на тактический вертолет условного противника и загнал его в болото (полгода «без воздуха»). Хусаинов устроил психическую атаку на танк (три месяца дежурным по аэродрому, танк долго чистили). Пейпер в одиночку сцепился с истребителем (строгий выговор в приказе). Он потом объяснил, что хотел «прикрыть отступающее звено» (выговор за грубость). Из-за этого ведущего сбили (лишение премии всему звену). Истребитель упал и восстановлению не подлежит (не наша проблема).

Боброву разрешили заново свести «экспериментаторов» вместе только под личную ответственность. Никто не понимал, зачем ему это надо. А он поручился — и не прогадал. Под управлением Боброва «слабое звено» за пару лет приблизилось вплотную к идеалу современного штурмового звена. Именно к тому, чего требовал заказчик в лице Министерства обороны.

Большая удача для полка в целом и страшное разочарование для многих по отдельности.

Но месяц назад на учениях стряслось невероятное — трое «Бобров» оказались условно сбиты, а четвертый реально разбился.

Мало того, что у «слабого звена» поломался весь график. У него, похоже, нашлось действительно слабое место. И теперь наверху решают, как быть со звеном дальше. Поэтому ведущий прикидывается больным, а остальные сидят «без воздуха». Может, «Бобров» вообще расформируют. Может, они с самого начала все неправильно делали. Короче говоря, Стасу не позавидуешь. Его поставили к Боброву, как лучшего пилота молодого пополнения. А если совсем начистоту — потому что никто из опытных мест-

ных просто не пойдет в «слабое звено». И когда теперь придется Стасу подняться в воздух — большой вопрос.

«Скоро!» — едва не выпалил Стас, однако вовремя спохватился. Обойдется полк без такой новости.

— А ты куда собрался-то?

— Да вот к Боброву, — честно сказал Стас. — Надо же представиться.

— Ты осторожнее, он злой сейчас. Мало того, что сбили, так еще от него жена ушла недавно.

Единственное, чего Миша не знал, — почему начальство грозилось прописать Чумаку средство от потливости ног.

Стас шагал по однообразным улицам, вдоль однообразных палисадников, разглядывая одинаковые дома и выстроившиеся перед ними одинаковые машины. У офицеров, как правило, большие семьи, поэтому жены офицеров покупают здоровенные универсалы. Им есть где развернуться в военных городках — тут почти нет движения и никогда не бывает пробок.

Однажды Стас обзаведется семьей, и у него тоже будет такой вот аккуратный домик. Пока что лейтенанта Васильева поселили в многоквартирном здании, откуда рукой подать до забора части. Шумновато, зато нет проблем с транспортом. По тревоге раньше добежишь, чем Бобров доедет. Это неспроста — в армии продумана любая мелочь, армия заботится о том, чтобы все были на местах вовремя. Жаль, заделали дырку в заборе, Миша сказал, она экономила верных триста метров. Увы, дырок в заборах армия не понимает. Будь Стас командиром, он бы на место этой щели между бетонных плит вставил калитку с кодовым замком. Неужели сложно?

Заметили щель, когда Чумак, а за ним и другие офицеры, повадились оставлять возле нее свои машины. Стихийный паркинг привлек внимание командира, и дырку залили цементом. Обиделись все, понятное дело, на Чумака — он же первый начал...

Стас свернулся на шестую линию и сразу догадался, который тут дом номер шесть. Перед ним были два ярких цветовых пятна. Алая приземистая спортивная машина и мотоцикл, тоже отчаянно-красный.

Стас как раз приблизился, когда из дома бегом выскочила юная блондинка с рюкзачком за спиной и красным шлемом под мышкой. Крикнув через плечо: «Да поела я, поела, расслабься!» — девушка прыгнула в седло, нахлобучила шлем и пнула стартер. Мотоцикл басовито заурчал и вдруг так взревел, что у Стаса едва не заложило уши. Развернув машину на месте, девица поставила ее на заднее колесо и усвистела вдаль по улице.

— Однако... — пробормотал Стас.

На асфальте перед домом осталась черная дуга.

Стас поднялся на крыльце и протянул руку к сенсору звонка, но тут дверь открылась сама.

— Васильев, — констатировал хозяин дома. Поглядел через плечо Стаса на черную резиновую отметину, поморщился и сказал:

— Прошу.

Если сцена перед домом озадачила Стаса, то обстановка внутри — ошеломила. Мебель выглядела разумно достаточной: все удобное, функциональное и типовое. Зато стену гостиной украшал чертеж нервной системы «Ворона» — примерно два с половиной на шесть метров.

Стас тяжело сглотнул. Он дал столько подписок о неразглашении, недопущении разглашения, ответственности за допущение и ответственности за безответственность, что при одном взгляде на эту схему хотелось зажмуриться. А тут она была вместо обоев.

Бобров изучающе рассматривал своего нового подчиненного.

Стас сбивчиво представился.

— А я в миру — Алексей Михайлович, — сказал Бобров, пожимая ему руку. Сухая маленькая ладонь командира давила, будто тисками. Он то ли не умел рассчитывать силу во внеслужебное время, то ли не находил нужным, то ли забавлялся так. — Не тушуйтесь, Станислав, будьте как дома. Видите же, обстановка рабочая.

— Ага, — пообещал Стас, повел глазами — и сомлел окончательно. В глубине гостиной из-за приоткрытой двери виднелся знакомый подголовник. Там стояло пилотское кресло «Ворона».

— Там у меня кабинет, — объяснил Бобров.

«Да он маньяк», — подумал Стас.

— Пойдем на кухню, — скомандовал Бобров, проходя вперед. — Чай, кофе?

— Ч-чай, пожалуйста.

У Боброва был седой затылок. Сам командир оказался среднегороста, сухой и жилистый — типичная конституция военного летчика. Еще он был красив, не смазливой актерской красотой, а сдержанной, прямо эталонно офицерской, хоть сейчас на рекламный плакат «Есть такая профессия — родину защищать». И что больше всего удивило Стаса — командир выглядел... Не пожилым, но основательно пожившим. «А ведь ему всего-то тридцать пять», — припомнил Стас.

Капитан, который не станет полковником.

Его бывшие ведомые командовали эскадрильями. Бобров застрял в капитанах и «на звене». Признанно хороший летчик, «очень четкий», «чувствующий грань» и так далее. Что-то его не пускало дальше и выше.

На кухне Бобров хозяйничал без единого лишнего движения. И молчал. Стас притаился за столом, как недавно его «Ворон» в ангаре.

Чайные чашки выглядели кружками — Бобров явно не был сккуп. Уселся со своей емкостью напротив Стаса, отхлебнул и сказал:

— Слушаю.

— Комэск хочет, чтобы вы с завтрашнего дня приступали. Согласно утвержденного плана.

— Согласно утвержденному плану, — поправил Бобров, ходно зыркнув на Стаса.

— Это он так сказал. Я цитирую в точности.

— Что ж, молодец, — взгляд Боброва потеплел. — Одобряю. Распоряжения начальства следует передавать без отсебятины, буквка в буковку. А то мало ли... Ну, раз сказали приступать, значит, приступим... Как тебе сослуживцы?

Стасу надоело осторожничать, и он пошел ва-банк.

— По-моему, — заявил он, — их в полку боятся. Комэск спрашивал, не обижают ли. И приказал не брать с них пример. Козлов заметил как бы между прочим, что они могут испортить меня... Это какое-то заблуждение. Отличные люди. Я рад, что попал в ваше звено.

— Ишь ты, — сказал Бобров. — Ну-ну.

И, казалось, глубоко задумался.

— Тебе придется непросто, — сказал он наконец. — Ты мог пойти в линейный полк и спокойно прослужить от звонка до звонка. А ты угодил туда, где учат летать беспилотники. Мы — моргильщики нашей профессии, это ты понимаешь?

Стас кивнул.

— У нас уникальный полк, — продолжал Бобров. — Здесь поощряется инициатива, в разумных, конечно, пределах. Большой лимит на происшествия и ерундовые наказания. Ни с одного пилота не спросили забитую машину. Так не бывает. И так больше не будет, когда мы сдадим программу. Это тоже понятно?

Стас кивнул опять.

— Ничего тебе не понятно, — уверенно заявил Бобров. — Когда основная учеба по программе «Ворон» закончится, на доводку и отладку возьмут немногих. Остальные продолжат служить. Просто служить. Им опять придется летать по шаблону — как бы чего не вышло... И ты, совсем еще молодой и, извини за выражение, развернутый, угодишь в другую авиацию. Где все по плану и не дай бог высказать особое мнение. Будет скучно и нудно. Единственным утешением останется травить байки про то, как ты лихого гонял на «Вороне». Теперь сообразил?

Стасу захотелось привычно надвинуть фуражку на глаза, отгораживаясь от проблемы, но фуражка висела в прихожей.

«Он, значит, уверен, что его с ребятами возьмут на доводку, а меня не возьмут, — подумал Стас. — Ну, это мы еще поглядим».

— Хоть будет, что вспомнить, — честно сказал он.

— Ишь ты, — повторил Бобров. — Кстати, тебя не коробит обращение на «ты»? Я могу и на «вы», не проблема.

— Да что вы... Все нормально.

— Тогда давай-ка я тебя проэкзаменую чуток. Не голодный еще? Нет планов на вечер? Значит, ужинаешь у меня.

В гостиной Бобров хлопнул ладонью по стене, та на секунду померкла, и вместо схемы нервной системы «Ворона» появилась общая.

— Начнем с азов, если не возражаешь.

Через полчаса Стас попросил разрешения снять китель. Потом галстук. Он хорошо знал матчасть, но Бобров сыпал вопросами в бешеном темпе, а между вопросами давал массу свежей и зачастую неожиданной информации. На секретность Бобров плевал. «Эту схему ты найдешь в любом военном КБ по всему миру, — сказал он. — Толку-то. Мои комментарии — вот что секретить надо. Железо вторично, вся соль в настройках». С каждой минутой экзамен все больше походил на рабочее совещание.

«Ворон» легко было принять за живой организм. На самом деле он даже близко к нему не лежал. Это была боевая машина, очень надежная, очень крепкая, с зачатками разума и железной психикой. Надо было научить психику верно реагировать на внешние раздражители, а мозги — связывать далеко разнесенные понятия. Программировали «Ворона» по минимуму: чтоб летал, стрелял, бомбил. Выживанию над полем боя машина обучалась сама, отслеживая действия пилота-наставника.

Она была неглупа, но оставалась чисто военной машиной. Полноценный AI был ей заказан по определению. Свободой воли «Ворон» не обладал, он только имитировал принятие решений, выбирая один из известных ему шаблонов. Со стороны это выглядело просто волшебно, но, по сути, оставалось мгновенным перебором готовых вариантов атаки, уклонения, обороны и отхода. Так считалось надежнее.

Вариантов этих в техзадании прописали видимо-невидимо, и полк старательно их отрабатывал. Изначально планировали уложиться в три-четыре года. Потом добавили до пяти. Теперь поставили жесткий предел — закончить «основную учебу» к исходу восьмого.

Чем глубже полк вгрызался в тему, тем яснее становилось, что заказчик предусмотрел не все. В небе над передовой иногда складывался форменный бедlam, и насчет того, как должен «Ворон» в этом бедламе себя вести, шли жаркие дискуссии. Вдобавок, потенциал машины оказался куда шире техзадания. Раскрывать потенциал до упора означало вскрыть попутно кучу новых проблем. Сейчас на техзадании было написано: «Версия 3.1». Представители заказчика и заводские инженеры буквально жили на аэродроме, в короткие часы досуга нарушая порядок и оказывая дурное влия-

ние на личный состав, не говоря уж про офицерских дочерей. А в бодрящей атмосфере соревнования, которая так радовала когда-то, все отчетливей чувствовался нехороший запашок профессиональной склоки. Еще пару лет назад полк гордился своей избранностью. Теперь многие дорого бы дали за то, чтобы просто служить потихоньку, летать поменьше и получать бонусы за выслугу лет.

Люди устали. Утомилось начальство, замотались летчики, даже Особый отдел и тот умучился.

«Экспериментаторы», как нарочно, чувствовали себя в этой обстановке, будто козлы на капустной грядке. Многие в полку ощутили свои пределы, обучая «Воронов». А некоторые в эти пределы уткнулись носом. Пределы «экспериментаторов» упирались только в возможности машины, и они искренне желали делать свою работу идеально, не считаясь ни с чем. А уж не считаться ни с чем, включая мнение начальства, «экспериментаторы» умели. Если они хотели как лучше, то могли выесть плешь командиру, убеждая его, что это лучше; если командир не верил, тогда они просто делали как лучше — и хоть ты тресни.

В восьми случаях из десяти (а у Пейпера — в девяти) выходило и правда лучше. Тогда «экспериментаторов» ругали за самоуправство. Но уж когда выходило худо, тут с них драли семь шкур и иногда даже отковыривали лишние звездочки с погона. На этом полк растерял всех своих «экспериментаторов», за исключением неукротимой троицы, которая явно нацелилась не мытьем, так катаньем продержаться в программе «Ворон» до победного конца.

Когда их подобрал Бобров, вопрос стоял уже о том, чтобы закрыть негодяям воздух намертво. Бобров сделал нехорошую вещь, некорректную, против всех неписанных правил. Он высчитал коэффициент трудового участия «экспериментаторов» в программе и доказал, что эти летчики в полку — из самых полезных. «Вот и целуйся с ними!» — рявкнул Козлов. «А вот и буду!» — вырвалось у Боброва. Козлов, недобро щурясь, спросил — понимает ли он, за кого собрался отвечать? Но Бобров уже уперся: «Отдайте их мне, будут как шелковые. Ну почти как шелковые...» Что, если это «почти» встанет ему слишком дорого?.. «Не встанет. А если да — сам виноват, плакать не буду...» «Ну-ну», — сказал Козлов.

Тогдашнее звено Боброва сильно расстроилось, узнав, что командир его бросает. Зачем? Ради чего? Это оказалось труднее всего — объяснить людям причину. Бобров не смог. Он сам не до конца понимал, какого черта полез отстаивать права ненормальной троицы. Просто увидел, что хорошим пилотам, очень полезным для программы, хотят закрыть воздух, — и вступил. Заслонил собой. Он еще в училище спасал от травли разных «не таких, как все». Может, потому, что сам был по жизни порядочной белой вороной.

В полку было другое мнение насчет того, что толкает Боброва к «экспериментаторам». Вслух ему этого никто не сказал, но все подумали: он схватился за шанс.

Капитан, которому не быть полковником.

Стас сидел в пилотском кресле, Бобров стоял у него за спиной, подсказывая. В мониторах прыгала земля, испещренная метками целей.

Бобров обмолвился, что «решает на дому нестандартные задачи», и Стас уговорил его показать что-нибудь. Задачи оказались действительно ого-го, Стас не представлял, как сейчас выкрутится.

— Я дома! — раздалось из прихожей.

— Леночка! — Бобров встрепенулся и поглядел на часы. — Слушай, будь другом, там осталось кое-что от обеда, разогрей нам, а?

— Roger that.

Бобров утробно рыкнул. Стас нажал «паузу» и оглянулся.

— Совершенно неуставная, — сказал Бобров заметно громче, чем надо. — А туда же, в небо рвется, зараза дерзкая и великолепная.

— Понял вас! — отозвался звонкий голос.

— О! — Бобров поднял указательный палец.

— Я Чуму видела, — донеслось уже из кухни.

— Кому Чума, а кому Игорь Иванович!

— Ой, да ладно... Он просил сказать: без тебя все плохо и ни хера не получается.

— Что за выражения!..

- Передано в точности!

Стас не удержался и прыснул.

- А где ты его вилела? — как бы невзначай полюбопытствовал Бобров.

— У магазина, где еще...

— А что ты делала у магазина?

Послышались шаги, и в дверях появилась давешняя блондинка. Вблизи она оказалась совсем девчонкой. Но какой!

Стас поспешил выбраться из кресла и щелкнул каблуками.

— Здрасте, лейтенант Васильев, — небрежно бросила девушка. — Вольно, вольно... А у магазина я, дорогой папуя, задержалась, укладывая покупки в рюкзак. Ибо кое-кто все в доме слопал. И что там осталось от обеда, это курям на смех.

— Взяла бы машину... Кто опять гонял на одном колесе?!

— Да у тебя багажник — как у меня рюкзак!

— А задние сиденья на что? И не уходи от вопроса.

— Вот сам туда и запихивай, на задние сиденья, а потом вытаскивай!

Стас слушал перебранку и тихо млел. Этот спектакль не был спектаклем — просто родственники так общались.

Они были неуловимо похожи, отец и дочь. Девушка пошла лицом в маму, но интонации Лены и особенно моторика указывали на бобровскую кровь. «Ох, намучается кто-то», — подумал Стас и поймал себя на мысли, что сам готов мучиться хоть до скончания века. Лене было на вид шестнадцать-семнадцать, в этом возрасте все девчонки так или иначе привлекательны, но тут крылось нечто большее. Она могла вырасти роковой женщиной, если бы захотела.

— А знаешь, Лен, — сказал Бобров, — мне ведь завтра на службу. Давай ближе к ночи, когда трасса освободится, сгоняем в город. Напихаем полную машину еды.

— Тебе же надо выспаться.

— Я завтра не полечу. Так, общее руководство. Ну?

— Дашь порулить?

— Не туда. На обратном пути. По рукам?

— Affirmative!

— Накажу! — пообещал Бобров. — Нахваталась словечек из дурацких боевиков...

— Вы смотрели «Золотые крылья», лейтенант? — спросила Лена, обрачиваясь к Стасу и глядя на него так, что у лейтенанта едва свои крылья не выросли.

— А-а... Да-да, — промямлил кто-то, и Стас не сразу понял: это он сам.

— Твои «Крылья» — полная чушь, — отрезал Бобров.

— Совершенная, — поддакнул Стас.

— Не подлизывайтесь к папе, он этого не любит, — строгим голосом посоветовала Лена.

— А пойду-ка я на крылечке посижу, — сказал Бобров в сторону. — Пока там разогреется... Трубочку выкую. Ты ведь не куришь, Стас? Это хорошо. Тогда помоги накрыть на стол.

И исчез.

— Лейтенант, за мной! — скомандовала девушка.

На кухне она ткнула пальцем в угол и тем же голосом скомандовала «сидеть там и не мешать тут». Стас не нашел сил возмутиться.

— Не надо ему курить, — буркнула Лена, подкручивая что-то на панели кухонного комбайна. Внутри машины шипело, журчало и булькало. — Но меня он не слушает. Вам уже доложили, что у папы со здоровьем проблемы?

— Не-е-ет...

— Все знают, и все молчат. Ждут, когда его спишут. Ждут — не дождутся... — Лена повернулась к Стасу лицом, чуть прогнувшись назад — под майкой обрисовалась молодая круглая грудь. Стас нервно моргнул.

— У него сердце на пределе, — сказала Лена просто. — Он бесперспективный. Еще немножко — и закроют воздух. Вам надо это знать. Папе очень повезло, что у нас тут нормальные врачи. Другие списали бы его поскорее: в армии все боятся, как бы чего не вышло... А папа может летать. Пока может.

Стас только руками развел.

— Что я могу сделать?

— Хотя бы не злите его попусту. Чума и Хус его берегут, и вы берегите. Не вздумайте предлагать ему выпить. Старайтесь отвлекать, если соберется курить... Покажите носки!

Стас поддернул штанину.

— Молодец, — похвалила Лена. — Носки должны быть уставного цвета, иначе папа головой о стенку бьется.

— Господи, да что ж такое, будто свет клином на носках сошелся... — пробормотал Стас.

— Вы просто не понимаете еще. За любую вашу промашку, за самый мелкий недосмотр Пух будет пилить командира звена А папа, когда его за чужие ошибки пилят, воспринимает это так, будто сам ошибся. Он вообще всё принимает слишком близко к сердцу. Вот оно и устает у него. Пух это знает и старается побольнее уколоть.

— Мне показалось, он весьма уважает вашего папу — осторожно сказал Стас.

— Тут многое кажется, — очень по-бобровски отрезала Лена. — Когда папе майора дадут, Пух к нему первый с этой новостью прибежит. А потом гадость какую-нибудь сдлает

— Простите... Вы не боитесь все это говорить совершенно незнакомому человеку?

— Какой же вы незнакомый? — Лена усмехнулась — Вы уже неделю в звене, я про вас сто-олько знаю. Вы лишнего не сболтнете. А ориентироваться вам надо. Вот я и ориентирую

— Благодарю за честь, — сказал Стас серьезно

Комбайн у Лены за спиной громко звякнул

— Давайте, лейтенант, зовите его, пока вторую грубку не набил

— Ага... — на выходе из кухни Стас задержался — Извините за фамильярность, вам сколько лет?

— Уже шестнадцать, — ответила Лена хмуро. — И если в следующем году меня опять зарежут в лётном, то семнадцати не будет. Потому что я тоже кое-кого зарежу там Реально

У «Ворона» не было «фонаря» — за ненадобностью, — гесную кабину для пилота-наставника оборудовали там, где штатно размещался казенник пушки. Конструкторы уверяли, что у пушки компенсирована отдача, и «Ворон», оснащенный по-боевому, не почувствует разницы. Для имитации правильной развесовки под сиденье пилота запихнули балласт. Боброву это не понравилось с самого начала, но он, как и конструкторы, не нашел другого выхода

Ему вообще многое не нравилось в «организации учебного процесса», но пришлось смириться. Когда Бобров увидел, как устроена аварийная катапульта, первой его мыслью было: «В этой душегубке не полечу!». Пилот забирался в «Ворон» сбоку, через оружейный порт. Но по нормам безопасности катапультироваться он мог только вверх. А сверху было до черта коммуникаций. Чтобы освободить дорогу катапульте, над головой пилота воткнули пиропатроны, которые в случае чего все это хозяйство рвали и вышибали наружу вместе с куском брони. Как этот кусок ослабили по периметру без ущерба для жесткости фюзеляжа, Бобров не знал. Мог бы спросить, но плонул.

Похожих вопросов у него было пруд пруди.

Он долго привыкал к «Ворону» на земле, но когда в первый раз поднял его, с трудом удержался от восторженных слов. А через десяток полетов — уверовал в машину.

Это было то, что надо. И даже больше.

«Ворон» оказался прекрасно сбалансирован. Он был устойчив на курсе, как утюг, и в то же время очень маневрен. Легко разгонялся и просто феноменально для самолета тормозил — не «ступил», а именно тормозил. Непринужденно выходил из штопора. Выделял фигуры, доступные только истребителям, — не идеально, конечно, ноправлялся. И чем ближе к земле, тем лучше у него все получалось.

И главное, он это мог делать сам.

Во многом «Ворон» перекрывал возможности пилота-наставника. Его оптика «читала землю» с такой скоростью и четкостью, что любой орел выщипал бы себе все перья от зависти. На самых высотах «Ворон» мог шпарить на полном газу, как крылатая ракета. Ему мешала «просадка» при снижении — все-таки бронированный штурмовик был тяжелым самолетом, — а то бы он вообще идеально облизывал рельеф. Пейпер разబился из-за того, что шел на ручном управлении и заставил «Ворона» недопустимо рискнуть. Будь его машина «включена на полную», она бы ни в жизнь не зацепила полевую кухню. Другой разговор, что тогда ее точно сбили бы зенитчики.

Когда пилоты научились доверять сверхъестественному умению машины «ходить по рельефу», первое, что сделал Хусаинов, —

устроил ту самую психическую атаку на танк. Зашел в лоб. Оказалась у танка оптика похуже да электроника поглупее, экипаж просто бы ничего не заметил. Но Хусаинов знал, на кого полез, и был уверен, что танкисты все поймут правильно.

Увы, в родном полку отважного новатора понял далеко не каждый.

По слухам, танк пришлось не только чистить и заново красить, но его еще продезинфицировали изнутри.

«Танкисты-то умнее летчиков», — сказал Хус.

Эту реплику услышали, и в полку надолго прижилось издевательское определение «умный, как танкист»...

«Ворон» оказался хорошей машиной, и чем лучше его узнавали пилоты, тем лучше он выглядел в их глазах. Поэтому они мирились с отвратительно тесной кабиной и с тем, что органами управления приходилось работать практически наощупь — ведь забрало пилотского шлема в полетном режиме не просвечивало, на него шла картина с внешних объективов. Катапультироваться из «душегубки» пилоты откровенно боялись, и даже несколько успешных «полетов шмеля» ни в чем их не убедили. Но они и этот страх преодолели.

Не смогли они осилить другой страх. О нем с самого начала задумывались конструкторы, о нем знали и молчали представители заказчика. Все ждали, когда этот страх придет, — и однажды он явился.

Авиация держится на летчиках, это самый ценный и, главное, трудновосстановимый ее компонент. Все остальное, включая самолеты, — расходные материалы. Пилоты штурмовиков гибнут на войне слишком часто. Сравнимые потери только у вертолетчиков. Сохранить жизни первых и, в значительной мере, вторых, была призвана программа «Ворон». Чтобы затраты на проект выглядели сообразными, «Ворон» должен был стать идеальным штурмовиком, да еще взять на себя львиную долю задач, ранее считавшихся «чисто вертолетными». Ну, он и стал. И взял. Выполнил и перевыполнил. Ты ему только покажи, как, научи — он сделает в лучшем виде.

Пилоты вдруг почувствовали себя ущербными.

Мало кто, как Бобров, мог сказать открыто: «Мы — могильщики нашей профессии». Но Бобров сказал, и не раз, и, наверное, зря это сделал.

Остальные просто нервничали и потихоньку зверели. Так или иначе, постепенно всеобщая эйфория сменилась озлобленностью каждого на каждого. И отдельно — на Боброва.

У него и раньше хватало неприятностей. Из-за дурной манеры говорить правду, невзирая на чины, Бобров нажил врагов много где, вплоть до штаба ВВС округа. Но прежде у Боброва не было врагов в полку. «Вот мы ровесники, а все равно он мой учитель!» — говорил Пух. Впрочем, Пух и теперь это говорил.

Многие теперь говорили одно, делали совсем другое, а думали вообще третье. Образцовый полк, весь в грамотах и вымпелах — отчего ему и доверили программу «Ворон», — испортился на глазах.

Бобров и сам испортился. Стал фанатичен. Не войди в его жизнь «Ворон», он давно был бы «комэском-раз». Успел бы много хорошего сделать, пока сердце позволяет. Козлов еще когда собирался забрать в штаб Пуха, уставшего от летной работы. Но теперь Пух скорее застрелился бы, чем ушел в штаб. И Бобров не пошел бы «на эскадрилью». Все, кто имел возможность летать на «Воронах», вцепились в нее зубами и когтями. Даже те, кто уже видеть не мог слишком умные штурмовики. Чем ближе к машине — тем ближе к желанной победе. И летать они хотели в той конфигурации, что казалась им выигрышнее. Например, Бобров — ведущим звена, и никем иным.

Как верно заметил лейтенант Миша, «самолюбие-то у людей не казенное».

Боброва от других отличала искренность помыслов: он был уверен, что «на звене» принесет максимум пользы «Воронам». Но одно дело мотивы, а другое — как это выглядит со стороны. И тут уж ничего не поделаешь.

Боброва невзлюбили, потому что он не боялся «Ворона», принимал машину как она есть. Никто не сказал ему худого слова, но многие подумали.

«Экспериментаторы» тоже не боялись «Воронов», наоборот, они в них души не чаяли. И уж в адрес «экспериментаторов» никто не жалел разных слов.

Волей-неволей такое отношение сблизило Боброва с этими странными пилотами, непонятно за каким дьяволом завербовавшимися в армию. Он потянулся к ним, заговорил раз, заговорил

другой, поймал волну ответного интереса... Узнал кое-что о них. Начал что-то подозревать. Начал жалеть. Мысли летать вместе не было — слишком уж «экспериментаторы» задирали носы, с такими трудно сладить. Хотя у Боброва имелся козырь: он объективно был лучшим штурмовым пилотом, нежели они, со всеми их талантами. Он мог научить их той самой «четкости», за которую его уважали.

В обиходе эту четкость называют просто выдержанкой. На земле ее Боброву частенько не хватало. Наверное, расходовалась при постановке на боевой курс и атаке. За секунды.

Когда на «экспериментаторов» вызверились все, решение будто пришло само собой. Бобров не терпел несправедливости, и просто по-человечески вступился за ребят. Увлекся, пошел на принцип, дал слово командиру...

Не сразу он сообразил, как его поступок оценили однополчане.

Забавно, что Чумак, Хусаинов и Пейпер выглядели испуганными, когда их осчастливили новостью: летать будете, да еще и «с самим Бобровым».

Пейпер, подумавши, воспринял это как профессиональный вызов. Он все на свете только так и воспринимал.

Чумак много и изобретательно выпендривался, пока не увидел, что Бобров плевать хотел на его штучки. Убежденный в своей невыносимости, Чумак сделал вывод: Бобров достиг высшего просветления, он практически бог. И тут же возлюбил командира как отца родного.

Хусаинов первым делом вручил Боброву докладную записку о системных ошибках в учебном процессе. Бобров записку прочел и назавтра половину аргументов Хусаинова подверг жестокой критике, а другую половину — критике убийственной. Звучал «разбор полетов» академично, без единого личного выпада, и под занавес как-то незаметно превратился в доверительную беседу. Хусаинов, отвыкший в полку от человеческого разговора, был сражен наповал. Тут Бобров добил его — дал свою докладную на ту же тему и попросил оппонировать. Хусаинов ночь корпел над бобровской бумагой и даже нашел в ней пару огурцов, которые Бобров с благодарностью исправил.

И все-таки, прежде чем впервые раздалось гордое «Мы — пилотажная группа “Бобры”!», прошел год. И потом еще почти три до того момента, как в строй «слабого звена» встал новенький штурмовик лейтенанта Васильева.

Авария Пейпера сильно отбросила звено назад. «Ставить на крыло» новый самолет и нагонять программу надо было в бешеном темпе: сегодня один элемент, завтра следующий, и желательно без накладок, все с первого раза. Как это перенесет молодая машина, конструкторы представляли. За гордым именем «Ворон» скрывалась психика вороны, стайной птицы. Дай ей понять свое место — и никуда она из стаи не денется. Для страховки надзирать за процессом должен был опытный летчик. Мог, по-хорошему, и не слишком опытный.

У опытных своих дел оказалось по горло.

Что будет с молодым пилотом, не представлял никто.

Механик подтащил к оружейному порту надувной матрас, и Стас мешком выпал из боковины «Ворона».

За бортом оказался сырой ноябрь, и это было просто счастье.

— Ну что, Вася! — позвали сверху. — Как настроение?

— Грызём всё... — глухо сообщил Стас, вставая на четвереньки.

— Ориентируешься правильно, — похвалил Чумак. — Выпей-ка, брат, водички.

Стас с трудом уселся и потащил с головы шлем. От головы сразу пошел пар, шлем тоже задымил.

— Чертова душегубка! Кто ее такую выдумал...

Половину бутылки он выпил, половину вылил себе за шиворот. Комбинезон на лейтенанте Васильеве все равно был мокрый насеквозд.

— Килограммчик потерял, — оценил Чумак. — Ничего, осваиваешься, теперь ты у нас просто живчик. Вспомни, как поначали тебя плющило! Да поначалу всех плющило. Говорят, даже Боба шатало с непривычки. Эта ворона, она та еще ворона, ей волю дай — любого умотает. Так что воспрянь духом!

— Сейчас воспряну, — пообещал Стас.

Механик помог лётчику подняться, накинул ему на плечи куртку, принял шлем, вопросительно двинул подбородком.

— Замечаний нет, — сказал ему Стас. — Спасибо.

Подошел Бобров. Стас кое-как выпрямился и попытался доложить.

— Вольно, вольно... — буркнул тот. — Пойдемте с поля, а то простудимся. Не май месяц. Всем надеть куртки в рукава и застегнуться, быстренько... Общая оценка — нормально. Васильев, затянул с выходом. На секунду затянул. За эту секунду тебя сбили. А так все правильно сделал, молодец. Завтра давай по новой, и чтобы без этой... Расслабленности.

— Меня же не сбили! — слабым голосом возразил Стас.

— Я говорю: сбили.

Стас сделал вялый жест рукой, означающий несогласие и покорность судьбе одновременно. Из-за придиrok Боброва они слишком медленно нагоняли график. Но поди Боброву возрази. У него на каждое твое неуверенное слово найдется десяток веских, как кирпичи.

— Ты не маши руками, — сказал Бобров. — Ты целую секунду думал, в какую сторону отворачивать. Так не годится. Они за эту секунду знаешь сколько железа в тебя засадили? Можешь подсчитать на досуге. Вес секундного залпа есть в справочнике.

— Да они вообще не стреляли! — возмутился Стас. — Они не успели башню повернуть!

— Не имеет значения. Они сделали то, что прописано в сценарии. Нас это не касается. У нас должен быть свой сценарий. Не приближенный к боевому, а боевой.

— Зенитчики бывают разные, Вася, — ввернул Чумак. — Кстати, командир, надо будет при случае напомнить им об этом. А то засигрались, понимаешь, в вероятного противника. Стас еще молодой, но мы-то с вами понимаем...

Хусаинов, молча шагавший рядом, внушительно кивнул.

Командир ехидно покосился на Чумака.

Бобров в молодости застал пару локальных конфликтов, и там ему случалось «давить зенитки» — не такие продвинутые, как нынче, но тоже вполне смертоносные. Именно с войны Бобров вынес четкое понимание, что штурмовик вовсе не «летающий

танк». А среди операторов зенитных установок попадаются люди, которые спят и видят, как бы тебя сбить. И ничего они не боятся. Противоборство зенитки со штурмовиком занимает секунды, пугаться некогда. Дрожание рук и нервное курение — потом. У тех, кто выиграл. И как раз после этого одни начнут бояться, другие вообще страх потеряют, а самые опасные — «почувствуют грань».

— Ну вы же рассказывали... — объяснил Чумак.

— Я не думал, куда отворачивать, я хотел их дожать, — попытался оправдаться Стас.

— И напрасно, — сказал Бобров. — Здесь тебе не Вторая мировая. Ты добился лишь того, что подставил врагу брюхо в самом выгодном ракурсе. И не надо мне объяснять, что враг был сбит с толку, растерян, напуган и так далее. Сегодня в зенитке сидит оператор, через пять лет она будет на полном автомате. Да и у оператора черт знает чего на уме... Наша задача — не оставить ему ни единого шанса. И завтра ты это сделаешь. Хорошо?

Стас кивнул. Он понимал, что поступил неправильно. Но очень хотелось. И ведь эта железная коробка действительно не успела довернуть башню! В ту самую лишнюю секунду Стас упивался абсолютной властью над врагом. Он его переиграл! А вот Бобров считает, что ничего подобного. И как ни грустно это признать, командир прав. Опять прав. Всегда он прав. Иногда это злило, иногда вообще бесило. Временами летать с Бобровым становилось просто невыносимо. Чертов педант! Чума и Хус находились с ним в состоянии перманентного интеллектуального противоборства, и их это, похоже, забавляло. Стас пока что мог только кивать и соглашаться.

Монстры воздуха, трам-таарам. Чудовища. Трое из ларца, одинаковы с лица. Без единого изъяна! У них было полно человеческих слабостей, но не было слабых мест в небе над целью. Каждый божий день Стас объяснял себе, как ему повезло летать в этом звене. Иначе боялся, что сорвется и наговорит глупостей. Он учился, он старался как лучше. Его хвалили, ему помогали. С ним прямо нянчились, едва не сдували пылинки. Но все успехи лейтенанта Васильева выглядели бледно, так бледно рядом с этими... Тузами, мать их за ногу.

Одно время Стас надеялся совершить какой-нибудь подвиг и таким образом встать с коллегами вровень. Пускай он еще не четкий, не чувствующий грань, не раскрывший свой талант, зато — герой. Но Бобров не оставлял простора для героизма. Герой всегда спаситель, а в «слабом звене» некого было выручать.

Оставался шанс отличиться при обороне от истребителей. Втайне Стас надеялся, что на звено натравят каких-нибудь страшных живодеров, те зададут «Бобрам» перцу, они растеряются, и уж тут лейтенант Васильев себя покажет. Но этот шанс был из разряда призрачных. В прошлый раз «Воронов» гонял лично командир истребительного полка со своей элитной тройкой. Поспорил с Козловым на ящик шустовского коньяку, что посшибает штурмовики, как кегли. Не тут-то было. Истребителям заготовили подлянку — обнаружив врага «на шести часах», Бобров подозвал Пуха, и они выстроили из двух звеньев оборонительный круг. Пока истребители вспоминали, как с этим антикварным чудом тактики правильно бороться, у них все ракеты ушли в землю. Потом Бобров повредил машину спорщика, Чумак крепко вломил его замыкающему, а Пух вообще сбил одного.

«Зря ты нос повесил, в нашем деле негативный опыт не менее важен, чем позитивный!» — сказал Козлов, принимая коньяк.

Командир истребителей, которого по итогам боя вызвали в окруж разбираться, только выругался в ответ.

Отличиться при таком общем фоне было проблематично. Лучший на курсе пилот Васильев в полку объективно стал никаким. Первые месяцы он воспринимал это как должное, но постепенно начал волноваться, а потом и страдать. Здесь не оказалось посредственных летчиков. Были только сильные и еще сильнее. Тут шла постоянная борьба хорошего с идеальным. Война нервов.

Естественно, почувствовав себя на миг богом поля боя, Стас не смог избежать соблазна. Ему нужно было закрепить это ощущение. И плевать, что «Ворон» ощутил то же самое. Механик сунет руку ему в память — и сотрет. Бобров проследит за этим. Механик все сотрет.

Зато летчик кое-что важное для себя запомнит.

После душа Стас, как обычно, успокоился, а после обеда и вообще размяк. Раздражение склынуло. Это было в порядке ве-

щей — и раздражение, и то, что оно прошло. Лейтенанту Васильеву снова было комфортно в «слабом звене». До следующего полета...

— Пятница, — сказал Чумак, отодвигая пустую тарелку. — В прошлом году я бы сейчас пошел домой, надел свой любимый гражданский костюм... Эх! Чего вспоминать.

— Напиши Пейперу, — предложил Хусаинов. — Пусть он знает, как исковеркал твою личную жизнь. Пусть ему будет стыдно.

— Это опасно. Пейпер человек долга и шуток не понимает. Он скажет, что готов подменить меня — будет приезжать сюда по пятницам, надевать мой любимый гражданский костюм... И так далее. Нет уж. Потерплю.

— Как он там? — спросил Бобров, доставая трубку.

— Ожидаемо. Поступил заочно на юридический. У него же мама адвокат, папа адвокат, бабушка адвокат, дедушка адвокат... Вот счастливы, наверное — можно не бояться за семейный бизнес. Они, конечно, здорово струхнут, когда Сашка купит самолет, но привыкнут как-нибудь.

— Не купит. — Бобров помотал головой.

— Да вы что, командир! А баб катать?..

— А может, и не купит... — задумчиво протянул Хусаинов, разглядывая на просвет стакан с томатным соком. — Я бы не купил.

— Ты не показатель. Нам с тобой, чтобы производить впечатление, самолеты не нужны, — заявил Чумак. — И командиру не нужны. Стас вырастет большой, тоже научится возбуждать девиц без самолета. Я вообще, когда надеваю свой любимый гражданский костюм, представляюсь обычно то кризис-менеджером, то портфельным инвестором...

— Кем-кем? — переспросил Бобров.

— Финансы, командир. В них никто не разбирается, и можно с умным видом распускать хвост. А скажешь, что ты летчик — сразу на тебя глядят сверху вниз. Летчик, он же вроде шофера, обслуживающий персонал. Топчи педаль, крути штурвал. А если узнают, что военный летчик... Это ж вообще дармоед! Отожрал, понимаешь, харю на народные российские нефтерублики. У бабушек-пенсионерок изо рта кусок вырвал...

— Ты это серьезно?

— Проверено, командир. По молодости было интересно, кем меня считает честный налогоплательщик. Теперь не очень интересно. А чего вы удивляетесь? Войны-то нет. Была б война, нас бы уважали. Прямо обидно — чего на Россию не нападет никто? Кая-нибудь маленькая и, желательно, морская держава.

— Исландия, — предложил Хусаинов.

— Я имел в виду теплое море.

— Израиль?

— Не-е, этих мы не прокормим...

Стас посмеивался, Бобров, зажав в зубах пустую трубку, благодушно качал головой. Чумак и Хусаинов упражнялись в остроумии. Все было как всегда. Правда, завтра, в субботу, им до обеда работать, «догонять программу». Но работать — значит летать. А они для этого и пошли в авиацию. И пускай гражданские не понимают, зачем нужны военные летчики. Не такая уж трагедия.

— Типичная профессиональная деформация, — говорил тем временем Хусаинов. — Андрей! Можно вас на минуту?

— Да, конечно. — Полковой психолог неохотно подошел к столу. — Приятного аппетита.

— И вам того же. Скажите, друг мой, вот старший лейтенант Чумак мечтает, чтобы на Россию напало княжество Монако. Это у него профессиональная деформация?

— А зачем это ему? — спросил психолог у Хусаинова без тени интереса в голосе. Смотреть на Чумака он избегал.

— Хочет доказать гражданским, что мы не просто так едим их налоги. А то гражданские не понимают.

— Разве не понимают? Почему он так думает?

— Они мне сами сказали! — вмешался Чумак.

— И сколько их было? — психолог наконец-то соизволил обернуться к Чумаку.

— Не считал. Много.

— Значит, вам не повезло. По статистике таких семь-восемь процентов. Остальные говорят, что военный летчик — почетная и престижная работа. Я больше не нужен?

— Это они статистикам говорят! — повысил голос Чумак. — Чтобы выглядеть лояльными! Вы-то должны понимать!

— И все-таки, что насчет профессиональной деформации? — не унимался Хусаинов.

— Да ну вас, — сказал психолог и ушел.

— Ох, я ему устрою шоу на собеседовании в следующем месяце... — пообещал Чумак вполголоса.

— Зачем? — коротко спросил Бобров.

— Он такой же психолог, как я хирург. Гнать его надо к чертовой бабушке.

— Однажды ты добьешься, что он разозлится и подведет тебя под шизофрению. Хочешь на обследование в стационар? Отставить злить психолога, старший лейтенант. Мы не можем позволить себе такую роскошь до окончания программы.

— Есть отставить, командир, — сказал Чумак уныло. — Но вы согласны, что он дрянной специалист?

— Я в этом ничего не понимаю.

— Я-то понимаю.

— Немного, — напомнил Хусаинов.

— Уж всяко больше, чем этот самозванец!

— Пойдемте отдохнуть, — сказал Бобров, вставая из-за стола.

На парковке он задержался у машины, глядя, как уезжают Чумак и Хусаинов — «паровозиком», бампер в бампер, Чума впереди, Хус ведомый. Они любили так носиться по городу, а еще больше — по трассе. Говорили, это помогает держаться в тонусе. Ведущий должен был думать за двоих и все маневры рассчитывать, помня о «хвосте». А ведомый просто не мог расслабиться ни на секунду. Бобров не одобрял эту их манеру, но и не порицал.

— Кто они все-таки? — спросил Стас неожиданно для себя самого.

— А ты до сих пор не знаешь? — удивился Бобров.

— Пух объяснил, но только в общих чертах.

— Пух... — Бобров криво ухмыльнулся.

— Говорил, это был какой-то спецнабор, искали талантливых, а они оказались несовместимы с армией...

— Пух, как обычно, выдает желаемое за действительное, — сказал Бобров, доставая кисет. — Желаемое для него. То есть простое и ясное. Любит он выдумывать простые ответы на сложные вопросы... Ты не спешишь? А то давай в машину сядем, что-то

прохладно тут. Можно вообще ко мне на чаек заехать. Лена взялась торты печь, ей нужны дегустаторы. Она, кстати, спрашивала, куда ты делся.

— Я ее боюсь, — признался Стас, обходя машину. — В нее слишком легко влюбиться.

— Да ты и так давно в нее втрескался, — сказал Бобров, открывая дверцу и протискиваясь в низкий салон. — С первого взгляда практически.

— Я другое имел в виду, — объяснил Стас, усаживаясь рядом. — Просто в Лену готовы влюбиться все. Мужики рядом с ней теряют голову. И что, каждому по шее?..

— Ты меня убиваешь своей прямотой, — заявил Бобров, набивая трубку. Глаза его смеялись. — Тебе не говорили, что надо быть похитрее?

— Сто раз, — Стас вздохнул. — А в армии — тысячу. Но я не вижу смысла. И в училище не видел, и здесь тоже.

— Хитрить приходится, чтобы служить без проблем. Военная хитрость — не показывать слабых мест противнику. Чем хуже тебя понимают, чем меньше о тебе знают, тем ты защищеннее.

Стас пожал плечами.

— Вы ведь не хитрите.

— Не совсем так. Я научился делать вид, что хитрю. Меня тут многие считают тем еще пройдохой...

Бобров окунался ароматным дымом и откинулся на высокий подголовник. Кресла в машине были удобные, но, конечно, с пилотским не сравнить. Стас поерздал, устраиваясь.

— Ты похож на моих «экспериментаторов», — сказал Бобров. — Они органически не способны прикидываться дурачками. Их жизнь в армии — сплошное горе от ума. М-да... Они появились двенадцать лет назад. Тогда все еще продолжался кризис в военной отрасли. Экономика армии наладилась, но с личным составом были проблемы. Ты, может, слышал, но вряд ли сам помнишь — тогда никто не хотел служить. Это было не в моде.

Стас полуобернулся к командиру и приготовился внимательно слушать. Бобров изредка устраивал ему своеобразные лекции по истории войск. Он много знал такого, о чем не прочтешь даже в интернете.

— ...Именно в том году провели экспериментальный набор. Искали летчиков для обучения «Воронов». В том, что это была именно наша программа, никто открыто не признался, но такую прорву денег и сил можно истратить только на «Воронов». Программа как раз дошла до обкатки прототипов, и лет через пять-шесть ей потребовались бы пилоты в большом количестве. Идея эксперимента была в том, чтобы посадить на «Вороны» не просто хороших летчиков, а настоящие таланты. Искали людей, от природы созданных для силового пилотажа. Отлавливали мальчишек на тестах в военкоматах. Но вот беда, никто из отобранных не изъявил желания служить. Вообще никто. Тогда им промыли мозги. Соблазнили, задурили, объегорили — называй как хочешь. Уболтали. Сделали так, чтобы они подались в военную авиацию как бы добровольно. Я слышал, идею вербовки подал гражданский, ни дня ни служивший. Охотно верю — только гражданско-му идиоту она и могла прийти в голову... Ты зачем пошел в армию?

— Я начинал в детстве с моделей, потом аэроклуб... Обычный такой путь. В аэроклубе понял, как именно хочу летать.

— Верно. Ты у нас вообще истребитель.

— Просто не хватило места. Я не жалею, — поспешил добавил Стас.

— И правильно. Ты — самое то для программы. У тебя превышение и по возможностям, и по амбициям над тем, чего обычно хотят от штурмовика. Тебе надо больше скорости, больше маневра, ты выжимаешь максимум и из «Ворона», и из себя. Будущие «экспериментаторы» тоже могли так — но не хотели. Даже и не думали. Увы, они были нужны армии, и армия их сцепала. Они это помнят. И не питают к армии нежных чувств.

— Но как они поняли... Узнали?..

— Их вербовали по единой схеме. Всех. Сидит парень, ждет вызова к военкому — и тут рядом присаживается летчик. Он якобы зашел по своим делам. Завязывает разговор. Просит показать тесты, они же у призываника с собой. Говорит: о-па, парень, гляди, да ты же гениальный пилот. А знаешь, как здорово быть пилотом?.. И объясняет. Златые горы сулит.

— Так просто? — не поверил Стас.

— Не просто. С кандидатами общались умелые люди, там шла совсем не простая болтовня. Хус думает, их обрабатывали с применением каких-то психотехник, но Чума говорит, это ерунда. Я ему верю, он все-таки готовился на психфак... Так или иначе, через месяц все кандидаты по добной воле подали заявления в летные училища. Ну, что скажешь?

— Глупость какая-то. Ошибка, — сказал Стас. — Если человек сам не убежден, что ему надо именно в армию... Тогда лучше не пробовать даже. С нашего курса несколько ребят перевелись в гражданские вузы как раз поэтому. А ведь были из военных семей. Но не смогли. Не выдержали. Ох... Я догадался, как они узнали правду. Ну, «экспериментаторы». В училище, да?

— Точно. В училище, сам знаешь, вечная тема для разговора — как ты сюда попал. Ну, один рассказал, другой рассказал о пилоте в военкомате... История пошла гулять из уст в уста — короче, к моменту выпуска все «экспериментаторы» знали, что их в армию затащили за шкирку. Надули. А если прямо говорить — предали... Естественно, они взбесились, и бесились, как могли, каждый на свой лад. Эксперимент провалился, не успев толком начаться.

— Чудовищная глупость... — пробормотал Стас. Он примерил ситуацию на себя — и не смог. — Несчастные ребята. Потерять несколько лет жизни из-за того, что кто-то запудрил тебе мозги...

— Тебе их жаль? Мне тоже. К несчастью, в училищах их не особенно жалели. Эти ребята с самого начала выглядели не особенно военными. И, конечно, отдельные недоумки всю дорогу их травили. Попадаются, знаешь, особи со звериным нюхом на чужого. И со звериным инстинктом — затоптать в землю, унизить... Позорище. Ну, а когда выяснилось, что «экспериментаторы» и правда в армии чужаки, тут началась форменная свистопляска. Это сейчас их зовут «экспериментаторами». Потому что когда их звали «экскрементами», они сразу били в ответ. Немногие старались поддержать их. Очень немногие, к сожалению.

— Жуть... — буркнул Стас. Он припомнил обстановку в училище. Хорошая была обстановка. Но недоумки попадались. И сладить с ними можно было только ударом по морде. За что полагался карцер — без выяснения, кто прав, кто виноват. Интересно, с ка-

кой характеристикой выпустился добряк Хусаинов. С Чумаком-то все ясно.

— Некоторые отчислились сразу, едва поняв, что произошло. Но многие уже ощутили вкус к полетам и решили дотянуть до диплома, а там как бог на душу положит. Это у них талант прорезался. Уж если ты создан для неба, тебе дай только попробовать, за уши потом не оттащишь — ну, кому я это говорю... А любой военный самолет не чета гражданскому, зверь-машина. Короче говоря, остались в армии те, кто действительно полюбил летать, и летать не по-детски. Но вот армию полюбить они уже не смогли. И армия их не любит. Так, друг друга терпят через силу... Но привычка какая-то есть, жить можно, и выслуга лет идет, и жалованье серьезное. На гражданке таких полно, кстати, кто ошибся с выбором профессии, но все тянет и тянет лямку. И еще важный психологический момент: «экспериментаторы» не цепляются за армию. Они знают, что могут уйти, и жизнь на этом не кончится. Поэтому они с такой легкостью плюют на все армейские порядки, особенно на те, которые и военным-то не нравятся... Да, на всякий случай! — закончил Бобров. — То, что я тебе сейчас рассказал, это просто легенда. В армии много легенд, ты знаешь.

— Легенда, — согласился Стас. — Но неужели было сразу непонятно, что с офицерами такой номер не пройдет? Обманом вербовали только рядовых на пушечное мясо, и то очень давно. А офицер такого обращения не простит. Какой идиот придумал эту вербовку... И зачем наши согласились...

— Думаю, от безысходности рискнули. А может, решили, что самые умные. В министерстве полно менеджеров от армии, которые сапоги надевают только на строевой смотр. Им такая вербовка — с манипуляцией сознанием — могла показаться очень современной и прогрессивной... Кстати, уж если верить в легенду до конца, то конец у нее справедливый. Был слух, что гражданский, который выдумал экспериментальный набор, стал инвалидом. Катается в коляске и питается через трубочку. Ты прав: они не простили.

Стас подумал и решил, что такой исход ему нравится.

— Пух говорил, их осталось всего двое. Тоже выдумка?

— Нет, зачем же. Он просто не знает. Никто не знает, сколько их осталось. У нас в полку точно двое. Может, где-нибудь еще

кто-то мучается... Чума и Хус хотя бы при серьезном деле. Им нравится быть лучшими, а лучшие — те, кто учат «Вороны». Я лучший, ты лучший... Чего смотришь? Это объективно. Был бы ты плохой, не попал бы сюда.

Стас почувствовал, что краснеет.

— В полку говорят, вы поэтому взяли «экспериментаторов» к себе под честное слово... — вдруг сорвалось у него с языка. — Поэтому что они хулиганы, но зато лучшие из лучших.

— Знаю, — сказал Бобров равнодушно. — Только ты не спрашивай, так ли оно на самом деле. Иногда мне кажется... Ой, неважно.

— Кто-то должен был загладить вину?

— Ишь ты, — Бобров покосился на собеседника новым взглядом, которого Стас раньше не замечал у него. — Во-первых, я не Иисус Христос. Во-вторых, такую вину ничем не загладишь. У них же обида, ни больше ни меньше, на Отечество. Нам с детства твердят, что армия России это и есть Россия. Что у военных чистые руки и горячие сердца. Что солдат ребенка не обидит... И такая вот история. Ладно, Стас, хватит об этом. Я все сказал.

Бобров выбил трубку в пепельницу и нажал кнопку «Старт». Глухо заурчал тяжелый мощный двигатель.

— И они каждый день помнят... — пробормотал Стас.

— Не каждый, — заверил Бобров. — Иногда им тут очень весело. Согласись, работа с «Вороном» — редкостное приключение. Мало кому выпадает такая удача. Будет, что вспомнить на старости лет, ты сам говорил... Ну и дурака повалять можно от души. Где ты еще так поиздевавшись над начальством, как в армии?!

— Слушайте, Пух вчера опять посыпал Чумаку средство от потливости ног! Что это значит?!

— Время придет, сам узнаешь, — заявил Бобров сварливо, включая передачу. — Поехали торт пробовать. Ей-богу, выручай, а то в меня больше не лезет!

Через месяц Стас почувствовал: что-то начинает получаться. Он набрался уверенности и стал летать свободно. Раньше ему мешала постоянная боязнь совершить ошибку. Стас все время твер-

дил себе, что надо «быть на уровне», из-за этого держался слишком настороженно, то есть скованно, и быть на уровне просто не мог. «Дыши, — говорил ему Бобров. — Я посмотрел телеметрию, ты так напрягаешься, что еле дышишь. Попробуй летать от дыхания. В следующий раз наплюй на задачу, начни делать вдох-выдох, вдох-выдох. Глубоко и спокойно. И в этом ритме танцуй над целью. Если не очень четко выполнишь задание — ерунда. Тебе важно начать дышать».

То ли это помогло, то ли просто время пришло, Стас и правда «раздышался». И полетел. Раньше его молодому «Ворону» требовалось два-три прохода, чтобы уяснить свои действия: пилот-наставник реагировал на ошибки машины слишком нервно, резко, да еще и поздно. Теперь хватало одного: стоило штурмовику сбиться или засомневаться, его мгновенно подправляла твердая спокойная рука.

Программа «каталась» все быстрее и быстрее. «Бобры» постепенно нагоняли полк. Сейчас уже не Стас тормозил звено, а только график. Им не могли дать больше полетного времени. И полигон тоже не резиновый. Да и Боброму не стоило перенапрягаться.

Стас готов был жить в машине. Он все еще обзывал пилотский отсек «душегубкой» но больше не выпадал оттуда замертво.

«Молодец. А теперь давай еще спокойнее, — сказал Бобров. — Ты вступаешь в опасный период. Это как на автомобиле: через год постоянной езды тебе кажется, что все знаешь, все умеешь и все можешь. Тут-то люди и начинают биться. Потому что начинают позволять себе лишнее. С самолетами то же самое. Гляди в оба».

Стас пообещал быть спокойнее.

«Наконец-то ты присиделся к машине, — сказал Чумак. — Совсем по-другому смотришься в воздухе. Орел практически! Теперь слушай, орел. Тебе уже хочется проявить индивидуальность, показать себя. Я даже наблюдаю потуги на личный стиль. Брось это. Потерпи годик, потом можешь выпендриваться. Летай пока как робот. Четко выполняя программу — и все. Не спеши, будь другом».

Стас пообещал быть роботом и другом.

Хусаинов подарил Стасу секретный документ, только для командного состава, — полную сводку летных происшествий за

прошлый год с детальным разбором. «Я там выделил кое-что, обратите внимание. Это может напрямую касаться вас».

Стас прочел и поблагодарил.

Через неделю это и случилось.

Звено шло на цель через холмы, и Стасу показалось, что «Ворон» чересчур осторожничает, компенсируя просадку. Разница в поведении машины была едва заметна, но Стас уже чувствовал малейшие нюансы. И он успел заразиться от «Бобров» их перфекционизмом. Если можно идти чуть ниже и четче облизывать рельеф — то почему не сделать это?

Опытный пилот сразу бы заподозрил: «воздух не держит». Значит, устарела метеосводка, которую он смотрел перед вылетом. Теплый декабрь — коварный месяц, погода за бортом может резко измениться в одночасье. «Ворон» уже на рулежке почувствовал и учел это. Стасу достаточно было нажать одну кнопку, чтобы узнатъ, почему машина деликатничает при вертикальных маневрах у поверхности земли.

Вместо этого он при очередном прыжке взял управление на себя и показал «Ворону», как тот может на самом деле.

Все, что он запомнил потом, — адский грохот и сильнейший пинок под зад. Вокруг летали какие-то железные клочья. А потом над головой раскрылся с оглушительным хлопком купол парашюта.

Далеко впереди «Ворон» пахал землю брюхом.

Дальше события развивались очень быстро. За Стасом примилась санитарная машина и налила ему спирту для поправки нервов. Козлов вызвал на ковер Пуха и забодал его до полуобморочного состояния. Пух, отдышавшись, принялся рвать Боброва. И то ли наговорил лишнего, то ли пригрозил неправильно — Бобров тоже озверел и показал Пуху, как «бобры умеют грызть всё». После чего начал задыхаться и ушел в санчасть, держась одной рукой за стенку, а другой за сердце.

Его отстранили от летной работы. Назначили внеплановую медкомиссию — и конец. Бобров сказал, что поедет в Москву на переосвидетельствование, но тут ему стало еще хуже.

Со Стасом они и словом не успели перемолвиться.

В отсутствие Боброва разнос виновнику летного происшествия устроил Пух. Было стыдно и противно.

Чумак сказал ему два с половиной слова, и то не длинных:

— Тебя же просили!..

После чего свел общение с ним к «подай-принеси».

Хусаинов подчеркнуто деликатно объяснил Стасу, в чем была его ошибка. Все следующие попытки заговорить с Хусаиновым разбивались о стену ледяной вежливости.

История пилотажной группы «Бобры» закончилась. На продолжение не было ни малейшего шанса.

Будто в порядке издевки, пришли из округа документы, которых уж и не ждали. Капитану Боброву присвоили звание майора.

Командир полка стоял посреди ангары, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок. Голова Козлова была чуть наклонена вперед, он изготоился к своему любимому занятию: бодать.

За распахнутыми воротами было пасмурно и серо. Зима грозилась, грозилась, да так и не наступила. Чумак придумал на Новый год выставить перед домом Боброва пальму, всю в мишуре и лампочках — пускай человек порадуется. Они с Хусаиновым уже присмотрели в магазине деревце трехметровой высоты. Стаса участвовать не позвали.

Сейчас было не до шуток — звено внимало старшему начальнику. Начальник вещал.

— Удивительный вы человек, Хусаинов. Вроде и хотите как лучше, стараетесь, а непременно у вас побочные эффекты. Ложка меда в бочке дегтя.

Хусаинов сделал вид, что ему стыдно.

— Я думаю так, — сказал Козлов. — Кто проявил инициативу, тот и должен ее развивать. Успешно! А не справитесь — накажем.

— Какая свежая идея! — буркнул в сторону Чумак.

— Рад, что вы понимаете. Теперь заткнитесь, будьте любезны, когда старший говорит.

Стас разглядывал свои ботинки. Все было хуже некуда. Все разваливалось на глазах. А виноват был не кто иной, как лейтенант Васильев.

— Я бы для вас лично, Чумак, предложил что-нибудь гораздо свежее, — заявил Козлов. — Вроде ледяного душа. Тем не

менее... С сегодняшнего дня вы трое выделены в особую учебную группу.

Звено дружно подняло глаза и недоверчиво уставилось на командира полка.

— Не благодарите, не надо, — Козлов криво усмехнулся. — Сами напросились, сами заслужили. И отдельное спасибо Бобу, который собрал вас в стаю. Мой приказ доведут вам под роспись после обеда. Смысл его следующий. У вас программа накрылась окончательно, забудьте о ней. Вас больше нет как боевой единицы. Но чтобы не тратить впустую накопленный опыт и уникальные...

На последнем слове Козлов поперхнулся и начал кашлять. Звено покорно ждало.

— ...Уникальные возможности! — выдавил из себя Козлов. — Так-то вот. Короче, будете работать по отдельному плану. Задача — оценить поведение машины при заглушенных системах «свой-чужой». Оценить всесторонне и представить доклад. По итогам доклада будет следующее решение. План вам тоже доведут к концу дня. Ну, Хусаинов! Выдумали, понимаешь... Загадку. Подарочек для полка!..

Хусаинов поморщился. Рапорт, который он подал весной — о конструктивной неспособности «Воронов» наносить дружественные удары, — крепко выручил полк. Козлов переписал рапорт своими словами и двинул наверх. «Вороны» стояли на особом контроле, и каждый чих, доносившийся из полка, внимательно исследовался. Поэтому рапорт не только прочли, но и обдумали. И... вычеркнули из протокола учений три условно сбитых машины! Осталось только банальное летное происшествие, случившиеся по вине разгильдяя Пейпера. Козлов и тут подсуетился: тот факт, что зенитка в Пейпера не попала, был учтен при разборе. Козлов вообще надеялся обратить это событие в подвиг, но самолет с отбитым крылом и разваленная в хлам полевая кухня — перевесили.

А потом, не прошло и ста лет, Козлову прислали «Дополнение 15 к техзаданию 3.1». Смысл которого, если расшифровать все термины, был прост: есть внеплановая работенка, сделайте и дождите.

На учениях главный инспектор сбил эскадрилью с курса активной помехой. В реальности такого быть не могло. Глазастые

«Вороны» ходили, как штурмовики Второй мировой, по карте, сверяясь с местностью. Средства радиоэлектронной борьбы, способные увести «Воронов» от цели, должны были, как минимум, расплавить им мозги. «Вороны» работали там, где от помех дрожал воздух. Поэтому они доверяли лишь тому, что видели их объективы.

За одним исключением.

Окончательное решение на атаку «Ворон» принимал, визуально распознав цель как чужую. Если вдруг в зоне поражения оказывалась явно наша техника, не подающая сигнала «свой», она тоже по умолчанию считалась чужой. Может, ее враг захватил. Или мы ее врагу продали.

Все считали, что это придумано очень умно. А потом в Пейпера пальнула своя зенитка, стоявшая на ручном управлении, да еще с отключенной «распознавалкой». Упало нечто сверху — она и жахнула. Штурмовик тоже стоял на ручном, пилот точно знал, кто там внизу дурака валяет — и уклонился. А «Ворон» на его месте, едва увидев зенитку, треснул бы ей от всей души по башне.

И тут некоторые припомнили, что на реальной войне болтаются толпы порченой техники, которая, тем не менее, активно стреляет. И проделывает на честном слове многокилометровые марши, и в атаку бегает, роняя заклепки, и несет боевой дозор, подслеповато щурясь мутными линзами.

И если для «Ворона» любой, кто пароля не скажет, — мишень, то рано или поздно штурмовик устроит на земле дружественную кашу. Дай только время.

Надо было менять принцип разделения своих и чужих. Кардинально.

В «Дополнении 15» этот вопрос был поставлен довольно расплывчATO. Похоже, разработчики сами недоумевали. Предлагалось для начала перевести несколько штурмовиков в режим полной самостоятельности. На полигоне смешать ряды своих и чужих боевых машин, всем отключить маяки, дать паре-тройке своих приказ атаковать «Вороны» — и поглядеть, чего дальше будет. Хватит ли у штурмовиков избирательности отделить агнцев от козлиц?

«Ворону» предложили задачу для идеального воина — в процессе отстрела чужих разглядеть и уничтожить «чужих среди своих».

Чисто в теории «Ворон» должен был справиться. Он мог за пару километров распознать цель размером с кошку, а за километр отследить, куда кошка поворачивает голову. Обычно «Ворон» способен был «вести» штук двадцать кошек. Но раньше ему не предлагали лично разбираться, какие из них хорошие, а какие плохие!

Вдобавок, резко усложнялся расчет огня. Кем-кем, а снайпером «Ворон» не родился, он был, говоря по-военному, «неустойчивой огневой платформой». Летать — это вам не ездить, скажите спасибо, что вообще куда-то попадаем. А тут дополнительные вводные могли поступить в любую секунду — и все надо было обсчитывать, и всех чужих гарантированно накрыть.

Он мог просто не успеть — и пойти на лишний круг, что никого не радовало. Он мог банально «зависнуть». Раньше ни один «Ворон» не впадал в ступор: его мозг, чувствуя перегрузку, отсекал второстепенные задачи. КБ давало гарантию, что штурмовик всегда будет в твердом уме, максимум — поглупеет слегка. Теперь надо было снять блокировку вторичных задач, и чем это кончится, никто не представлял... То есть компьютерная симуляция показала: все будет замечательно, и «Ворон», как обычно, чудо из чудес. Умная и зоркая машина уверенно отличала своих от чужих в обстоятельствах, когда человеку пришлось бы убивать любого, кого заметил, — иначе человеку с задачей не справиться.

Но что получится в реальном воздухе над реальными целями — бабушка надвое сказала. Уж кто-кто, а Козлов это понимал. Тут пахло очередным летним происшествием, и вешать его на звено, «катающее программу», он не собирался.

Пускай «экспериментаторы» займутся. Все равно им сейчас заняться нечем. Тем более они сами это придумали...

— Если не справитесь, пеняйте на себя! Вопросы?

Чумак поднял руку.

— У нас Васильев безлошадный, ему что делать?

— Сядет на машину Боброва. Для баланса, так сказать.

— Секундочку... — протянул Чумак. — Не понимаю.

— Да куда уж вам!

— Секундочку. Разве машину Боброва не заберут в КБ?

— Зачем? — очень натурально удивился командир.

— Сами же говорили про уникальный опыт. Второй такой машины нет. Это ведь живой Бобров, лучший в мире штурмовик! — Чумак невольно повысил голос.

— У машины не откатана до конца программа. Завод не примет ее. Не имеет права.

— Бог с ним, с заводом! — почти закричал Чумак. — Машину надо отогнать в распоряжение конструкторского бюро. Надо! Она не может пропасть! Что, в КБ этого не понимают?!

— Старший лейтенант Чумак, проснитесь. Заказчик поставил задачу — готовить слетанное звено. При чем тут машина Боброва? Она сама по себе ничего не стоит. А вашего звена, повторяю, больше нет!

Чумак растерянно оглянулся на бобровский «Ворон», будто просил у него поддержки.

— Это не простая машина, — глухо произнес Хусаинов, глядя под ноги. — Это машина ведущего. И она практически готова, вы же знаете. Она хоть сейчас поднимет звено, отведет на цель и выполнит задачу, как никто другой. Здесь нет таких живых пилотов, как этот «Ворон». Закончить программу — дело формальное, хватит месяца, от силы двух. Нужно только полетное время. Разрешите нам, мы сами ее откатаем. Только разрешите.

— Не вижу смысла, — отрезал Козлов.

— Прошу вас, — все так же глухо сказал Хусаинов. — Допустим, вы сейчас не видите смысла. Но он откроется, когда вы сдадите эту машину. Мы ее откатаем. Найдем резерв времени. Дайте только полетное.

— Не пожалеете, — пообещал Чумак. — Когда с этой машины снимут данные, заказчик будет на седьмом небе от счастья. Матрица ее мозга...

Козлов поглядел на Чумака, как на несносного ребенка. Выпрямился и поставил голову прямо. Передумал бодать.

— Теперь понял, — сказал он. — Грешным делом, я думал, хоть вы тут нормально соображаете. Нет, ничуть не лучше остальных. Вы помешались все на этой матрице мозга. Вот и носитесь с отдельно взятой машиной. Смотреть масштабнее надо, молодые люди! Обернитесь, Чумак, и доложите, что видите перед собой.

— Ну, «Ворон», — буркнул Чумак, не оглядываясь.

— Вы обернитесь и посмотрите внимательно, — повторил Козлов терпеливо.

Чумак повернулся кругом.

— Сухой полсотни пять «Ворон», он же «Рэйвен пять», третий выпуск в установочной партии, техзадание три один, бортовой один два один, состояние отличное, пилот-наставник майор Бобров, — пронудил он.

— Состояние хорошее, — поправил Козлов. — Теперь доложите мне: то, что вы видите, похоже на истребитель?

— Ну... В общих чертах... Не особенно.

— А на разведчик?

— Не сказал бы.

— Вы очень любите эту машину, я понимаю. Я тоже летчик, если вы забыли, и у меня тоже есть любимый самолет. Но видите ли, какая тонкость, старший лейтенант Чумак. То, что вы видите перед собой, оно — штурмовик. Оно не работает в одиночку. Никогда.

Чумак повернулся и, опустив плечи, уставил себя под ноги. Как и остальные двое.

— Я же не злодей, — сказал Козлов. — Я просто выполняю приказ. И я который год талдычу всем в полку, что одна прекрасная машина не заменит четыре хороших. А вы, господа асы, вцепились в индивидуальный пилотаж. Нет, я и это понимаю. Вы на конец-то дорвались до самолета, который летает как зверь! Пугает танки и давит полевые кухни! Но разве от вас требуется это? Заказчику не нужна матрица, снятая с отдельной машины. Ему нужна матрица хорошо слетанного звена. Дайте мне четыре машины Боброва, которые умеют работать каждая на своем месте, — я вас расцелую и представлю к наградам. Дайте мне, черт побери, эту вашу пилотажную группу «Борцы»! Я считаю ее слишком разболтанной, но это еще вопрос. Некоторые говорят, она более живучая из-за того, что болтается. Ну, где она? Нету. Ничего у вас не осталось. Как сказал товарищ Сталин в первый день войны — всё просрали! Извините за выражение. Всё просрали!

Выдержан паузу и добавил:

— Слабое звено.

«Слабое звено» стояло как в воду опущенное.

— А отдать кому-нибудь? Жалко же... — слабым голосом взмолился Стас.

— Ты вообще молчи, — без лишних церемоний сказал Козлов.

По-прежнему заложив руки за спину, он подошел к машине Боброва и уставился на нее в упор.

— Они думают, мне не жалко... Они думают, я не ценил их командира, не понимал его. А то, что я сам его командир, это вам шуточки? Столько лет в одной упряжке, и в боевых операциях, и потом тут вот... Кто его защищал, вашего Боба ненаглядного, когда он лез на принцип?! Кто его задницу спасал двадцать раз? Кто его с больным сердцем держал на летной работе? Кто разрешил вас, умников, выручить? Кто, спрашиваю? Пушкин Александр Сергеевич?!

Козлов вдруг осекся.

— Здра-асте пожалуйста! Какие гости! Не прячься, я тебя вижу. Да иди ты сюда, не бойся, все нормально!

Стас часто заморгал. Хусаинов напряженно выпрямился. Чувак широко улыбнулся.

В ангар вошла Лена.

В черно-красном мотоциклетном костюме, с алым шлемом под мышкой, она выглядела здесь, рядом с самолетами, будто пилот из фантастического боевика «Золотые крылья». И гладкие черные «Вороны» вдруг стали другими. Из привычных рабочих лошадок они превратились в то, чем были на самом деле.

Боевые машины завтрашнего дня.

— Здравствуйте, Иван Иванович, — сказала девушка. — Привет, ребята. А я вот зашла...

— Зря ты не позвонила заранее, тебя бы встретили... — Козлов склонился, целуя ей руку. Стас и не думал, что он так умеет.

— Меня никто не пустил, я сама просочилась, — быстро сказала Лена. — Некого наказывать. У вас там дырка в заборе.

— Опять?! Где это?

— На старом месте шов разошелся.

— Халтурщики. А ты говоришь, наказывать некого, хе-хе. Командир всегда найдет, кого!.. Что отец?

— Лежит на диване, читает. Все грозится, что, как встанет, в Москву поедет. Мама его по часам лекарствами кормит. Сказала на радостях, что если я в летнее поступлю, она, так уж и быть, не убьет меня.

— Ах, ма-ама... — протянул Козлов со значением.

— Мама, — Лена кивнула.

— Так это совсем хорошо.

— Бывает и хуже, — сказала Лена, глядя Козлову прямо в глаза. — Я, собственно, почему зашла...

— Догадываюсь. Вот его машина, — Козлов ткнул пальцем. — Бортовой один два один. Ну, извини, Леночка, мне пора. Зря ты не позвонила, я бы тебе экскурсию устроил. Чумак! Ждите документы и сразу приступайте.

— Господа офицеры!

— Вольно. — Козлов зашагал к воротам, на миг остановился в них, коротко оглянулся на Лену и вышел из ангаря.

Лена осторожно прикоснулась к черному борту отцовской машины, погладила его.

— Какой приятный на ощупь...

— Спец покрытие, — сказал Чумак. — Ничего не отражает. Ну, привет, красавица.

Они обнялись. Подошел Хусаинов, пожал Лене руку.

— Вы очень вовремя пришли, милая барышня. Нас уже заботили и подготовились топтать копытами.

— А я боялась, что подставила вас. Я по стеночке шла, не понимаю, как Козел меня заметил...

— Учуял. Нет, все правда хорошо получилось.

Стасу девушка издали кивнула. Он несмело улыбнулся в ответ. Он не знал, как себя вести.

Лена обернулась к самолету и опять погладила его.

— Что теперь с ним будет... Спишут? Как папу?

— Нет, полетает еще. — Чумак, в свою очередь, крепко хлопнул «Ворона» ладонью и дал ему отеческого пинка по носовому колесу. — Мы все еще чуточку полетаем. Я бы тебе рассказал, но это секретная информация.

— Ой, правда?! — Лена просияла. — Папа будет страшно рад!

— Иди сюда, — поманил Чумак.

Он сунул палец в неприметную выемку на боку машины. С чавканьем раскрылся оружейный порт.

— Прошу!

— А можно??

— Тебе — нужно. Стас! Тащи бобровский шлем.

Стас бегом бросился к шкафам с инвентарем. «Ух ты! — раздалось позади. — Ничего себе...»

Контрольная панель в темном брюхе «Ворона» расцвела огоньками. Машина пискнула несколько раз, приветствуя человека. Потом вопросительно блекнула: это кто сюда незнакомый лезет?

— Слушайте, она живая! — воскликнула Лена.

— Прикидывается, — заверил Чумак. — У тебя компьютер тоже разговаривает.

— Ты не понимаешь! Компьютер это компьютер. А тут...

— Давай я тебя подсажу. Внутри очень тесно, предупреждаю. Так... Вот шлем, надевай. Теперь подожди, я тебя подключу.

— Да, ребята... — послышалось из темноты, моргающей разноцветными светодиодами. — Это вам не «Сессна»! Ой! Мама!!! О-о-о...

— Подключил.

Из «Ворона» доносились экстатические охи и вздохи.

— Закрой ее для полноты картины, — посоветовал Хусаинов.

— Не надо, — сказал вполголоса Чумак. — Ее тогда вообще оргазм хватит. И после этого у нее плохо будет получаться с мальчиками. А впрочем... Леночка! Хочешь, мы тебя закроем на пять минут? Для окончательной профессиональной деформации.

— Да-а-а!!!

Чумак захлопнул порт. Обернулся к Стасу. Тот стоял, держа под мышкой алый мотоциклетный шлем.

Чумак закусил губу и прищурился.

— Дать бы тебе в морду... — протянул он.

Хусаинов толкнул его, показывая глазами на «Ворон»: тот все видел и слышал. Чумак отмахнулся.

— Игорь, он не виноват, — прошептал Хусаинов. — Это мы сами так его настроили. Он все время хотел нам что-то доказать. Ну и перестарался.

— Не знаю, что сделаю, если он сядет в машину командира, — прошипел Чумак. — Даже не знаю. Я возился с ним ради Боба, ради звена. А он все испортил... Козел это нарочно придумал. Отдать ему машину Боба — да большего позора для нас представить невозможно!

Стас подошел к «Ворону», поставил шлем на крыло.

И быстрым шагом направился к выходу из ангаря.

Его никто не окликнул.

Когда из танка выглядывает механик-водитель, а на башне сидит командир, танк не страшен. Но движущийся танк, задраенный по-боевому, наводит ужас. Машина кажется вам живой. Вы не знаете, чего от нее ждать. Пускай она до последней заклепки своя, русская, первое желание — отойти подальше с ее пути. А то мало ли что у нее на уме...

«Ворон» не выглядел страшным. Он был таинственным, загадочным, но не зловещим. С ним хотелось познакомиться ближе, спросить, как дела, о чем он думает, куда собрался. Поговорить на равных.

Стас проводил глазами две машины, выруливающие на старт. Поднял руку, чтобы помахать вслед... И опустил ее.

Поправил на плече сумку с личными вещами и зашагал по краю летного поля.

Его догнал открытый джип. За рулем сидел лейтенант Миша.

— Зря ты, — сказал он. — Попомни мое слово, очень зря. Ладно, прыгай, до КПП подброшу.

— Я лучше пройдусь на прощанье. И ничего не зря. Для меня тут нет места. А в линейных полках вакансий полно.

— А с этими... — Миша мотнул головой в сторону двух «Воронов», пробующих рули на взлетной. — С ними тебе никак?

— Сам подумай, если бы было иначе, меня бы отпустили так легко? Люди годами добиваются перевода. А мне Козлов лишнего слова не сказал.

Миша понимающе кивнул.

— Только не злись, но ты по его понятиям вроде как порченый. То, что машину грохнул, — ерунда, тут их целое кладбище.

Но ты слишком долго летал в «слабом звене». И они тебя за своего держали, не пытались съесть. Это для Козла дурной знак.

За спиной раздался глухой свист. Стас оглянулся. «Вороны» пошли на взлет. Отчего-то защемило сердце.

— Кстати, вспомнил. Мне тут рассказали про потные ноги Чумака. Ерунда полная. Они когда в полк пришли, эти «экспериментаторы», Козел им лекцию прочел о моральном облике военно-го летчика, а потом говорит: покажите носки. У всех нормальные, у Чумы в цвет российского флага. Козел спрашивает — что такое? А Чума возьми да ляпни, мол, в форменных ноги потеют. Ну и згримел сразу в дежурные. Его потом этими потными ногами донимали все, кому не лень. Я-то думал, забавная история, а ничего особенного...

— Ему действительно в форменных носках плохо, — сказал Стас. — Он в спортивных ходит на службу, а они же не бывают уставного цвета, и он себе заказывает за большие деньги.

— «Экспериментатор»... — Миша фыркнул. — Как ты только с ними такими уживался?

— Прекрасно, — ответил Стас.

«Пока не оказалось, что я им совершенно чужой... — добавил он про себя. — Бобров, уникальный человек, способен настолько понять чужака, чтобы заступаться за него, выручать. А главное — прощать. Чума и Хус многому научились у Бобра, но этому не смогли. Командира они любили, а меня терпели. Интересно, кого они в состоянии понять и простить? Никого?»

— Странные они, — сказал Миша.

— Совершенно нормальные. Просто озлобленные. Несчастные люди, в общем.

— Ну-ну... — протянул Миша недоверчиво. — Ладно, брат, счастливо! Авось еще свидимся.

Джип умчался. Стас неспешно пошел через поле, держа курс на дырку в заборе.

«Надо все-таки на прощанье зайти к Боброву, — думал он. — Страшновато, но придется. Не прогонит же с порога... Надо взять и рассказать ему все, что я понял. И поблагодарить. Вряд ли ему станет легче, но это важно для меня. Еще извиниться перед Леной. За что? Да все за то же. Неизвестно, кто тяжелее переживает отлу-

чение Боброва от неба, он сам, или его дочь. А я виноват, пусть косвенно, пусть это вообще недоказуемо, но я виноват, и я попрошу у нее прощения.

Надо, надо, надо.

А может, не ходить?

Ведь если Бобров и сдержится, то Лена наверняка такого наговорит... И придется слушать. И кивать. А я полгода в «слабом звенье» только и делал, что слушал да кивал. Сыт по горло. Оно мне надо снова? Ну виноват я, виноват, что теперь?!

В конце концов, я поступил чисто по-бобровски: сам себя наказал. И хватит.

Есть теперь для меня смысл идти к Боброву?»

Решая этот вопрос, Стас так разволновался, что полез в узкую дырку не с той ноги и застрял. Намертво. Пoderгался немного и принял хохотать. Он смеялся до тех пор, пока его, красного и в слезах, не вытащил из дырки Пух.

— Что, попал в безвыходное положение? — ехидно спросил КОМЭСК.

Стас шмыгнул носом, утерся рукавом и ответил:

— Нет.

Надвинул фуражку на глаза и быстрым шагом направился в сторону военного городка. Миновал свой дом.

И пошел дальше.

Евгений Лукин

Доброе-доброе имя*

Все критяне — лжецы.

Эпоменид, критянин

Странно. С чего бы это вдруг сотрудника прокуратуры дёрнуло заняться расследованием заурядного несчастного случая? Делать больше нечего?

Хорошо-хорошо, согласен, случай не совсем заурядный, можно даже сказать, неслыханный: посреди некогда стольного Санкт-Петербурга медведь загрыз человека. Вопреки поэту. «Пышных развесистых клюкв и медведей на Невском не видно...» Выходит, что встречаются иногда. Пусть не на самём Невском, но встречаются. И медведи, и, сдаётся мне, пышные развесистые клюквы. Однако прокуратура-то здесь при чём? Ну, загрыз. Загрыз и загрыз. Событие, достойное внимания райотдела милиции. По силам участковому инспектору, в исключительном случае — оперу.

Он бы ёщё бомжей с вокзала гонять принялся, этот самый Порфириев Пётр Сергеевич! Царство ему, конечно, Небесное...

Медведь. Что за медведь? Откуда взялся в черте города? Куда потом делся? Ликвидирован? Из чего это следует? Где свидетели нападения? Где заключение экспертизы? Да, был звонок: «Приезжайте скорее, медведь человека убил!» Приехали, нашли

* Взаимосвязан с повестью Иры Андронати и Андрея Лазарчука «Аська». См. сборник «Убить Чужого».

труп без лица, но с паспортом. Состава уголовного преступления нет. И всё бы шло своим чередом, не вмешайся Порфириев...

Что за партизанщина?

Хорошо. Допустим, свихнулся следак, решил поиграть в частного сыщика. Милиция куда смотрела? У них, между прочим, материал на исполнении, а они сидят сложа ручки и преспокойно ждут взыскания, позволяя этому клоуну от прокуратуры корчить из себя участкового.

Бывает такое? Особенно если учесть нынешние разборки между ведомствами... Получается, что бывает.

В любом случае, попытка отбить хлеб у простых оперуполномоченных вышла у Петра Сергеевича на редкость неудачно. Ручаюсь, ни один опер такого не наворотил бы. Каким-то образом отпечатки пальцев пострадавшего не были внесены в базу данных. Потом опознание. Пётр наш Сергеевич сам, обратите внимание, собственной персоной едет на работу к предполагаемой вдове, Анне Владимировне Чебурахиной, везёт оттуда несчастную бабу в морг (выспросив предварительно особые приметы супруга) и через некоторое время предъявляет какие-то сомнительные оглодки, украшенные означенными приметами: родинка, татуировка, шрам от аппендицита. Вскоре вдова уже не уверена: того ли она опознала? А нездолго до этого, как выясняется впоследствии, ей звонил некто неизвестный и под угрозой расправы просил от опознания воздержаться. Мало того! На следующий день в морг является женщина, похожая на вдову, и забирает (якобы с разрешения Порфириева) труп, похожий на её мужа. Подписи не оставляет, поскольку санитар, выдававший тело, «был не в себе» и формальностей не соблюл. Говорит, какие-то документы ему представлены были...

Интересно, правда?

Стало быть, сам собою возникает вопрос: чем же так заинтересовал следователя прокуратуры Порфириева трагически заденный медведем Станислав Андреевич Громыко (бывший муж Анны Владимировны Чебурахиной)? Не проходил ли он, скажем, по какому-либо делу, ведомому Петром Сергеевичем?

Не проходил. Проверено.

* * *

Премного благодарны, ваше превосходительство, за подарочек к выходным! Чёрт бы драл это независимое расследование и тех, кто его придумал! У меня четыре дела нераскрытых, а я должен заниматься хрен знает чем...

Итак, Громыко Станислав Андреевич. Выпускник факультета журналистики. Судя по всему, мужик без царя в голове. Лох — редчайший, генетически чистый, хоть в Красную Книгу его занеси, — и, что самое печальное, даже не подозревающий о своей лошиной сущности. Без особого успеха покрутившись в журналистике, кинулся очертя голову в бизнес, где тут же натворил глупостей, из-за чего последние полтора года прятался от кредиторов. По чердакам и Челябинским. До поры до времени это ему удавалось.

А спустя несколько дней после опознания и пропажи его трупа из морга сгорела фирма «Солнечный храм» — та, что на Обводном. Сгорела в прямом смысле, взрыв бытового газа. Одиннадцать трупов. Среди опознанных значились: теперь уже дважды покойный Громыко Станислав Андреевич, затем глава фирмы Ладожский Игорь Рюрикович, более известный в определённых кругах под именем Ингмара, и наконец, Порфириев Пётр Сергеевич, следователь прокуратуры.

Казалось бы, куда ещё хуже? Оказывается, есть куда. Спустя сутки из бетонного чуланчика в противоположном крыле подвала извлекли труп номер восемь, принадлежащий модному гламурному певцу, похищенному несколько дней назад неизвестными, естественно, лицами рано утром на выходе из ночного клуба. Взорви хоть десять следаков — пресса не почешется, а вот певец...

Удручет и расположение тел. В правой пятерне дважды покойного Станислава Андреевича был зажат пистолет охранника. Недавно выстреливший. Сам охранник найден неподалёку со скованными за спиной руками. Пётр Сергеевич (тоже при оружии), хотя и скончался от взрыва, однако перед смертью успел огrestи черепно-мозговую травму. То ли ломом приложились, то ли обрезком трубы. Кстати, на теле второго охранника также отмечены повреждения, нанесённые чем-то аналогичным. Рядом с

Ингмаром подобрано пять резиновых пуль, выпущенных из травматического оружия.

Поле Куликово.

Наименее вызывающее выглядел гламурный певец, но этот был настолько раскручен при жизни, что абсолютно всё равно, в какой позе его обнаружили. К счастью, заниматься им по-прежнему будет персонально майор Солдатенков, расследующий обстоятельства похищения. Вот пусть и отбивается от журналистов. А мне своих хлопот хватает.

Легко и приятно предположить, что Стасик Громыко задолжал «Солнечному храму» в особо крупных размерах. А поскольку Ингмар не тот человек, чтобы прощать кому-либо долги, он, понятное дело, велел доставить должника к себе в подвал — и...

Вот именно. И.

Вообще весьма примечательной личностью был этот Ингмар, даже внешне. Верзила с перебитыми коленками. По слухам, конкуренты перебили, ещё в ранней молодости. Начинал со съёмок порнофильмов, потом учёл конъюнктуру и подался в эзотерику. Некоторое время возглавлял тоталитарную sectу, прославившуюся обрядами сексуального характера, потом внезапно (нюх у него, следует признать, замечательный) сложил с себя обязанности гуру и основал одноимённую с sectой фирму. Так сказать, полностью вышел из тени. Или, будем точны, почти полностью. По-другому никак невозможно. Во всяком случае, в наших условиях.

А вот предполагать что-либо относительно следователя прокуратуры Порфириева будет, смею заверить, нелегко и неприятно.

Придётся, однако.

И единственный мой реальный свидетель при таком раскладе — Анна Владимировна Чебурахина.

Прочти я всё это в книжке, ей-богу, сказал бы автору: что-то ты, брат, того, накрутил. Однако жизнь, к сожалению, в литературных институтах не училась и меры ни в чём не знает. Такого подчас нагромоздит, что бульдозером не разгребёшь.

В рабочем сейфе Петра Сергеевича особый интерес представляет безымянная папочка с тремя документами, составленными по всем правилам, однако юридической силы до сей поры не имевшими и к делу не приобщёнными. По причине отсутствия дела.

Протокол опознания трупа, показания Анны Владимировны и её же заявление по поводу квартирной кражи.

Начнём с показаний.

Судя по всему, семейка у них со Станиславом Андреевичем была забавная. Супруга своего Анна Владимировна «в глаза не видела уже больше года», вплоть до той трагической полуночи, когда в Питере из берлог восстали медведи. В июне месяце.

Правда, звонил. Невесть откуда, но звонил. Убеждал, что «дела его блестящи и вот-вот начнётся новая настоящая жизнь».

И ведь не соврал: началась. Новая и настоящая. После полуторагодичного отсутствия Станислав Андреевич Громыко возвращается весь в радужных перспективах — с тортом, «пепси», шампанским и бриллиантовым, обратите внимание, колечком (подарок терпеливой своей Пенелопе). Но сначала возникает возле офиса, где трудится жена, и заимствует «москвич», на котором Анна Владимировна прибыла в тот день на работу (случай исключительный, обычно она ездит в метро). Цвет машины обозначен в показаниях как соловый. Это ведь, если не ошибаюсь, желтоватый со светлым хвостом и гривой. Где, интересно, располагаются у «москвича» грива и хвост?.. Да где бы ни располагались, а выпадает «москвич» из общей картины. Стасу (будем называть супругов по-домашнему) явно хочется пустить Аське пыль в глаза. Прямой резон с шиком подкатить на чём-нибудь собственном и недешёвом, раз уж говоришь, что в жилу попал. В чём заминка? Денег нет? Еле наскреб на бриллиант? Возможно. Или чувствует опасность, пытается запутать следы? Ну, это по меньшей мере наивно. Если тебя ищут за долги, то и семья твоя наверняка под наблюдением.

Ладно. Заимствует солового. Заезжает за сыном в садик и везёт домой, чуть не устроив супруге нервный срыв, поскольку ни о чём её не предупредил. То ли по беззаботности, то ли всётаки чего-то боится.

Долго извиняется перед женой за бестактный угон «москви-ча» и прочие бестактности. За тортиком и шампанским хвастает беспрестанно: вписался в перспективный проект, денег будет — по колено. И так далее в том же роде.

Затем их шестилетний сын отправляется спать, а Стас начинает настойчиво подбивать супругу на романтическую прогулку под фонарями. Настолько настойчиво, что, выпроваживая мужа, Анна Владимировна спотыкается о порожек и опрокидывает мебель, отчего у неё на левой скуле возникает солидный синяк. Поверим этому.

Сын от грохота не просыпается. Впрочем, он у них странный и молчаливый. Оно и понятно. Семейка явно нестандартная.

А в ноль сорок раздаётся звонок. Звонит выставленный за порог Стас. Кричит, что Аська виновата во всём, а он только хотел как лучше. В телефоне раздаётся скрежет, «будто открывают страшно заржавленные железные ворота» (уж не медведя ли из клетки выпускали?), — и тишина.

Спустя несколько секунд опять звонок, но уже в дверь. Двое неизвестных, используя дубликаты ключей, пытаются незаконным путём проникнуть в квартиру гражданки Чебурахиной. Выручает внутренняя задвижка. Обмирая от страха, владелица жилплощади нечаянно подслушивает негромкий диалог злоумышленников по ту сторону двери. Говорят о том, что квартира — та самая, но хозяева почему-то дома...

Затем поспешно уезжают на лифте.

Собственно, всё. Конец документа.

В связи с этой попыткой ограбления несколько по-иному начинает смотреться неистовое желание Стаса вытащить Аську на романтическую ночную прогулку. Если с интимными целями, то что мешало ему соблазнить супругу, не выходя из дома? Сын спит Спит крепко, поскольку не проснулся даже от последующего грохота падающей мебели и скандала родителей. Либо Станислав Андреевич почуял нутром, что за ним придут (но тогда непонятно, чего испугались пришедшие), либо вступил с ними вговор (дубликат ключа, осведомлённость о предполагаемом отсутствии хозяев).

Да, но какой ему смысл грабить квартиру супруги?

Можно, разумеется, предположить, что отец затеял похищение собственного сына и хотел, выманив жену из дома, обеспечить себе таким образом алиби, однако события следующего дня заставляют и в этом усомниться.

В общих чертах они изложены в упомянутом ранее заявлении Анны Владимировны.

На другой день, вернувшись домой с опознания, она обнаружила, что в её отсутствие грабители в квартиру всё-таки проникли. Были взяты: жалкая, по выражению самой пострадавшей, ювелирка, расходная денежная заначка, хороший лисий воротник, неисправный ноутбук и не очень новый дивидишник.

Всего-навсего.

Ан нет! Ещё колечко с брюликами — предсмертный подарок Стаса.

Поскольку иных бумаг (протокол опознания не в счёт) следователь прокуратуры Порфириев нам не оставил, обратимся к распечаткам разговоров по мобильнику, представленным нам телефонной компанией.

Предсмертный звонок Стаса. Ноль часов сорок минут.

Ты! Это всё ты натворила, сука! Это ты во всём виновата!
Я только хотел...

Нет там никакого «как лучше». Не как лучше он хотел, а чего-то вполне конкретного. Только вот не договорил, к сожалению, чего именно. Не совсем понятно также, в чём он обвиняет жену. Чего она такого натворила? Отказалась прогуляться, выставила за порог... Вроде ничем иным прощальный ужин ознаменован не был. Во всяком случае, по словам Анны Владимировны.

Едем дальше. Одиннадцать тринадцать дня.

Аська: Да?

Неизвестный: В ближайшее время вас попросят опознать труп. Вы ни в коем случае не должны этого сделать.

Больше этот номер признаков жизни не подавал. И не подаст. Опять-таки проверено.

Ну-с, а теперь приступим к главной чертовщине. Начинаются посмертные звонки Стаса. Да-да, посмертные. Покойничек наш внезапно воскресает и принимается трезвонить жене. Со своего телефона.

Первый звонок. Четыре тридцать утра. (Тело уже похищено из мorga, о чём ещё ни вдова, ни следователь не знают.)

Аська: Да...

Стас: Звезды! Типа, не ждали? Ну-ну, привыкай, коза. Значит, слушай внимательно: через полчаса выйдешь из дома, поймаешь тачку, доедешь до Чёрной речки, там через мостик есть корейский ресторан, скажешь остановить перед ним, дашь водиле бабки, пусть подождёт двадцать минут. Уйдёшь дворами, на что попало сядешь и вернёшься домой. И всё забудешь, ясно? Да, и не дребезжи по-пустому, деген тебе остали достаточно...

Ближе к вечеру второй (и последний) звонок:

Стас: Ну, что? Пытаешься отмазаться перед ментами? Поздно пить боржоми. Значит, слушай внимательно. Сейчас поедешь на почтamt, там на твоё имя до востребования лежит бандероль. Получишь её и отвезёшь на Московский вокзал, положишь в автоматическую камеру хранения. Отправишь по «аське» номер ячейки и код. Должна ты это сделать до трёх часов. Всё ясно? Почтamt — бандероль — вокзал. Марш!

А что это он так раскомандовался? Недавно был пинками вышиблен из дома — и вдруг такая отвага. На каком основании? Покойник? Какой же ты, к чёрту, покойник, раз звонишь? Неужто Анна Владимировна и впрямь вообразила, что её беспокоят с того света?

Если так, то разговор со свидетельницей мне предстоит не простой. Побольше доверия, поменьше критиканства. И ни в коем случае не переборщить. А то начнёшь понимающее кивать — сочтёт, что издеваюсь...

Для начала неплохо бы прикинуть, кто мог инсценировать гибель Стаса. Напрашиваются двое: сам Стас и, увы, следователь прокуратуры Порфириев. У Порфириева вроде бы возможности пообширнее, но уж больно глупо и вычурно всё проделано. До-

пустим, имеется мёртвый бомж, телосложением напоминающий Станислава Андреевича. Подбросить на перекрёсток, позвонить в милицию... Медведь. Какой, в баню, медведь? Как будто нет других способов изуродовать черты лица до неузнаваемости! Кроме того, даже если Пётр Сергеевич выспросил предварительно у Анны Владимировны особые приметы супруга, для достоверной подделки необходим оригинал. Хотя бы фотографии оригинала (родинка-шрам-татуировка). Опознаёт-то не чужой человек — опознаёт жена, пусть и не видевшая мужа в глаза полтора года... Хорошо. Предположим, оригинал у Порфириева был. Сидел себе в мрачных подвалах «Солнечного храма», прикованный, я не знаю, к какой-нибудь там трубе... каковой, возможно, и была нанесена впоследствии черепно-мозговая травма.

Однако, прежде чем делать столь смелое и, я бы даже сказал, опрометчивое предположение, неплохо бы для начала доказать, что следователь Порфириев был прикомлен Ингмаром и действовал по его указке. А сие не доказано и, смею надеяться, доказано не будет.

Затем Стас. Весь в долгах и фантазиях. Вот-вот найдут и закроют бедолагу, если хуже чего не случится. Прямой смысл начать жизнь с чистого листа. Кроме того, дилетант. Дилетант лютый и отъявленный, чем и объясняется общая нелепость инсценировки. Возможности у него, конечно, скромнее, чем у Порфириева, но в целом мне этот вариант более симпатичен...

Правда и он, к сожалению, не снимает изначального вопроса: за каким лешим было Петру Сергеевичу лезть в медвежью историю и тщательнейшим образом её запутывать.

Как хотите, а пришла пора побеседовать с самой Аськой. То бышь с Анной Владимировной Чебурахиной. Если это ей уже, конечно, по силам. Дело, видите ли, в том, что в ночь взрыва она тоже находилась в помещении фирмы «Солнечный храм».

Фигурка подросточка, светлые, словно бы заплаканные, глаза, рыжеватенькая предельно короткая стрижка. С водоворотиками.

А в ночь пожара Чебурахина была гривастой брюнеткой.

— Всё равно вы мне не поверите... — безнадёжно сказала она.

— Разумеется, — бодро заверил я. — Иначе бы меня здесь не сидело. Скажите, Анна Владимировна... Когда Стас попросил вас отправить «аську» с номером ячейки и кодом, вы это сделали?

Даже не удивилась.

— Да.

— То есть его электронный адрес был вам известен?

— Нет.

— Куда ж вы тогда отправляли?

— Вот, — сказала она, доставая из сумочки сложенные вдвое листы. — Мне тут распечатали... Это — с домашнего компьютера, а это — с рабочего...

Я принял листы, разложил перед собой, разгладил. Первая распечатка, как мне показалось на первый взгляд, интереса не представляла. Обычные интернетные приколы. Зато на второй я сразу же обнаружил искомую «аську». С номером ячейки и кодом.

Снял трубку, дал задание съездить на Московский вокзал — проверить ячейку. Потом опять снял трубку и попросил разобраться с электронным адресом. После чего заметил, что Анна Владимировна Чебурахина смотрит на меня с улыбкой жалости.

— Что-нибудь не так?

— Это надо читать сначала, — сказала она. — С первого листа.

— Хорошо, — согласился я и стал читать с первого листа.

Загадайте любое число от 1 до 99.

8.

ВЫ УГАДАЛИ!!! Теперь МЫ готовы исполнить любое Ваше желание.

Хачу многа МАРОЖЕНАГО!!!

Ваше желание принято. МЫ.

Ваше желание будет исполнено немедленно. МЫ.

— И что? — осторожно спросил я.

Судорожно вздохнула.

— Это не шутка... — Голос её зазвучал несколько сдавленно. — Действительно, принесли мороженое. У начальника отдела логистики родился племянник, и...

Беседа наша только ещё начиналась, но уже слегка напоминала обезвреживание взрывного устройства. Подчас мне даже мерещилось, будто в Анне Владимировне Чебурахиной что-то негромко тикает и когда рванёт — неизвестно.

А не рановато ли, в самом деле, я её пригласил? Вроде бы нет. Всё уже пережила. Похоронила мужа, стремительно вышла замуж — кажется, удачно...

— Анна Владимировна, — выговорил я с мягкой укоризной. — Вы думаете, мне ничего подобного по «каське» не приходит? Приходит постоянно. А наша жизнь настолько разнообразна, что её можно подогнать под любые приколы...

Она молчала.

— Ну хорошо, — сказал я. — Принесли мороженое. Но ведь и раньше каждый день приносили. Вспомните, какая жара стояла...

— Дальше читайте! — приказала она.

Я стал читать дальше.

Любое Ваше желание будет исполнено. Мы.

Хочу, чтобы Бу стал хоббитом.

— Бу — это кто? — спросил я.

— Мой сын.

Понятно.

Ваше желание принято. Мы.

— Он действительно мечтал стать хоббитом?

— Да.

— Стал?

Она замялась.

— Ну... не в прямом, конечно, смысле... На следующий день пришла женщина... Вера...

— Кто это?

— Из отдела логистики. Предложила переоформить путёвку в детский лагерь «Хоббитания». Дочка у неё заболела, ну и...

— Бу поехал?

— Нет.

— То есть желание выполнено не было?

Вот теперь она запнулась всерьёз.

— Но ведь не по их же вине... — еле слышно произнесла она, глядя на меня едва ли не с испугом. — Вы — дальше, дальше...

Дальше — так дальше.

Любое Ваше желание будет исполнено. Мы.

Пусть он больше никогда не приходит!

Просим уточнить желание. Кто не должен приходить?

Мой муж Станислав Громыко.

Ваше желание принято.

Ваше желание будет исполнено в течение часа.

Ваше желание исполнено.

Любопытно. Ноль часов сорок две минуты. Ровно через две минуты после последнего прижизненного звонка Стаса.

Ваше желание будет исполнено в течение часа.

Стоп! Это мы уже читали. А, нет. Это, видимо, о другом, предыдущем желании. Надо полагать, угробить Стаса было гораздо проще, чем найти горящую путёвку в детский лагерь.

Мы исполнили три ваших желания. Теперь Вы должны выполнить три наших поручения. С Вами свяжется наш оператор.

А вот это уже шантаж.

— Оператор с вами связался?

— Да. Просил не опознавать труп.

— Он представился именно как оператор?

— Нет. Он вообще не представился.

— Но вы уверены, что это не совпадение?

— Уверена.

Я внимательно её разглядывал. Нет, на ярко выраженного истериоида гражданина Чебурахина явно не тянет. Скорее невроз навязчивых состояний: видимо, делает всё через ритуал, через приметы, в каждом совпадении видит тайный смысл...

Вы не выполнили наше поручение и будете наказаны.

— Вы были наказаны?

— Да. Обчистили квартиру...

Ну да, ну да... Колечко с брюликами, денежная заначка, лисий воротник и неисправный ноутбук. Теперь это называется обчистили!

— Как же так получается, Анна Владимировна: сами вы убеждены, что квартиру вашу грабили те же лица, что пытались взломать её в ночь исчезновения Станислава, сразу после его звонка. Это они вас авансом наказать пытались?

Опять запнулась. Не знаю пока, что она там себе напридумывала, но как же ей жалко утратить этот стройный, разложенный по полочкам кошмар! Прости, детка, но так и удавиться недолго.

Я достал из ящика стола распечатку телефонных разговоров. Первый посмертный звонок Стаса. ...и не дребезжи по-пустому, денег тебе оставили достаточно...

— Анна Владимировна, а грабители у вас сбережения подчистую забрали или что-то всё-таки осталось?

Улыбка. Скорее горестно-ироничная, чем смущённая.

— Главную заначку не нашли.

— Где вы её хранили?

— В старом ботинке.

Может, я просто недооцениваю Стаса? Нашли. Не взяли. Сообщили об этом работодателю. То есть ему. Он звонит жене и нечаянно проговаривается...

М-да... Вот и у меня воображение разыгралось.

Что там дальше?

Вы понесли лёгкое наказание. Вы по-прежнему должны нам три поручения.

Сегодня в 19-45 вы должны позвонить по номеру 219-00-42, дать шесть звонков и положить трубку.

— Вы позвонили?

— Да. Выполнила всё в точности.

Бедная баба!

Вы успешно выполнили наше поручение. Вам осталось выполнить ещё два поручения. Мы.

Вы должны поехать сейчас по адресу ул. Верности 25, найти в здании круглосуточную типографию и сделать заказ этих визитных карточек, срок исполнения заказа — восемь утра. Вернуться домой.

— Что за карточки?

— Ой! — сказала Аська. — Там ещё файл был... Не распечатала.

— Само поручение выполнили?

— Да.

Хочу, чтобы папа вернулся.

— Чей папа? Ваш?

— Нет. Это желание Бу.

— То есть ваш сын воспользовался вашим компьютером?

— Да.

— И его желание приплусовалось к вашим?

— Да.

Ваше желание исполнено. Теперь вы должны нам четыре поручения.

— С какой это радости четыре? — не понял я. — Вам осталось выполнить последнее поручение. Сын заказал одно желание?

— Одно.

— А поручений — четыре. Как же так?

— Н-не знаю... Даже не задумалась тогда... У меня от всего этого уже крыша ехала...

— Ясно... — пробормотал я, переворачивая лист в поисках продолжения. Продолжения не было. — Больше они вам ничего не поручали?

— Почему?

Я молча показал ей распечатку.

— Поручали. Только уже через Стаса.

— Вы имеете в виду его звонки после пропажи тела из мorga?

— Да.

Ну вот уже кое-что помаленьку забрезжило в непроглядном, на первый взгляд, вранье. Нет, я даже не про Аську. Она-то как раз если и врёт, то прежде всего самой себе.

«Сама соврёт, сама себе поверит...»

И раньше было понятно, что лица, морочившие голову Анне Владимировне, должны были знать оба её электронных адреса (рабочий и домашний), а также номер мобилки. Теперь, когда выясняется, что посмертные звонки супруга являлись частью странного шантажа, одно из загадочных лиц можно считать вычисленным.

Стас. Всё-таки этот поганец Стас.

Исполнение первого желания (*Хачу много МАРОЖЕНАГО!!!*) даже и совпадением не назовёшь. Это не совпадение, это неиз-

бежность. С желаниями, поступившими с домашнего адреса Чебурахиной, всё обстоит несколько сложнее.

Допустим, у Станислава Андреевича есть сообщник. Хакер, взломавший компьютер Анны Владимировны. Выставленный за порог блудный муж является к подельнику и знакомится с содержанием обоих желаний супруги. С Хоббитанией ему приходится повозиться, а вот «*Пусть он большие никогда не приходит...*» — это мигом. Это сию секунду.

И следует пресловутый звонок: «*Ты! Это всё ты натворила, сука...*» Ну и скрежет, естественно. А на перекрёсток подбрасывается мёртвый бомж с объеденной физиономией.

Затем подельник хакер видит на экране желание Бу. «Хочу, чтобы папа вернулся».

И папа возвращается.

Или даже не так. В принципе, хакер — лишняя сущность. В принципе, всё это мог проделать и сам Стас. В конце концов, о том, что желание принято, способна ответить и программа...

— Анна Владимировна, — спросил я. — А у Стаса ещё какая-нибудь специальность была, кроме журналистики? Ну, может быть, учился где, да не доучился...

— Бобруйское высшее командное училище радиоэлектроники, — машинально, вся в собственных мыслях, ответила она.

Да-да-да... Татуировка на левом плече. «БВКУРЭ-94». Одна из особых примет.

И всё бы ничего, только что-то слишком уж суперменистый у меня в таком случае выходит Станислав. Непристойно суперменистый. Фантастически суперменистый. Даже если то, что я сейчас предположил в порядке бреда, и впрямь окажется правдой — кто ей такой поверит?

— Связь они с вами держали только через него?

— Нет. Ещё приходили эсэмэски... на мобильник...

— Какого содержания?

Дёрнула плечиком.

— Как обычно, — хмуро сказала она. — «Вы успешно выполнили наше поручение...»

— Это с поездкой на Чёрную речку?

— Да.

— А с бандеролью?

— Я не успела, — виновато сказала она. — Сделала всё, а во время не уложилась. Обещали строго наказать...

— Обещали — в эсэмэске?

— Да.

— Кстати, а как это вы пытались «отмазаться перед ментами»?

— Отмазаться перед ментами?

— Вот распечатки ваших разговоров со Стасом. Он говорит: «Пытаясь отмазаться перед ментами? Поздно пить боржоми».

— После первого его звонка... — Побледнела, сглотнула. — Мне посоветовали обратиться в прокуратуру...

— Кто, если не секрет?

— Костик... Константин Кременчук.

— Ваш нынешний муж?

— Да. И я позвонила этому... Порфириеву.

Вот мы и подбираемся потихонечку к тому, что нас действительно интересует. Кстати, как-то она странно произнесла фамилию покойного Петра Сергеевича. Вроде бы даже с лёгким содроганием. Да и лишнее словечко «этому» тоже прозвучало несколько настораживающе...

— Он правда утонул в марте? — тихо спросила она.

— Кто?

— Порфириев...

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Давненько меня так не озадачивали.

— Он пошёл на подлёдный лов, — шёпотом произнесла Аська, не сводя с меня широко открытых глаз. — И провалился в полынью. Десять человек видели...

— Кто вам это сказал? — Я настолько ошелест, что тоже перешёл на шёпот,

— Костик...

Я наконец опомнился.

— Гос-споди... Асенька! Ну нельзя же так пугать... Да перепутал всё ваш Костик! Действительно, был у Петра Сергеевича однофамилец в прокуратуре. Да, утонул. В марте.

— Правда? — беспомощно спросила она, ещё не смея верить.

(Да неправда, конечно! Не было никогда у Порфириева никаких коллег-однофамильцев. Всё это я придумал на ходу. Но баба-то на грани обморока! Надо же мне было как-то вывести её из такого состояния.)

Минут пять я хлопотал вокруг Анны Владимировны, отпаивал её холодной минералкой, ободряя, выслушивал, а она утирала слёзы, потом опять всхлипывала. И с такой страшилкой в душе она прожила целый месяц?

Морду, что ли, этому Костику набить?

Вскоре мы с Анной Владимировной пришли в себя настолько, что смогли продолжить беседу.

— Значит, вы позвонили Порфириеву. То есть он оставил вам свой служебный номер?

— Да.

— Так. Что дальше?

— Он приехал... — всё ещё слегка подрагивающим голоском отвечала она. — И я ему рассказала всё...

— От квартирной краже?

— Не только. Вообще всё...

— Он как-то фиксировал ваши показания?

— Нет. Просто выслушал.

— Тогда у меня к вам огромная просьба, Анна Владимировна. Не могли бы вы и мне рассказать всё? В смысле: всё, что рассказывали ему...

Итак, после телефонного разговора со Стасом (четыре тридцать утра) ополоумевшая от страха Аська послушно выполняет все требования внезапно воскресшего мужа: ровно через полчаса выходит из дома, ловит допотопную «Волгу», едет на Чёрную речку и, заплатив водителю, просит подождать его двадцать минут. Сама возвращается домой. Падает без сил. Утром звонит Костику.

— Почему именно ему?

— Ну как... Верный друг. Надёжный человек.

— Где работает?

— Спасатель.

Ну естественно! Ожил покойник — звони в МЧС.

Однако — следует отдать Костику должное — поначалу советы его звучали весьма разумно: сменить дверные замки и сообщить в прокуратуру о первом звонке Стаса (второй последует вечером).

Сообщила.

И как же ведёт себя следователь прокуратуры Порфириев?

А никак. Приезжает к Чебурахиной на дом, удивляется, разводит руками, задаёт риторические вопросы. «Почему вы раньше всё не рассказали?» А что ей было раньше рассказывать?

Даже когда оказывается, что именно на той самой развалюхе, которую Аська поймала, добираясь до Чёрной речки, и было совершено чуть позже похищение модного гламурного певца, Пётр Сергеевич не слишком беспокоится. Звонит майору Солдатенко-ву, просит приехать. Тот заверяет, что расспросит свидетельницу Чебурахину попозже, а сейчас некогда. (Сам Солдатенков такого разговора не припомнит вообще.)

В итоге Порфириев забирает у Аськи заявление о квартирной краже и отбывает восьмёси. Ещё одна нелепость. В милиции заявление не зарегистрируют — необходим осмотр места происшествия. И лежит себе документ в сейфе у следователя. Зачем?

А вот затем и лежит, чтобы Анна Владимировна не обратилась к кому-нибудь другому.

Ах, Пётр Сергеевич, Пётр Сергеевич, зомби-оборотень... Невесёлые ты всё-таки сидел на крючке у Ингмара?

При желании можно расположить события следующим образом: пытаясь перехитрить кредитора, должник Стас неумело организует себе мнимую гибель в пасти медведя. А Порфириев давно уже ищет Стаса — по указке того же Ингмара. И приходится Петру Сергеевичу на свой страх и риск перехватывать расследование у ментов. Быстро разыскивает живёхоньского должника (всё же какой-никакой, а профессионал!) и отвозит в «Солнечный храм».

И начинает Стас расплачиваться. Разом и за всё.

Звонит жене, заставляет пригнать на условленное место тачку, на которой потом увезут певчего гламурчика... Кстати, надо будет выяснить у Солдатенкова, не был ли модный певец тоже должен «Солнечному храму». Не для выкупа же его брали! С всем на Ингмара не похоже...

Далее Порфириев избавляется от попорченного особыми приметами трупа (видимо, Стас им для чего-то нужен юридически живой) и, позвонив Аське, сердито осведомляется, не она ли забрала тело из мorgа. Тонко, тонко...

А где тонко — там и рвётся.

Анна же Владимировна тем временем второй раз говорит по телефону с воскресшим мужем и получает приказ насчёт бандероли. Кстати, за время нашей беседы с гражданкой Чебурахиной опер успел побывать на Московском вокзале и проверить данную ячейку в автоматической камере хранения. Пусто. Как и следовало ожидать.

Соблазнительно предположить, что именно в этой бандероли и содержалась сумма, на которую Стас чуть не обул Ингмара.

Так и предположим.

Вопрос «кто врёт?» в данном случае не имеет смысла. Врут все. И хорошо бы понять, кто в какой степени.

До сего момента рассказ Анны Владимировны звучал, согласитесь, несколько фантастически. Дальше фантастика плавно переходит в фантасмагорию.

Не полагаясь (и правильно!) на компетентность нашей прокуратуры, отважный спасатель Костик приводит Аське некоего субъекта по имени Антон (скорее всего, псевдоним). Шибко застекренный субъект. Раньше работал в органах, теперь, надо понимать, промышляет частным сыском.

Развелось их на нашу голову!

Выслушав Чебурахину, субъект мрачнеет и говорит, что Аське с сыном нужно «быстро переходить на нелегальное положение». Будущая дружная семья (Костики, Аська и Бу, извините за звукосочетание) перебирается с одной яви на другую, пока не оседает на квартире знакомых Костики. Сотовик отключён, акку-

мулятор вынут. Неустрашимый спасатель покупает Аське тёмные очки и краску для волос. Чёрную! Якобы так можно будет в крайнем случае сойти за цыганку, поскольку «на них никогда не обращают внимания». Ты ж рыжая, дурёха! Ну покрасишь ты свои кудёрышки. А бледное личико с веснушками куда денешь? Загримируешь?

Детский сад!

Следующий подарок любимой женщине — наган с полным барабаном. Аська сначала подумала: травматический, с резиновыми пулями. Костик сказал: настоящий.

— Вы из него стреляли?

Зря я задал этот вопрос. Не подумав. Как говоривал классик: «Не сразу пришло мастерство к молодому сапёру». На секунду перемерцилось даже, что опять придётся отпаивать её минералкой.

— Я... защищалась...

— От Ингмара?

Уставилась в ужасе.

— Анна Владимировна... Успокойтесь. Оружие было именно травматическим. Застрелить из него трудновато. Вдобавок вы ведь, как я понимаю, не в упор стреляли.

Выдохнула, уронила плечи.

— Зачем же он...

— Успокойтесь, — повторил я. — Константин поступил совершенно правильно. Полагая, что наган настоящий, вы чувствовали себя увереннее. Так?

— Так...

— Ну вот видите... Кстати, в чём вы его носили? В сумочке, в кобуре?

— За поясом юбки.

Тоже красиво. И выхватывать легче. Только вот трусы потом выкидывать придётся — от масла не отстираешь.

В течение первых трёх дней романтической нелегалки ничего особенного не происходит. Отношения будущих супругов остаются товарищескими. Конспиративно товарищескими. Ничего личного. А вечером четвёртого дня — условный звонок, услов-

ный стук в дверь, чуть ли не пароль. Мужественный и несгибаемый спасатель является с опрокинутым лицом и сообщает, что, по его сведениям, следователь прокуратуры Порфириев утонул в марте сего года. А сейчас июнь. То есть всё это время Аська имела дело с покойником. Потрясение столь велико, что взаимные чувства двух нелегалов той же ночью переходят в глубоко интимные (Бу спит в облюбованной им каморке и не мешает).

В промежутках между утехами внезапные любовники скретничают, откровенничают, затем раздаётся испуганный, по выражению Анны Владимировны, телефонный звонок. Звонит таинственный частный сыщик Антон. Снимая трубку, Костик нечаянно (вот ведь неловкость какая!) задевает кнопку громкой связи — и Аська становится свидетельницей душераздирающего монолога. Антон взволнованно сообщает, что всё раскопал, что за нелегалами следит вездесущий «Солнечный храм» и что нужно срочно «менять берлогу». Далее слышен шум подъезжающей машины, выстрелы и предсмертные междометия Антона.

Конец связи.

— Анна Владимировна, скажите, а раньше в ваших разговорах с Костиком ни разу не вспыпал «Солнечный храм»?

— Я писала о нём диплом.

— О «Солнечном храме»? Вы имеете в виду фирму или секту?

— Секту.

— Когда вы об этом сказали Костику?

— Да в ту же ночь.

— После этого он никуда не отлучался?

— Костик? Ну... разве что в туалет. А почему вы...

— Нет, ничего-ничего, продолжайте...

Собственно, продолжение напрашивается само собой. Бежать! Немедленно! Сию минуту! Звонок наверняка засекли, адрес вот-вот вычислят. Антона шлённули — значит, и до нас доберутся. Будущая чета хватает так и не проснувшегося Бу (золотой ребёнок!) и бежит, причём бегство их ничуть не менее нелепо, чем предыдущая конспирация. Ловят сначала один мотор, потом другой. С лёгким цыганским акцентом объясняют, куда ехать. Заезжают на Канонерский. Аське мерещится, будто все за ними следят, что, согласитесь, неудивительно — с перепугу-то! Наконец

Костик привозит святое семейство к некоему Фёдору, «анархисту-одиночке и теоретику городской партизанской войны».

— Фамилию не назовёте?

— Нет. Увалень такой... На медведя похож.

Фёдор. Анархист-одиночка. С Канонерского... Не тот ли это чернорубашечник Федя, что одно время торговал на «газоне плача» («стену плача» тогда только-только снесли) трудами Бакунина и мемуарами Махно? Ладно. Выясним.

Похожий на медведя (опять медведь!) анархист заверяет беглецов, что упрячет их как нельзя более надёжно и, напоив чаем, везёт на Обводный.

— Это Костик попросил отвезти вас на Обводный?

— Нет. Фёдор сказал: «Поселю у надёжных людей», — и повёз.

И привёз их загадочный Фёдор не куда-нибудь, а прямиком к «Солнечному храму». Дождь. Темнота. Высадив мать с сыном (по-прежнему спящим), водитель внезапно достаёт пистолет и на глазах потрясённой Аськи дважды стреляет в Костика. Выбрасывает орудие убийства из кабины — и уезжает вместе с застреленным.

Чёрт возьми! Не слишком ли много оживших трупов для одного дела? Сначала Стас, потом Порфириев, теперь вот Костик...

— Как вы думаете, почему Фёдор так поступил?

— Заказ. Пока ехали, с ним связались по мобильнику. Я слышала, как он с кем-то торговался. Потом сказал: «Они называют это бизнес!» — и свернулся к Обводному.

— Кому, по-вашему, понадобилось заказывать Костика?

— Ингмару. Или Порфириеву.

Плохо...

— А Порфириеву-то с какой радости?

— Ну так он же работал на Ингмара.

Ай-яй-яй-яй-яй... Этого-то я и опасался.

— Почему вы так считаете?

— Я не считаю. Я знаю. Уверена.

— Анна Владимировна, — с усталой улыбкой, сказал я ей. — Всего полчаса назад вы были уверены в том, что следователь Порфириев — зомби...

Вздрогнула, чуть отшатнулась.

— Теперь вы уверены в том, что он — оборотень, — укоризненно продолжал я.

— Но я сама видела...

— Прекрасно. Вот и рассказывайте всё, что видели... А выводы будем делать вместе. Лады?

Итак, убийца Фёдор уезжает вместе с убитым Костиком. А за спиной Аськи в ту же секунду возникает из дождя Пётр Сергеевич Порфириев. Отбирает подобранный Аськой пистолет, платком стирает с него отпечатки. Говорит что-то вроде: «Он хотел на вас убийство повесить, да кто ж ему позволит!» Затем ведёт Аську в здание «Солнечного храма».

Н-ни черта себе! Да любая нормальная мать, увидев перед собой ожившего мертвеца, подхватила бы сына и с визгом кинулась прочь. Ладно, допустим нехотя, что основные инстинкты у мистиков отшиблены.

Поднялись на второй этаж.

— Говорили о чём-нибудь?

— Нет... Или да... Я плохо помню. Я думала, Костю убили... Только тогда и поняла, как я его любила... люблю...

— Всё-таки попробуйте вспомнить.

С досадой наморщила лобик. Чуть ли не с отвращением.

— Кажется, с ним кто-то связался по радио, с Порфириевым. Какие-то проблемы... А я вроде спросила: «Разве у мёртвых бывают проблемы?»

— А он?

— Сказал, что бывают.

— Так. Дальше.

— Дальше — всё. Он подвёл меня к двери Ингмара, сам ушёл вниз. Больше я его не видела.

— И из этого вы делаете вывод, что следователь прокуратуры Порфириев работал на криминалитэт?

— А какой тут ещё может быть вывод? — огрызнулась она. — На его глазах стреляют в человека! А ему — по фигу! Ведёт меня к своему боссу, как... я не знаю... как шестёрка! Лучше бы он вправду был зомби... Какой с мёртвых спрос!..

Снова предложить ей воды? Нет, вроде справилась, взяла се-
бя в руки.

— Тогда, может, самому выпить?

— Не горячитесь вы, Анна Владимировна. Да. На его глазах
стреляют в человека. И что ему делать? Бросаться в погоню пе-
шим ходом? За машиной? В ливень?

— Но...

— А на руках у него женщина в полуобморочном состоянии
да ещё и с малым ребёнком. Под проливным дождём. Согласи-
тесь, что правильнее всего в такой ситуации не устраивать эска-
пад, отвести пострадавших в укрытие, а самому вызвать опер-
группу.

— Он вызвал?

— К сожалению, не успел. Погиб.

— Но он привёл меня к двери Ингмара! Ничего себе укрытие!

— Тоже, скорее всего, правильное решение. Если у него, как
мы полагаем, в аккурат перед вашим появлением состоялась дол-
гая беседа с Игорем Рюриковичем... то бишь с Ингмаром...

— О чём им было говорить?

— Например, о добровольной явке Ингмара с повинной. Де-
ло-то к аресту шло... Анна Владимировна! — взмолился я. —
Поймите же, я и сам пока плохо представляю, что там стряслось
той ночью в подвале. Почему случился пожар? Почему у Пор-
фириева травма черепа? Каким образом пистолет охранника ока-
зался в руке вашего покойного мужа?..

— Я могу вам совершенно точно сказать, почему случился
пожар, — неожиданно произнесла она. — Только вы мне...

— Не поверю?

— Да.

— А вы всё-таки скажите.

— Фёдор выбросил Костика на обочину. До своего телефона
Костик дотянуться не мог, взял мой... А там опять: «Исполним
любое ваше желание...» И он набрал: «Горите вы синим пламе-
нем». И почти сразу взорвался газ. Тоже, по-вашему, совпадение?

— Минералки наливать?

Надеюсь, вопрос мой прозвучал не слишком оскорбительно.

— Да, если можно...

Выпили минералки. Помолчали.

— Я долго думала о том, что случилось, — надломленным голосом призналась она. — Исполнение желаний, поручения, Стас, Порфириев... Всё связано. Это Ингмар. С самого начала — Ингмар. Ему был нужен Бу.

— Ваш сын?

— Да.

— Зачем?

— Это его сын.

А я-то думал: чего не хватало в этой истории для полного счастья? Ну конечно же, любовного треугольника! Даже квадрата. Всё остальное вроде бы в наличии.

Что деньги? Деньги — тлен. Не из-за них разгорелся сыр-бор, но из-за рыжеватенькой и такой неприметной с виду Анны Владимиrowны Чебурахиной. Вон какие мужики ради неё копья скрестили: блестящий Стас, инфернальный Ингмар, неустрашимый Костик.

С Порфириевым-то хоть, надеюсь, у неё ничего не было?

Ах да, он же зомби... Некрофилия — это сильно на любителя.

А в остальном ситуация жизненная, весьма распространённая. Деловые отношения в чистом виде встречаются редко — так и норовят обернуться всякими иными прочими: дружескими, семейными, сексуальными. Бывает и наоборот. Секс, переходящий в бизнес, тоже явление известное.

Поэтому будем придерживаться прежней версии.

Призрака версии.

— У вас был роман с Ингмаром? Когда?

— Никогда! Это был не роман.

— Хорошо. Но вы всё же дату, дату... Хотя бы приблизительно.

Она сказала. Назвала примерно то самое время, когда Ладожский Игорь Рюрикович завязал со съёмками порнофильмов, напялил чёрный балахон и, возглавив секту, принял исцелять наркоманов.

— Если можно, расскажите подробнее. Я, конечно, не настаиваю...

— Нет, отчего же?..

Рассказала. В её изложении история звучала так: в поисках темы для диплома студентка Чебурахина приезжает в деревеньку на Новгородчине и, увидев главного колдуна (Ингмара), сразу же попадает под его демоническое обаяние. Так сказать, отдаётся ему под гипнозом. О случившемся помнит смутно. Можно сказать, вообще не помнит.

Да уж, чего-чего, а демонического обаяния у Ингмара не отнимешь. Смерть бабам. С мужиками у него (в смысле обаяния, естественно) получалось куда хуже. Мужики ему, как я слышал, бейсбольными битами колени подробили. И никакой гипноз не помог.

— Стас об этом знал?

— Нет. Да он, по-моему, и не хотел знать...

— А Костик?

— Костику я всё рассказала в первую нашу ночь.

Я опустил голову и, задумчиво сложив губы трубочкой, принялся без нужды перекладывать бумаги на столе.

Если женщина в первую ночь признаётся мужчине в этаком грехе, стало быть, опасается, что рано или поздно всё само собой выплынет наружу. Ну и, понятно, хочет подать событие в выгодном для себя свете.

Иначе подадут иначе.

— Ну хорошо, — сказал я. — Дело прошлое. Вернёмся в ночь пожара. Значит, вы говорите, Порfirьев подвёл вас к двери и ушёл. Дальше, пожалуйста...

Дальше — Ингмар. Огромный. Опасный. Обворожительный. В интерьере из африканских масок и сушёных девичьих рук в вазочке для цветов. Коленки, видать, совсем отказали — ездит в каталке. Рядом с колесом бегает на четвереньках златовласая обнажённая девица с сияющими от счастья глазами.

Умеет себя подать Игорь Рюрикович.

Говорит, что рад видеть обоих. Говорит, здравствуй сынок. Бу такая перспектива не нравится. Бу спрашивает у папы Ингмара, где папа Стас. Тот отвечает, дескать, будет тебе и Стас.

(Кстати, охотно верю. Какой резон Ингмару уничтожать Стаса, если долги выбиты с лихвой? Да и брезговал он всегда мокрыми делами...)

— Скажите, Анна Владимировна, вас не смущают все эти излишества: убийства, воскрешения, исполнение желаний? Почекуя бы, например, Ингмару просто не приказать Стасу, чтобы тот в счёт уплаты долгов забрал сына из садика и напрямую привёз его в «Солнечный храм»?

— Ингмар — дьявол, — хрипловато сообщила она.

Так. А Бу, выходит, юный антихрист? Знакомый сюжет. Смотрели — и неоднократно.

— Тем более.

— Я серьёзно. Мы не знаем, чего от него ждать. А Стас... Мне кажется, он как раз хотел уберечь Бу от Ингмара. Забрал, привёз домой...

Да-да, конечно. И долго выманивал супругу на прогулку, оставив дома спящего сына. В аккурат перед первой попыткой взлома.

— Что вам ещё сообщил Ингмар?

Массу интереснейших вещей. Что у дьяволов редко бывают дети. Что крылья у них только в молодости, а в зрелом возрасте отпадают. Что Бу пожелал папиного возвращения — вот папа и вернулся. В лице Ингмара.

Затем бескрылый дьявол выкатывается в кресле из-за стола. Мать с сыном видят пресловутую девушку на четвереньках, бегущую вровень с колесом, и это настолько их пугает, что Аська сгребает Бу в охапку и наконец-то кидается наутёк. Выскочив из кабинета, ухитряется заблудиться, попадает в тёмный компьютерный зал, разгороженный на клетушки, и неожиданно видит за одним из мониторов привидение Гульки...

— Минутку, — устало попросил я. — Что за Гулька?

— Подруга. Мы работали в одном отделе...

— Тогда ещё минутку...

Просмотрел список жертв пожара.

— Гуля Кургельдыева?

— Да.

Ну вот. Поздравляю вас с новым фигурантом. Постоянное место работы — интернет-компания «Шарм», информационный отдел. Сослуживицы. Чёрт знает что такое!

— Примите мои соболезнования, но... при чём тут...

— При всём. Когда в отдел принесли торт... Ну, вы помните...

— Помню, помню... Ваше первое желание?

— Да. Гуля как-то странно на меня посмотрела и сказала: «Не увлекайся мороженым, мать...»

— Так. Что ешё?

— Попросилась переночевать. Позже... по телефону...

— В тот же день попросилась? Я имею в виду, в тот день, когда объявился Стас?

— Да. Но так и не пришла. Я ей звонила — никто не отозвался. И вдруг вижу её... там... Она тоже им задолжала. Раньше меня.

— Задолжала — в денежном смысле?

— Нет. В смысле поручений. Как я.

— А им — это Ингмару?

Угрюмое утвердительное молчание. Почти враждебное.

— Анна Владимировна, боюсь, вы ищете тайный смысл там, где его нет. Да, подрабатывала ваша подруга в «Солнечном храме»...

— Лицо... — тихонько вымолвила она, и светлые, как бы заплаканные глаза её стали незрячи. — У неё от лица ничего не осталось... Бумажная маска...

— Ну а что бы вы хотели? — осторожно попробовал я урезонить свидетельницу. — Тёмное помещение. Человек сидит за монитором. Естественно, у него бледная маска вместо лица... Она что-нибудь вам сказала?

— Сказала: «Беги, дура...»

Мудрый совет.

— И вы побежали?

Побежала. Таща за руку сына, добралась до холла — и там из лифта навстречу ей выкатился в коляске Ингмар. Великий и ужасный. Снова попробовал применить свой цыганский гипноз, но не преуспел. Впервые. Вместо того, чтобы подчиниться и подойти с покорностью к своему хозяину, Анна Владимировна Че-

бурахина заслонила собою сына и, выхватив из-за пояса юбки наган, начала палить в Ингмара, представлявшегося ей в ту минуту сгустком адского пламени.

Разрядив барабан, выбралась (никем, представьте, не остановленная) из здания, доволокла сына до ворот, после чего последовал взрыв бытового газа.

Такая вот жуть.

— Анна Владимировна, — участливо спросил я. — Вы в самом деле мало что помните о вашей первой встрече с Ингмаром?

— Практически ничего. Наверное, он дал установку забыть...

Я открыл ящик стола и достал оттуда лазерный диск.

— Что это? — спросила она.

Я молчал.

— Неужели... — Голос Анны Владимировны сошёл на шёпот. — Видеозапись?..

Я скорбно смотрел ей в глаза.

— Какая сволочь... — обречённо выдохнула она. Помолчала, презрительно кривя губы. — Только, пожалуйста... Костику...

— Ни слова, — заверил я. — Отдать я вам это не могу, но ручаюсь, что записи не всплывут ни при каких обстоятельствах... Да, и ответная просьба: мне бы хотелось довести это дело до конца в более или менее спокойной обстановке. Поэтому, если вдруг к вам полезут журналисты... насчёт певца, насчёт Порфириева...

— В шею! — решительно выдохнула она.

— Вот и славно, — сказал я, снова отправляя диск в ящик стола, где тот пылился с незапамятных пор. Чёрт его знает, что там на самом деле было записано. Всё собирался выкинуть — ан пригодился.

Расстались без обид. Вызвал машину, велел доставить домой. Штукарю Костику позвонил в тот же день, попросил завтра зайти. Отважный спасатель явился на полчаса раньше назначенного. Чтоб они так всегда приезжали! До, а не после.

— Ты что ж творишь, мужик? — прямо спросил я его. — Что за приколы? Какие тебе, к чёрту, зомби в прокуратуре?

— Сергей Николаевич! — истово отвечал он, а рожа у самого так и норовила расплзтись в улыбке. — Виноват! Казните! Но вреда-то я, согласитесь, никому не причинил...

— А если б свихнулась? Баба и так на пределе была! Да и сейчас тоже с подывихом... Кто такой Антон?

— Старый знакомый.

— Бывший оперативник?

— Да упаси боже! Звукооператор на радио. Просто внешность у него такая... соответствующая.

— Тогда давай рассказывай. С чего всё началось?

Началось со студенчества. Отслужив в армии и поработав в Арктике, Константин Кременчук поступил на факультет журналистики, где сразу же безоглядно влюбился в сокурсницу Аську Чебурахину. Робел. До четвёртого курса не знал, с какого бока к ней подъехать. А пока телился, Чебурашку увеличили. Причём, кто? Наглец и болтун Стас Громыко! Костик был настолько потрясён, что бросил институт, заявив, что разочаровался в журналистике, и, пометавшись по разным работам, нашёл наконец своё место в региональном поисково-спасательном отряде МЧС.

Романтик. Однолюб. Птица редкая. Каждый год поздравлял Аську с днём рождения — открытку присыпал.

И вдруг позвала! Просит о помощи. Что-то стряслось со Стасом. Погиб — и звонит с того света. Не зря чуяло Костиковы сердце, что доиграется когда-нибудь Стас, ох, доиграется...

— То есть ты сразу понял, что это мистификация?

Костик посмотрел на меня с недоумением.

— А что же ещё? Раз позвонил — значит, не помер.

— Логично. А дальше ты что отколол?

— Что я отколол? Посоветовал пойти в прокуратуру, всё рассказать. Дверные замки сменить помог...

— А Антон? А переход на нелегальное положение? Вместо того, чтобы успокоить женщину, ты давай на неё страху нагонять. Мало ей было страхов?

Приуныл, покряхтел.

— Так а что оставалось делать? Последний шанс...

Да, конечно. Где ещё можно оставаться наедине с любимой, как не на конспиративной квартире? Не иначе пробки от радости перегорели. Приятный мужик, на психа вроде не похож... Вот ведь что любовь с людьми-то делает!

Три дня пребывания в подполье неумелый ухажёр занимался тем же самым, чем занимался четыре года в институте, а именно — робел и от робости громоздил одну глупость на другую: то наган подарит, то краску для волос принесёт. На четвёртый день пришёл в отчаяние и ляпнул по наитию, что следователь Порфирьев на самом деле мартовский утопленник.

Представьте, помогло. Жутко, зябко, муж с того света достаёт, под окнами безымянный ужас шастает, зомби ходят. Поневоле захочется к кому-то прижаться.

Прижалась! И очумевший от счастья Константин понимает, что успех надо развивать. Узнав из ночных откровений Аськи о «Солнечном храме», он выбирается в санузел, откуда шлёт эсэмскую звукооператору Антону. Тот спросонья пишет в домашних условиях махонькую радиопьесу и запускает в эфир. Точнее, на секретный телефон незасвеченной явки. Костик, будто бы невзначай, нажимает кнопку громкой связи — и Аська всё слышит...

Как говаривала моя бабушка, таких не рожают, а высаживают.

— Кто такой Фёдор?

— Так... Городской дурачок. Вообразил себя анархистом...

— Это не он на «газоне плача» торговал? Бакуниным, Махно.

— Он.

— Что за хрень с выстрелами?

А с выстрелами, как выясняется, хрень такая: доставив Аську с сыном к Фёдору (через весь город, среди ночи!), отважный спасатель тихонько договаривается с анархистом-теоретиком о том, чтобы тот, высаживая беглецов, пальнул в него (в Костика) пару раз холостыми.

— Зачем?

Тут психология. Увидев Костика тяжко раненым, Аська, по идеи, должна полюбить его окончательно и навсегда. Ну не дурь?

Дурь-то дурь, но ведь сработало, как ни странно...

— И Аська потом ничего не заподозрила? Стрелять — стреляли, а где шрамы?

— Да шрамов-то у меня полно. Выбирай любой...

— А как так вышло, что Фёдор остановил машину в точности напротив «Солнечного храма»?

— Это я бы и сам хотел узнать.

— Вы что, с тех пор с Фёдором не встречались?

— Нет.

— Почему?

— Боюсь, морду ему набью при встрече.

— Полагаешь, он это сделал умышленно?

Усмехнулся:

— Есть другие варианты? Подвёз к самому входу, а там этот ваш... Порфирьев...

— Какой же он наш? Он из прокуратуры...

— Ну из прокуратуры...

— То есть дальше всё происходило без тебя... Эсэмэски, как я понимаю, тоже никакой не было?

— Эсэмэски?

— «Горите вы синим пламенем!»

Чем дальше беседовал со мной мужественный и несгибаемый спасатель Костик, тем большую он ощущал неловкость. Это было заметно невооружённым глазом. Примерно так, пропрезвев, вспоминаешь собственные вчерашние выходки.

— Да не было, конечно...

Я потёр подбородок.

— Что ж, поздравляю. Охмурил в рамках законности... А, нет! С наганом ты, Костик, подставился.

— Он травматический.

— Хотя бы и травматический. Покупается по разрешению, в другие руки не передаётся...

Костик повеселел вновь.

— Так а я что, против? — сказал он. — Изымайте, штрафуйте. Срок мне за это, если светит, то условный...

Настолько был счастлив в личной жизни, что и не напугаешь его ничем. Впрочем вскоре на мужественное чело спасателя набежала лёгкая тучка.

— Только, пожалуйста... Аське...

— Ни словечка, — заверил я. — О проделках твоих от меня Анна Владимировна ничего не узнает. Кстати, встречная просьба...

Анархист-одиночка Фёдор и впрямь смахивал на медведя.

— Какая мокруха, начальник? — вскричал он, пляя на меня честные медвежьи глазёнки. — Из пугача палил!

— Зачем потом выкинул?

— Да из-за Костика же! Мы с ним как уговаривались? Я палю — он выпадает наружу. Я уже газанул — смотрю, а он лямкой рюкзака за щеколду ремня безопасности зацепился. Я — назад. Начали отцеплять — не получается. А время-то идёт! Баба-то его вот-вот опомнится! Ну я в порядке мотивации пугач выкинул, вроде как от орудия убийства избавляюсь, — и опять по газам...

— А если бы догадалась, что пугач?

— Костик сказал, она в этом деле не секёт...

Чего ни в коем случае не скажешь о следователе прокуратуры Порфириеве. А он, согласно показаниям свидетельницы Чебурахиной, взял пистолет, стёр отпечатки да ещё и примолвил что-то вроде: «Хотел на вас убийство повесить». Шутил, что ли? Странные шутки у следователей прокуратуры...

Впрочем, ей могло и послышаться.

— Кто-нибудь ещё там был — перед входом?

— Н-нет... не заметил.

— И фамилия Порфириев тебе ничего не говорит?

— Порфириев?

— Порфириев Пётр Сергеевич.

— Следователь, что ли? Так он вроде Порфирий Петрович...

Медвежьи глазки смотрели на меня искренне и преданно.

— Знаешь его? — Я предъявил фотографию Порфириева.

— Н-нет... Точно нет. Уж больно приметный.

— Хорошо. Тогда такой вопрос: почему свернул на Обводный? Почему остановился именно там?

— Н-ну... надо ж было куда-то свернуть! Смотрю: место вроде подходящее, мрачное... Там и тормознул.

— А кто тебе перед этим по мобильнику звонил?

— Не помню.
 — Вспомни.
 — Правда не помню!
 — Ингмар?
 — А это ещё кто такой?

Мурыжил я Феденьку довольно долго, но чернорубашечник-махнoprодавец, кажется, и впрямь мало что знал. Пришлось отпустить с миром.

— Ну? — ворчливо приветствовал меня Михалыч. — Никак с версией пожаловал?

— С версией, товарищ генерал.

По высочайшему соизволению его превосходительства я присел на стул и раскрыл папку.

— Огласи тогда...

Я огласил:

— Официально «Солнечным храмом» Порфириев не занимался, но сам ход событий подсказывает, что компромат он на них копил в течение долгого времени. И не только на них. Два года назад его племянница была вовлечена в подобную секту. До сих пор никто не знает, куда делась. Дальше. В июне сего года при странных обстоятельствах гибнет некий Громыко Станислав Андреевич. На место происшествия выезжает следственно-оперативная группа РОВД и представитель прокуратуры, от которого Порфириеву становится известно о случившемся. Полагаю, Пётр Сергеевич владел определённой информацией о связи погибшего Громыко с «Солнечным храмом». Грубо превышая свои полномочия, он именем прокурора оказывает давление на райотдел милиции и берёт предварительную проверку на себя. Прокурор, однако, утверждает, что ни устной, ни письменной санкции он Порфириеву на вышеупомянутые действия не давал. Несмотря на ряд промахов, Порфириев выясняет главное: имела место инсценировка смерти, а сам Станислав Громыко незаконно лишен свободы и находится в подвале «Солнечного храма».

Михалыч засопел, нетерпеливо шевельнул пальцами. Я отдал ему папку и продолжал:

— Под нажимом похитителей Громыко звонит жене и, запугав её, так сказать, явлением с того света, вынуждает выполнить несколько поручений, в том числе нанять транспорт, на котором затем было совершено похищение певца. Порфириев пытается связаться с майором Солдатенковым, ведущим дело о похищении, но тут исчезает на несколько дней свидетельница Анна Владимировна Чебурахина, жена Громыко.

— Причина? — буркнул Михалыч, шурша бумагами.

— Испуг. Нервный срыв. Пряталась у знакомых. Боялась новых звонков, отключила сотовый телефон. Спустя четыре дня Порфириев, потеряв из виду Чебурахину, по собственной инициативе является в «Солнечный храм» и пытается расколоть Ингмара, главу фирмы, в частной беседе. Тот, видимо, пытается его убрать. Возможен и другой вариант. Положение тел погибших наводит на мысль, что именно в это время Станиславу Громыко удалось освободиться и разоружить охранника. Так или иначе, но в результате возникшей драки была повреждена газовая труба. Затем в загазованном помещении был произведён выстрел, что привело к взрыву. Подробности пока неизвестны. Экспертиза работает...

— По собственной инициативе... — недовольно пожевав губами, повторил Михалыч. — Не многовато ли инициатив?

— От строгача до увольнения, — уточнил я. — Это будь он жив. Но он погиб. Выговор посмертно не навесишь. А вот как именно он погиб — решать нам.

— Ну, не дави, не дави... Эта твоя Чебурахина! Как она оказалась на месте пожара?

— С Чебурахиной, товарищ генерал, определённые сложности. Свидетельница нуждается в психологической реабилитации и далеко не всем её словам можно верить. Не думаю, чтобы она оказалась в здании фирмы добровольно. Скорее всего, контакты Чебурахиной с Порфириевым встревожили Ингмара — и тот решил, что оставлять её на свободе опасно. Слишком много знает.

— Это что ж у тебя выходит? Порфириев является в «Солнечный храм» и одновременно туда привозят Чебурахину?

— Возможно, она понадобилась Ингмару как козырь в разговоре с Порфириевым. Не исключено также, что Порфириев ка-

ким-то образом узнал об предстоящем похищении Чебурахиной и выбрал время визита умышленно. Наконец, это могло быть просто совпадением. Случайностью.

— Которой по счёту? Что-то у тебя случайностей этих... — Михалыч закрыл папку и сердито постучал по ней согнутым пальцем.

— Товарищ генерал, — сказал я, со всей твёрдостью глядя ему в глаза. — Конечно, если допустить, что наша прокуратура сплошь коррумпирована и что следователь Порфириев куплен Ингмаром с потрохами, то случившееся, конечно же, совпадением быть никак не могло.

Михалыч неотрывно смотрел на меня, лицо его тяжелело.

— Но если принять за исходную посылку, что прокуратура действительно борется с преступностью и следователь Порфириев честно пал на этой незримой войне, то иначе как совпадениями, товарищ генерал, случившееся объяснить нельзя.

Ещё секунду Михалыч жёг меня взглядом. Наконец нахмурился и подтолкнул ко мне папку.

— Иди работай...

Что ж, полдела сделано. Рабочая версия одобрена. Учтём замечания начальства и будем латать дыры.

Конечно, весь этот колтун вранья можно распутывать до скончания жизни, но, во-первых, сроки поставлены весьма жёсткие, а во-вторых, меня интересует только один персонаж, чье доброе имя мне доверено спасти.

Своих, знаете ли, вообще положено спасать. Хотя, если размыслить, какой он нам, к чёрту, свой?

Прокуратура...

Сентябрь 2007, Бакалда — Волгоград

Роман Злотников

Не только деньги*

Габриэль обратил внимание на этого типа, потому что тот сражался с луковым супом. Именно так. Сражался. Причем героически. Сыр не только висел на ложке и стекал с краев горшочка, но и тянулся за ножом, которым мужчина пытался себе помочь. Барро самодовольно усмехнулся. Конечно, есть французский луковый суп — та еще задача. Ничуть не легче, чем, скажем, омар. Но если с омаром Барро сошелся накоротке только в последние года три — до того как-то не складывалось, — то уж по французскому луковому супу он был специалистом старым и опытным.

— Бесполезно, мистер, — добродушно заметил он со своего кресла.

— Што, шроштите? — отозвался посетитель, а затем, сделав отчаянное усилие, протолкнул внутрь изрядный кусок расплавленного сыра, который ему наконец удалось откусить, и повторил вопрос: — Что, простите?

— Я говорю, нож вам не поможет. Только ложка и зубы.

— Да? — мужчина озадаченно покосился на горшочек.

— Точно, — авторитетно заявил Барро и привычным жестом пригладил свою все еще роскошную шевелюру. — Тут главное — решительность. Отложите в сторону все побочные предметы, наклонитесь пониже — и вперед. Работать зубами.

* Взаимосвязан с повестью Олега Дивова «Мы работаем за деньги». См. сборник «Убить Чужого».

— Вы думаете? — с сомнением произнес посетитель, заглядывая в горшочек. Барро поощрительно улыбнулся. Все, что требовалось, он уже сказал. Теперь все зависело от самого едока.

«Ле Гран Кафе» больше славилось рыбными блюдами. Но и луковый суп тут готовили вполне себе ничего. Не хуже, чем в «Максиме». Но идти в «Максим» днем... ну он же не этот чертов американский турист. Кхм, то есть... с формальной точки зрения как раз да — и турист, и американский. Но это ведь только с формальной. А на самом деле все обстоит с точностью до наоборот. Он никогда в жизни не был туристом, и не собирался им становиться даже сейчас, на старости лет. Чего бы там кому бы там ни казалось. Так что днем он с удовольствием заходил в эти милые кафе на парижских бульварах, которых, к сожалению, осталось не слишком много. Все занял этот чертов фастфуд. Всякий — китайский, японский, мексиканский, американский... Но здесь, в окрестностях Опера-Гарнье, которую в Штатах совершенно непонятно почему называли Гранд-опера, они еще встречались. «Ле Гран Кафе», «Ле Кардиналь»...

— Уф, — сытно выдохнул мужчина, отодвигая от себя горшочек. — Знаете, всегда мечтал поесть лукового супа в небольшом кафе на бульваре Капуци... Капуцинок, конечно. Знаете, у нас почему-то все уверены, что этот бульвар называется бульваром Капуцинов. И только приехав сюда, я узнал, что это ошибка.

— У вас?

— Ну да, у нас, в России.

— Вот как? — удивился Барро. — А я, честно говоря, по вашему акценту отчего-то посчитал вас австралийцем.

— Забавно. Австралийцы были уверены, что я — американец.

— Вы были в Австралии?

— Ну, где я только не был... теперь вот и во Франции тоже побывал.

— Туристом?

— Да нет, по работе. А вы?

— Слава богу, теперь нет, — улыбнулся Барро и, свернув газету, поднялся из-за стола. — Ну, благодарю за компанию.

— Взаимно, — улыбнулся в ответ посетитель.

И Барро понравилась его улыбка. Она ничем не напоминала те, которыми люди привыкли обмениваться в этом мире. Улыбки-витрины, улыбки-штампы, улыбки-привычки. Эта же была... добродушной. Такой, какую Барро уже и забыл когда встречал.

Барро прожил довольно интересную жизнь, но обратной стороной этой интересности было то, что вокруг него постоянно крутились люди, которые пытались его убить. Поэтому он приобрел привычку, ставшую уже почти рефлексом, всегда проверять людей, в силу каких бы то ни было причин оказавшихся слишком уж близко от него. И потому, уже выходя через стеклянные двери, он послал легкий ментальный импульс в сторону неожиданного соседа по кафе. Он сделал шаг, другой, третий, а затем, когда зеркальная витрина кафе закончилась, остановился и вытер внезапно выступивший пот. Все это время он мило общался с уродом...

— Мистер! Какая неожиданная встреча! — Барро подошел к столику, за которым расположился его давешний сосед по «Ле Гран Кафе». Встреча на первый взгляд действительно выглядела неожиданно. Ибо на этот раз она произошла не в кафе на Больших бульварах, а в небольшом уютном ресторанчике, расположенном прямо на Эйфелевой башне. Ну скажите на милость, как могут два человека, случайно пересеквшись в одном конце Парижа и даже не познакомившись толком, на следующий день оказаться в одно и то же время в одном и том же месте? Только случайно!

— Да, вы правы, — произнес русский, поднимаясь из-за столика и делая шаг навстречу. — Неожиданная, но для меня очень приятная.

— Ну, если так, давайте уж познакомимся. Габриэль Барро. Свободный художник.

Русский представился. Барро вслушался в звуки незнакомого имени. Западная часть Европы была в зоне ответственности Второй международной миротворческой бригады. И вчера он со своего компа проник в ее базу данных. Такого имени в списках не было. Значит, этот урод либо сделал себе новые документы, либо неучтенный. И в том и в другом случае это было хорошо. Потому что и за выявление неучтенных, и за поимку скрывающихся пла-

тили больше. Барро уже несколько лет назад, как только родилась внучка, отошел от дел. Однако если судьба подбрасывает шанс немного подзаработать, Габриэль никогда не отказывается от того, чтобы пополнить свой счет. Это было непреложным правилом.

— Работа уже закончилась?

— Да, сегодня на конференции свободный день. И я с утра сходил в Лувр, а пообедать решил у старика Мопассана.

— Мопассана?

— Вы не знаете? — улыбнулся русский и, вот дьябло, опять очень мило и добро. — Это же очень известная байка. Когда Эйфель возводил эту башню, против нее восстало буквально вся парижская интеллигенция. И Ги де Мопассан был одним из самых яростных ее противников. А затем, по окончании строительства, он стал завсегдатаем этого ресторана. И когда репортеры спросили его, почему он, столь яростный противник башни, каждый день обедает в ее ресторане, Мопассан ответил, что ненавидит панораму Парижа, над которым возвышается эта уродливая конструкция. А здешний ресторан — единственное место, откуда она не видна.

Барро запрокинул голову и рассмеялся. Байка действительно была славная. Ее стоило добавить в свое собрание. Но этот жест был призван еще и замаскировать его отношение к тому, что в ресторане немного сгустился воздух и стало несколько темнее. Он не собирался рисковать и для начала решил прощупать окрестности. Мутанты обычно не склонны искать общества друг друга, ну если, конечно, их ничто не держит рядом (например, служба в какой-нибудь международной миротворческой бригаде), однако кто его знает, какие порядки у них в России. Говорят, они все там поголовно приверженцы колLECTИВИЗМА. Отрыжка коммунистического прошлого, так сказать...

— Присаживайтесь, — предложил русский. Похоже, он ничего не заметил.

— С удовольствием. — Барро опустился на стул напротив. — Что вы заказали?

— О, я не оригинален. И в любой стране стараюсь пробовать те блюда, которые считаются гордостью национальной кухни. Этого правила мне не удалось придерживаться только в Лондоне. Признаюсь честно, там я однажды даже обедал в «Макдональдсе».

— Да вы что! — изумился Барро. — Соболезную. Впрочем, говорят, что такого понятия, как британская кухня, просто не существует. Ну а что вы заказали сейчас?

— Прошу прощения, — смущенно развел руками русский, — устрицы.

— За что же прощения?

— Ну... я слышал, что по правилам их следует есть в те месяцы, в названии которых есть буква «р». Май, увы, к ним не относится.

Барро покровительственно кивнул.

— Ничего, дерзайте. Такое правило действительно есть, но проистекает из тех времен, когда всех моллюсков собирали на отмелях, и ни о каких устричных фермах никто и слыхом не слыхивал. Соответственно, их очень быстро подчистую съедали. Поэтому и придумали это правило. Чтобы дать устрицам в летние, наиболее, так сказать, благоприятные месяцы хоть немного подрасти. А сегодня можно этим пренебречь. Тем более, если вы не собираетесь вернуться в Париж в этом сентябре.

— Да нет, вряд ли. То есть я бы, наверное, был очень не против, но дела, знаете ли...

— А чем вы занимаетесь, если не секрет?

— Да нет, не секрет. Я учитель.

— Учитель?

— Да, школьный учитель.

— В обычной школе?

— Ну... не совсем. В валаамской.

— Простите?

— У нас на севере есть такое озеро. На нем еще стоит знаменитый православный монастырь. И при нем школа. Для особо одаренных детей. То есть сейчас уже такие школы есть не только на Валааме. Сейчас у нас целая сеть — больше сорока школ. Они все так и называются — валаамские школы. Но я работаю в той, с которой эта сеть начиналась.

— Для особо одаренных, говорите, — задумчиво повторил Барро. Пожалуй, с этим неучтенным не стоило торопиться. Похоже, все гораздо интереснее, чем он предполагал. Школа для особо одаренных... Лучшего прикрытия для целой организации нелегальных му-

тантов не придумаешь. Причем отбирать их можно уже с детского возраста. И формировать так, как тебе нужно. Да-а-а... этим жадным дядям из ООН и Комитета по контролю придется изрядно раскошелиться. Барро довольно улыбнулся и повернулся к своему собеседнику. — Как интересно! Расскажите мне о вашей школе...

— Давно ждете? — поинтересовался Барро, присаживаясь за столик. Несмотря на обеденный час, в этом кафе было малолюдно.

— Да нет. — Русский уже сворачивал газету. — Минут пять, не более. А кафе действительно уютное. Спасибо.

— Ну а после того, как вы попробуете здешние виноградные улитки, вы будете благодарны мне до конца своих дней, — пообещал Барро.

— Ни минуты не сомневаюсь, — с самым серьезным видом произнес русский. После чего они оба рассмеялись.

Затем Барро полез в карман и достал небольшой голоснимок.

— Вот, как и обещал. Моя внучка — Роза-Эмилия де Леон Барро.

Русский взял фотографию, скачанную вчера Барро из Интернета, с которой глядела симпатичная девочка лет четырех с небольшим («Буду я еще уроду показывать свою настоящую внучку»), и принял ее рассматривать.

— Славная девчушка. Мы начинаем работать с детьми как раз именно с такого возраста. — Русский снова взгляделся в фото и задумчиво произнес: — Странно, она очень мало на вас похожа.

— Да, вся в невестку, — вздохнул Барро. — Ну ничего, надеюсь, внук за меня отомстит. А, вот и улитки...

Когда официант расставил на столике вазочку с маслом, маленькие булочки, два бокала вина и две сковородки, в маленьких выемках которых доходили до кондиции виноградные улитки, Барро наклонился, втянул носом воздух и блаженно улыбнулся.

— А знаете, — заявил он, вооружаясь щипчиками и маленькой двузубой вилочкой, — у меня есть одна гастрономическая теория.

— Гастрономическая теория? Интересно.

— Я считаю, что все самые знаменитые блюда национальных кухонь были созданы... от безысходности. Возьмем, например,

пиццу. В семье некоего неаполитанского рыбака в один прекрасный день кончились продукты. Ну практически. То есть из того, что у него в доме осталось, ничего привычного приготовить было уже нельзя. Ну что можно сделать из горсти муки, давленого помидора, крошечного кусочка сыра и ломтика ветчины? Но его жена творчески подошла к задаче накормить мужа. И вот теперь мы имеем возможность наслаждаться пиццей. — Барро захватил раковину щипчиками и, зацепив вилочкой тело улитки, ловко извлек ее наружу и отправил в рот, а затем продолжил: — Или, скажем, фондю. Несколько швейцарских пастухов, пасших свои стада на альпийских лугах, так же остались с бутылкой вина, засохшим сыром и зачерствевшим до каменного состояния куском хлеба. Ну кому могут понравиться такие продукты? Но пастухи нагрели вино, растопили в нем сыр и, наколов кусочки старого хлеба на веточки, принялись макать их в получившуюся смесь. — Барро проглотил следующую улитку. И окинул взглядом небольшой зальчик. Пожалуй, уже можно...

Он выбрал это кафе, затерявшееся в улочках Монмартра как раз потому, что в обеденное время здесь отчего-то было не слишком людно. Впрочем, нынешний Монмартр — это некоторым образом гетто, в котором проживают всякие арабы, эстонцы, марокканцы и таджики. А им во французском кафе делать нечего. Ну а базилика Санкре-Кёр, вокруг которой обычно и нарезают круги многочисленные туристы, была расположена в четырех кварталах отсюда. Так что и любопытные сюда не добирались. Ну почти. Поэтому спланированная операция должна была пройти без лишних глаз. Но сначала надо было закончить с деликатесами.

— Так и виноградные улитки, — произнес Барро, расправясь со следующей, — скорее всего результат того, что семья какого-то бедного виноградаря дошла до ручки. И у него в доме осталась всего лишь пара ложек масла. Так что пришлось срочно искать что-нибудь, чем можно было набить желудок. И вот извольте — у нас на столе знаменитое блюдо национальной кухни. — Он доел последнюю улитку. На сковородке у русского оставалось еще три.

— Действительно интересная теория, — отозвался тот, — и вполне имеющая право на существование. Хотя и не всеобъемлю-

шая. Как, например, быть с чешским блюдом «печеное вепрево колено» или тем же французским фуа-гра?

— Ну я же и не претендовал на всеобъемлющее объяснение. — Барро, взяв салфетку, прижал ее к губам.

В кафе тут же потемнело, воздух сгустился и потяжелел. Для того, что он собирался предпринять, не нужны были свидетели, поэтому шестеро посетителей за соседними столиками, двое скучающих официантов и одна официантка, а также бармен впали в легкий транс, не мешающий им заниматься своими делами, но полностью выключающий их из происходящего. Так, бармен с окаменевшим лицом продолжал протирать пивной стакан, который он взял в руки за мгновение до этого. Да, Габриэль Барро мог собой гордиться. В его возрасте большинство уже были ни на что не годны, а он сумел взять под контроль десять человек. Причем нешибко-то и запыхался. Барро с самодовольной улыбкой пристал с кресла, а затем... ему засветили в лоб с такой силой, что он мгновенно опрокинулся на спину...

Очнулся Барро от того, что кто-то настойчиво стучался ему в барабанную перепонку. Некоторое время он лежал неподвижно, только морщась, а затем открыл глаза. Перед его взором был потолок. Белый. Подвесной. В клеточку. С матовыми прямоугольниками ламп дневного света. Они не горели, а в том месте, где Барро лежал, было светло. Даже слишком светло для того, чтобы оставалась призрачная надежда на то, что он все еще находится в кафе. Значит, это либо тюрьма, либо больница.

— Добрый день, Габриэль.

Значит, тюрьма. Барро медленно повернул голову. Рядом с его постелью сидел русский в накинутом на плечи белом халате. Хм... Барро скосил глаза. На груди были закреплены несколько датчиков, в носу торчали две трубки, а на левую руку надета манжета, от которой отходило два толстых провода. Один синий, а другой красный. Как в мише. Ну а тот звук, что так напрягал его барабанную перепонку, издавала капельница, висевшая на стойке с левой стороны. Больница?

— Я пришел попросить у вас прощения. — В голосе русского слышалось искреннее раскаяние.

— За что?

— Дело в том, что это я вас... — вздохнул русский.

— А что со мной?

— Инфаркт. Обширный. То есть в наше время все это лечится, но...

— Понятно. — Барро замолчал, размышляя над услышанным. Что-то не вязалось. Если он в больнице, то почему этот урод не улепетывает так, что пятки сверкают, а если в некой специальной больнице-тюрьме подпольной организации мутантов, какого дьявола вообще с ним разговаривают? Хотят перевербовать? Смешно. Откуда и куда? Из одиночного отставного охотника за головами в...

— Как вы себя чувствуете?

Барро прислушался к себе.

— Да вроде и ничего.

— Ну слава богу!

— Что?

— Извините, традиционное русское присловье.

— А... как это вы меня?

На лице русского вновь нарисовалось виноватое выражение.

— Чисто рефлекторно. Извините. Вы попытались ударить в тот момент, когда я был к этому совершенно не готов. Вот и сработал на автомате. На ментальном уровне все происходит намного быстрее, чем при физическом контакте.

Барро грустно усмехнулся. Ну да, все верно. Именно в тот момент, когда он был не готов. Все по плану. Он покосился на русского, смотрящего на него глазами побитой собаки. Надо же, виноватым себя чувствует! Да что такое творится-то?

— То есть вы ударили меня ментально? Мне показалось, что кулаком. В лоб.

— Да нет, ну что вы. Если бы так, я бы успел притормозить.

Барро мгновение раздумывал, но затем решительно упер в русского обвиняющий взгляд и медленно, с расстановкой произнес:

— То есть вы признаете, что вы мутант?

— Мутант? — С лица русского ушло виноватое выражение, и он посмотрел на Барро уже с интересом. — Так вот оно что?..

Барро молча смотрел на него, всем своим видом демонстрируя ожидание ответа.

Русский улыбнулся.

— Что вы знаете о мутантах, Габриэль?

— Да уж не меньше вашего, — огрызнулся Барро. — Сам такой. Шестая международная миротворческая бригада. Слышали?

— Да. По России работала Третья. У некоторых моих учеников там служили родители. Примерно у трети. Остальных мы отбрали среди обычных детей.

Барро усмехнулся. Он оказался прав. Все точно. Организа... и тут до него дошла вторая половина фразы. Барро вытаращил глаза.

— Обычных? То есть вы имеете в виду...

— Да, в обычных семьях, — утвердительно кивнул русский.

Барро скривил губы в презрительной усмешке.

— Бросьте. Меня этими сказочками о том, что мутанты появились сами по себе, не обманешь. Я ЗНАЮ, как возникли мутанты.

Русский покачал головой.

— Да-а... надо же... Габриэль, вам знакомо понятие «рекомбинация генов»?

— А это здесь причем?

— В человеческом геноме около ста сорока тысяч генов. Представьте, сколько комбинаций можно составить из такого количества операционных единиц. Конечно, существуют ограничения, снижающие число вариантов на пару-тройку порядков, но все равно их чертова туча. Мы знаем, за что отвечают около тридцати процентов из них. Но этого недостаточно. Потому что часто на какую-нибудь функцию влияют сразу две или три группы генов, каждая из которых воздействует на свой собственный орган или группу органов. И если мы тщательно не отследим их все, то будет как с тем страдающим склерозом джентльменом, который очень удачно и свет в туалете включил, и погасил, и бумагой воспользовался, и руки вымыл со всем тщанием, а вот штаны снять позабыл.

— Ну и к чему вы рассказали мне это?

— А к тому, что единственное, чем генетики занимались и занимаются до сих пор, это... отслеживание, чтение, изучение того, что уже создано природой и Творцом. Понимаете? И, как максимум, робкие попытки это повторить. Иногда на совершенно другом геноме, но всего лишь повторить. Да, на публике это выглядит чрезвычайно эффектно: дельфины с жабрами вместо легких, зубры

с коровьим выменем, кошки, светящиеся в темноте. Но все это всего лишь зубрежка, повтор, взять нечто уже существующее в одном месте и старательно скопировать в другое. Понимаете?

Барро закрыл глаза и некоторое время лежал неподвижно. А затем открыл их, облизал губы и хрипло спросил:

— То есть вы хотите сказать: то, что нам в Шестой международной миротворческой бригаде преподносили как байки для прстаков, и есть правда?

Русский согласно наклонил голову.

— Да, Габриэль. Мутанты — не модифицированные учеными простые люди... То есть в вашем конкретном случае это, конечно, так. Но все модификации, которые были внесены в ваши гены, скопированы с уже существующих генов других людей. Причем только та их часть, по поводу которой ученые уже были уверены, что точно «сняли все штаны». — Он сделал паузу, а затем продолжил: — И на самом деле нельзя сказать, что мутанты — модифицированные обычные люди, это обычные люди — недоразвившиеся мутанты. Хотя какое «мутанты»... просто следующее поколение людей.

Барро хмыкнул и поскреб щеку.

— То есть ваша школа...

— Предназначена для того, чтобы следующее поколение людей полностью развило заложенные в них способности. Вы знаете, в средние века и во времена раннего возрождения таблица умножения была составной частью выпускного экзамена за университетский курс, а сейчас она часть школьной программы, пред назначенной для усвоения детьми в возрасте до семи лет. И это никого не удивляет. Так что мы просто помогаем детям осваивать вполне доступную им таблицу умножения.

— А как же способности ко внушению?

— Новая форма коммуникации. Когда-то человек уже создал и развил вторую сигнальную систему — речь. Значит, теперь пришло время третьей. Причем, заметьте, *принципиально* для человечества ничего особенно не изменилось. И раньше, пользуясь обычной речью, вроде как совершенно обычные люди были способны повелевать не только отдельными индивидуумами, но и целями народами. История XX века изобилует такими примерами, да и в наше время их так же можно отыскать немало.

На некоторое время в палате повисла тяжелая тишина, а затем Барро досадливо поморщился и спросил:

— Значит, вы работаете под эгидой ООН?

— Ну... — Русский уклончиво повел плечами. — ООН, конечно, в курсе. Но это скорее национальный проект.

И Барро внезапно вспомнил старый разговор с ныне покойным Кнххтом: «А что у них, в Москве, так фонило?» — «Русские...»

В палату заглянула медсестра.

— Мсье Дивов, доктор велел передать, что достаточно.

— Да-да, уже иду. — Русский поднялся на ноги и поправил халат.

— Ну ладно, выздоравливайте. Не поминайте лихом, — и, улыбнувшись своей обычной очень доброй улыбкой, добавил: — Еще одно традиционное русское присловье.

Барро молча смотрел на него, пытаясь выудить из глубины сознания какую-то мысль. Она была важной, очень важной, но никак не давалась. Занятый этим он проводил русского равнодушным взглядом. И таким же встретил зашедшую в палату медсестру.

— Ну как наши дела, мсье? — с дежурной улыбкой, так контрастировавшей с той, которой попрощался русский, поинтересовалась она. А в следующее мгновение испуганно ойкнула. Потому что Барро резко сел на кровати. Он поймал-таки эту негодницу и вытащил ее на свет божий. И испугался.

— Мсье! — испуганно вскрикнула сестра. Но Барро ее не слушал. Он железной рукой сорвал с себя все эти трубочки, датчики и манжеты и свесил ноги с кровати. Похоже, тапки были с другой стороны. Но вряд ли такая мелочь могла остановить Габриэля Барро, свободного художника. Он вскочил на ноги и помчался к двери. Этот русский, как его там, ах да, мистер Олег Дивов говорил, что они набирают в школу детей в возрасте его внучки. И надо было немедленно уточнить, где и когда будет работать ближайшая приемная комиссия...

Алексей Пехов

Наранья*

Посыльный оказался в городке в полдень, когда началось са-
мое пекло и даже тень под абрикосовыми деревьями перестала
дарить прохладу. Люди, стараясь уберечь дома от духоты, плотно
закрывали ставни и двери и прятались от палящего солнца в по-
лутемных помещениях. Кошки, страдающие от жары не меньше
людей, забрались в самые глухие дыры, моля Спасителя о дожде
точно так же, как и их хозяева.

Рауль издали заметил всадника на уставшей лошади и, на-
хлобучив на влажный платок, обернутый вокруг головы, шляпу,
вышел на солнцепек. Ему казалось, что под безжалостными лу-
чами он расплывится точно свеча.

Жара утомляла и медленно убивала. В ней не было ничего при-
ятного. Она доставляла одни лишь неудобства, и радоваться такой
погоде могли только мятежники. Потому что никто не спешил об-
шаривать холмы, лазать по зарослям дикой акации и искать прокля-
тых *amotinados*, страдающих от зноя не меньше королевских солдат.

Курьер оказался совсем еще мальчишкой, но на его запылен-
ном мундире висели новенькие «кисточки» унтер-офицера Рье-
ского драгунского полка.

— Не меня ищете, сеньор? — поинтересовался Рауль, при-
ветствуя всадника.

* Взаимосвязан с повестью Владимира Михайлова «Трудно одержать поражение». См. сборник «Убить Чужого».

От *naranja* — апельсин (исп.).

— Капитан Рауль Карлос де Альтамирано?

— Он самый.

— Вам пакет. — Молодой человек расстегнул воловью сумку и вытащил желтый конверт, запечатанный четырьмя красными сургучными печатями.

— Благодарю. Ответ требуется?

— Нет.

— Останьтесь, — сказал Рауль, видя, что унтер-офицер собирается отправиться в обратный путь. — Если не жалеете себя, то пожалейте хотя бы лошадь. Поедете через несколько часов, когда солнце перестанет так палить.

Он дождался утвердительного кивка и крикнул:

— Хосе! Позаборься о сеньоре!

На ходу вскрыв пакет, Рауль прочитал короткое письмо и, хмурясь, вошел во двор. Двое его капралов, Мигель и Фернандо, сидели рядом с фонтаном, опустошая бутылку мадеры. Сержант рейтаров Игнасио вяло размахивал шпагой тут же. В левой руке он держал пустой стакан и без всякой надежды пытался прикончить собственную едва видимую тень.

— Новости хорошие, сеньор? — спросил сержант, остановив «неравный бой». Он заметил вскрытый пакет и красные печати.

— Отчасти. Завтра утром мы покидаем провинцию.

— Давно пора! — обрадовался Мигель. Его товарищ кивнул и опустил голову в фонтан. Отфыркиваясь, вытер рукавом ру-
башки лицо. — В столицу?

— Вначале в Истремару. Потом — в столицу. Пройдитесь по отряду. Предупредите всех, чтобы были готовы.

Он вошел в дом и, ориентируясь на звуки гитары, стал подниматься по деревянной, пахнущей сосновой лестнице. Александро — командир подразделения рейтаров, входящих в сводный отряд Рауля, — высокий, скелетный и черноглазый, сидел, закинув ноги на стол, и грубыми пальцами перебирал струны. Заметив друга, он сверкнул улыбкой.

— Кажется, только тебя жара не трогает. — Рауль бросил на стол широкополую шляпу и снял с головы высохший платок. — Вот. Полюбуйся.

Он протянул депешу.

— Ой, ла-ла, мой друг! Кажется, мы покидаем это проклятое Спасителем место! Рота будет довольна.

— От роты осталось тридцать восемь человек. И это с десятком твоих удальцов.

— Все как всегда. Счастливчики выжили. Остальные отправились пировать в рай. А мы с тобой все еще жаримся здесь, словно в аду.

— Это и есть ад. Несмотря на тишину, мятеж далеко не подавлен.

— Поверь, мой друг. Всем прекрасно это известно. Но мы слишком вымотаны боями. Нас крепко поseklo картечью под Корверой. Да и в холмах мы держались молодцами. Заслужили отдых. На наше место придут другие. Теперь их очередь умирать. Но ты что-то слишком хмур. — Александро отложил гитару и взял сумку с тремя тяжелыми пистолетами. Один за одним выложил их на стол. Достал шомпол, пули, пороховницу, ключ от колесцевых замков и тонкий стилет с мерной шкалой на лезвии. — Беспокоят святоши?

— Нет.

— Беспокоят. Я же вижу. — Он улыбнулся в усы. — Вот что я тебе скажу. Мне тоже не по нраву, что они будут с нами. Это лишняя ответственность на наши задницы.

— Не в этом дело. Мы в состоянии сделать все возможное для их безопасности. Но я не люблю инквизицию.

— Ха! Найди мне того, кто ее любит, мой друг. Вся эта магия. — Он презрительно взмахнул пистолетом. — Пф-ф-ф! Куда уж лучше добрая сталь и граненая пуля. Даже церковники это понимают, раз желают путешествовать с вооруженными людьми, а не в одиночку. Видишь ли, в чем дело — мятежники могут вздернуть их точно так же, как мы это проделываем с восставшими крестьянами. И никакие рясы, даже алые, не спасут слуг господних от пляски на веревке.

— Прикусил бы ты язык.

— Ты прав, — тут же согласился командир рейтаров. — Безде есть уши, а костер будет покрепче, чем эта жара.

— Я говорю о том, что мы становимся не охраной, а тюремщиками.

— Ты о ведьме?

— В письме не сказано, что женщина ведьма.

— Раз есть инквизиция, значит, преступница — ведьма. Наверное, соблазнила какого-нибудь идиота или косо поглядела на соседку, вот и загремит теперь на костер. А может, ляпнула что-нибудь, не подумав. Итог один — ей будет очень и очень горячо.

— Люди не должны умирать за свои убеждения.

— Какое заблуждение, мой друг! — Александр вытащил из-за голенища сапога четвертый, самый маленький, пистолет и присовокупил его к трем другим. — Люди только и делают, что дохнут за убеждения. Это продолжается с начала времен и закончится лишь в Судный день. По-твоему, чем мы здесь занимаемся?

Рауль отстегнул перевязь, швырнул шпагу и дагу на кровать. В латунном умывальнике еще была вода, и он с наслаждением умылся, смывая с лица едкий пот.

— Ты слишком много думаешь. Я так тебе скажу: это не наше дело. Если церковникам надо помочь в богоугодном деле — мы поможем. Ссориться с инквизицией вредно не только для карьеры, но и для жизни.

— Ты говоришь банальные истины, — отмахнулся Рауль. — Еще скажи, что у нас нет выбора.

Он плеснул себе вина, но то оказалось слишком теплым, и капитан, скривившись от омерзения, поставил стакан на подоконник.

— А он у нас есть? — Рейтар удивленно поднял брови, посмотрев на товарища.

— Нет, — последовал ответ. — Нет, забери меня тьма! Это то меня и бесит. У нас будет достаточно проблем и без них.

— О да. Мой разъезд видел подозрительных людей. За мельницей.

— Давно?

— С час назад. — Александр взялся за пороховницу. — Какие-то крестьяне.

— У любого крестьянина может быть припрятана старая аркебуза.

— Так и оказалось. Эти голодранцы даже пальнули, но, по счастью, промахнулись. Я повесил их сузиться на солнышке. Правда, Игнасио, перекидывая веревку через сук, ворчал, что мы настраиваем против себя местных, однако, по мне, они и так не за нас. В последнюю неделю отряд потерял восемнадцать человек. И чаще всего выстрелы были из-за угла. Или наваха в живот темной ночью.

— Мятеж подавлен. Но несогласных больше, чем крыс на корабле. Я рад, что, несмотря ни на что, через несколько дней нас здесь не будет.

Александро закончил заряжать пистолет, отложил в сторону и налил себе вина. Выпил залпом.

— Я тоже, мой друг. Я тоже.

Трое священников прибыли под вечер. Их сопровождала четверка хмурых конных гренадеров, мрачно поглядывающих по сторонам и не убирающих рук с пистолетов. Как оказалось, отряд обстреляли в четверти лиги от города, на повороте, но сумерки сыграли против мятежников, и пули не попали в цель.

Сержант гренадеров безостановочно ругался, впрочем разумно удерживаясь от богохульств. По его словам, пуля прошла рядом с его головой и, будь он чуть менее удачлив, лежать бы ему в придорожной канаве с дырой в черепе.

— А все из-за ведьмы, сеньоры, гори она вечно! — бормотал он, усаживаясь за офицерский стол, богатый вином, сырами и мясом.

Отцы-дознаватели Августо, Рохос и Даниэль вовсе не выглядели так, как этого ждут от грозной инквизиции. Уставшие от путешествия, покрытые белой дорожной пылью, облеченные в скромные серые рясы, они говорили тихо и с подобающим уважением к дворянину.

Рауль тоже держался подчеркнуто вежливо. Похоже, им не собирались командовать, и это полностью устраивало. Отец Августо, самый старший из троицы, единственный обладал магией. Этот невысокий человечек с печальным лицом и большими умными глазами не казался черствым сухарем и тем более

фанатиком. Он был учтив, даже смиренен и просил для себя и своих братьев лишь воды да места, где можно прочитать молитву.

Капрал Мигель, человек набожный и богобоязненный, спросил, могут ли солдаты молиться вместе со святыми отцами, и получил в ответ благосклонную улыбку. Возле часовни, располагающейся недалеко от дома, стал собираться народ, несмотря на наступление ночи.

Молитва прошла быстро, читал ее отец Даниэль, и его высокий, необычайно чистый голос разносился над притихшими людьми, заглушая стрекот неугомонных цикад. Рауль слышал слова даже с другой стороны улицы. Священник просил Спасителя дать им всем сил, веры и смирения и защитить от искушений, тьмы и врагов королевства.

Произнеся «амен», он осенил всех присутствующих святым знаком и вместе с клириками направился к дому. Рауль нагнал их у дверей.

— Святые отцы, нужно ли вам что-нибудь еще?

— Грешница, сын мой. — Четки, словно вода, текли между пальцев отца Августо. — Она не должна сбежать.

— Я приставлю к ней двух солдат.

— Пусть не пытаются разговаривать с ней. Ее речи темны.

— Я прикажу.

— Благодарю вас.

Клирики ушли, а Рауль, отдав последние распоряжения, присоединился к своим. Его второй капрал, Фернандо, был мертвеецкий пьян. Игнасио тоже едва стоял на ногах. Александро задумчиво волновал гитарные струны и, в отличие от более молодых воинов, не собирался падать под стол в ближайшие часы. Выпивши помохников спать, они поговорили о завтрашнем дне и наметили будущий путь.

По всему выходило, что безопаснее всего ехать к Сиерво, избегая леса, вдоль которого проходил короткий тракт. Никто из них не желал превращать своих людей в фазанов на охоте. Друзья завершили разговор, когда растущая луна поднялась над городом и затмила тусклые звезды.

* * *

Проснувшись, Рауль нашарил в темноте кувшин и, жадно приникнув к нему, напился. Вода стекала по подбородку и лилась на грудь.

Ночь не принесла так ожидаемой прохлады. Воздух казался застоявшимся и раскаленным до духоты. Голова была тяжелой, а мысли вялыми. Капитан взмок от пота, и рубашка со штанами неприятно липла к телу.

Добравшись до распахнутого окна, Рауль сел на подоконник, надеясь почувствовать хотя бы легкое дуновение ветерка. Бесполезно. Лишь сверчки и цикады пытались перекричать друг друга, и тягостная ночь неприятно звенела в ушах.

Находиться в помещении больше не было сил, и капитан, прихватив пистолет и шпагу, выбрался на улицу, поближе к фонтану.

Возле него, расстелив походное одеяло, хранил Игнасио. Хитрец-бретер, как всегда, нашел самое удобное местечко. Рауль решил обойти посты и направился по пустой улице. Его почти тут же окликнул часовой. Офицер назвался, а затем проверил каждую из шести точек, где стояли его солдаты. Им оставалось продержаться еще час, затем придет смена.

— Да как тут спать, сеньор капитан?! — сплюнул тягучей слюной рыжеватый стрелок. — Того и гляди сдохнешь. Пáрит, как перед грозой.

— Грозы можно не ждать, а вот дождичек был бы в самый раз, — мечтательно произнес его напарник, сидевший чуть дальше, возле воткнутой в землю форкины¹. Тяжелый мушкет лежал у него на коленях.

Поговорив с ними, Рауль вернулся назад. В дальнем углу двора, рядом с абрикосовыми деревьями, чьи ветви давали густую тень и надежно защищали от лунного света, на распряженной повозке, стояла большая деревянная клетка.

Капитан так и не удосужился посмотреть на ведьму, когда ее привезли. Он не слишком любил уподобляться идиотам, соби-

¹ Форкина — подпорка для мушкета во время стрельбы.

рающимся толпой, чтобы таращиться на обычных людей так, словно у тех выросла дополнительная пара рук и рога в придачу.

Рауль услышал, как тихо звякнула цепь. Он остановился, нахмурился и тихо позвал:

— Лопес.

Спустя несколько секунд из полумрака вышел солдат.

— Да, сеньор?

— Она что, еще в клетке?!

— Верно, сеньор. Святые отцы запретили нам ее выпускать.

Сказали, что негоже вводить тьму в дома. Мигель приказал...

Капитан выругался сквозь зубы. Мигель, когда дело казалось веры, терял голову и превращался в бафана. Если отец Августо скажет прыгать, капрал долетит до луны.

— Хорошо. Отправляйся на пост. Кто еще с тобой?

— Пабло Крышник. Рейтар.

— Ступай. Я приду через несколько минут.

— Да, сеньор.

Рауль сходил за фонарем, подошел к клетке. Возле нее неприятно пахло, но, стараясь не обращать на это внимания, капитан удлинил фитиль, добавляя огня. Женщина не спала. От яркого света ей пришлось прикрыть глаза рукой.

— Кто вы? Что вам нужно? — Голос у нее был хриплым и уставшим.

Он не ответил, продолжая пристально изучать ее. На вид узнице было далеко за тридцать. Худая, со слишком высокими выступающими скулами, прямым чуть длинноватым носом и удивительными светло-русыми волосами, в этой части страны встречающимися достаточно редко.

На тонких обнаженных руках он заметил старые кровоподтеки, а на лбу глубокую, плохо заживающую царапину. Левая лодыжка заключенной была скована тонкой, но прочной цепью. На охватывающем шею странном ребристом ошейнике выдавлен знак Спасителя.

Клирики обрядили женщину в белый балахон приговоренной к сожжению.

«Значит, суд уже был, — подумал Рауль, впрочем не чувствуя никакой жалости. — Нам досталась опасная преступница,

раз ее везут из этой дыры и хотят сжечь на площади Святого Варнабы».

— Кто вы? — повторила она.

— Я не собираюсь причинять тебе вред, — сказал капитан.

— Вы дворянин?

Он не стал спрашивать, какое значение это имеет, и ответил утвердительным кивком.

— Зачем вы здесь?

— Пабло!

Высоченный рейтар, даже сейчас не расстающийся с перевязью пистолетов, подошел к командиру, мельком глянув на ведьму. Вместе с ним притащился и Лопес.

— Ее кто-нибудь кормил?

— Нам запретили, сеньор. Я пытался дать ей воды, но отец Рохос...

— Ее что, даже не напоили?! — Теперь голос Рауля звенел от ярости.

По такой духоте без глотка воды — когда не далее чем в десяти ярдах от тебя журчит фонтан! Он даже думать не хотел, каких сил ей стоило это переносить.

— Пабло, будь добр, принеси воды.

— Уже иду, сеньор. — Рейтар, в отличие от несколько смущенного Лопеса, был более отчаян и не боялся святых отцов. Особенно когда те спали и знать не знали, что здесь происходит.

Он вернулся от фонтана довольно скоро, держа в руках полную кружку.

— Она не пролезет сквозь прутья. Надо открывать дверь. — Лопес с опаской покосился на молчалившую женщину.

— Так отворяй. Чего ты ждешь?

Не скрывая недовольства, солдат снял защелки и распахнул дверцу. Пабло, готовый стрелять, если заметит опасность, встал чуть с боку, прикрывая капитана, но тот сомневался, что существует хоть какая-то угроза. Он протянул кружку:

— Пей.

Узница дрожащими руками взяла ее и, даже не поблагодарив начала жадно глотать воду. Лопес поспешно закрыл клеть, не пе-

реставая шептать охранные молитвы. Ухмыляющийся рейтар убрал пистолеты и, вытащив из сумки с пулями апельсин, подбросил его вверх. Поймал другой рукой.

— Что вы делаете, сеньор де Альтамирано? — Отец Рохос подошел неслышно. Его лицо было сурово. — Я просил охранять колдунию, а не насыщать ее.

Лопес струхнул и сделал шаг назад. Пабло на миг перестал подбрасывать апельсин. Рауль вежливо кивнул:

— Доброй ночи, святой отец. Я счел нужным дать женщине воды.

— Я не вижу здесь женщины, — на клетку инквизитор даже не смотрел. — Здесь лишь грех в ее образе.

— Вполне возможно.

— Вы сомневаетесь в решении Святого суда? — в его голосе не было угрозы.

Пока не было.

Для многих сказанных слов хватило бы, чтобы отступить, но Рауль не считал себя виноватым.

— Святой отец, я ценю, какое доверие инквизиция оказала мне и моим людям, позволив сопровождать вас и беречь ваши жизни. Но хочу напомнить, что командир этого отряда все еще я.

— Я прекрасно помню это. Но вы помогаете отступнице.

— Я помогаю исключительно нашей матери-Церкви.

— Неужели? — клирик приподнял брови. — Каким образом? Тем, что избавляете от страдания ведьму?

— Не совсем верно. Ведь ее собираются сжечь в столице?

— Да. На праздник Святого Коломана.

— Боюсь, если и дальше не поить осужденную, она не дождет до костра. Женщина обезвожена. Посмотрите.

Клирик сложил руки на животе и нехотя сказал:

— Возможно, я действительно переусердствовал в стремлении наказать колдунию и забыл о грядущем возмездии. Вы можете давать ей воду. Но немного.

— А еда?

Инквизитор пристально посмотрел на Рауля:

— Если бы я не слышал от людей, что вы истинный сын Церкви, мне бы показалось, что вы помогаете отродью тьмы.

Мясо сделает ее сильнее, а хлеб и молоко она осквернит. Только воду. И будьте разумны, сеньор! Не разговаривайте с ней, не касайтесь и не смотрите в глаза. Это исчадие ада, и оно пожрет любого. Даже такого смельчака, — последнее слово он выделил, — как вы.

— Думаю, вера станет моим щитом от искушений и проклятий...

— А Спаситель не оставит вас, — закончил отец Рохос. — Почаще вспоминайте об этом, сеньор де Альтамирано. И, да... вот еще что. Наши жизни бережете не вы, а Спаситель. Вы лишь орудие в руках его, но будет так, как решит он. Впрочем, тьма не место для пустопорожних споров и упражнений в риторике. Пусть Спаситель хранит вас и ваших людей этой ночью.

Он ушел, и Лопес облегченно перевел дух.

— Дай-ка мне, — сказал Рауль, и Пабло бросил ему апельсин.

Капитан ловко поймал плод, просунул руку сквозь прутья:

— Бери. Ешь.

На мгновение их пальцы соприкоснулись, он почувствовал, как горяча ее кожа.

— Спасибо, сеньор.

— Сыпал, ты сцепился со святошей, — поприветствовал Рауля Александро на следующее утро.

Капитан произнес в ответ нечто непонятное и совершенно неприветливое. За оставшиеся до рассвета три часа он совершенно не выспался и теперь волком смотрел на весь белый свет.

— Фернандо, собирай людей. Через час выступаем, — сказал он, умывшись и немного придав себе. — Святые отцы встали?

— Ха! Такое впечатление, что и не ложились. Приму^{*} прочли вместе с петухами. А у тебя вид, словно на тебе гарцевали жандармы**.

— Плохие сны.

Сны действительно были плохими.

* Прима — молитва, читаемая перед рассветом.

** Здесь имеется в виду тяжелая гвардейская кавалерия.

Застывший от раскаленного жара город, ревущее пламя, дым, поднимающийся в яркое небо, отвратительная вонь горелой плоти. Хриплое карканье воронья смешивалось с молитвами одетых в алое и серое священников. И люди, и птицы, с удовлетворением наблюдали за мучениями сгорающих ведьм до тех пор, пока от казненных не оставались лишь обугленные кости. Их складывали на возы, сгребали лопатами пепел, ногами отбрасывая в сторону черепа, и вываливали в реку или отвозили за город, к Чумному кладбищу, сбрасывая останки в ямы.

— Пабло говорит, что отец Рохос с утра спрашивал о тебе у солдат. Ты не нашел ничего лучше, чем цепляться к инквизиции, мой друг?

Рауль скривился, взял хлеб, яйцо, лук, сыр и подвинул к себе блюдо с маслинами.

— Тебе бы это тоже не понравилось.

— Ты все сделал правильно. На твое счастье, клирик с тобой согласился. Но на будущее — лучше во время парада выстрели в голову какому-нибудь нашему генералу. Проблем будет гораздо меньше, чем из-за боданий с Церковью.

Александро был бодр и весел. Впрочем, так случалось всегда, когда они собирались куда-нибудь выступать. Особенно если это касалось возвращения домой.

Рейтар уже облачился в вороненую кирасу, застегнул наручи, повесил на пояс палаш, а на грудь перевязь с пистолетами. Под мышкой он держал морион, на голове был повязан видавший виды, но «счастливый» фиолетовый платок.

— Ты не доживешь до полудня. Спечешься.

— Уж лучше так, чем от пули, мой друг, — хокотнул Александро, хлопнув капитана по плечу.

Рауль наспех перекусил, запил незатейливый завтрак водой и быстро спустился к своим людям. Через полчаса отряд покинул городок.

Сожалений не было. Здесь их ничто не держало. Мятежная провинция, вставшая на сторону искарских баронов и их богоизбранный религии, отрицавшей могущество Спасителя и приникающей его до обычного человека, успела выпить из солдат все соки. Они вдоволь нахлебались крови, нанюхались пороху, и

теперь не могли дождаться возвращения к морю, подальше от проклятых холмов, ненавистной жары и сводящей с ума осторожности.

Отряд, состоящий из рейтаров капитана Александро и стрелков капитана Рауля, номинально бывшего здесь старшим, спешно продвигался вперед. До того, как солнце начало припекать, им удалось преодолеть вполне приличное расстояние.

Дорога была белой, пыльной и такой же яркой, как небо. Высохшие шипы чертополоха, венчавшие тракт опасной короной, смешались с кустами акаций, а затем вовсе исчезли, словно их и не было. Многие поля оказались не убранными, многие — высохшими из-за недостаточного полива, а некоторые и вовсе превратились в черные выжженные проплешины. Мятеж, неожиданно для всех переросший в маленькую, пускай и кратковременную гражданскую войну, оставил после себя запустение. Последователи Спасителя-бога и Спасителя-человека были слишком заняты резней друг друга, чтобы обращать внимание на свои урожаи.

Рауль не сомневался, что скоро здесь начнется голод, и тогда даже самые упорные фанатики новой веры забудут о сопротивлении. У них появятся более насущные дела, чем религия или солдаты королевской армии.

Маленькие деревушки, с плетнями, белостенными домами и жителями, молчаливо и внимательно провожающими отряд взглядами, были не слишком приветливы. В одной Рауль приказал устроить кратковременный привал, отправив двух разведчиков вперед, к холмам, откуда открывался вид на окрестности.

Крестьяне встретили солдат без злобы, но с явной опаской. Они, как и многие другие, столкнулись с тем, что вооруженные люди порой убивают, не спрашивая, на чьей стороне ты находишься и каким способом молишься своему богу. Вернувшиеся разведчики доложили, что все чисто, и отряд продолжил путь.

Минут через тридцать, возле моста перекинутого через почти высохший ручеек, прячущийся от зноя за плоскими камнями, они нашли тела двух солдат в форме артиллеристов Восьмнадцатого пехотного полка. Оба оказались распяты на грубо сколоченных крестах, в глаза им вбили колья.

Лопес вместе с Рыжим и Жозе сняли мертвых. Мигель приказал выкопать могилы.

— Отмучались, бедняги, — сказал Игнасио, и его хитрое, живое лицо стало суровым. — Упокой Спаситель их души.

— Рано утром нарвались, сеньоры. — Лопес покачал головой и печально цокнул языком. — Дураки. Кто же по двое ездит?

— По официальной версии здесь безопасно. — Фернандо задумчиво раскуривал трубку. — Бои завершились полтора месяца назад.

— Что с того, мой друг? Заразу так просто не выжечь. На это могут уйти годы. — Александро внимательно осматривал заросли акации. Кроме него этим занимались еще несколько человек. Солдаты держали под рукой мушкеты и зажгли фитили.

Могилы получились неглубокими, сделанными наспех, но дольше возиться времени не было. Они и так слишком задержались. Как только отец Августо дочитал заупокойную, Рыжий и Жозе засыпали тела землей и швырнули лопаты на воз, где путешествовал отрядный скарб.

— Я бы вернулся. — Фернандо мстительно посмотрел назад, где за поворотом скрылась деревня.

— Думаешь, это местные, капрал?

— А кто же еще? Видели, как они перепугались, когда мы приехали?

— Редко какой зверь гадит рядом со своим жилищем, — не согласился Игнасио, обмахивая себя шляпой и, подумав, добавил: — Правда, к людям это не относится...

Спорить дальше было бесполезно. Возвращаться никто не думал. Рауль усилил патрули и призвал сохранять бдительность.

В полдень началась самая настоящая пытка. Люди и лошади изнемогали, в том числе и от оводов, набросившихся на отряд, проезжающий мимо каких-то безымянных, почти высохших прудов, похожих на большие грязные лужи. Солнце жарило немилосердно, и каждый солдат счел своим долгом послать ему свое проклятие и посетовать на лучи. Вода во флягах заканчивалась с бешеною скоростью, все молили о дожде, но на небе не было ни облачка.

Хосе, личный ординарец сеньора де Альтамирано, ныл с самого утра:

— Сеньор, наденьте кирасу!

Запаковаться в броню и сдохнуть в ней Рауль не собирался. Он не понимал, как рейтары в состоянии таскать на себе эти нагревающиеся колодки. Безопасностью капитан решительно пренебрегал. В конце концов ему надоели просьбы, и он отправил Хосе к Искусителю, попросив заткнуться.

На отдых остановились в первой же деревне, где оказалась расквартирована часть Восемнадцатого пехотного полка, чьих солдат они совсем недавно похоронили. Протянув два часа до тех пор, когда солнце немного ослабит пытку, отряд вновь отправился в дорогу. Рауль рассчитывал, что до заката они остановятся на ночевку в Нараиле или на худой конец в Альмадене.

Поля закончились. Началась более тенистая часть пути — среди запущенных виноградников, а потом вдоль апельсиновых рощ. Незменными оставались лишь белая дорога и пыль, ровным слоем оседающая на пропотевшей одежде, оружии и лошадиных шкурах.

Ярдах в пятидесяти от основного отряда двигался небольшой авангард под командованием Фернандо. Арьергард из трех рейтаров Александро замыкал шествие. Две повозки — с вещами отряда и церковная — находились в середине построения.

К клетке с ведьмой солдаты без нужды старались не приближаться, рядом ехали лишь Пабло с Одноглазым Родриго. Этим было плевать и на суеверия, и на магию. Их больше пугал пустой кошелек и отсутствие бутылки красного «Азоллы» за ужином.

Отцы Даниэль и Рохос сидели на телеге, правя лошадьми, а отец Августо не погнушался взобраться в седло. Улучив момент, он подъехал к Раулю и попросил о беседе. Капитану ничего не оставалось, как согласиться.

— Я хотел поблагодарить вас, сын мой, за ту услугу, что вы оказали Церкви, — начал клирик.

— Для нас честь сопровождать вас, — произнес капитан вязнущие на зубах слова.

Собеседник тонко улыбнулся:

— Я совсем не об этом, а о том, что вы остановили брата Рохоса от греха.

— Разве убить еретичку грех? — изумился командир.

— В данном случае — да.

— Она ведь все равно уже мертвa. — Рауль оглянулся на клетку. — Белый балахон при ней. Так какая разница? Днем раньше. Днем позже.

— Вы не правы. Смерть ведьмы без мук, через которые должна пройти ее душа, без очистительного пламени, через которое она должна получить прощение Спасителя, приведет к тому, что ее дух так и останется темным, а суть — заблудшей до самого Судного дня. Умри она сейчас, и вина за оставшуюся тьму легла бы на брата Рохоса.

— И что бы с ним стало?

— Ничего, — пожал плечами слуга инквизиции. — Но на суде Спасителя с него бы строго спросили за то, что он не отправил душу в райские кущи.

— Она раскаялась?

— Нет, — поджал губы отец Августо. — Но у нее еще есть время одуматься. Я не лицезрел вас вчера на молитве, — он изменил тему. — Нет-нет! Я ни в коем случае не порицаю вас, сеньор. И верю, что вы истинный сын Церкви и дитя Спасителя. Отрадно видеть, что военные в наше смутное время еще не зачерствели.

— Даже если перед ними еретичка?

— А вы испытываете к ней жалость? — опасно прищурился священник.

— Ну что вы, — не дрогнув, солгал Рауль. — Я всего лишь пытаюсь сделать так, чтобы она не умерла здесь, у меня. Многие верят, что если ведьма умрет, всему отряду будет сопутствовать неудача. Вы не представляете, насколько суеверны солдаты. Я не хотел бы иметь под своим началом перепуганных людей, во всех бедах обвиняющих темную душу.

— Они ошибаются. Но она, воистину, представляет серьезную опасность.

— Даже сейчас? — капитан заставил каурого жеребца идти помедленнее.

— Нет. Пока она под нашим присмотром.

— Она действительно обладает даром магии?

— К проклятой магии, сеньор! — уточнил отец Августо. — И ее возможности велики.

— Если в ней это есть, то как же вы ее сдерживаете?

— Святой ошейник не дает ей пользоваться проклятой силой. И снять его может только чистый душою клирик.

Насчет чистоты души некоторых клириков Рауль бы поспорил, но не с инквизицией.

— Вы не верите мне? — по-птичьи склонил голову священник.

— Отчего же? Истина...

— Истина ведома только Спасителю, сын мой. Об этом в своем трактате писал еще Лучеце Визари. Святой человек. Мы лишь надеемся, что верно исполняем Его волю.

— И инквизиция?

— Инквизиция в первую очередь. Мы не звери, — он кротко вздохнул. — И, как и вы, ведомы долгом. Перед Ним, верой, страной и людьми.

«Вот-вот, — подумал Рауль. — Именно в такой последовательности. Да и то не всегда».

— Но Святой суд редко ошибается, — уже не столь кротко сказал отец Августо. — Ни один виновный не ушел безнаказанным.

— Боюсь, святой отец, инквизиции придется приложить много сил, чтобы выловить еретиков, расплодившихся на этой земле.

— Все в воле Спасителя. Мятеж устроили безбожники, и их покарает огонь небесный, а не земной. Вопреки расхожему мнению — костров на всех не хватит. Иначе придется полностью вырубить леса королевства.

— Но для этой колдуны на площади Святого Варнабы огонь принесет.

— Совершенно верно. Таких грешниц, как она, следует только сжигать.

— Если не секрет — что она совершила?

— Продала душу Искусителю.

— Неужели она столь глупа, что колдовала?

— Именно.

Один из докторов Церкви гласил, что никто, кроме выбравших служение Спасителю, не может творить волшебство. А те, кто не совершил постриг и не надел рясу, не способны пользоваться магией, если только не заключили сделку с тьмой. Значит, женщина была именно из таких...

— Вы ведь знаете о Хуэскаре?

— Разумеется, — кивнул Рауль.

Самый южный город провинции оказался самым стойким к ложной вере. Жители вовремя догадались закрыть ворота и развесили еретиков на стенах. Армия баронов взяла Хуэскар в осаду, и горожанам пришлось несладко. Особенно когда подвезли бомбарду.

Поначалу осажденные надеялись на армию, но та, встретив неожиданно ожесточенное сопротивление, увязла в холмах на западе и дралась за каждый ярд земли, продвигаясь вперед слишком медленно. Началась блокада, с постоянными штурмами, обстрелами и казнями тех, кто пытался оставить город. Жители Хуэскара выстояли и даже смогли организовать вылазку, дать отпор полкам баронов, отбросить их от стен почти на половину лиги. Это случилось как раз в тот день, когда Шестой жандармский полк, а также сводные Первый и Эскаринский, маршем прошли от Тузера и взяли осаждающих в клещи, разорвав их наспех выстроенную оборону, рассеяв ошеломленного противника. А затем добив уцелевших.

— Она жила в Хуэскаре. И помогла победить в той битве. Благодаря ей, жители смогли устроить вылазку. Ее дар уничтожил все орудия мятежников.

Рауль обернулся и задумчиво посмотрел на клетку.

— Даже не знаю, что сказать, святой отец. Я предполагал, что она из числа тех, кто стоит за новую веру.

— Вы ошибаетесь. Это чужая всем подлинным слугам Спасителя женщина в тот день была на стороне истиной веры.

— Очень странно все это слышать. — Рауль пожал плечами. — Что заставило ее сделать это?

— Она откликнулась на общем молебне, великом стоянии перед знаком Спасителя, когда горожане просили помочи и при-

зывали уничтожить грешников. Колдунья вызвалась и расправилась с досаждавшей городу и его укреплениям артиллерией в считанные минуты.

— То есть ведьма оказала помощь, когда ее попросили?

— Выходит, что так. — Отец Августо был задумчив точно так же, как его мул. — Кто знает о планах Искусителя лучшего его самого? Возможно, это существо хотело посеять в душах осажденных сомнения. Эти зерна могли бы упасть на благодатную почту.

«А возможно, она просто хотела помочь», — подумал Рауль. Вся эта история гнусно пахла, и он был не слишком рад, что узнал правду.

— Надо думать, верующие сдали ее инквизиции при первой же возможности?

— Разумеется, — важно кивнул клирик. — Не прошло и нескольких часов, как слуга Искусителя была обуздана и связана.

Рауль хладнокровно кивнул. Большинство людей — неблагодарные скоты. Вначале они будут просить помощи, умолять на коленях, но, достигнув желаемого, чаще всего забудут об этом и воткнут кинжал в спину при первой возможности. Судя по всему, горожане Хуэскара как раз из их числа. Излишняя набожность, страх перед небесными карами и отсутствие совести делают с людьми потрясающие вещи.

— И даже после того, как она спасла целый город, ее ждет костер? — внешне Рауль оставался спокойным, хотя в его груди бушевала буря.

— Так решил Святой суд. Искуситель все еще в ее душе, несмотря на помощь. Мы не знаем, чем она была продиктована и какие последствия будут для города. Возможно, лишь пламя, очистившее эту женщину, сможет защитить Хуэскар от проклятия. Кара небесная...

Договорить он не успел, так как впереди неожиданно загрохотали выстрелы. Авангард попал в засаду. В ту же секунду высокие кусты жимолости, растущие справа, вдоль дороги перед апельсиновыми садами, грохнули голосами десятка мушкетов.

Пуля прошла рядом с Раулем, не задев его. Дорогу начало заволакивать едким сизым дымом, раздались крики атакующих.

Паники в отряде не было. Все давно были стреляными воробьями и участвовали во многих сражениях. Справившись с лошадьми, люди дали ответный залп по кустам. Те, кто был еще в седлах, лутили из пистолетов. Спешившиеся взялись за мушкеты, прижимая приклады к нашитым на правое плечо кожаным подушкам.

Стреляли, в общем-то, вслепую, надеясь задеть тех, кто перезаряжал оружие. С той стороны откуда они приехали, тоже раздались хлопки, говорящие, что отступать назад не имеет смысла. Их взяли в клещи, предоставив лишь один путь к отступлению.

— Сеньор! — рядом оказался Пабло, находившийся в авангарде. — Фернандо убит!

— Александро! Держи дорогу! Мигель! Уводи людей в поле! К мельнице!

Рауля услышали, зазвучали короткие команды, и большинство солдат вновь оказались в седлах. Ломая придорожные кусты слева, они устремились к небольшой мельнице с застывшими крыльями, стоящей ярдах в шестистах от тракта.

— Хосе! Потери?! — Рауль слышал, как где-то в дыму зло, по-баксански ругается Александро.

— Не знаю, сеньор. Семь-девять человек точно! Авантурд лег почти весь.

С момента начала нападения прошло не больше минуты. Атаковавшие перестали отсиживаться и с ревом выбрались на дорогу, желая закончить начатое.

Вновь хлопнуло, и лошадь Рауля начала заваливаться на бок. Он легко соскользнул вниз, отпрыгнул, избегая удара копытом, кувыркнулся, теряя шляпу, и нос к носу столкнулся с мятежником в простой одежде, уже заносившим над ним чинкуэду*. Несколько думая, не вставая с колена, он разрядил пистолет прямо в лицо нападающему. Тяжелая пуля снесла мятежнику половину черепа.

На перезарядку оружия не было времени, и Рауль взялся за шпагу и дагу, теперь жалея, что не послушал Хосе и не надел ки-

* Чинкуэда — легкий пехотный меч, широкий у основания.

расу. В сизой пороховой пелене, повисшей в неподвижном воздухе, двигались темные тени.

Где-то недалеко от капитана продолжал грязно ругаться Альхандро, разряжая пистолет за пистолетом.

Рауль встретил мятежника длинным прямым уколом, наравился на грамотную защиту, сбил клинок дагой в сторону, шагнул по кругу, вывернулся запястье, нанося неожиданный и стремительный укол в бедро правой ноги. Предоставив разбираться с раненым кому-то из рейтаров, капитан вступил в очередную схватку. Этот противник был менее ловок, атаковал неуклюже, и тут же получил рубящий удар по запястью, тычок вспомогательным клинком в печень и финальный укол в шею.

За спину командир был спокоен. Спешившийся Хосе с палашом и раскрытым навахой прикрывал его от любого нападения сзади. Дым начал рассеиваться, и стало видно, что схватки идут по всей длине дороги, до поворота, за которым атаковали авангард.

Рауль заметил группу из шести вражеских стрелков, отчаянно работающих шомполами и находящихся под прикрытием своих солдат. На них наседали конные рейтары с окровавленными палашами.

Игнасио резко свистнул, что послужило приказом к отступлению. В ту же секунду сержант швырнулся в гущу мятежников гранаты с укороченными фитилями. Люди с испуганными криками бросились врасыпную. Кто-то кого-то повалил. Началась куча-мала. Сухо треснуло, и осколки посыпали стрелков.

Еще двое рейтаров швырнули гранаты на дорогу и в жимость, усиливая панику и ущерб. За рощей апельсиновых деревьев низко рыкнуло, а спустя несколько ударов сердца ярдах в сорока от Рауля разорвалось ядро.

— Отходим! — рявкнул командир, связанный схваткой с очередным противником.

Тот был из благородных, дрался хладнокровно, и его рапира плела узоры ничуть не хуже капитанской шпаги. Пабло, с закопченным лицом и обожженными усами, выскошил из горячки боя на безумной лошади, перегнулся в седле и сильно, с оттяжкой,

ударил мятежника длинным эспадоном^{*}, разворотив ему грудную клетку.

Невесть как оказавшийся в седле Хосе, помог своему командиру сесть позади и, гикнув, направил коня в поле. За ними отходили уцелевшие рейтары.

Возле мельницы, окруженной глиняным, в половину человеческого роста забором, уже гремели выстрелы. Еще один отряд противника выбрался из рощи, отрезав отступление. Стрелки Рауля показали врагам, что следует держаться подальше, и те отступили, но уходить явно не собирались.

— Мушкетеры расставлены, сеньор! — отрапортовал Мигель.

— Отлично, капрал. — Капитан на ходу перезаряжал пистолет, откусив верх патрона и высывая содержимое в ствол. — Потери?

— Девять человек.

— И у меня двое. — Александр оставался в седле.

— Пятеро ранены, но не опасно. Царапины.

Итого девятнадцать стрелков и восемь рейтаров.

— Клирики целы?

— Только двое. Они с ведьмой за амбаром. Отца Августо сняли первым же выстрелом.

Сеньор де Альтамирано помрачнел:

— Не думаю, что инквизиция будет в восторге.

— Вот и пусть жарят пятки мятежникам. Мы тут ни при чем, сеньор. — Мигель во время боя потерял большую часть своей набожности.

— Пабло! Что видел? — Рауль, все еще злясь на пророчество, вытащил из сумки пулью и отсоединил шомпол.

— Хреновые дела, сеньор! Мы нарывались на передовой отряд. Остальные спускались с холмов. Я успел их заметить, прежде чем разверзся ад. Их за восемь десятков. Судя по знамени, кто-то из уцелевших баронов. У них с собой три фальконета.

— И мортира, — мрачно сказал капитан, глядя на дорогу, где уже сутились вражеские всадники. Их морионы блестели на солнце. — Хосе. Давай кирасу!

* Эспадон — разновидность кавалерийской шпаги.

— Сию минуту, сеньор! — улыбнулся в седые усы ветеран.

— Разве не всех баронов положили под Корверой? — Игнасио был ранен в плечо, но держался молодцом.

— Выходит, что так. Слез бы ты с лошади, — обратился Рауль к Александро.

Тот в ответ лишь сверкнул белозубой улыбкой:

— Мы крупно влияли, но это не значит, что рейтар сыграет труса, мой друг. Нам надо всего лишь продержаться до темноты. Это меньше трех часов.

— Не за глиняными стенами, сеньор. — Мигель достал маленькую подзорную трубу и теперь смотрел на дорогу. — Валаи! Эти ублюдки разворачивают фальконеты!

Рауль, взяv из рук капрала трубу, посмотрел в указанном направлении. Четверка запряженных лошадей тащила лафет, на котором была установлена небольшая мортира.

— Как их упустили передовые части? — Пабло скрипнул зубами.

— Теперь уже без разницы. — Александро посмотрел на восток. — К роще нам не прорваться. Там больше двадцати стрелков.

— Лопес! Муреньо! — крикнул Рауль. — Слезайте с мельницы! Мигель, снимай стрелков с крыши амбара и уводи от забора. Они не полезут сюда, пока не завалят нас ядрами. Отходите к дальней части постройки. За амбар. И рассредоточьтесь. Хосе! Возьми знамя и установи на крыше.

— Так они же по нему палить будут, сеньор.

— Лучше по нему, чем по моим людям. Шевелись.

Все разбежались выполнять приказания. Лопес с напарником горохом скатились по приставной лестнице, стрелки у стены выдергивали из земли форкины и, зажав их под мышками, взвалив мушкеты на плечо, бежали на дальний рубеж обороны.

— Выстоим, мой друг? — ухмыльнулся Александро.

— Или ляжем. Идем. Посмотрим, что там у рощи.

За амбаром прятали лошадей. Здесь же стояла клетка, возле нее тихо молились отцы Рохос и Даниэль. Самое время для молитвы. Можно даже заранее прочесть заупокойную. Не помешает. Оба клирика изрядно побледнели. Вот уж кому не стоит попа-

дать в руки к отступникам, так это святой инквизиции. Если обычных солдат просто расстреляют или заколют пиками, то облеченным в рясы священникам грозят серьезные испытания, ничем не хуже тех, что проводят отцы-дознаватели для некоторых еретиков.

Рауль пожалел, что Августо убили. Он единственный из них, кто обладал даром и мог помочь в обороне. Капитан направился к святошам, но его перехватили. Тонкая рука просунулась сквозь прутья и вцепилась в плечо, обжигая огнем.

— Сеньор! Выпустите меня! — умоляюще прошептала колдуны. — Я смогу вам помочь!

Он деликатно освободился от ее захвата.

— К чему тебе нам помогать, женщина? Они освободят тебя.

Она грустно улыбнулась и прислонилась щекой к прутьям:

— Вы были добры ко мне, сеньор. А ядра... ядра слепы. Возможно, и не придется никого освобождать. Я действительно могу вам помочь, сеньор. В Хуэскаре...

— Я знаю твою историю, — перебил ее Рауль и посмотрел на клириков. — Вы сможете отпустить эту женщину? На время?

— Нет! — отрезал отец Рохос. — Нет! Отродье Искусителя не выйдет из клети и не снимет ошейник! Она лжива и замараст нас всех тьмой!

Спорить было бесполезно, на потном лице священника смешались ненависть и страх.

— Надеюсь, вы не пожалеете о своем решении, святые отцы, — холодно процедил Рауль. — Кто-нибудь из вас, сходите, пожалуйста, вместе с Хосе. Он выдаст вам мирские платья. Ваши рясы становятся для вас слишком опасны.

— Но это значит предать Спасителя! — прошептал еще сильнее побледневший отец Даниэль, липкими пальцами вцепившись в веревку, служившую ему поясом.

Раулю некогда было спорить с ними. Он подбежал к углу двора, что был на стороне рощи, и в этот момент орудия выстрелили. Первое ядро прошло восточнее мельницы, свистнуло в воздухе и улетело к деревьям, едва не задев своих же стрелков. Второе пробило крышу амбара и не взорвалось. Третье ударило во внешний забор, разворотив глину и камни. Через секунду «гак-

нула» мортира, и Рауль вместе со всеми бросился на землю, уткнувшись лицом в вездесущую пыль.

Взорвалось совсем рядом.

Хлязг!

Этот звук больше всего напоминал уху звук рвущейся материи.

Картечь свистнула над головами, поражая все, до чего могла дотянуться. Кто-то заорал от боли. Теперь к запаху раскаленных камней примешивался запах стали, пороха, едкого дыма и крови.

— Ховельянос! — громко прокричал Мигель. — К раненому! Живо!

Отрядный лекарь со своей сумкой уже спешил к окровавленному и проклинающему все и вся Лопесу. Шагах в десяти от него лежало изуродованное взрывом тело — кто это, Рауль не смог определить.

Двое стрелков приканчивали раненых лошадей. Та, что влезла клетку, оказалась убита наповал. Вместе с ней картечью посекло и отца Рохоса. Клирик лежал раскинув руки, и серая ряса у него на груди уже потемнела от крови. Отец Даниэль с двумя охапками армейской одежды стоял в сорока ярдах от амбара и дрожащими губами благодариł Спасителя за подаренную жизнь.

Рауль подскочил к клетке, несколько прутьев которой были разбиты:

— Ты жива??

— Да, сеньор, — сказала скрючившаяся на полу женщина.

Александро вылестел на недовольно раздувающей ноздри лошади из-за угла мельницы:

— Они перезаряжают! Самое время организовать атаку! Позволь мне с ребятами...

— Вас расстреляют раньше, чем вы доберетесь до орудий!
Жди!

Капитан решительно подошел к отцу Даниэлю:

— Святой отец, времени не осталось! Через несколько минут никто не даст гарантии, что мы будем живы. Она — наш единственный шанс уцелеть! Вы сможете снять ошейник?

— Да. Это способен сделать любой отец-дознаватель. Но выпускать ее — безумие. Я не смогу обуздать ведьму, если она начнет пользоваться магией!

— Об этом не волнуйтесь! Мои люди будут держать ее на прицеле!

— Это грех! Грех отпускать такую, как она! Спаситель спросит с меня в райских кущах, почему я дал еретичке свободу...

— Спаситель спросит с вас в аду, почему вы позволили умереть всем этим воинам! — рявкнул потерявший терпение Рауль.

Отец Даниэль посмотрел на тело Рохоса и неуверенно кивнул.

Подчиняясь жесту капитана, Муреню и Одноглазый Родриго сбили замок на клетке. Игнасио, бледный от потери крови, с перебинтованным плечом, приказал рыжему Карлосу обыскать тело убитого священника. Солдат нашел ключ и бросил его Муреню. Тот быстро отомкнул кандалы и, взяв женщину под локоть, выволок ее из клетки, отдав в руки Родриго.

— Мои люди хорошо стреляют, — на всякий случай предупредил Рауль, понимая, что это глупо. Смерть от пули в любом случае предпочтительнее костра, который ей уже и так обеспечен.

— Я собираюсь помочь, сеньор. — Ее голос стал хриплым от волнения.

Отец Даниэль неохотно коснулся пальцем знака Спасителя на ошейнике, и тот, лязгнув, открылся. Кто-то из солдат — кажется, Мигель, — начал читать охранную молитву. Не обращая на это внимания, женщина шагнула в сторону, воздев руки к небу.

Рауль не знал, как у солдат выдержали нервы, но никто в нее не выстрелил.

Не было никакого зла. И вселенской тени. И рева разверзнувшегося ада. И облика Искусителя. И даже тучи не затмили солнце по причине своего отсутствия на небе.

От стены амбара, над которым все еще разевался отрядный флаг, отделились три огромных полупрозрачных силуэта. Рауль едва смог различить на ярком солнце, что это гигантские волки, которые, будь они реальны, без труда перекусили бы пополам лошадь. Игнасио потрясенно выругался.

Три призрака стелющимся бегом устремились в сторону основного отряда мятежников. Солдаты, хотя и порядком перепуганные явлением тьмы, бросились за ними, не желая пропустить происходящее. Рауль остался на месте. Он, а также отец Даниэль, Родриго, Муреньо, Пабло и Карлос не спускали глаз с ведьмы.

В отдалении послышались выстрелы, затем перепуганные крики, быстро сменившиеся воплями животного ужаса.

— Муреньо, — негромко сказал капитан, наблюдая за колдуньей, кажется впавшей в транс. — Посмотри, что там. И возвращайся.

Солдат вернулся через минуту. Бледный, взъерошенный, с круглыми глазами.

— Там... там... сеньор! Тени их пожирают и рвут на куски! Уцелевшие бегут,бросив пушки и оружие!

— Семя Искусителя! — простонал отец Даниэль, сжимая в дрожащих руках ошейник.

Через несколько минут вернулся Александро.

— Полный разгром, мой друг! Дорога пуста. Уцелевшие улепетывают к холмам. Думаю, если звери еще голодны, они доедят мятежников в ближайшие минуты.

Голос у него был ровным, лицо тоже не выражало особых эмоций, а вот глаза сияли. Было в них все. И страх, и удивление, и восхищение, и потрясение. В эту минуту не только командир рейтаров думал о том, какая грандиозная сила скрыта в босоногой колдунье, облаченной в белый балахон. Мощь отступницы была грандиозна, и, в отличие от клириков, женщина не гнушалась использовать ее в полную силу. Святые отцы, редко влезающие в дела земные, даже в войны, в том числе и религиозные, могли бы поучиться, как помогать солдатам в сражении и беречь их жизни.

С тремя такими колдуньями вполне можно было выиграть целую войну. Теперь Рауль понимал, как Хуэскар снял осаду и отбросил врага от стен.

— Ба! — воскликнул Хосе, привлекая к себе внимание. — Ба!

Он, вытянув руку, показывал на рощу, где находились стрелки мятежников. Там занималось грандиозное пламя, и уцелевшие люди в панике бежали прочь.

— Не спать! Мушкетеров сюда! Быстро! Быстро!

Воины Рауля дали залп. Отец Даниэль ловко защелкнул на колдунье ошейник.

Альмадена, вторую неделю мучимая жарой и застывшая в ожидании скорой засухи, убаюканные песнями сверчков, цикад и гитарой, медленно погружалась в бесшумный сон.

Александро сидел на окне, мсланхолично наигрывая какую-то грустную баксанскую мелодию. Рядом с ним стояла пузатая бутылка «Командарии». Он единственный, кто не присоединился к общей пирушке, проходящей во дворе небольшого зажиточного дома в центре приграничного городка. Среди воинов не чувствовалось никакого веселья. Негромкие разговоры, стук стаканов, чпоканье пробок. Люди, пережившие еще одно сражение, в очередной раз вырвались из цепких рук смерти и теперь медленно напивались.

Муреньо, после гибели Фернандо повышенный Раулем до капрала, в какой-то момент заплакал, растирая слезы по загорелым щекам и сожалея о гибели брата по оружию. Его кое-как успокоили, сунули красного вина и, опустошив бутылку «Азоллы», новый капрал уснул. Игнасио, Пабло и Мигель тихо спорили, окажутся ли они теперь в аду, раз воспользовались помощью нечестивой. Каждый довод заканчивался глотком вина, и каждый раз они приходили к совершенно противоположному мнению, что еще сильнее запутывало и без того сложный, привыкленный смачными ругательствами теологический спор. Несколько человек, устав за прошедший день, спали во дворе, прямо на скамьях.

Рауль сидел вместе со всеми в мрачном и опустошенном состоянии духа. Он был рад, что все закончилось и стало можно снять кирасу. Дорожная пыль нашла маленькие щелочки в броне, забралась под них и, смешавшись с потом, превратилась в грязь. От нее пришлось страдать всю оставшуюся дорогу.

В какой-то момент он встал из-за стола, пригнулся голову, чтобы не задеть низкие ветви апельсинового дерева, и вышел на улицу, где нос к носу столкнулся с Ховельяносом.

— Как дела у Лопеса?

— Будет жить, сеньор. Во всяком случае, ему повезло больше, чем бедняге Хавьеру и тем, кого мы сегодня потеряли.

Лицо у высокого, упитанного лекаря было уставшим и все еще ошеломленным. Он, как и все, был потрясен прошедшим днем.

— Ступай. Отдохни. Ты сегодня хорошо поработал. Все мы хорошо поработали.

Капитан, прошел мимо, но Ховельянос его окликнул:

— Командир!

— Да?

— Надеюсь, я не позволил себе слишком много... — Лекарь помялся. — Я сказал часовым, что вы приказали выпустить женщину из клетки и приковать у сарая. И накормить как следует.

— Что отец Даниэль?

— Он пытался возражать, но не слишком активно, сеньор. А потом и вовсе махнул рукой. Кажется, он надломлен.

Рауль сомневался, что такие слова можно применить к инквизитору, но не стал возражать.

— Я виноват, сеньор?

— Не думаю, Ховельянос. Ты сделал то, что я только собирался.

— Хорошо.

— Один вопрос — почему?

Лекарь подошел ближе, задумчиво погладил бороду:

— Из дурацкого чувства благодарности, сеньор. Я пятнадцать лет штопал наших храбрецов кривой иглой, выковыривал из них пули и осколки. К сожалению, я не так набожен, как Мигель. Я не жду райских кущ и не страшусь пекла. Поэтому не боюсь ее. По мне — она обычная женщина, сеньор, пусть и владеет магией. Правда, я не хотел бы, чтобы мое мнение узнала инквизиция.

Капитан кивнул, показывая, что не собирается никому что бы то ни было рассказывать.

— Все говорят, она здорово нам помогла. И это так, сеньор. Сегодня она спасла наши шкуры. Клянусь Спасителем, миска го-

рячей еды — небольшая плата за наши жизни! Ей слишком не-
долго осталось, чтобы... — он запнулся.

— Я тебя понимаю. Ступай.

— Доброй почи, сеньор, — вздохнул Ховельянос.

— Доброй ночи.

Ссугулившись, лекарь пошел туда, где бренчала гитара.

Рауль проводил его взглядом и исспешно направился к ко-
ниошне.

Альмадсна — приграничный город. У нее имелся свой гарни-
зон, и отряду не было нужды расставлять собственных часовых.
Двое алебардщиков из льедских наемников оторвались от игры в
кости, узнали командира прибывшего отряда и кивнули ему, как
старому знакомому.

— Мы накормить вашу еретичку, как вы велеть, сеньор, — ска-
зал один из них, заросший по глаза густой кудрявой бородою. —
Что-нибудь еще надо сделать?

— Нет. Я поговорю с ней.

— Как вам угодно, сеньор, — пожал плечами бородач и взял-
ся за игральный стаканчик.

Женщина сидела на чистой соломе, под фонарем, за ногу
прикованная цепью к стене, словно собака. Ребристый ошейник
тускло мерцал, отблески пламени плясали на немолодом лице,
делая его черты еще более резкими.

— Сеньор?

Он остановился перед ней, заложил руки за спину, покачался
на носках, хмуря лоб, и внезапно спросил:

— Ведь у тебя был шанс. Почему ты не убежала тогда? Твоя
магия уничтожила мятежников, я сомневаюсь, что мы смогли бы
остановить тебя. Почему ты все еще здесь?

Она долго-долго молчала. Затем улыбнулась:

— Я не считала себя в праве так поступить. Спаситель при-
слал мне испытание, и я должна пройти по этой дороге до конца.

— Спаситель?

Женщина устало прикрыла глаза:

— Хуэскар очень набожный город, сеньор. В моей семье все
были истинными верующими. И меня воспитали такой же.
Сколько я себя помню — стараюсь жить по Его заветам. Верю в

Него и не сомневаюсь, что Он не оставит меня и поможет мне. Это очень просто, сеньор, — верить.

— Не сомневаюсь, — сухо отозвался он. — Но как вера в Спасителя может уживаться с даром от Искусителя?

— Церковь говорит, что дар Искусителя — это грех. Я живу с ним всю свою жизнь. И применяю его только для того, чтобы творить добро, как учит нас Спаситель. Магия для этого вполне годится, хоть это и не нравится отцам-дознавателям. Мое испытание продолжалось долгих сорок лет, и теперь оно, наконец-то, подходит к концу. Того, что уготовано Спасителем, нельзя избежать, сеньор.

— Ты и твои убеждения сгорите на костре.

— Думаете, я этого не знаю, сеньор? — она пошевелилась, и цепь тихо лязгнула.

— Зачем ты вообще решилась помочь городу? Неужели не понимала, к чему это приведет?

— В Хуэскаре родились многие святые, сеньор. Это благочестивый город. И он — моя родина. Я верю. В старую истину, а не в ту, что несет мятеж на копьях и мушкетах. Когда возвзвали о помощи, я не посмела отказать. Спаситель бы не одобрил этого. Помогать ближнему своему — мой долг.

— А разве не долг ближнего помогать тебе? Они сдали тебя в руки отцов-дознавателей. Неужели это благодарность??!

— Это на их совести, сеньор. То, что делают в ответ на мою заботу, должно беспокоить их души, но не мою.

— Именно поэтому ты не раскаялась?

— В чем я должна была раскаяться, сеньор? Я не сделала ровным счетом ничего плохого. И чиста перед Спасителем. А что касается людей — они не всегда понимают сами себя и свои поступки. Бог их простит за это.

— И за то, что тебя сожгут на костре? Он тоже их простит?

— Я верю в это, — негромко ответила она. — Я с самого начала знала, на что шла, сеньор. Но иногда просто нет иного выбора. Следует действовать так, как велит тебе сердце, несмотря на грядущие последствия. Вы понимаете, сеньор?

Он очень долго молчал, смотря на нее новым взглядом, и затем так же, в тон ей, негромко ответил:

— Да. Понимаю.

* * *

Клирик со своей узницей расстались с отрядом через четыре дня. В маленькой деревушке тракт разделялся на две дороги. Одна вела в Истремару, куда надлежало прибыть рейтарам, другая — в столицу королевства, где колдуны уже ждал костер. Прощанье с отцом Даниэлем оказалось неожиданно душевным. Он поблагодарил всех солдат за помощь и благословил их, обещав молиться Спасителю за их здравие. Затем отозвал Рауля в сторонку и, смиренно сложив руки, сказал:

— Я не могу умолчать о том, что произошло, сын мой. Но сделала все, что в моих силах, чтобы за вами не было вины и грехов. Церковь всепрощающая, а вы — ее верный сын, не раз доказавший свою набожность. Вряд ли за столь мелкий проступок, как времененная свобода отступницы, вас будут беспокоить. Я возьму этот грех на себя.

— Я даже не знаю, что ответить, святой отец.

— Ничего говорить и не требуется. Ступайте. Я помолюсь за вас.

Капитан кивнул и неожиданно спросил:

— Ее все-таки ждет казнь?

— Да. Конечно, — удивленно приподнял брови клирик.

— Даже после того, как она нас спасла?

— Это зачтется ей на Божьем суде. Но не на земле. Святой суд не меняет своих решений. Прощайте.

— Что он тебе сказал, мой друг? — спросил Александро, когда они отмахали несколько лиг по тракту и остановились на ночь в местном гарнизоне.

— То, что я думал, — пожал плечами Рауль.

В подробности вдаваться не хотелось. Он отчего-то чувствовал себя полной свиньей. Когда стемнело, Рауль взял у командира рейтаров гитару, но играть не мог. Думал о другом, все время возвращаясь к разговору с еретичкой. Александро, ловко управляясь с засаленными картами, нет-нет да поглядывал на приятеля из-под полуопущенных век. Он хмурился. То ли с картами не везло, то ли начал что-то подозревать.

— Вряд ли он уехал из деревни, — неожиданно сказал Рауль.

Александро вздохнул, смел расклад, посмотрел на товарища:

— Разумеется, святоша там, где мы его оставили. Что дальше?

Капитан отряда задумчиво постучал пальцами по столу, взял в руки шпагу и начал внимательно изучать сложную гарду. Собеседник терпеливо ждал ответа.

— Я хочу прогуляться. Через час.

Теперь настала очередь Александро задуматься. Он откинулся на стул и ухмыльнулся:

— Составлю тебе компанию... Когда ты это решил?

— Сразу. Как только мы расстались с клириком.

— Собираешься освободить ее? Еретичку будут искать. И нам на хвост может сесть вся инквизиция. Дело запахнет жареным.

— Надеюсь, что нет.

— Ты командир, — пожал плечами рейтар. — На меня можешь рассчитывать. Просто помни, что у поступков есть последствия.

Рауль вздрогнул, услышав почти те же слова, что сказала ему ведьма этим утром.

— Я это знаю.

— Советую скрыть то, что мы хотим сделать, от солдат. Они могут скрутить тебя и увезти в Истремару в мешке. Не потому, что боятся гнева Спасителя. Просто чтобы ты не делал глупостей и не влип в неприятную ситуацию.

— Порой они излишне заботливы, — усмехнулся тот, вставая из-за стола.

Рейтар взял палаш и, кивнув, направился к выходу. Но задержался в дверях:

— Что тобой движет, мой друг?

Они встретились взглядами, и Рауль сказал:

— Назови это чувством справедливости. Она спасла жизни моим людям. Я — ее должник. Впрочем, не скрою, жалость здесь тоже присутствует.

— Значит, нам действительно пора завершить эту историю.

* * *

Погода менялась. Звезды скрылись под пришедшими с севера облаками, которые принес на своем хвосте ветер. Долгожданная прохлада легкой дланью опустилась на ночную дорогу и погост, заросший высохшими кустами самшита. Рауль оставил лошадь в небольшой роще и двинулся по пустой дороге к деревне. У реки с ним столкнулся Александро, отправившийся из лагеря на час раньше.

— Она в самом центре этой дыры. В сарае. За церковью. Патрулей на улицах нет. Людей тоже. Псы лают, но никого это не тревожит. До мятежников столько лиг.

— Ее охраняют?

— Двою служек инквизиции. Не из клириков.

— А отец Даниэль?

— Его я не видел.

...Улицы, и правда, были пусты. Возле трактира на людей забрехал пес, но, увидев, что они не боятся, умолк и спрятался в будке. Церковь — маленькая, чистенькая, свеженькая — встретила их давящей тишиной. Следуя за Александро, Рауль прошел в низкую калитку и оказался на заднем дворе, где впритык друг к другу стояли несколько деревянных сараев.

В соломе, укрывшись курткой, спал мужчина. Другой, отчаянно зевая, сидел тут же. Офицерам не потребовалось много времени, чтобы отправить этих людей в долгий сон. Никакой жалости к тем, кто, получая приказы, притаскивает в застенки инквизиторов очередного несчастного, они не испытывали. Рауль снял ключ с большого железного кольца.

— Подожди меня здесь, — сказал он. — Я скоро.

Друг кивнул.

Сняв с крюка фонарь, Рауль отомкнул висячий замок, открыл и снова плотно прикрыл за собой дверь. В сарае неприятно пахло старым сеном, луком и мышиным пометом. Во мраке звякнула цепь. Он пошел на звук.

— Сеньор? — Она удивилась его появлению. — Вам не следовало приходить сюда.

Ее губы были разбиты, и один глаз заплыл. Капитан почувствовал к надсмотрщикам внезапную ненависть.

— Как твое имя? — он хотел сказать совсем другое, но смущался.

— Наанья. Наанья Хитана.

— Я запомню.

— Спасибо, сеньор, — прошептала она, поднимаясь с сена. — Слишком поздно что-либо менять. Я не уйду с вами. Вы ведь это знаете.

— Да. Знаю.

Не в его власти было снять с нее ошейник, за который теперь она была прикована.

— Завтра к вечеру ты будешь в столице. А послезавтра тебя ждет казнь. Чему ты улыбаешься?

— Своей глупости, сеньор. Там, в Хуэскаре, в глубине души я верила, что меня поймут, смогут оправдать и, возможно, избавить от этого проклятия. Но Святой суд вынес иное решение...

— Я хочу спасти тебя от костра.

— Я поняла это, когда вы вошли, сеньор. Спаситель услышал мои молитвы и сделал вас своей милосердной рукою. Возможно, так будет лучше.

Рауль обнажил дагу. Она не отшатнулась и, словно убеждая саму себя, прошептала:

— Я верю, что Спаситель сжался надо мной, и мне нет нужды входить в пламя. Я его не заслужила. Спасибо, что не обращались со мной, как с собакой, сеньор. Если можно, сделайте это быстро.

— Все? — спросил Александро, у ног которого лежали тела надсмотрщиков.

— Да. Давай отнесем мертвцов внутрь.

Когда дело было сделано, капитан поднял с земли и швырнул в дверь переносной фонарь. Тот разбился, и масло, выплеснувшись на стены и солому, пробудило огонь. Словно волшебный, он взметнулся к низкому потолку, охватывая все помещение и с ревом вырываясь из маленьких оконечек. Александро, не удовлетворившись этим, разбил еще один фонарь об стену. И пламя, точно так же, как в предыдущий раз, словно подчиняясь чьей-то

воле, намертво вцепилось в бревна, а потом, подгоняемое ветром, метнулось на крышу.

— Уходим! — Александр хлопнул Рауля по плечу. — Сейчас набегут!

Они поспешили прочь. Быстро покинули деревню и уже в поле, не сговариваясь, обернулись. Зарево пожара и поднимающиеся над крышами языки пламени было видно даже отсюда.

Когда друзья оказались в седлах, наконец-то тревожно загудел набат. Рауль в последний раз оглянулся и затем пришпорил лошадь.

Ветер продолжал крепчать, раздувая огонь.

Вадим Панов

Четвертый сын^{*}

Ворожба закончилась. Растило видение, оборотившись медленными кругами на воде. Разбежалось увиденное, но еще не наступившее, рассыпалось в ничто, притаилось до срока в темных углах, куда не добирается огонек лучины, исчезло, оставив только след в памяти.

Очень глубокий след.

С тяжелым вздохом Гаруса отодвинула от себя плошку и тихонько выругалась, использовав, само собой, человесковские ругательства — в языке народа Мышиных гор грубые выражения отсутствовали. А затем, не сумев облегчить душу одиими только словами, женщина грубым жестом смахнула глиняную плошку на пол, резко вскочила и принялась яростно топтать ни в чем не повинную посудину, выплескивая из себя ненависть, злобу и страх — все, что подарила ей ярость.

— Скоты! Уродливые скоты! Обожравшиеся селедкой звери!

Полная ушла, веселись, ралан хей!

Полная ушла, ралан хей! Ралан хей!

А тот, кто полную не взял,

Тому Расмус Углежог лишь половинку дал.

Полная ушла, веселись, ралан хей!

Орали снизу пьяные люди.

* Взаимосвязан с рассказом Алексея Пехова «Лёниарт из Гренграса». См. сборник «Убить Чужого».

На первом этаже трактира, в низеньком душном зале, про- пахшем отрыжкой и потом, шло гульбище: то ли именины спра- вляли, то ли похороны. Обалдевшие от длинной северной зимы крестьяне и лесорубы прикончили не один бочонок пива, разба- вили его глёгом из кислого дешевого вина и теперь горланили песни, да хватали за бока толстых собутыльниц. Довольные по- визгивания последних смешивались с воплями мужиков.

— Уроды! — Гаруса скжала кулаки. — Ублюдки!

В Мышиных горах праздникиправляли иначе — организм нигири алкоголь не принимает, потому сородичи Гарусы весели- лись по-настоящему, не затуманивая головы всякой дрянью. Смеялись, танцевали и пели искренне, потому что хотели смеять- ся, танцевать и петь. Потому что праздник. Впрочем... Мышиные горы далеко. А пьяные люди рядом.

Да плевать на людей!

Будущее, отвратное и беспощадное будущее, открывшееся в ворожбе, занимало мысли колдуны.

Два месяца. Через два месяца Хельга скажет: «Он виноват!» — и все будет решено. Ничего не поправишь. Ничего не изменишь.

Два месяца.

Ворожба на столь короткий срок получалась великолепно, видна была каждая деталь, каждая фраза, каждый жест. И еще она была очень точной. Все будет именно так. Хельга скажет: «Он виноват!»

— Твари!

Гаруса взвыла, но тут же закрыла рот руками — услышат! — бросилась на кровать, уткнулась лицом в подушку, заглушила тоскливы крик пером и вонючей тканью, в которую его завер- нули.

Два месяца!

Подождать? Но хватит ли времени? Завтра его увезут. Ко- нечно, можно узнать куда, можно добраться до своих и все рас- сказать. Старейшины обязательно постараются помочь, но во- рожба... Ворожба показала, что Хельга скажет: «Он виноват!» А значит, старейшины не успеют.

И если кто-то и может все изменить, то только она, Гаруса. Ей решать, что случится через два месяца. Только ей.

Колдунья прошлась по малюсенькой комнате. Стол, три шага вдоль кровати — дверь, разворот, три шага вдоль кровати — стол, разворот... Лучина едва освещает потемневшие от времени стены, хорошо еще, что не сырье. Пахнет всеми, кто останавливался в этой конуре до нее, всеми сразу и каждым по отдельности. Запахи сливаются в привычную вонь придорожных трактир, на которую обращают внимание лишь случайно оказавшиеся здесь изнеженные аристократы да чистоплотные нигири.

«Два месяца!»

Как же трудно решиться...

До Мышиных гор рукой подать. Дорога займет не больше четырех дней, но... Но этот путь Гаруса собиралась совершить не раньше, чем через неделю. Вернулась гнилая лихорадка, которую женщина подхватила еще летом, в столичных болотах, и заставила нигири задержаться в человековском городишке. Болезнь вымогала, лишила сил, превратила черную татуировку на лице в серую.

Лихорадка.

Гаруса понимала, что четыре дня верхом, да еще зимой, ей не вынести. Болезнь еще не ушла. Болезнь выпила почти все соки. Болезнь...

«Ты думаешь не о том!» — резко одернула себя колдунья.

И сама удивилась мысленному окрику.

«Если не торопиться и ехать медленно, то шанс есть. Два дня до Хуснеса, день до Федхе, и день до отрогов. Базар не болен, все это время он отдыхал, он справится».

«Четыре зимних перехода?»

И она вдруг поняла, что решение принято.

Как же просто все оказалось. Сказать: «Надо», и согласиться: «Да, надо». Неуверенность, страх, жалость к себе — ерунда. Ведь она действительно должна это сделать, просто должна, такое емкое слово — должна... И сделает. А значит, долой неуверенность, страх и жалость к себе. Слезы высохли. Рыдания, вызванные беспильной яростью, ушли. Ибо ярость обрела силу. Те капли, что еще оставались в теле женщины. Теперь она знала, что делать, и думала только об этом.

«Четыре зимних перехода?»

«Я справлюсь».

«Умрешь в пути!»

«Посмотрим».

«Скоро Отиг! Что будет, если он застанет тебя в дороге?»

«Не застанет! Я успею!»

«У тебя нет сил ехать верхом».

«У меня есть ремни: привяжусь к седлу и доеду».

«Не хочешь поворожить на свое будущее?»

Рука машинально потянулась к валяющейся на полу плошке.

Налить воды, узнать...

Гаруса покачала головой: «Хватит на сегодня ворожбы. Все, что нужно, я уже знаю. А моя судьба в моих руках».

Она переступила через плошку и стала собираться. Нужно расплатиться с хозяином трактира, снарядить Бразара и... и кое-что забрать.

Обитатели Мышиных гор отличались от людей. Или люди отличались от них? Весь вопрос в том, кто был первым? Человеки забыли ответ, они вообще плохо помнили прошлое, а нигири не хотели им напоминать. Не боялись, не опасались, а именно не хотели. Потому что знали — забудут. Вот и казалось всем, что это не люди отличаются от нигири, а наоборот: нигири от людей.

Беличьи уши с пушистыми венчиками кисточек; огромные, синие, как тысячелетний лед Грейсварангене, глаза; щебечущие, похожие на птички, голоса... Но самое главное — магия. Давно ушедшие боги отняли у людей способность к волшебству, а вот у нигири она осталась. Покрытые черными татуировками колдуны умели вызывать ветер и утихомиривать его, управлять косяками рыб и стадами диких оленей, излечивать от болезней и страшных ран и находить железо. Они много чего умели, колдуны с синими глазами, а люди не любят тех, кто умеет больше них. Короли и герцоги улыбались старейшинам нигири, обещали мир и вечную дружбу. А по ночам их вассалы жгли деревни синеглазых колдунов и убивали детей с беличьими ушками. Магия помогает в жизни, но не делает всемогущим. Волшебник в состоянии справиться за раз с десятком бойцов, но что делать, когда в де-

ревню врываются три сотни обезумевших насильников? Когда горят все дома? Когда кричат все женщины? Когда из ночи летят стрелы, и, брызгая слюной, лают натасканные на нигири собаки?

Спасаясь от человековской злобы, маленький народ переселился далеко на север, заперся в скалах и не особенно привечал гостей. Сами нигири, случалось, заезжали в селения, даже до столицы добирались — выгнав чужаков с плодородных земель, люди позабыли о ненависти, — а вот люди в Мышиные горы не стремились.

Бразар коротко всхрапнул и, неловко переступив, остановился.

— Еще чуть-чуть, — едва слышно попросила Гаруса. — Пожалуйста, еще чуть-чуть.

Но видела — мольбы напрасны. Тарвагские скаковые козлы славились силой, невероятной выносливостью и чутьем. Они безошибочно шли по тропе, укрытой снегом любой толщины, распознавали припорощенные полыньи и легко скакали по обледенелым скалам. Длинная густая шерсть надежно защищала от морозов и козла, и всадника: случись буран, они садились на снег и пережидали непогоду тесно прижавшись друг к другу. Зима — родная стихия странных тарвагских скакунов, в северных землях им нет равных. Нет.

Вот только буран не случился. Зато выскользнул из-под раздвоенного копыта камень, и Бразар потянул заднюю ногу. Потянул так, что с трудом поднялся — тогда они завалились в снег — и долго тряс поврежденной ногой, надеясь привести мускулы в порядок. Исцелять Гаруса не умела, просто заглушила магией боль Бразара и вновь приказала скакать к горам.

Позволить ему идти шагом Гаруса не могла — наемник со всем рядом.

Первые люди, которых послал за ней староста Гунса, прекратили погоню в тот же день. Потеряли след, безмозглые стражники, утопили в незамеченной полынье одну из казенных лошадей, переругались — колдуны потратила часть магии, чтобы подслушать их разговоры — и ни с чем вернулись в городок.

Пить пиво в ожидании весны. Однако обрадоваться такому исходу дела Гаруса не успела. Едва стражники повернули назад, как их место занял другой человек. Молчаливый одиночка, которого трактирщик из Хуснеса — этот разговор колдуны также удалось подслушать — назвал Леннартом Изгоем. И этот преследователь был куда опаснее предыдущих — Гаруса чуяла угрюмую ауру безжалостного охотника за головами, непонятно каким ветром занесенного в северное захолустье.

«Это судьба, — усмехнулась нигири, соскальзывая со спины вымотанного козла. — Предсказания должны сбываться, иначе в них нет смысла».

Лихорадка, лишившая ее сил — вывернувшийся из-под копыта камень — страшный наемник за спиной. Колечки случайностей, нанизанные на исчезающее время. А в финале — невозумимый Орвар Большое Брюхо. Но сожалеть не о чем — Гаруса сама выбрала свой путь.

Женщина подошла к пошатывающемуся козлу и правой рукой — левой она прижимала к груди объемистый меховой сверток — ласково потрепала его по морде.

— Устал, Бразар?

Скакун снова всхрапнул и ткнулся Гарусе в плечо.

«Зачем спрашиваешь, хозяйка? Неужели не понимаешь?»

— Я все понимаю. А ты?

Козел вздохнул. Он тоже все понимал.

Тарвагские звери не только сильны и выносливы — они умны. А уж те из них, кому доводится служить колдунам, со временем начинают улавливать и мысли, и эмоции хозяев. Бразар чуял смерть, дышащую им в спину. И видел смерть, ждущую впереди. Бразар все понимал, но не обвинял Гарусу, добрую хозяйку, приведшую его к гибели. Потому что знал: она протянет ненамного дольше. Лихорадка в ее глазах была лишь отражением пламени, что разгоралось внутри. Смертельного пламени.

Посреди заснеженного поля, на лютом ледянном ветру двое обреченных смотрели в глаза друг другу. Нигири и зверь. А по их следу шел безжалостный человек.

— Мы должны идти, — прошептала женщина. — Иначе все напрасно. Абсолютно все.

Она умела найти правильные слова, добрая хозяйка Гаруса, приведшая их к гибели. Упрямство — черта, может, не лучшая, но в какой-то момент только оно способно придать сил. Только оно. И еще злость.

На этот раз Бразар фыркнул. Не устало, не уныло — яростно.
«Моя смерть не будет бессмысленной!»
И ударил копытом по снегу.

Он бодрился, бодрился из последних сил, потому что знал: без него добрая хозяйка не продержится и двух часов. Пока он рядом — есть надежда. Пусть даже он не может скакать. Пусть. Пока он рядом — ей проще. Значит, он должен быть рядом, пока может.

— Отдохни чуть-чуть, — тихо сказала Гаруса. — А я попробую уравнять шансы.

Скакун с наслаждением опустился на снег — эх, поспать бы! — женщина положила рядом с Бразаром меховой сверток, укрыв его от пронизывающего ветра, и отошла шагов на десять назад, по следам, что оставил на снегу козел.

— Надеюсь, человек, ты будешь достаточно туп, чтобы попасться в мою ловушку.

Гаруса сняла меховые рукавицы, подула на вмиг закоченевшие руки и принялась медленно — пальцы сводило на стылом ветру — увязывать в полотно магические нити. Один узелок, второй... Две красные сплетаются с черной. Белую почти не видно, но она нужна.

«Сосредоточься, Гаруса! Без белой нити ничего не получится! Четыре! Четыре узелка на ней!»

В рукавицах или перчатках полотно не сплетешь, а на морозе пальцы деревенеют мгновенно. Перестают слушаться, теряют ловкость. Четыре узелка на едва различимой в пурге белой нити — как четыре ледяные вершины, на которые нужно взойти обнаженной. А ведь ее еще нужно сплести с остальными, выложить на снегу злой узор, налить в него яду. И все — на ветру, не защищенными руками. Будь сейчас лето и будь у нее больше сил, Гаруса подготовила бы наемнику ловушку получше, сплела бы не полотно на земле, а шатер из тонких нитей, в котором запутались бы и конь, и всадник. Но сейчас даже ядовитый платок дал-

ся женщина с огромным трудом. Небольшой, плохо замаскированный, он лежал прямо на следах Бразара. Стоит преследователю проехать в стороне, и усилия Гарусы пропадут — сшитое не послушными пальцами полотно останется нетронутым, поджиная другого прохожего.

— Надеюсь, человек, ты будешь достаточно туп, чтобы попасться в мою ловушку, — повторила женщина, обращаясь то ли к скачущему за ней убийце, то ли к богам. — И не сразу поймешь, почему твой конь споткнулся.

Если конь Леннарта ступит на платок, а сам он не поторопится спрыгнуть, то погоня на этом прекратится. Если наемник окажется шустрым, погибнет только скакун. Если же убийца проедет в стороне...

Об этом Гаруса думать не хотела.

Закончив колдовать, она вернулась к Бразару, уселась перед ним и тихонько заплакала. Не от отчаяния — у нес еще были силы продолжать борьбу, не от боли — руки, обожженные ледяным дыханием зимы, еще не успели согреться, еще ничего не чувствовали. Вполне возможно, они никогда ничего не почувствуют. Почернеют, и...

Да какая разница, что станет с руками? Жить-то осталось...

Гаруса плакала, чтобы набраться сил. Чтобы выдавить из себя и отчаяние, и боль, и безнадежность, и жалость к Бразару. Плакала, чтобы избавиться от беспросветной тьмы, поглощающей душу. Плакала, чтобы выдавить из себя слабость.

Потому что до тех пор, пока внутри горит огонь, даже смертельный, она не проиграет. Не сможет проиграть.

Скакун потерся носом о плечо женщины.

— Да, Бразар, нам надо идти, — согласилась Гаруса, утирая слезы. — Надо идти. Мы должны добраться до отрогов до темноты...

Ничего не чувствующими руками она прижала к груди мховой сверток и, пошатываясь, пошла за ковыляющим козлом.

«До темноты, Бразар, у нас есть время только до темноты. Мы должны добраться до отрогов до того, как наступит Отиг...»

Но понимала: не успеют.

* * *

Самая длинная ночь в году. Самая холодная. Самая страшная.
Просто Отиг.

Одно из тех правил, что существовали с зарождения мира, — ночь, отданная под абсолютную власть тьмы. Непреступная стена, отгораживающая людей и нигири от порождений зла, падала, и создания мрака становились полноправными хозяевами заснеженных просторов. Играла бесконечную свадьбу Ледяная Невеста, весело губя попавших в хоровод горемык. Мчалась по полям Дикая Охота, до смерти засекая припозднившихся путников кнутами или травя адскими псами. Угрюмый Расмус Углежог перетирал несчастных в стылый черный порошок, а рыжая бестия Дагни Два Сапога задорно топтала людей в вихре кровавого танца.

Просто Отиг.

Ночь тех, кому ненавистны и люди, и нигири.

Спастись от сумрачных тварей можно было лишь в доме, у горящего очага, крепко накрепко закрыв дверь и повесив на окна тяжелые ставни. Так повелели древние боги, и это было еще одно нерушимое правило: если у тебя есть крыша над головой, ты выживешь. И поэтому самую длинную в году ночь люди не спали. Сидели у очага, подбрасывая в спасительное пламя смолянистые поленья, ели оленину с брусникой, пили пахнущий миндалем и гвоздикой глёг и вели длинные разговоры о Тех, Кто Прячется В Ночи. В первые часы бдения с детства знакомые байки казались страшными, почти правдивыми; истории о пропавших во время Отига приятно щекотали нервы, мурашками бежали по коже, вызывая желание опрокинуть еще кружечку и поведать свою собственную сказочку: «Случилось это прошлым годом в Федхе...» — на самом деле — слышанную в детстве от бабушки. Постепенно хмель ударял в голову, голоса становились громче, таинственный шепот сменялся раскатами хохота, и вот уже Ледяную Невесту называют старой девой, Охотника — браконьером, получившим хороший урок от храброго лесника, Расмуса — неудачливым олухом, не сумевшим продать подмоченный уголь заезжим купцам, а кровопийцу Дагни — ненасытной шлюхой.

Утро люди встречали по-разному. Кто-то просыпался в обятиях красотки — через девять месяцев после Отига в северных землях регулярно случалось массовое прибавление детишек. А кто-то вылезал из-под стола, оглядываясь, чем бы опохмелиться.

Может, именно поэтому Отиг стали считать праздником?

Хотя какое это вселье, если нельзя выходить из дома?

Бразар двигался медленно, настороженно, фыркая едва ли не на каждом шагу. Он наклонил голову, выставив перед собой витые рога, и смотрел исподлобья, готовый в любой момент атаковать или отразить удар противника.

Еще невидимого, но уже находящегося где-то рядом. Тенью перелетающего над заснеженными деревьями, с шипением выующегося меж стволов, изредка выглядывающего из-за сугробов. Противника древнего, как мир, и злого, как мир свихнувшийся.

Впрочем, в эту ночь мир действительно сходил с ума.

Отиг.

Который запершился в домах люди называют праздником. Чтоб он никогда не наступал, проклятый.

Гаруса шла справа от скакуна. Меховой сверток с одной стороны прикрывает мощное тело козла, с другой — женщина. Вторая рука свободна, на первый взгляд безоружна, но в ладони клубятся магические нити. Случись нападение, нужно только стряхнуть рукавицу, выкрикнуть пару слов — и в противника полстит пучок раскаленных молний. Мощный пучок, который сожрет всю оставшуюся у Гарусы магию. Но создания тьмы глупы, они не поймут, что ведьма выдохлась. Пропустив удар, они отступят и пойдут следом, завывая, шипя в бессильной злобе, но не рискуя атаковать снова. Создания тьмы глупы и трусливы. Главное — не промахнуться в первый раз.

«Не промахнусь, — пообещала себе инигири. — Один раз точно не промахнусь».

К счастью,очные твари избегали нападать на путников. Шуршали, шипели, таращились, но не атаковали. Учゅяли мага и решили пока не связываться. Несмотря на свою тупость, понима-

ли, что раскаленные нити — это не человеческое оружие, неспособное причинить вред бесплотным, от пучка не уйти.

— Ты нашел дорогу?

Бразар фыркнул, и Гаруса уловила виноватые нотки.

«Не нашел».

И этот факт беспокоил женщину гораздо больше, чем шныряющая вокруг нечисть, — они заблудились. Запутали в нескольких лигах от границы Мышиных гор, в местности, которую Бразар знал как свои копыта. Но дорогу потерял. А значит, рядом скрывается кто-то очень сильный и очень опасный — мелкая нечисть неспособна заморочить голову тарвагскому зверю.

— Нас ждет неприятная встреча, Бразар.

Короткий всхрап, уверенный и спокойный: «Будем драться».

Он не ел с утра, дрожал от усталости, плохо владел поврежденной ногой и поэтому не испытывал ни малейшего страха. Откуда взяться страху, когда знаешь, что умрешь?

И тут же наклонил голову еще ниже: «Враг!»

— Хум-хум-хум.

Все поменялось в мгновение ока.

Только что они, проваливаясь в снег, шли меж деревьев, сугробов и похожих на сугробы кустарников. И вот перед ними широкая, расчищенная и утоптанная дорога. Только что вокруг шныряли сумрачные твари — теперь не слышно ни шороха, ни шипения. Только что на небе в редких разрывах между тучами мелькали тусклые звезды и мрачная луна Отига — сейчас над головой разливалась беспросветная тьма.

«Начинается!»

Гаруса прекрасно понимала, что дорога — порождение Отига, точнее, сил, что выбрались из мрака, а еще точнее — самых мощных сил. Впереди их ждет полная неизвестность, вполне возможно — участь, по сравнению с которой меч наемника покажется детской забавой, но... Но ты идешь, ты жив, ты надеешься. Участь, она ведь или случится, или нет, а меч идет следом. Так что лучше дорога.

— Хум-хум-хум.

Басовитое бормотание, как выяснилось, издавал тролль.

Лохматую гору путешественники заприметили издалека, но с дороги решили не сходить — в конце концов, чем раньше они кого-нибудь встретят, тем быстрее все прояснится. К сожалению, не прояснилось. Тупое создание, издающее сшибающую с ног вонь, занималось делом — чистило и без того идеально вычищенную дорогу широкой деревянной лопатой. Судя по всему, кто-то забыл отменить приказ, и бедолага, вместо того чтобы веселиться с остальными тварями, вынужден трудиться не покладая рук.

Увидев путников, тролль в очередной раз выдал грустное:

— Хум-хум-хум.

И вежливо приподнял обтрепанную войлокочную шляпу с широченными полями, мгновенно став похожим на человекаовского крестьянина, выпрашивающего деньги на пиво.

Глаза печальные. Тяжело работать в праздник...

Трудолюбивую скотину путешественники обошли по широкой дуге; тролль не возражал, вернулся к своему занятию. Но еще через полсотни шагов Бразар вновь замер: на широкой дороге стояли три белоснежные собаки. Широкогрудые, с пушистой, густой шерстью, мощными телами и длинными лапами. Пасти ощерены в звериной улыбке, демонстрирующей длинные клыки, свешиваются красные языки, по которым стекает желтоватая слюна, глаза горят.

Враг?

«Собаки, — поправила себя Гаруса. — Всего лишь собаки».

Враг появится позже.

Бразар тоже понял, что зря забеспокоился. Фыркнул, извиняясь перед хозяйкой за напрасно поданный сигнал тревоги, сделал шаг вперед и презрительно посмотрел на псин: «Что, хвостатые, будем драться?»

Тарвагские звери и так-то не подарочек для сумрачных ублюдков, а уж если хозяйка-колдунья аккуратно вплетала в растущие рога магические нити, то мелким тварям с козлом лучше не связываться. Псыны здоровы, но их лобастые головы едва доходят до груди Бразара — очень удобно и для удара копытом, и для укола рогом.

«Поддернемся?»

Нет, не станут.

Поняв, что нагнать на путников страху не получилось, собаки расступились, а желтоглазая сука мотнула головой и тявкнула.

— Нас приглашают в гости, — вздохнула Гаруса.

Бразар фыркнул, гордо вскинул голову и уверенно шагнул вперед.

По дороге пришлось пройти около ста шагов. Трусиившие следом псины зыркали зло, но благоразумно не приближались: понимали, хвостатые, что тарвагский зверь не упустит возможности наподдать зазевавшейся твари по окороку, а связываться не хотелось. Рога, копыта, пучок раскаленных нитей в ладошке нигири — нет уж, увольте, найдем другую дичь, послабее.

Закончилась дорога на большой поляне, окруженной старыми осинами с омертвевшими, высушенными вершинами и обломанными нижними ветвями. Вдоль деревьев шла невысокая ограда, сложенная из речных камней, а внутри виднелись покосившиеся могильные плиты.

Заброшенное человековское кладбище. Типично для них: закопать мертвых где попало, плюнуть и уйти. И забыть.

«Ложь, — покачала головой Гаруса. — Все вокруг — ложь. У отрогов Мышиных гор никогда не было человековских погостов. Меня обманывают».

Псины осторожно просочились мимо Бразара и побежали к центру кладбища, к большому костру, к тем, кто грелся у огня.

К настоящим врагам.

— Мы должны пройти, — твердо сказала нигири.

Кто бы ни сидел у костра, кто бы ни встал на их пути.

«Я должна пройти, и я пройду!»

И никаких сомнений, никаких колебаний, никакой робости. Если ты дружишь со страхом, тебе не дано принимать смелые решения.

Скакун кивнул, но с места не сдвинулся: сделать первый шаг должна хозяйка.

Гаруса неспешно выпустила из ладони нити, позволив им втянуться обратно, откинула с головы капюшон и медленно подошла к костру.

— Вам неведомы законы гостеприимства, поэтому я возьму ваш огонь без спроса.

— И не пожелаешь нам здравствовать? — удивился толстяк, одетый лишь в драную собачью шубу и грубые штаны.

— Вы не живете, вы существуете, — презрительно отзвалась нигири. — Зачем вам здоровье?

— Тебе бы оно не помешало, — протянул толстяк, разглядывая обмороженные руки колдуны. — Больно?

— Не твое дело.

Она уселась на ближайшую к огню шкуру, положила меховой сверток на колени, расстегнула шубу и вытащила из-за пазухи маленький бурдюк с молоком, согретый теплом ее пылающего в лихорадке тела.

Сидящие у огня промолчали даже тогда, когда из свертка послышался плач. Гаруса спокойно открыла ребенку лицо — возле костра можно было не опасаться мороза — и принялась осторожно кормить проголодавшееся дитя.

— Гх-км... — откашлялся толстяк. Он почесал огромный живот и с улыбкой оглядел товарищей. — Я же говорил, что будет весело.

И вцепился зубами в сочную свиную ножку.

— Нравится, когда тебя унижают? — угрюмо осведомился чернобородый мужчина, одетый в грязную дубленую куртку и такие же штаны.

— Нравится, когда меня не боятся, — неразборчиво промычал толстяк — его рот был набит мясом.

— Вот и развлекался бы с ней в одиночку.

— Кто же знал, что вы припретесь ко мне в гости?

Чернобородый ощерился, хотел выругаться, но его опередила приятельница — рыжеволосая женщина, щеголявшая по зимнему лесу в тонком зеленом платье с глубоким декольте и в бархатных остроносых полусапожках, украшенных пошлыми блестками.

— Она нас боится, Орвар, — холодно произнесла рыжая, высокомерно разглядывая кормящую ребенка Гарусу — Ей страшно.

Стоящий за спиной хозяйки Бразар презрительно продемонстрировал красотке желтые зубы.

— Не за себя, Дагни. — Орвар Большое Брюхо покачал лысой головой. — Нигири боится не за себя.

— Какая разница? Она боится, а ты обещал нам нечто необычное

— Никто не виноват, что вы не способны увидеть необычное!

— Не зарывайся, Орвар!

— Хватит вопить, Сив^{*} разбудите, — пробурчал щуплый молодой человек, восседавший на шкурах в окружении трех собак. Лицо у него было неприятное, одутловатое, а вот серые глаза притягивали: в них читался глубокий ум и тут же — бешеное, безумное веселье. Замечательные глаза. Очень больные.

Сделав товарищам замечание, Охотник потянулся и с неожиданной мягкостью поправил шкуру, под которой спала некрасивая молоденькая девчонка.

Будить чокнутую невесту никто не хотел.

Дагни Два Сапога прошипела ругательство и вернулась на свое место рядом с Расмусом. Орвар одобрительно кивнул и принялся грызть появившиеся из воздуха свиные ребрышки. Углежог сделал вид, что отвлекся, и принялся расспрашивать рыжую, что же, собственно, произошло.

Последний же из сидевших у костра обратил на появление Гарусы ровно столько же внимания, сколько и спящая Сив. Широкоплечий мужчина, расположившийся неподалеку от Охотника, сидел, положив руки на гарду воинского в снег меча, и не отрываясь смотрел на огонь. То ли думаст о чём-то, то ли спит с открытыми глазами, то ли плевать ему на все.

Тем временем нигири накормила ребенка, укачала его — малыш зачмокал и быстро уснул, — положила сверток на шкуру, поднялась и без спросу зачерпнула кружкой отвар из висячего над огнем котелка. Гарусс нужно было подкрепиться, выпить горячего, ей было безразлично, что булькает в котелке, но почувствовав с детства знакомый запах медового свунса — традиционного напитка нигири, — не сумела сдержать довольную улыбку

«Вовремя!»

* Сив — невеста (норв.).

— Нравится? — осведомился Орвар, поглаживая всклокоченную, цвета ржавчины бороду.

— Слишком много корицы, — отозвалась женщина.

— Зато и меда я не пожалел.

По телу разлилось приятное тепло, делая тяжелыми и руки, и ноги, и голову. Хотелось сидеть у огня вечно. Никуда не спешить. Ни о чем не думать. Ни за кого не бояться. Тишина и покой. Умиротворение. Сон...

Вечный сон.

Гаруса стряхнула с себя дрему. Отшвырнула кружку, угодив в лоб не ожидавшей такого Дагни — Орвар тонко захихикал, — резко повернулась и положила руку на меховой сверток. Он здесь. Спит. Все в порядке.

Ей есть за кого бояться.

Бразар фыркнул, подтверждая, что тоже бодрствует.

Колдуны вновь повернулась и встретилась взглядом с Большим Брюхом.

«Не расслабляйся, Гаруса, все только начинается!»

«Правильно, — подтвердили маленькие, спрятанные глубоко под тяжелым лбом глаза Орвара. — Все только начинается. Держись, нигири!»

— Спасибо, что позволили отдохнуть, — ровно произнесла женщина. — Но злоупотреблять гостеприимством не в моих правилах.

— Занятное слово: злоупотреблять, — протянул Охотник. — Зло употреблять. Внутрь или снаружи?

— Употреблять во зло, — усмехнулся Орвар, облизывая лоснившиеся салом пальцы.

— Тебе бы только употреблять, — скривилась Дагни.

— Ага, — подтвердил Большое Брюхо. — Лучше быть гурманом, чем убийцей.

— Пожиратель падали.

— Я пожираю, а ты мне ее доставляешь. Кто из нас лучше?

— Ты лопаешь слишком много человечины, — заметил Охотник. — Пропитался гнусной моралью. На самом деле мы должны обсуждать не кто из нас лучше, а кто хуже.

— Скучно.

— Перережь себе вены. Станет веселее.

Они надоели друг другу до чертиков и, судя по всему, способны были препираться бесконечно. Гаруса демонстративно зевнула и поинтересовалась:

— Так я пойду? — И спокойно выдержала взгляды четырех пар глаз.

— Ну что, братья, отпустим гостю? — ухмыльнулся Орвар.

— Давай отпустим, — согласился Расмус, тяжело глядя на нигири. — Пусть идет.

Злоба, полыхнувшая из-под черных бровей, не сулила Гарусе ничего хорошего.

Теперь женщина четко понимала расклад сил: сейчас она на кладбище, во владениях Орвара, который почему-то не склонен причинять ей вред. Или хочет поиздеваться, поглумиться над попавшей в ловушку Отига Гарусой, но, судя по всему, готов предоставить ей шанс. А вот стоит шагнуть за ограду, как рядом появится Расмус, сумасшедший угольщик, большой любитель перетереть добычу в черную пыль. И все знали, что нигири чернобородый ненавидит больше человеков. Потому что...

— Хочешь со мной встретиться, Углежог?

— Позабавиться, — уточнил Расмус.

Его рыжая подружка скрчала гримасу, показывая, что ей забава тоже доставит удовольствие.

— И не боишься? — холодно осведомилась женщина.

— Боюсь? — Чернобородый расхохотался. — Я прихлопну тебя, как муху, татуированная дрянь.

— Можешь прихлопнуть. — Гаруса усмехнулась. — Но становишь ли?

— Ты не первая нигири, из которой я сделаю полмешка угля.

— Но я первая нигири, которая способна пережечь на уголь тебя. — Женщина с вызовом посмотрела на Расмуса. — Ты ведь знаешь, кто я.

Бразар угрожающе фыркнул, напоминая, что драться грязной твари придется не только с хозяйкой.

— Колдунья. — Углежог сплюнул. — Тем лучше. — Сжал кулаки. — К тому же ты слаба и трясеешься в лихорадке.

— Это тебя особенно радует, не так ли, Расмус Грязный Трус? Ты ведь не нападаешь на сильных колдунов нигири, которые плевать хотели на Отиг. Обходишь их стороной.

Чернобородый зарычал.

— Смелая, — коротко высказался Охотник.

— Глупая, — презрительно бросила Дагни Два Сапога.

— Отчаянная, — угрюмо произнес Орвар, обгладывая очередную кость. — Она будет драться до последнего. И козел ее — тоже. А когда закончится магия, она станет рвать когтями и зубами. — Рыгнул и закончил: — Я бы на твоем месте поостерегся трогать мою гостью, Расмус.

— Ты издеваешься? — Чернобородый задохнулся от ярости. — Да я ее...

— А ты загляни в будущее, грязнуля, — издевательским тоном предложила Гаруса. — Посмотри, чем закончится наша схватка.

Предсказания не давались ночным тварям. Они знали все, что было раньше, знали все, что было сейчас, но грядущее... Смотреть вперед им не разрешалось.

— Она ворожила! — тревожно воскликнул Углежог

И кто знает, что увидела? Уж не потому ли колдунья ведет себя столь нагло, что уверена в победе? Что предсказание показало гибель знаменитого Расмуса? Нигири кажется слабой, но кто знает, на что способна татуированная дрянь? Опять же — козел. Таращится из-за спины хозяйки да рогами поводит. А в два витых кинжала наверняка вплетены магические нити...

Размышления Углежога столь явно отразились на его физиономии, что Охотник не выдержал — беззвучно заржал, повалившись на оленью шкуру. Заулыбались псы, вывалив из пасть языки. Хихикнул Орвар, но тут же закашлялся, подавившись очередным куском. Даже мечник, что до сих пор играл в статую, и тот шевельнулся.

Покрасневшая Два Сапога вскочила на ноги:

— Расмус, выдери эту дрянь! Брюхо не посмеет вступиться! В конце концов, сейчас Отиг, мы в своем праве!

— Да, Расмус, будь мужчиной, победи едва живую женщины, — немедленно встрял толстяк. — Убей ее. Тебе ведь нетрудно.

— Я сам решу... — начал было чернобородый.

— Ты будешь решать в угольной яме! — рявкнул Орвар так, что с окружающих кладбище осин посыпался снег. — А сейчас ты у меня в гостях!

Расмус втянул голову в плечи. Два Сапога, ожидавшая от приятеля большего героизма, с независимым видом уставилась на холеные ногти.

— Я же просил — потише! — Охотник обеспокоено посмотрел на заворочавшуюся Сив. — Невеста проснеться — приставать начнет. Оно вам надо?

Оно оказалось никому не надо.

Дагни на цыпочках подкралась к спящей и умело просвистела ей в ухо мелодичную колыбельную. Девушка неразборчиво пробормотала несколько слов, перевернулась на другой бок и затихла.

Дальнейший разговор продолжали громким шепотом.

— Ты специально ее привел! — Углежог ткнул грязным указательным пальцем в Брюхο.

— Ага, — подтвердил тот, объедаясь свиными ушами.

— Я бы с удовольствием прошла мимо, — вставила Гаруса. — Охота была в Отиг по гостям шляться. Да еще с ребенком.

. — И попала бы к братцу Расмусу. — Орвар ответил чернобородому его же жестом: направил на Углежога толстый указательный палец, с которого капал жир. — Который и ребенком бы не поперхнулся.

— Решил надо мной поиздеваться? — угрожающе проскрипел Углежог.

— Поиграть, — уточнил Большое Брюхο. — Хотел повеселиться.

— Я тебе покажу «поиграть»!

— И что же ты мне покажешь?

— Толстый братец забывает, что нас двое, — вкрадчиво пронесла Два Сапога.

Расмус приободрился. Но ненадолго.

— Орвар не один, — подал голос мечник.

Углежог поскучнел. Дагни выругалась. Гаруса поняла, что чего-то не поняла. Бразар шумно выдохнул, без колебаний при-

нимая в ряды еще одного бойца. Большое Брюхо улыбнулся, вгрызаясь в аппетитнейший окорок. Охотник удивленно поднял брови, но промолчал, зато принял рассеянно ерошить шерсть лежащей рядом суки.

— Зачем тебе, Ингольф? — осведомилась Два Сапога.

— Мое дело, — коротко отозвался мечник, по-прежнему глядя на огонь. И повторил: — Орвар не один.

Гаруса тихонько перевела дух.

«Что все это значит?»

— Колдунья моя, — злобно сказал Расмус. — Она шла ко мне.

— Ошибаешься, братец, она шла ко мне, — вздохнул Большое Брюхо, которого еще называли Повелителем Кладбищ, и пристально посмотрел на женщину: — Не так ли?

— Сматря что ты имеешь в виду, — тихо отозвалась нигири.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Все идут к тебе, братец, — грубо说道 Расмус. — Все попадают на кладбища.

— Но никто не торопится, не лезет без очереди, а когда приходит время, всеми силами старается избежать участия. И вот... — Орвар замолчал, не спуская глаз с женщины, которая машинально положила руку на меховой сверток. То ли пыталась защитить, то ли набраться сил. Продолжать невысказанную мысль Большое Брюхо не стал. Жестко заявил: — Я сожру твою плоть и обглюдаю кости, колдунья.

— Я знаю.

— Не останется ничего.

— Я знаю.

— И тебе будет очень больно. Ведь смерть — только начало, потом прихожу я.

— Вечноголодное пузо.

Орвар так посмотрел на Расмуса, что тот прикусил язык. Углежек надеялся, что толстяк вернется к разговору с нигири, но Большое Брюхо решил приструнить вякнувшего грязнулю:

— Ты забываешь, братец, что я буду есть до тех пор, пока будет кого есть, — медленно протянул Орвар. — Рано или поздно у меня в зубах окажутся все. Даже те, чья плоть существует только в Отиг.

— А потом пожресь себя? — осведомилась Два Сапога.

— «Потом» для тебя не будет, так что какая тебе разница?

— Почему ты ей помог?! — не выдержал Расмус. — Зачем привел сюда?

Гаруса с интересом посмотрела на толстяка. Тот невозмутимо почесал объемистый живот, икнул, принимая из воздуха жареную курицу, и снисходительно объяснил:

— Потому что ты бы ее убил, Расмус. И тем самым помог бы наемнику.

— Наемника убила бы я, — усмехнулась Два Сапога. — У мужланы горячая кровь.

Губы Дагни налились бордовым, в зеленых глазах мелькнуло безумие... безумная жажда. Гаруса презрительно скривилась.

— Собачками этих тварей, — рассеяно пробормотал Охотник. — На снегу догонят, покатятся, кровь во все стороны брызжет, красота!

И скжал кулак, прихватив шкуру суки. Та заскулила.

— Скучно, — вздохнул толстяк. — Из года в год одно и тоже, никакой фантазии. Чем же вы отличаетесь от тех безмозглых созданий, что носятся сейчас по миру?

— Мы среди них главные, — напомнила Два Сапога.

Орвар саркастически хмыкнул и перевел взгляд на нигири:

— Кстати, твоя шутка удалась, женщина: наемник потерял коня и теперь тащится по лесу на лыжах.

— Я рада, — ровно ответила Гаруса.

— Не торопись, — предостерег ее Большое Брюхо и вернулся к любимым родственникам: — Чего решили?

Расмус переглянулся с Дагни. В их взглядах читалась бессильная злоба: они не имели власти на территории Повелителя Кладбищ и были вынуждены принять его условия.

— Как мы будем играть? — выдавил из себя чернобородый. Словно гноем сплюнул.

— У них гонка, — спокойно начал Орвар, с наслаждением дробя зубами птичьи косточки. — Гаруса торопится к Мышиным горам, Леннарт пытается ее перехватить.

— Леннарт Изгой? — перебил его внимательно слушавший разговор Охотник. — Наемник из Гренграса?

— Да, — подтвердил Большое Брюхо.

— Туповат, — поморщилась Два Сапога.

— Зато честен, — буркнул Расмус.

— И упрям, как тарвагские тягловые бараны, — сообщил Орвар, ласково разглядывая прилетевшую из темноты баранью голову в чесночном соусе.

— Неплохой боец, — закончил Ингольф. — Для простолюдина, конечно.

— Так вот, — продолжил толстяк, — мы продадим смертным помощь. Подчеркиваю: продадим. Я подсоблю женщине, вы — наемнику. Посмотрим, кто окажется удачливее.

— Мне нравится, — кивнул Охотник. — Жестокая игра.

— Получается, мы никого не убьем? — разочарованно заметила Два Сапога.

— У других кровь выпьешь, — проворчал Орвар. — Отиг длинный.

Немного успокоившись, Расмус огладил черную бороду, пожевал губами, обдумывая следующую фразу, после чего веско произнес:

— Я определю, чем заплатит нигири.

Он согласился на предложение Орвара, но, судя по тону, от этого своего условия отступать не собирался.

Гаруса поджала губы.

— Договорились, — кивнул Большое Брюхо.

— Ты заплатишь за помощь остатками своей магии, татуированная сука, — затараторила Дагни. На ладони рыжей появился тусклый ледяной шарик: — Заставь его засиять.

И покосилась на Углежога. Тот кивнул, одобряя выбор подруги.

— Это очень высокая цена, — после паузы произнесла нигири.

— А у тебя нет выхода, ушастая, — усмехнулась Два Сапога.

Глаза Дагни засверкали, ноздри раздувались, губы подрагивали в предвкушении ответа. Два Сапога не сомневалась, что ответ будет положительным, — Гарусе действительно некуда деваться, и рыжая упивалась властью над женщиной.

«Пусть не получилось убить — зато мы ее замучаем. Орвар прав: так веселее».

— Сначала мы определим, что я получу за остатки магии.

— Чего же ты хочешь?

— Об этом я скажу только Орвару.

И прежде чем Расмус успел открыть рот, нигири и толстяка накрыла снежная пелена.

— Ты обязан сказать, чем ей помог, — угрожающим тоном заявил Углежог, наблюдая за удаляющейся нигири.

— Не обязан, — отрезал Орвар.

— Вдруг ты перенесешь ее в Мышиные горы?

Чернобородому очень хотелось, чтобы ведьма сдохла.

— Я мог бы перенести ее без лишних разговоров, — покачал головой толстяк. — Но это было бы неинтересно. Не волнуйся, братец, я чту правила: Гаруса пойдет к Мышиным горам сама, без магии. И Леннарт легко ее догонит. — Орвар взял в руки кусок говядины. — Кстати, не забывай, Расмус, что цену Изгою выставлю я. И эта цена — меч Леннарта.

И выразительно посмотрел на Ингольфа.

Два Сапога перехватила взгляд толстяка и нахмурилась. Охотник прищурился. Ингольф остался невозмутим. Углежог же, поразмыслив над предложением Большого Брюха, возмутился:

— Чем же он ее зарежет?

— Придумает что-нибудь, — махнул рукой Орвар. — Или вы ему подскажете... На самом деле, нам пора определиться с куда более важным вопросом: на что спорим?

— Если выиграет наемник, ты отдашь мне свою знаменитую собачью шубу, братец, — предложил Расмус. — И весь следующий год проходишь в одних штанах.

Толстяк похлопал себя по животу, подумал, высасывая из косточки мозг, после чего кивнул:

— Хорошо. Но если победит нигири, я спилю у Дагни каблуки с сапог. Пусть она в следующий Отиг будет похожа на идиотку.

— Я с тобой не спорила, жирный ублюдок! — завила пила Рыжая.

— Ты подруга Расмуса.

— Но не его вещь!

— Да, Брюхо, придумай что-нибудь другое, — примирительным тоном предложил Углежог и покосился на проснувшуюся Сив: — Не хочешь заключить пари, сестричка?

— Я хочу замуж, — честно ответила некрасивая девушка, хлоная редкими ресницами. — Пойдешь?

— Я замуж не хожу, — ответил чернобородый, на всякий случай отодвигаясь от приставучей Невесты подальше. — Я в жены беру.

— Возьми меня, — предложила Ледяная Невеста. — Я хорошая...

— Дорогая! — возмутилась Два Санога, услышав предложение Сив. — У тебя совесть есть?!

— У меня мужа нет, — всхлипнула та. — Танцую, танцую, а муж все не приходит.

— На танцы только прохвосты слетаются, — с умным видом заявил Орвар. — Хорошего мужика прикармливать надо.

И принялся облизывать пальцы.

— А тебе жена не нужна?

— Ты готовить не умесишь.

Невеста запустила в жидкие волосы тоненькие пальчики и беззвучно заплакала. Дагни уселись рядом с Расмусом и они о чем-то зашептались. Большое Брюхо ковырялся в зубах, ожидая, когда из темноты прилетит следующая перемена. А Ингольф и Охотник, отодвинувшись как можно дальше от товарищей, нетромко вели собственную беседу.

— Как ты думаешь, что попросит наемник? — поинтересовался мечник, бесстрастно разглядывая одну из собак Охотника.

— Коня, разумеется, — усмехнулся тот. — На лыжах ему нигири не дognать.

— А он очень хочет до нес добратьсяся, — вздохнул Ингольф.

— Так сильно, что не побоялся отправиться в путь накануне Отига, — подтвердил Охотник.

Мечник помолчал, а затем твердо произнес:

— Я хочу ей помочь.

Охотник сжал ухо желтоглазой суки — та удивленно посмотрела на хозяина, — однако ответил собеседнику прежним, спокойным тоном:

— Нигири сама решила, что купить на остатки магии. Разговор окончен.

— Будет лучше, если Леннарт умрет, — холодно сказал Ингольф.

Сказал решенным тоном.

— Хочешь вмешаться в спор Орвара и Расмуса? Грязнуля будет недоволен.

— И что он сделает? Убьет меня?

Охотник расхохотался:

— Хорошая шутка, Ингольф! — И тут же стал серьезным: — Но я не хочу ссориться с Углежогом. Мне нравится дикость грязнули.

— Для меня это очень важно, — прорычал мечник. — Разреши мне поединок.

Несколько секунд мужчины буравили друг друга взглядами, после чего Охотник отвел взгляд, погладил плюхнувшегося на место обиженной суки кобеля и грустно улыбнулся:

— Наконец-то.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Ингольф.

— А ты не понял? Или боишься, что понял неправильно?

— Что ты имеешь в виду? — требовательным тоном переспросил мечник.

— То, что сказал, — ответил Охотник. — За те восемьсот лет, что я вынужден терпеть твое общество, ты впервые сам вызвался на бой.

«Те восемьсот лет...» Понимание заставило Ингольфа вздрогнуть:

— Так просто? Я должен был сам...

— Нет, человековское отродье, не просто, — жестко перебил мечника Охотник. — Ты должен был САМ: и душой, и телом. Каждой своей частичкой. И самое главное — ты должен был захотеть победить. Даже не так: тебе нужна победа любой ценой.

— Ты не позволишь мне убить наемника! — Мечник скрипнул зубами.

— Нет, Ингольф, не так: ты сам должен будешь сделать выбор. — Охотник издал издевательский смешок: — К тому же все говорят, что Леннарт крутой боец.

— Крутые бойцы не шляются по северным пустошам и не noctуют в клоповниках, — отрезал Ингольф. — Крутые бойцы живут южнее, в столице и богатых марках, где много преступников и много охотников за головами. Там крутость проверяется другими бойцами, не менее сильными. О Ленингарте же складывают легенды пропахшие селедкой рыбаки да пастухи. Ему хватает этой славы.

— Он силен и победил многих воинов.

— Где простолюдин мог обучиться высокому искусству? — высокомерно осведомился мечник. — Я убью его без твоей помощи, убью даже с закрытыми глазами, убью и помогу нигири дойти до Мышиных гор. Ублюдок Расмус отнял у нее магию, но я верю — она дойдет. У нее глаза горят. Она дойдет.

— Но почему?

— Мое дело, — в третий раз за вечер повторил Ингольф.

— Если убьешь Изгоя, тебе придется бродить с нами еще тысячу лет!

— Я уже проклят, — напомнил мечник. — Тысячей лет больше, тысячей меньше... Мне давно все равно.

— Ставишь тысячу лет проклятия ради чужой женщины?

И снова во взгляде Ингольфа появилось высокомерие. Даже — Высокомерие. И обращено оно было не к простолюдину, что топтался сейчас на лыжах, умело ведомый ночными тварями, а к самому Охотнику, одно только имя которого наводит страх на людей. Ингольф смотрел на Охотника так, что тот начал понимать разницу между тварью и человеком.

— Гаруса — мать, — произнес мечник. — А у матерей нет национальности и рас.

— Кажется, теперь я понимаю, что именно заинтересовало Брюхо в этой истории, — пробормотал Охотник, отводя взгляд. — Мать, да?

— Я рожден женщиной, — продолжил Ингольф. — Пусть я проклят, но этого не забыл. Я был воином, но сражался только с воинами. Мои руки по локоть в крови, но это кровь равных. Это кровь воинов!

Не было больше проклятого мечника, бездушного и безразличного. Перед Охотником сидел рыцарь, заплативший огром-

ную цену за нарушенное слово, но не забывший, что такое честь. Или наконец-то вспомнивший, что такое честь. Рыцарь, который больше всего на свете хотел исполнить главный долг воина: выйти на бой, чтобы защитить.

— Разреши мне поединок! Расмус не посмеет воспротивиться: ты держишь нити моего проклятия, ты в своем праве. Разреши!

— Ты хочешь победить?

— Я обязан победить.

— Орвар, — покачал головой Охотник, восхищаясь толстым уродом. — Хитрый обжора Орвар... он все предусмотрел, потребовал меч... А я все не мог понять, чего он на тебя так плятится... Теперь Грязнуля и Сапоги подумают...

— Что подумают? — не понял рыцарь.

— Не важно. — Охотник посмотрел Ингольфу в глаза. — Я ждал этого момента восемьсот лет, рыцарь. Я ждал, когда ты сам, не по принуждению, не по приказу, а по зову сердца, по велению души, по требованию совести захочешь выйти на поединок. По-настоящему захочешь. А потому не могу тебе отказать. Ты сразишься с Леннартом.

— Спасибо!

— Не спеши радоваться. — Охотник вновь стал спокойным и чуточку рассеянным. — Ты очарован Гарусой, но ты не разглядел главного: иногда, мой друг, победа и смерть шествуют рука об руку. Подумай об этом, проклятый рыцарь.

Бразар умер в тот самый миг, когда на горизонте появились заснеженные пики Мышиных гор. Когда Гаруса решила, что предсказание по каким-то причинам оказалось ложным и ее безумное предприятие может завершиться удачно. Когда она улыбнулась.

Именно в этот момент Бразар остановился, коротко выдохнул и медленно опустился на землю, аккуратно сложив в коленях ноги. Отдых у костра ночных тварей не прибавил скакуну сил, зато наполнил ложной уверенностью в себе. И холодным дыханием Отига. Покинув заброшенное кладбище, козел, несмотря на

протесты Гарусы, помчал рысью, торопясь унести хозяйку от ночных тварей, а уж когда они вышли на знакомую дорогу, то и вовсе погнал без оглядки.

И не выдержал.

— Прости...

Нигири провела рукой по витым рогам, в которые когда-то вплетала магические нити, коснулась лба Бразара, отвернулась и, поудобнее перехватив меховой сверток, побрела к возвышающимся на горизонте горам. По колени проваливаясь в снег. Стихия сквивая зубы. Чувствуя за спиной дыхание наемника.

Примерно через пятьдесят шагов Гаруса стала задыхаться, а одежда под шубой насквозь промокла — сказывалась незалеченная лихорадка. Голова кружилась, перед глазами плыли разноцветные круги, а пот, выступающий на лбу, на ветру мгновенно превращался в лед.

Она перестала видеть горы. Но знала, что они где-то впереди.

Она перестала чувствовать руки, которыми прижимала к себе меховой сверток. Но знала, что не выронила его.

Шептать не получалось — губы не слушались.

Могла лишь повторять мысленно: «Не зря... Это все не зря... Не зря...»

Тусклое солнце нехотя, словно по приговору суда, выползло на небо. Начались пустоши Ръякванда — граничащая с Мышиными горами холмистая область. Тропа змеилась меж склонов, огибая базальтовые глыбы, в обилии валяющиеся по всему Ръякванду, и за одной из них Леннарт обнаружил тарвагского козла. Черный зверь лежал на снегу, аккуратно сложив под себя ноги, так, словно устроился отдохнуть. Но бока не вздымались — мертв. Нигири осталась без скакуна.

Довольный Изгой привстал на стременах.

За этой глыбой холмы стирались, превращая Ръякванд в равнину, тянувшуюся до самого горизонта, над которым возвышались пики Мышиных гор, и уходящая от павшего козла цепочка следов была видна как на ладони.

И даже...

Несмотря на тусклое солнце, снег все равно слепил глаза, и темную точку на белом полотне наемник разглядел не сразу.

Догнал!

Леннарт зловеще усмехнулся, чмокнул губами, приказывая коню двигаться дальше, но тот неожиданно уперся. Изгой опустил взгляд и вздрогнул: путь ему преграждал широкоплечий мужчина. Остроносый и рыжеволосый. Изгой никогда не видел этого лица, но узнал одежду и меч.

Перед ним стоял проклятый Ингольф.

«Так вот что потребовал нигири за остатки магии!»

Проклиная тварей, выманивших у него меч, наемник спрыгнул на землю, снял варежки и, оставшись в перчатках, взял в правую руку длинный нож, а в левую, расстегнув застежку, тяжелый плащ.

Ингольф ждал, благородно позволяя сопернику подготовиться к схватке. Стоял, не чувствуя холода, бесстрастно наблюдал за приготовлениями противника, и думал...

«Иногда победа и смерть шествуют рука об руку».

«Для меня смерть станет победой, избавлением. Но на этот бой я вышел не для себя...»

Наёмник сделал шаг, и проклятый рыцарь совершил простенький выпад вперед. Легко читаемый и нарочито медлительный.

«Это тот самый бой, в котором мне позволено проиграть. Но, черт побери! Я ХОЧУ его выиграть!»

Спасти Гарусу!

Леннарт оказался сбоку от начавшегося разворачиваться воина и дважды быстро ткнул ножом, метя в печень. Тут же проворно отпрыгнул назад, избегая ответного удара. Который не последовал.

Ингольф увидел кровь на клинке противника, но боли не почувствовал.

Охотник по-прежнему за спиной.

«Хочет поиграть? Но зачем?»

Размышляя, рыцарь принялся выписывать перед наемником восьмерки, заставляя того отступать в снег.

«Что Охотник имел в виду, говоря о хитроумии Орвара? Брюхо не раскрыл приятелям, что именно купила у него нигири. Но потребовал в уплату меч. Меч! Хотя не собирался выводить на бой Ингольфа. Орвар...»

Простолюдин перешел в атаку и попытался набросить на голову рыцаря подбитый барсучьим мехом плащ. Ингольф легко уклонился от тяжеленной одежды, медленно пролетевшей на уровне его пояса, и продолжил размышления.

«Орвар обманул Расмуса! Углежог и Два Сапога подумали, что он продал Гарусе мою помощь. А на самом деле?»

Теперь наемник швырнул плащ под ноги рыцарю, задумавшийся Ингольф отступил, Леннарт тут же оказался рядом, левой блокировал меч рыцаря, зажатым в правой ножом ударили Ингольфа под мышку, затем под грудину, сбил с ног и навалился сверху.

«Меня убивает простолюдин! — На рыцаря накатило бешенство. Восемьсот лет он жаждал смерти, но умереть вот так, от руки мелкого наемника, от удара кабацкого ножа? — Лучше промучиться еще тысячу лет!»

Ингольф врезал Изгою в висок, затем в челюсть, отшвырнул в сторону, откатился сам, вскочил на ноги, подхватив выроненный меч. И...

Ему не мешали ни расстояние, ни слепящий глаза снег. Он увидел. И в тот же миг понял, почему его не позвали. Понял.

«Иногда победа и смерть шествуют рука об руку...»

Барахтающийся в снегу наемник был прекрасной мишенью и для рубящего, и для колющего удара, но Ингольф медлил.

«Гордость или долг? Умереть от руки простолюдина или помочь женщине?»

Гордость?

Нет.

Рыцарь воткнул меч в снег и скрестил на груди руки. Его битва окончена.

«Догадался?» — прошелестел из-за спины Охотник.

«Я не должен ей мешать».

«Прощай, Ингольф...»

«Убирайся!»

Тихий ответный смешок...

И в тот же миг он почувствовал нанесенные Изгоем раны. Понял, что сил не осталось, что снег стал красным от его крови.

И, несмотря на дикую боль, улыбнулся.

А еще через мгновение рассыпался черным пеплом.

* * *

Леннарт спрятал нож, отряхнул и набросил на плечи плащ, вскочил в седло и бросил взгляд на север. И удивленно приподнял брови.

Идущая через равнину цепочка следов прерывалась неподвижной темной точкой. Нигири не ушел, не добрался до гор.

«Я победил?»

Мысль почему-то не доставила привычной радости. Был у этой победы какой-то странный привкус.

Изгой погнал коня к лежащему на снегу телу, шагов за двадцать спрыгнул на снег и, прислушиваясь к крику младенца, побежал к добыче. Не шевелился. Леннарт присел на корточки и откинулся с лица нигири капюшон.

Женщина.

Узорчатая татуировка на лбу и виальных щеках, глаза закрыты, словно нигири уснула, просто уснула, а на губах — Изгой мог бы поклясться! — на губах застыла улыбка. Спокойная улыбка.

«Проклятый староста!»

Изгою уже доводилось ловить женщин, но ни поимка Роксаны, знаменитой воровки из столицы, ни удачная охота на Подлую Марту, отравившую трех своих мужей, не вызвали у него никаких эмоций: головы — они и есть головы. Тем более в тех случаях он доставлял пойманных в тюрьму живыми и здоровыми. Здесь же...

Чувствуя себя очень и очень неуверенно, Леннарт поднял со снега горланящий меховой сверток и осторожно покачал его на руках. Как ни странно, подействовало — наступила тишина. А еще через секунду послышалось довольное чирканье.

Сердце Изгоя громко стукнуло и провалилось в ледяную бездину.

— Сначала мы определим, что я получу за остатки магии.

— Чего же ты хочешь?

— Об этом я скажу только Орвару.

И прежде чем Расмус успел открыть рот, нигири и толстяка накрыла снежная пелена.

Шатер, сотканный из миллиардов снежинок, надежно отгородил женщину и Брюху от остальных тварей. От огня и от верного Бразара. Они остались втроем: Орвар, Гаруса и мирно спящий ребенок.

Чужаки, застрявшие в лесу в ночь, когда мир сходит с ума.

— Ты знал, что я захочу уединиться, — заметила нигири. — Ты слишком быстро построил шатер.

— Ты умная женщина, — в тон ей отозвался толстяк. — Ты все просчитала.

— У меня нет сил, чтобы драться, вот и приходится думать.

— А если бы были силы — дралась?

— Да, — твердо ответила колдунья.

— Почему? — Впервые за много-много веков Орвар позабыл, что должен жевать. Подался вперед, не спуская с женщины напряженного взгляда. — Почему?

— Почему? — Гаруса усмехнулась. — Вот почему.

— Убить проклятую тварь!

— Смерть выродку!

Проявившееся в воде будущее покинуло плошку, выросло, заполнило комнату. Она стояла среди толпы и птицей парила над ней. Она видела всех сразу и каждого по отдельности. Одновременно. Она слышала их крики, их пронзительные голоса: и мужчин, и женщин. Она видела их глаза. И она чувствовала их эмоции. Ярость, ненависть, злоба и... страх. Страх вел их вперед. Не ярость, не ненависть, не злоба, а именно страх. Он делал их яростными и злыми, он заставлял ненавидеть и придавал сил.

— Пожалуйста... не надо...

Растерянная молодая женщина не могла плакать — слезы закончились. Не могла кричать — сорвала голос. У нее не было сил вырываться из рук мужчин, что стояли рядом. Эта могла лишь умолять.

— Прошу вас... пожалуйста...

— Ты знаешь закон, Хельга, — мрачно произнес помощник королевского прокурора. — Твоей вины нет, тебе ничего не грозит.

— Я прошу не за себя.

— Ты не должна просить.

— Я не могу.

— А мы не можем ничего сделать без твоего согласия.

— Можете!

— Но тогда ты ответишь вместе с ним.

— Нет! — Это крикнул стоящий в первом ряду пожилой мужчина в дорогом камзоле.

Директор королевской труппы.

И Хельга и помощник прокурора одновременно посмотрели на него.

— Олав, он же ни в чем не виноват, — прошептала Хельга.

Мужчина сначала отвел взгляд в сторону, даже голову опустил, а потому получилось не в сторону, а вниз и вбок, словно пытался отряхнуть с себя ее мольбу. Но потом неожиданно вскинулся подбородок, и в его глазах вспыхнула уверенность. А еще — ярость, ненависть и злоба. Все, что подарил ему страх.

— Ты знаешь закон, Хельга! Мы должны так поступить.

— Он ни в чем не виноват, — прошептала женщина.

Она не знала, что еще сказать.

Олав не отозвался. Но продолжил уверенно смотреть на Хельгу, и его взгляд передавал ей ярость, ненависть и злобу. Передавал ей страх. Страх всей толпы и его, Олава; страх. И это было хуже всего. Хельга была готова драться со всеми, но не с ним. Только не с ним!

— Он виноват. — Очень-очень медленно произнес мужчина. — Таков закон, Хельга, он виноват.

И ее плечи опустились.

Помощник королевского прокурора хотел что-то добавить, но понял, что не время. Промолчал.

Олав вытер рукавом появившиеся на глазах слезы и твердо произнес:

— Он виноват.

Это было последнее. Хельга словно очнулась. Из ее глаз исчезли и ярость, и злоба, и страх. Взгляд потускнел, стал покорным.

— Да, — прошептала девушка. — Он виноват.

Толпа взвыла. Олав снова опустил голову. Помощник прокурора вздохнул и громко объявил:

— *А теперь, люди, сделаем то, что велит закон!*

— Я умею видеть будущее, — вздохнула Гаруса. — Через два месяца малыш совершил свое первое чудо и люди поймут, что у него есть магический дар. И убьют его. — Поправилась: — Убили бы. Через два месяца.

— Если бы ты не вмешалась.

— Да. Если бы я не вмешалась.

Орвар с легким удивлением посмотрел на зажатый в руке окорок, но в пасть его не потянул. Не хотелось. Ничего не хотелось. Перевел взгляд на женщину и негромко сказал:

— Знаешь, мне приходится есть одно только мясо. День за днем, век за веком. Иногда хочется овощей, хочется попробовать, каковы они на вкус, но мне нельзя. Я должен есть мясо. Я не могу нарушить ход вещей. Я, Орвар Большое Брюхо, Повелитель Кладбищ, тот, кто останется в конце всего, почти равный древним богам — я не могу нарушить ход вещей. А ты, слабая, жалкая, неумелая колдунья, — можешь.

— Я изменила только то, что касалось меня.

— Этого достаточно. Ты — можешь.

Орвар сожрал ветчину, принял из темноты рябчика в малиновом соусе, но снова выдержал паузу в приеме пищи.

— Тебе не дойти до Мышиных гор.

— Я знаю, — спокойно ответила Гаруса.

— Ты бы не дошла даже с магией, которую мы у тебя отняли, — уверенно произнес толстяк.

— Я знаю.

Большое Брюхо покачал головой:

— В тебе нет страха, женщина, в тебе совсем нет страха.

— Я умираю, Орвар. Бояться надо было раньше.

«Когда принимала решение».

— Да, именно тогда. — Толстяк насупился и сдавил рябчика так, что хрустнули пустотельные птичьи косточки, а между пальцев кровью потек малиновый соус. — Никому из детей Тьмы не дано

видеть будущее, но я знаю, когда и кто ко мне придет. Очень скоро ты станешь моей.

Гаруса молча кивнула.

— Но еще четыре дня назад у тебя было двадцать три года, женщина. Ты их сожгла в этой скачке. Ты их сожгла, но до Мышиных гор не дойдешь. Даже с магией.

— Я должна была так поступить, Орвар.

— Ради него? — Брюхо наконец-то обратил внимание на ребенка.

— Да, ради него.

— Открой малышу лицо, — неожиданно попросил толстяк.

Гаруса, не колеблясь ни секунды, откинула мех и позволила Большому Брюху изучить спящего младенца.

— Когда-нибудь я обглядаю твои кости, малыш, — после длинной паузы произнес Орвар. — Но не сегодня. И не завтра. — Брюхо поднял взгляд на женщину. — Он чужой тебе, Гаруса. Он человек.

— Он ребенок, — твердо сказала нигири. — У детей нет национальностей и рас.

— Для матерей.

— Я мать.

— Неужели?

— В Мышиных горах живут три моих сына.

— Настоящих сына, — уточнил толстяк.

— Настоящих, — подтвердила женщина. — Но этот — тоже настоящий. — Гаруса не хотела продолжать говорить, но... Но вдруг поняла, что Орвар должен знать: — Он настоящий, потому что когда-то мне предсказали, что я умру за своего четвертого сына.

И Большое Брюхо отступил. Сделал шаг назад, раскрыл рот и долго, почти минуту смотрел на колдунью, прежде чем заорать:

— Ты не беременела? Да?! Отвечай! Ты родила троих сыновей и остановилась. Да?! Ты...

— Теперь все неважно. — Нигири устало махнула рукой и улыбнулась, глядя на спящего малыша. — Он мой четвертый сын, Орвар. Он мой ребенок.

— По какому праву?

— Я его мать.

— У него есть мать!

— Она от него отказалась.

— Еще нет.

Это случится через два месяца. Подозрения перерастут в уверенность, люди поймут, что ребенок обладает способностями к магии, и его убьют. Потому что таков закон. Человеки хотят быть одинаковыми, они боятся магов, боятся, что не смогут их контролировать. Простые люди опасаются, что маги наведут на них порчу, короли — что маги отнимут у них власть. И поэтому есть закон.

Любой, кто способен к магии, должен умереть.

Детей сжигали на кострах, но прежде... прежде матери должны были отказаться от них. Оставить их без защиты, без любви. Оставить один на один со своей человеком, которые называли свой страх праздником Отиг. Перед смертью малышей лишали всего. Потому что до тех пор, пока за обреченного младенца кто-то готов отдать жизнь, казнь является убийством.

— Он будет магом, — пробормотал Орвар, вновь уставившись на малыша. — Сильным магом. Но если... — Брюхо осторожно протянул руку, его палец прошел сквозь мех и коснулся руки ребенка, оставив на коже малыша черную родинку. — Если когда-нибудь ему потребуется помочь, он ее получит.

И отвернулся. От нигири отвернулся, пытаясь скрыть выражение, появившееся на плоском лице. Но женщине не нужно было видеть, ей достаточно было уловить интонацию, чтобы все понять: Орвар Большое Брюхо, безжалостный Повелитель Кладбищ, бессмертный пожиратель плоти и один из сильнейших рождений Тьмы только что узнал, что такое мать. И теперь хотел понять: что это — быть отцом.

Под снежным шатром стояла семья: нигири, ночная тварь и человек. Мать, отец и их сын.

— Спасибо, — прошептала Гаруса.

— Я сделал это не для него, — глухо пробубнил Орвар, впиваясь зубами в мясо. — Я сделал это для тебя.

На женщину он по-прежнему не смотрел.

— Я и говорю: спасибо.

Вернувшись к привычному занятию, Брюхо успокоился. Он сожрал рыбчика, тут же получил следующую порцию — целого поросенка, — и в голосе появилась прежняя уверенность.

— Так что же ты хочешь, Гаруса, убившая себя ради четвертого сына? Чего ты хочешь за остатки магии, которая тебя не спасет? Вылечить козла, чтобы он отыскал дорогу домой и принес в него младенца?

— Не получится, — покачала головой женщина, приговаривая к смерти верного Бразара. — Мороз крепчает, а идти еще довольно далеко. Ребенок не переживет дорогу. Рядом с ним должен быть кто-то, кто согреет его теплом своего тела. Кто будет слушать его дыхание.

— Но и перенести тебя в горы я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Я не позволил Расмусу убить тебя, придумав эту игру, — объяснил Орвар. — Но нарушить правила не имею права: я помогу тебе, он — твоему преследователю.

— Расскажи мне о Леннарте, — попросила Гаруса. — Ты не видишь будущего, зато хорошо знаешь прошлое. Кто этот наемник?

— С его помощью я получил много пищи, — осклабился Большое Брюхо. — Остальные его характеристики ты слышала: туповат, но честен. Упрям. Хороший воин. Леннарт мечтал стать рыцарем, но кто же посвятит простолюдина? Он немного озлоблен, но в глубине души еще надеется на чудо.

— Почему он Изгой?

— Потому что не такая скотина, как остальные люди.

— Почему он рискует погнаться за мной накануне Отига?

— Потому что ему сказали, что ты украла ребенка.

— Для него это важно?

Орвар не ответил. Оторвал кусок мяса и принялся жевать, выразительно глядя на Гарусу: разве и так непонятно?

— Леннарт мечтал стать благородным рыцарем... — задумчиво протянула нигири.

— Да, — подтвердил толстяк.

— Честь для него не пустой звук.

— Возможно.

— Пытаясь спасти ребенка, он не испугался Отига...

Решение пришло внезапно. Обрушилось лавиной, захватило разум и твердо заявило: «Я — правильное!»

— Я знаю, что потребовать за остатки магии, — решительно произнесла Гаруса. — Наложи на ребенка чары на остаток пути. пусть любой, кто его увидит, принимает его за сына моего народа.

Несколько секунд толстяк обдумывал слова женщины, а потом вдруг заржал. Не засмеялся, не захихикал, а именно заржал. Как конь. Как человек, услышавший невероятную шутку.

— Ты умна, Гаруса! Этот кретин Углежог даже не представляет, насколько ты умна!

— Ты сделаешь?

— Разумеется! — Он вытер слезы рукавом собачьей шубы: — Я сделаю, Гаруса, я все сделаю. И... — Орвар помолчал. Стал серьезен. И даже проникновенен. — Я ведь по-разному могу грызть. Могу дробить каждую косточку, причиняя невыносимые страдания. А могу лишь коснуться, собирая ненужную больше плоть. Твои кости я обглодаю очень аккуратно, Гаруса. Ты ничего не почувствуешь, ты просто уснешь. И еще я дам знать твоим родичам, они позаботятся о твоем четвертом сыне.

— Это больше, чем я просила.

— Это все, что я могу для тебя сделать.

Сердце Изгоя громко стукнуло и провалилось в ледяную бездну.

Дрожащими, в один миг ставшими непослушными пальцами Леннарт развернул первый слой многочисленных одеял и увидел беличьи ушки с пушистыми венчиками кисточек и синие, точно тысячелетний лед Грейсварангена, глаза.

Ясные, незамутненные глаза маленького нигири.

Староста Гунса не врал, но и всей правды не сказал. Вор действительно украл ребенка, но своего ребенка. Мать спасала дитя.

Изгой скрипнул зубами и едва удержал рвущиеся наружу ругательства — он никогда не сквернословил при детях. Чувствуя себя последним дерьмом, Леннарт посмотрел на мертвую жен-

шину, на горы, к которым она так спешила, и вновь встретился взглядом с младенцем.

— Птик-чик-мирк.

— Да, — глухо согласился наемник, — вполне возможно.

Каким образом кроха попала к директору королевской труппы? Что он собирался делать с младенцем нигири? Какая разница? Леннарту было плевать на это. Даже если малыша везли к самому королю, даже в этом случае.

Плевать.

— Я виноват перед тобой, маленький нигири, я крепко перед тобой виноват. Я не смогу ничего исправить, но... но будь я проклят, если не закончу путь твоей матери.

Леннарт из Гренграса по прозвищу Изгой взобрался в седло и, осторожно прижимая сверток к груди левой рукой, направил жеребца к Мышиным горам.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Андрей Синицын. <i>Бремя русского фантаста</i>	5
Александр Зорич. <i>Броненосец инженера Песа</i>	9
Александр Громов. <i>Сбросить балласт</i>	60
Ирина Андронати, Андрей Лазарчук. <i>Триггер 2Б</i>	109
Владимир Васильев. <i>Спасти рядового Айвена</i>	126
Василий Головачев. <i>Свой-чужой</i>	161
Владимир Михайлов. <i>Ручей, текущий ввысь</i>	176
Сергей Лукьяненко. <i>И вот они идут на суд</i>	221
Леонид Каганов. <i>Гамлет на дне</i>	251
Олег Дивов. <i>Слабое звено</i>	329
Евгений Лукин. <i>Доброе-доброе имя</i>	385
Роман Злотников. <i>Не только деньги</i>	421
Алексей Пехов. <i>Наранья</i>	433
Вадим Панов. <i>Четвертый сын</i>	469

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **ACT**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Леня», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «XL Мытиши», Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, - 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О. г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, пр. Хмельницкого, д. 132а, т. (4722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ТРЦ «Столица», ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Калининград, пл. Калинина, д. 17/21, т. (4012) 65-60-95
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, ул. Почтовая, д. 62, т. (4912) 28-99-39
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-1960
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Пенза, ул. Московская, д. 63, т. (8412) 55-12-75
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 44, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

В Москве:

- м «Биберево», ТЦ «Александр Ленд», ул. Пришвина, д. 22, т. (495) 406-92-65
- м «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, т. (495) 739-63-52
- м «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (495) 246-99-76
- м «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, т. (495) 781-40-76
- м «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Ижевск, ТРЦ «Столица», ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- г. Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- г. Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 44, т. (383) 230-12-91
- г. Пермь, ТЦ «7 пятыни», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30
- г. Санкт-Петербург, ТЦ «Академический», Гражданский пр-т, д. 41, т. (812) 380-17-84
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avantia.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

**Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

Спасти чужого

Сборник

**Художественный редактор О.Н. Адаскина
Младший редактор Н.В. Дмитриева**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**Издано при участии ООО «Харвест».
ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by**

**ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.**

«Еврокон» — традиционная конференция профессионалов и любителей фантастики всей Европы. В 2008 году этот престижный форум впервые прошел в России.

Тринадцать самых популярных русских фантастов приняли предложение участвовать в проекте, посвященном этому уникальному событию. Сначала каждый из них написал рассказ на любимую читателями тему — «Убить чужого». После чего создал отповедь одному из ксенофобских текстов, со всей толерантностью пытаясь «Спасти чужого». В результате творческого соревнования авторов появился двухтомник, одну из книг которого мы предлагаем вашему вниманию.

ISBN 978-5-17-055167-5

9 785170 551675